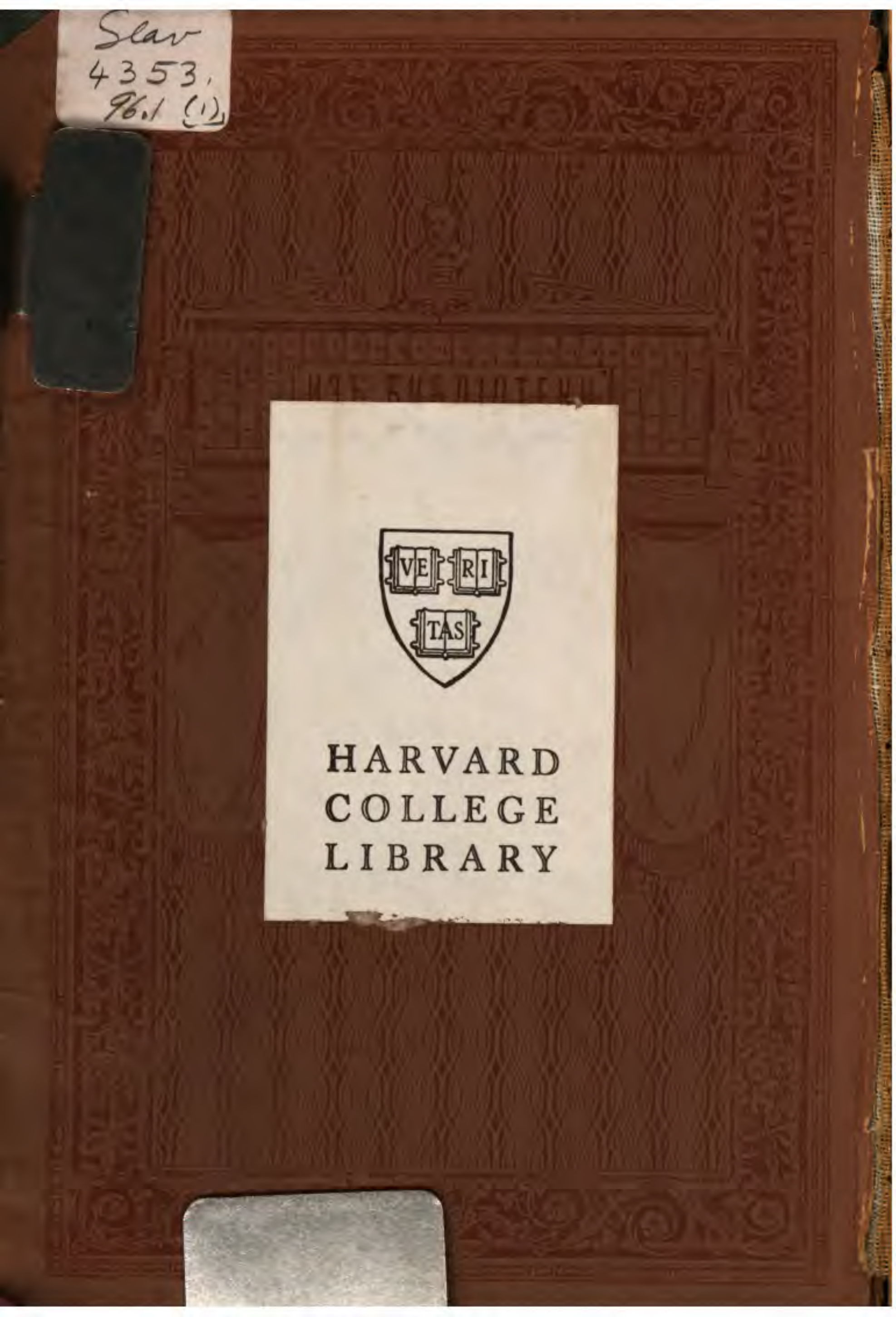
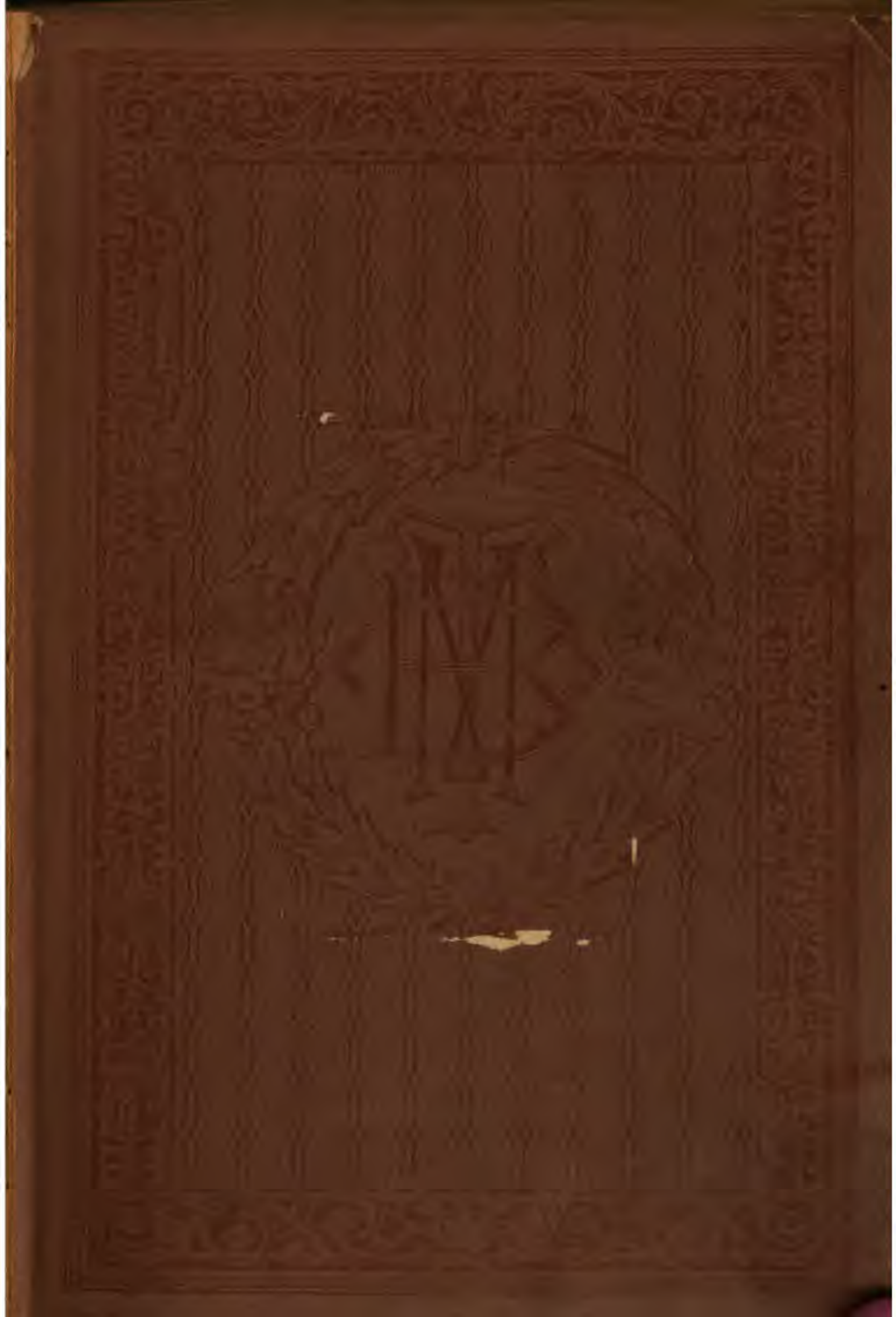
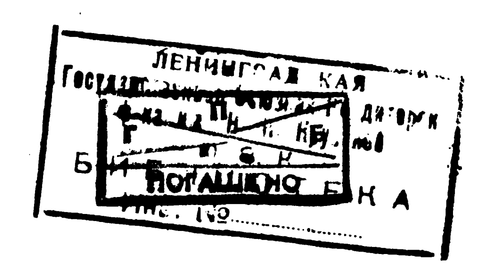

Slav
4353.
96.1 (1)
VE RI
TAS
HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Д. И. СТАХѢЕВЪ

(Съ фотографіи Деньера).

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Д. И. СТАХѢЕВА

Съ біографіей М. Никольскаго, критическимъ этюдомъ П. В. Быкова и портретами автора.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ 12
1902

Дозволено цензурою. Спб., 1-го февраля 1902 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

БІОГРАФІЯ
Д. И. СТАХѢЕВА
СОСТАВЛЕННАЯ
М. НИКОЛЬСКИМЪ

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ родился 2 февраля 1840 г. въ г. Елабугѣ, Вятской губерніи. Отецъ его былъ богатѣйшимъ купцомъ, извѣстнымъ милліонными пожертвованіями на дѣла благотворенія. Въ числѣ ближайшихъ родственниковъ — были лица частью купеческаго, частью духовнаго званія; бабушка, мать отца писателя, была дочь священника. Росъ онъ въ домѣ отца сиротой, лишившись матери на шестомъ году жизни. Старикъ-отецъ былъ нрава крутого. Вѣчно занятый торговыми дѣлами, онъ, по отношенію къ дѣтямъ, ласковъ не былъ и не обращалъ никакого вниманія на то, какъ они растутъ и какія проявляютъ наклонности. Забота у него была одна—ходили-бы непремѣнно въ церковь и, главное въ тѣ дни, когда совершались заказныя обѣдни, „наши обѣдни", какъ называлъ онъ ихъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ готовилъ Д. И. къ торговому дѣлу, тому именно дѣлу, которымъ занимались его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. Предокъ ихъ, по разсказамъ стариковъ, былъ родомъ изъ Новгорода Великаго; онъ ушелъ оттуда съ многими другими въ царствованіе Іоанна III на

вольныя земли, на рѣку Каму, въ Вятскую губернію, гдѣ основалось село Трехсвятское, впослѣдствіи переименованное въ г. Елабугу, и здѣсь занялся торговлею [1]).

Не подозрѣвалъ отецъ Д. И., что сынъ его пойдетъ не по той проторенной гладкой дорогѣ, по которой шли „старики“. Онъ замѣчалъ способности сына, его быструю сообразительность, его горячій темпераментъ и не разъ говаривалъ о немъ:—„Память у него хороша, хороша память,—дѣловой парень выйдетъ“. Нужно замѣтить, что старикъ, несмотря на свой крутой нравъ и великую, страстную привязанность по торговымъ дѣламъ, къ наживѣ, къ увеличенію своихъ богатствъ,—былъ въ то же время въ высокой степени религіозный человѣкъ, справедливый, честный, чуждый тщеславія. Награждаемый за свои пожертвованія медалями и орденами, онъ никогда не носилъ ихъ и даже не стѣснялся называть начальниковъ, представлявшихъ его къ наградамъ, людьми легкомысленными. „Безтолковые, безтолковые!—говорилъ онъ, — думаютъ, что я жертвую деньги для того, чтобъ ордена имѣть“. У него былъ между прочими орденами орденъ Владиміра въ петлицѣ, дающій право на дворянство, но никогда онъ даже не подумалъ хлопотать о дворянствѣ, не придавая этому званію никакого особеннаго значенія. Впослѣдствіи, въ годы старости, онъ удалился на Аѳонскую

[1]) Въ одной изъ церквей города Елабуги, а именно кладбищенской, во имя Св. Троицы, есть нѣсколько образовъ съ сохранившимися на ихъ обратныхъ сторонахъ надписями о томъ, что они перенесены изъ церкви села Трехсвятскаго. О прошломъ г. Елабуги—родинѣ Стахѣева — намъ не разъ приходилось слыхать отъ одного изъ библіотекарей Синодальной Библіотеки въ Москвѣ, помѣщавшейся въ зданіи Чудова Монастыря, а именно отъ Капитона Ивановича Невоструева, родной братъ котораго былъ священникомъ въ церкви Св. Николая въ Елабугѣ. И братъ этотъ, Михаилъ, и самъ Капитонъ Ивановичъ съ великою ревностію пользовались каждымъ случаемъ, дававшимъ возможность поискать и присоединить какіе-либо факты изъ далекаго прошлаго г. Елабуги. Нѣкоторыя подробности о прошломъ этого города читатель можетъ встрѣтить въ книгѣ «Путешествіе капитана Рычкова по Волгѣ и Камѣ въ царствованіе Екатерины II». Въ повѣсти Д. И. Стахѣева «Обновленный храмъ» описанъ, между прочимъ, видъ этого города и указаны нѣкоторыя черты изъ его прошлаго.

гору и принялъ тамъ монашеское постриженіе, но ему не суждено было сложить кости свои въ землѣ Святой горы; томимый думами о родномъ городѣ, о монастырѣ, построенномъ имъ въ г. Елабугѣ (на 200 сестеръ съ полнымъ обезпеченіемъ ихъ содержанія и съ запретомъ когда-либо ходить по

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ въ 1856 году.
Съ фотографіи, снятой въ Иркутскѣ миссіонеромъ-художникомъ Львомъ Семеновичемъ Игоревымъ.

сбору подаяній), онъ возвратился съ Аѳона на родину и скончался въ 1885 году, 12 сентября.

Таковъ былъ отецъ Дмитрія Ивановича.

Родной городъ съ замкнутой жизнью, чуждой какихъ-либо вѣяній извнѣ, семья, принадлежавшая къ числу типичныхъ

старинныхъ русскихъ купеческихъ семей, совершенно чуждыхъ интересамъ литературы, казалось не давали никакихъ поводовъ къ тому, чтобы изъ Д. И. выросъ писатель, писатель крупный, съ яркимъ талантомъ и съ необыкновенно серьезнымъ, можно сказать до религіозности священнымъ отношеніемъ къ избранному имъ труду,—писатель, въ трудахъ котораго, при самомъ строжайшемъ къ нимъ отношеніи, не найдется ни одной строки, ни одного, можно сказать, слова, которое было-бы поставлено необдуманно, на-скоро, второпяхъ, въ угоду модному вѣянію или измѣнчивому вкусу толпы. Подобно отцу, Д. И. былъ всегда чуждъ тщеславія, не поддѣлывался ни подъ какія направленія и ко всякаго рода юбилейнымъ чествованіямъ относился такъ же, какъ и покойный отецъ его, съ нескрываемымъ осужденіемъ.

Но откуда только взялась у молодого Стахѣева „писательская жилка“, когда онъ, по примѣру другихъ купеческихъ дѣтей того времени, получилъ самое скудное домашнее образованіе, въ которомъ книга играла послѣднюю роль? Первое чтеніе его былъ псалтырь, а грамотѣ онъ учился по церковной азбукѣ у дьячка, получившаго за свой трудъ скудные гроши съ добавленіемъ обычной у купцовъ „выпивки“. Четырнадцатилѣтнимъ юношей молодой Стахѣевъ былъ отправленъ отцомъ по торговымъ дѣламъ, сначала въ Томскъ, а затѣмъ въ Кяхту, гдѣ у отца его была обширная мѣновая торговля съ Китаемъ чаями байховыми и кирпичными. Юношѣ, купеческому сыну, на 16-омъ году жизни пришлось вести самостоятельно крупное чайное дѣло, ворочая буквально сотнями тысячъ рублей. Но и само дѣло и способъ веденія его тяготили пылкаго юношу; ему захотѣлось другой жизни, ничего общаго не имѣющей съ обычнымъ купеческимъ бытомъ. Загадочныя стремленія юноши вызвали со стороны отца гнѣвъ и озлобленіе противъ сына-выродка и, въ концѣ-концовъ, повели къ полному разрыву между отцомъ и сыномъ. Почти безъ копѣйки денегъ, юный „вольнодумецъ“, какъ въ шутку его прозывали дома, отправляется съ молодою женою (онъ женился во время пребыванія въ Кяхтѣ на дочери мѣстнаго

купца Трапезникова) на Амуръ, только-что завоеванный Муравьевымъ-Амурскимъ,—въ эту тогда „русскую Калифорнію“. Получивъ кусокъ земли, Стахѣевъ принялся за ея обработку въ качествѣ обыкновеннаго хлѣбопашца. Дѣло казалось сначала выгоднымъ, но неожиданное наводненіе уничтожило всѣ труды предпріимчиваго піонера, которому пришлось испытать крайнюю нищету. Дошло до того, что онъ, за неимѣніемъ другихъ средствъ къ жизни, занялся совершенно своеобразнымъ ремесломъ: сталъ лить свѣчи и кормился продажею ихъ по фунтамъ въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ. Можно себѣ представить, какой это былъ заработокъ для интеллигентнаго, выросшаго въ богатой семьѣ молодого человѣка. Больной, разстроенный, безъ всякихъ средствъ къ жизни, убрался, наконецъ, онъ съ Амура, захвативъ на дорогу лишь очень скромную сумму, вырученную отъ продажи убогаго домишки, который любезно пріобрѣлъ у него арх. Иннокентій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. Съ Амура Стахѣевъ перебирается на Кавказъ лѣчиться, а когда скудные гроши, вырученные отъ продажи дома, вышли всѣ, онъ ѣдетъ въ Петербургъ искать счастья на другомъ поприщѣ — литературномъ. Еще будучи въ Кяхтѣ, онъ послалъ въ „Петербургскія Вѣдомости“ статью о Кяхтинской торговлѣ. Статья, появившаяся въ одномъ изъ осеннихъ нумеровъ 1857 года, сообщала свѣдѣнія о чайной торговлѣ, о тѣхъ ложныхъ путяхъ, которыми она въ то время шла, благодаря покровительственной системѣ, запрещавшей ввозъ чая чрезъ европейскія границы. Статья эта обратила тогда въ торговомъ мірѣ вниманіе на молодого автора, изобличая въ немъ свѣдущаго по чайнымъ дѣламъ наблюдателя, замѣчавшаго всю ложь торговыхъ отношеній русскихъ купцовъ къ китайцамъ. Успѣхъ первой статьи побудилъ Стахѣева послать еще нѣсколько другихъ о Кяхтѣ, Байкалѣ, о бурятахъ и ихъ жизни, затѣмъ нѣсколько беллетристическихъ очерковъ, которые были приняты въ журналы. (Первый литературный очеркъ „Кяхта“ былъ напечатанъ въ журналѣ „Русское Слово“ въ сентябрьской книжкѣ 1865 г.). Вотъ Стахѣевъ и понадѣялся, что

Петербургъ дастъ ему возможность существовать литературнымъ трудомъ.

Манилъ его Петербургъ, впрочемъ, и въ другомъ еще отношеніи: молодому писателю хотѣлось пополнить пробѣлы своего скуднаго образованія. Пріѣхалъ Дмитрій Ивановичъ въ столицу съ большими надеждами, но безъ копѣйки денегъ. Несмотря на любезный пріемъ, оказанный молодому писателю въ литературныхъ кружкахъ, существовать на одинъ только скудный литературный заработокъ съ женою и дѣтьми оказалось не подъ силу, тѣмъ болѣе, что стремленіе къ знанію, къ наукѣ не позволяло заняться исключительно этимъ трудомъ. Въ то самое время, какъ Дмитрій Ивановичъ бѣдствовалъ въ Петербургѣ и пробивался скромнымъ литературнымъ заработкомъ, отецъ его жертвуетъ милліоны на дѣла благотворенія, не желая „знать и вѣдать“ о сынѣ-писателѣ. Но, несмотря на очень тяжелое положеніе, Стахѣевъ ни въ какомъ случаѣ не соглашается просить у отца или кого-либо изъ богатыхъ родныхъ помощи, сердится на подобныя предложенія близкихъ своихъ и даже разрываетъ сношенія съ знакомыми, совѣтующими ему „покориться“. Отецъ его громко на весь торговый міръ кричалъ, размахивая руками: „Безтолковый онъ, безтолковый! На какую дорогу сунулся, — пропадетъ понапрасну, будетъ собакамъ хвосты рубить. Помогать я ему не буду; да и вамъ всѣмъ и другимъ прочимъ, съ кѣмъ только я имѣю дѣло, строго-на-строго запрещаю помогать Дмитрію. Кто ему будетъ помогать, тотъ — врагъ мой“. Такъ грозно относился отецъ къ сыну. И нужно при этомъ замѣтить, что Д. И. никогда, во всю свою долгую труженическую жизнь не обращался къ нему за помощью и не только къ нему, но ни къ кому изъ своихъ родныхъ. Самоучкою онъ проходитъ цѣлый гимназическій курсъ и въ 1868 г. держитъ экзаменъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на учителя среднихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы посвятить себя педагогической дѣятельности въ качествѣ преподавателя русскаго языка и сло-

весности. Экзаменъ благополучно выдержанъ и молодой новоиспеченный педагогъ, по рекомендаціи одного изъ экзаменовавшихъ его профессоровъ, а именно М. И. Сухомлинова, получаетъ мѣсто преподавателя словесности въ Литейной женской

Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ.
Фотографія 1873 года.

гимназіи. Почти одновременно Стахѣевъ приглашенъ былъ на частные уроки въ семьѣ Государственнаго Контролера Татаринова, по указанію Т. И. Филиппова, до котораго въ то время чрезъ главнаго начальника женскихъ гимназій въ Пе-

тербургѣ, И. Т. Осинина, дошли слухи о блестящихъ способностяхъ молодого учителя. Это было въ 1867 году.

Спустя два года, Стахѣевъ, по приглашенію Татаринова, перешелъ на службу въ Государственный Контроль, затѣмъ въ 1869 г. былъ отправленъ въ Ставрополь-Кавказскій ревизоромъ Контрольной палаты, откуда „по распоряженію начальства“ переведенъ былъ въ Петербургъ для занятій въ канцеляріи при Совѣтѣ Государственнаго Контроля. На этомъ новомъ посту Стахѣева ожидала блестящая карьера, если-бы онъ только захотѣлъ оставаться чиновникомъ. Но точно такъ же, какъ въ юные годы онъ тяготился купеческою профессіею, такъ теперь сталъ тяготиться чиновничьею карьерою, и блестящей карьерѣ на государственной службѣ предпочелъ шаткій литературный заработокъ: въ 1872 г. онъ оставляетъ службу и всецѣло посвящаетъ себя литературѣ, въ которой въ то время успѣлъ уже занять видное мѣсто, какъ авторъ многихъ романовъ и очерковъ, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Словѣ“, „Дѣлѣ“, „Словѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и др. изданіяхъ.

Еще раньше Стахѣевъ чуть было не забросилъ чиновничьей карьеры, намѣреваясь промѣнять ее на артистическую. Замѣчательныя вокальныя способности Стахѣева, его феноменальный, необыкновенный голосъ еще въ Кяхтѣ обратили на него вниманіе знатоковъ. Въ бывшемъ Кяхтинскомъ Соборѣ онъ не разъ читалъ апостольскія посланія, оглашая своды храма своимъ огромнымъ басомъ, и онъ же, имѣя такой басъ, пѣлъ первыя тенорныя партіи въ хорѣ пѣвчихъ. Съ пріѣздомъ въ Петербургъ, друзья Стахѣева стали совѣтовать ему поступить въ оперу, но шаткая артистическая карьера не по душѣ была молодому писателю; онъ предпочелъ остаться любителемъ, восхищавшимъ своимъ звучнымъ голосомъ лишь одинъ скромный литературный кружокъ.

Литературный кружокъ, въ которомъ вращался Стахѣевъ, состоялъ изъ такихъ лицъ, какъ Страховъ, Бестужевъ-Рюминъ, А. Н. Майковъ, В. Г. Василевскій, И. П. Звѣревъ, А. Ѳ.

Бычковъ, Т. И. Филипповъ. Со Страховымъ Стахѣевъ былъ особенно близокъ, прожилъ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ 18 лѣтъ (1874 — 92) и извѣстный критикъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на беллетриста, несмотря на различіе ихъ взглядовъ. Страховъ былъ рьянымъ почитателемъ таланта Стахѣева, посвятилъ его произведеніямъ нѣсколько подробныхъ разборовъ и часто говорилъ, что „время Стахѣева еще придетъ, что его не умѣютъ достаточно цѣнить и что выраститъ поколѣніе читателей, которое отдастъ дань уваженія его самостоятельному крупному таланту“.

Въ 1874 году Стахѣева приглашаютъ на постъ редактора журнала „Нива“. Три года редакторства Стахѣева (1875—1877)—это былъ періодъ расцвѣта этого журнала, основа его будущаго успѣха: журналъ „Ниву“ онъ принялъ при 14,000 подписчиковъ, а оставилъ съ 47,000. Въ 1876 г. Стахѣевъ становится редакторомъ „Русскаго Міра“, въ которомъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе какъ публицистъ, какъ художественный и театральный рецензентъ. Кромѣ того, онъ состоялъ впослѣдствіи (въ 1886 г.) еще редакторомъ „Русскаго Вѣстника“ — того журнала, въ которомъ больше всего помѣщено беллетристическихъ его произведеній. Но сложныя редакторскія занятія отвлекаютъ невольно отъ чисто литературныхъ занятій и онъ поэтому бросилъ редакторство, чтобъ опять всецѣло посвятить себя беллетристикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжаетъ свои этнографическія работы. Достоинства послѣднихъ были оцѣнены Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, избравшимъ Стахѣева въ дѣйствительные члены общества (1869 г.). Четыре очерка Стахѣева по этнографіи и географіи Байкала и Забайкальской области, о Кяхтѣ и бурятахъ, помѣщенные въ сочиненіи „Живописная Россія“ (т. XII, г. I), были переведены на англійскій языкъ.

Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ Стахѣевъ отправился въ Италію, жилъ въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи и Неаполѣ, тщательно изучая произведенія искусства, которыхъ онъ всегда

былъ великимъ любителемъ и знатокомъ. Въ 1892 г. онъ путешествовалъ въ Египетъ, жилъ въ Александріи и Каирѣ, а затѣмъ въ Аѳинахъ и Константинополѣ. Впечатлѣнія этой послѣдней поѣздки выразились въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ „Сѣверѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ „Новомъ Мірѣ“.

Въ 1891 году умерла супруга Стахѣева, съ которой онъ прожилъ въ мирѣ и согласіи 31 годъ. Желая сохранить память покойной на вѣчныя времена, онъ построилъ у ея могилы въ Алуштѣ каменный домикъ и внесъ въ Государственный Банкъ сумму, на проценты съ которой долженъ содержаться сторожъ при могилѣ. Въ 1877 г. онъ лишился старшаго сына своего, Евгенія, и въ память его основалъ стипендію V и VI-й прогимназіи, впослѣдствіи переименованной во вторую, нынѣ называющуюся гимназіей (у Аничкова моста), гдѣ на проценты съ капитала въ тысячу рублей обучается стипендіатъ „Памяти Евгенія Стахѣева“. Второй и послѣдній сынъ Д. И., Сергѣй, находится на Государственной службѣ въ Государственномъ Контролѣ, гдѣ служилъ прежде, хотя и очень недолгое время, его отецъ.

Со смертью жены, Д. И. на короткое время впалъ въ уныніе. Жизнерадостный, веселый, бодрый—онъ сильно измѣнился и считалъ уже свое „земное поприще“ оконченнымъ. Но судьба распорядилась иначе: случайное знакомство съ одной интеллигентной, молодой, но бѣдной дѣвушкой, рьяной поклонницей писателя, вызвало въ сѣдомъ, но бодромъ авторѣ „Домашняго очага“ точно новую жизнь и заставило его жениться вторично на 60-мъ году жизни. „Тайныя силы, управляющія судьбами міра, въ общемъ и въ частности управляютъ и судьбами обитателей земли“. Такъ говорилъ Д. И. о своей второй женитьбѣ. По его словамъ, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, имѣвшихъ въ его жизни крупное значеніе, судьба вела его къ ихъ осуществленію незамѣтно для него самого, какъ бы помимо его воли. „Я могу, говорилъ онъ, примѣнить къ себѣ слова пророка

Іереміи, взывавшаго ко Господу: „Знаю, Господи, что не я самъ иду, а ты ведешь меня“ (Вѣмъ, Господи, яко нѣсть человѣку путь его, ниже мужъ пойдетъ и исправитъ шествіе свое). Она же, непостижимая судьба, улыбнулась Стахѣеву

Автографъ Д. И. Стахѣева.

на склонѣ дней: поссорившись съ отцомъ, онъ жилъ долгое время бѣдно, нуждался, и только уже будучи 50-ти лѣтъ получилъ значительное наслѣдство послѣ отца, обезпечивавшее его вполнѣ.

Но измѣнившееся матеріальное положеніе Д. И. не по-

вліяло на его писательскую дѣятельность, которую онъ продолжалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ тою же любовью, съ тѣмъ же добросовѣстнымъ и серьезнымъ отношеніемъ къ предмету, какъ и прежде; не повліяло оно и на самый характеръ жизни Стахѣева, которую онъ продолжалъ вести такъ же скромно, какъ и прежде, какъ-то въ сторонѣ отъ литературныхъ и другихъ кружковъ, въ кругу только самыхъ близкихъ людей.

Характерная черта всей литературной дѣятельности Стахѣева — замѣчательно тщательная и кропотливая отдѣлка каждаго произведенія. Надъ каждымъ романомъ, каждою повѣстью или разсказомъ, Стахѣевъ, усердно работалъ — какъ это было замѣчено даже враждебною ему критикою—не разъ и не два передѣлывалъ, исправлялъ и отдѣлывалъ каждую вещь, раньше нежели сдать ее въ печать. Въ этомъ отношеніи Стахѣевъ походитъ на Мельникова-Печерскаго, Тургенева, Писемскаго, Достоевскаго, гр. Л. Н. Толстого, Лѣскова, и оттого-то въ его произведеніяхъ такой красивый, отдѣланный до мельчайшихъ подробностей, русскій языкъ

„Удивительно складывается жизнь многихъ русскихъ писателей. Чѣмъ только не бываетъ на своемъ вѣку иной русскій писатель, чѣмъ только судьба не заставляетъ его заниматься, съ какими людьми общества не приходится ему сталкиваться!“ Эти слова одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ критиковъ оправдываются и въ исторіи жизни Дмитрія Ивановича Стахѣева. Судьба бросала его въ самыя разнообразныя положенія: онъ былъ сначала приказчикомъ, ворочавшимъ на 16-мъ году жизни милліонными дѣлами, былъ хлѣбопашцемъ, продавцомъ сальныхъ свѣчей, учителемъ, чиновникомъ, жилъ цѣлые годы на скудныя средства, доставляемыя одними литературными занятіями, бѣдствовалъ, нуждался, съ трудомъ пробивая себѣ дорогу, и только на склонѣ жизни судьба улыбнулась ему, позволила зажить безбѣдно и посвятить себя всецѣло горячо любимой имъ литературѣ.

Вы напрасно будете искать среди современныхъ иностран-

ныхъ писателей такихъ, которые поработали бы на своемъ вѣку столько, сколько поработалъ Стахѣевъ и испыталъ бы столько капризовъ судьбы, какъ онъ. Вообще, біографія Стахѣева представляетъ собою крупный интересъ, можно сказать даже весьма поучительный именно въ томъ смыслѣ, насколько могутъ быть устойчивы извѣстныя начала въ характерѣ русскаго человѣка, когда они заложены на твердыхъ основахъ— на вѣрѣ и нравственности.

При тѣхъ духовныхъ силахъ, которыми, несмотря на свои лѣта (62), Д. И. обладаетъ въ настоящее время еще въ полной мѣрѣ, мы надѣемся увидѣть въ печати подробную его автобіографію, написать которую настойчиво завѣщали ему его близкіе друзья: Н. Н. Страховъ и А. Н. Майковъ. „Вы не имѣете права умирать,—не разъ говорилъ ему А. Н. Майковъ,—васъ земля не приметъ, пока вы не напишете своей автобіографіи: это не только будетъ интересно, это будетъ поучительно и въ великой степени полезно для молодого поколѣнія, которое изъ нея увидитъ, что можетъ сдѣлать воля, хорошо направленная“.

Богатый матеріалъ для такой автобіографіи представляютъ многіе романы самого Д. И. Въ произведеніяхъ Стахѣева, болѣе чѣмъ въ произведеніяхъ какого-либо другого писателя, разбросана масса автобіографическихъ чертъ, масса эпизодовъ, игравшихъ какую-либо роль въ жизни писателя, и нарисованы лица, имѣвшія какое-либо вліяніе на него, на его литературную карьеру. Особенно богатымъ въ автобіографическомъ отношеніи является романъ „Наслѣдники“, въ которомъ авторъ очертилъ и себя и многихъ близкихъ ему людей. Типъ отца писателя изображенъ въ романахъ: „Обновленный храмъ“, „Домашній очагъ“. Въ другихъ произведеніяхъ встрѣчаемъ его родственниковъ, знакомыхъ. Архіерей въ разсказѣ „Обновленный храмъ“—это точный портретъ родного дяди Стахѣева; старушка въ романѣ „Духа не угашайте“—это художественный снимокъ съ бабушки писателя; въ „Пустынножителѣ“—изображенъ до мельчайшихъ

деталей лучшій другъ Стахѣева—критикъ и философъ Страховъ; въ „Анатомѣ"—знаменитый проф. Груберъ; въ „Тангейзерѣ"—пѣвцы Никольскій и Васильевъ и т. д. Но всѣ эти лица не просто списаны съ натуры, а, такъ сказать, прошли чрезъ горнило вдохновенія автора и воспроизведены въ видѣ цѣльныхъ, законченныхъ типовъ.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Д. И. говоритъ о себѣ:

«Я помню ихъ, тѣ жизни скалы,
То бездорожье, всѣ тѣ рвы,
Гдѣ я, измученный, усталый,
Не зналъ, куда склонить главы.
Но Богъ, во дни тоски и горя,
Когда я духомъ упадалъ,
Мнѣ, какъ Петру надъ бездной моря,
Незримо руку простиралъ».

Строки эти очень характерны для опредѣленія душевнаго настроенія автора „Наслѣдниковъ": въ нихъ высказывается въ немногихъ словахъ исторія его жизненныхъ невзгодъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, та глубокая религіозность, которою проникнуто почти все, что написано Стахѣевымъ.

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ СТАХѢЕВЪ

КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. В. БЫКОВА.

Русская жизнь дореформеннаго времени дала громадный матеріалъ чуткимъ писателямъ, въ эпоху „возрожденія“ задавшимся цѣлью показать всю несостоятельность старыхъ порядковъ и въ административныхъ кругахъ и въ самомъ обществѣ. Подъ сильнымъ давленіемъ духа времени, когда все было увлечено политическими и общественными вопросами,—явилась неотложная необходимость ввести публицистическій элементъ въ произведенія „изящной словесности“. Быстро, какъ будто по мановенію чьей-то властной руки, создалась обличительная литература. Во главѣ ея, вождемъ воинствующей беллетристики, сталъ Щедринъ со своими незабвенными „Губернскими Очерками“. Они произвели впечатлѣніе потрясающее, неотразимое и въ обществѣ, и среди [пи]сательской братіи, сразу воодушевившейся блестящимъ примѣромъ новоявленнаго сатирика-художника. И вотъ, по пути, [от]важно и умѣло проложенному прямымъ наслѣдникомъ Го[го]ля, потянулись цѣлые полки обличителей и крупныхъ, и

мелкихъ, глубоко убѣжденныхъ въ необходимости своей миссіи и просто шедшихъ по вѣтру, вслѣдъ за другими. Но мало-по-малу острота обличительнаго направленія испарилась, число обличителей, большей частью незванныхъ, непрошенныхъ, упало до самаго незначительнаго количества, и остались подражатели Щедрина, осталось неизгладимое вліяніе его первыхъ уроковъ въ изображеніи уродливыхъ сторонъ современныхъ явленій и провинціальныхъ отжившихъ и отживавшихъ типовъ. Вліяніе это было необыкновенно благотворное и такъ или иначе сказывалось на писателяхъ съ талантомъ, если и не особенно яркимъ, то вполнѣ самобытнымъ.

Оно отразилось въ извѣстной степени и на произведеніяхъ даровитаго беллетриста-этнографа, первыя, проникнутыя обличительнымъ духомъ, произведенія котораго появились въ 1865 году на страницахъ органа радикальнаго направленія,— „Русскаго Слова“. Писатель этотъ — Дмитрій Ивановичъ Стахѣевъ, напечатавшій въ названномъ журналѣ Г. Е. Благосвѣтлова два очерка: „Кяхта“ (разсказъ моего знакомаго) и „Очерки бурятской жизни“. Они были замѣчены въ литературномъ мірѣ и гостепріимно открыли молодому писателю двери другихъ редакцій. Онъ началъ усиленно печататься, и въ теченіе послѣдующихъ трехъ лѣтъ помѣстилъ въ „Искрѣ“, „Литературной Библіотекѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ Некрасова и другихъ изданіяхъ длинный рядъ разсказовъ, очерковъ, набросковъ и сценъ, которые затѣмъ вошли въ составъ двухъ сборниковъ: „На память многимъ. Разсказы изъ жизни въ Россіи, Сибири и на Амурѣ“ и „Глухія мѣста“. Обличительный характеръ являлся въ нихъ преобладающимъ основнымъ началомъ, но и сами по себѣ они были интересны большимъ запасомъ наблюденій, этнографическихъ чертъ, иногда очень характерныхъ, бытовыхъ подробностей и всевозможныхъ свѣдѣній. Они говорили объ умѣньѣ автора подмѣчать въ жизни многое любопытное, что ускользаетъ отъ вниманія другихъ наблюдателей, а также и о томъ, что авторъ достаточно постранствовалъ по родному краю, до-

вольно видѣлъ, слышалъ и самъ испыталъ не мало, привыкнувъ относиться критически къ окружающему, къ разнымъ явленіямъ жизни, что онъ превосходно знаетъ провинцію.

Особенно выдавались въ этомъ длинномъ рядѣ разсказовъ и очерковъ бытовыя, этнографическія картинки, преимущественно изъ купеческой жизни, той среды, изъ которой вышелъ самъ авторъ и которая правдиво и вѣрно, просто и безъ затѣй описана у него. Все это вещи не крупныя, не щеголяющія новизною, но безспорно талантливыя, живо передающія впечатлѣнія автора, иногда очень умѣло, прекрасно разсказанныя, остроумныя и замѣчательныя по обрисовкѣ мелочей—черта художника, присущая вообще таланту Стахѣева. Въ беллетристическихъ очеркахъ его разбросано очень много этнографическихъ чертъ характерныхъ разнородныхъ типовъ земли русской. Внеся свою лепту въ этнографію и географію Россіи своими общедоступными научными статьями о бурятахъ, о Кяхтѣ, Сибирѣ, Д. И. Стахѣевъ много новаго внесъ и въ беллетристику нашу, особенно при живомъ, ясномъ изображеніи русскаго купечества. Въ его очеркѣ „Уѣздный городъ", написанномъ по семейнымъ воспоминаніямъ, хорошо обрисована вся слабость умственныхъ силъ купеческой среды, отношеніе представителей „темнаго царства" къ образованію, къ семьѣ, гдѣ самодурство играетъ первую роль. Женщины въ купеческомъ быту, по словамъ Стахѣева, заканчиваютъ воспитаніе часословомъ, а мужчины ощущаютъ лишь въ дѣтскомъ возрастѣ всю нравственную тяжесть, высказывая ее между собой, въ безыскусственной дѣтской жалобѣ, и съ бараньей покорностью, всосанной съ молокомъ матери, несутъ свой тяжелый крестъ гнетущаго, подавляющаго рабства, не ради сыновней любви, а изъ страха, а отцы угощаютъ своихъ дѣтей проповѣдями, которыхъ сами не понимаютъ, какъ не понимаютъ и тѣхъ священныхъ книгъ, которыя они читаютъ для процесса чтенія, никогда не задаваясь вопросомъ о будущей жизни и безотчетно и безсмысленно стремясь къ достиженію богатства. Все это разсказано безъ претензій,

безъ лукавыхъ мудрствованій, но съ огромнымъ знаніемъ дѣла. Выдается среди этихъ разсказовъ и очеркъ „Лѣсопромышленники“, напечатанный въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ которомъ отлично проводится та мысль, что если неумѣлый, непонимающій дѣла человѣкъ берется исправлять порядки въ темной и своекорыстной средѣ, то изъ этого выходитъ одна полнѣйшая нелѣпость.

Въ изданной почти одновременно съ двумя сборниками беллетристическо-этнографическихъ произведеній книгѣ Стахѣева „За Байкаломъ и на Амурѣ“, авторъ передаетъ свои путевыя впечатлѣнія, разсказывая не только о природѣ края, его торговлѣ и промышленности, о его обитателяхъ, но и о разныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ, большей частью случайныхъ. Особенно много отведено здѣсь мѣста чайной торговлѣ съ Китаемъ черезъ Кяхту и описанію всевозможныхъ мошенничествъ, неразрывно связанныхъ съ нею. Тому-же предмету посвящена и книжка его. „Отъ Китая до Москвы. Исторія ящика чаю“. Въ переработанномъ видѣ эти очерки вошли потомъ въ „Живописную Россію“. (Спб. 1870). Затѣмъ Стахѣевъ написалъ двѣ комедіи — „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ и „Знакомыя все лица“, изъ которыхъ первая была играна на Александринской сценѣ. Обѣ онѣ взяты изъ того-же купеческаго быта и представляютъ попытку въ купцѣ-самодурѣ показать того внутренняго человѣка, котораго, по мнѣнію автора, не видно въ герояхъ Островскаго, не дающаго понятія о купцѣ, какъ о человѣкѣ съ его духовнымъ міромъ и не показавшаго намъ той „священной искры божественнаго огня, которая долго, долго можетъ тлѣть на днѣ души“ этого человѣка, а потомъ вспыхнетъ и явитъ всю силу и величіе человѣческой природы. Попытка эта—проложить новый путь—не удалась Стахѣеву и только дала еще одинъ поводъ къ порицанію Стахѣева недоброжелательными критиками, относившимися къ нему довольно пристрастно. Какъ истинный художникъ, и притомъ мыслящій, онъ, хотя и отставалъ отъ времени, но не под-

чинялся рабски требованіямъ той или другой литературной партіи. Работалъ онъ въ органахъ прогрессивнаго направленія, но представители этого направленія не считали Стахѣева „своимъ". Отсюда—и такое отношеніе къ нему тенденціонной критики.

Драматическими произведеніями Стахѣевъ закончилъ первый періодъ своей литературной дѣятельности, которымъ онъ отдалъ дань обличительному направленію и нѣкоторымъ недолговѣчнымъ вѣяніямъ шестидесятыхъ годовъ. Онъ перестаетъ быть подневольнымъ служителемъ той партіи, въ органахъ которой болѣе всего печатался, совершенно сбрасываетъ съ себя гнетъ ея условій, вредившихъ самобытному развитію его таланта. Онъ чувствуетъ въ себѣ силы, въ немъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ сознаніе требованій искусства, истиннаго значенія беллетриста, долженствующаго ставить на первый планъ художественныя задачи и не насиловать своего дарованія въ угоду какимъ-бы то ни было тенденціямъ,—и дѣлается вполнѣ самостоятельнымъ писателемъ, чуждымъ всякихъ партій. Мало того, путемъ упорной работы надъ собою, надъ недюжиннымъ талантомъ своимъ, перестающимъ колебаться, онъ выбирается на настоящую дорогу и идетъ прямымъ путемъ, постоянно чувствуя твердую почву ногами. Тотъ самый журналъ, который крайне недружелюбно встрѣтилъ его первыя книги и давалъ о нихъ отзывъ въ какомъ-то полупрезрительномъ тонѣ, начинаетъ гостепріимно открывать ему свои страницы, тѣ самыя, на которыхъ передъ тѣмъ блистали имена Гончарова и Тургенева. Въ этомъ журналѣ, а именно въ „Вѣстникѣ Европы" съ 1872 года, съ небольшими промежутками, появляется цѣлый рядъ его произведеній: „Отецъ Варѳоломей" и „Наслѣдство Ильи Петровича Растеряева" — психологическіе очерки, романъ „Домашній очагъ", повѣсти и разсказы—„На закатѣ", „Тишь да гладь", „У храма искусствъ", и друг., въ которыхъ критики почти всѣхъ лагерей отмѣчаютъ значительный ростъ таланта Стахѣева, какъ отличнаго, внимательнаго бытописа-

теля, въ высшей степени наблюдательнаго, слѣдящаго за вопросами жизни, а также и усвоившаго себѣ прекрасную манеру письма, слогъ бойкій, живой.

Въ 1875 году появился отдѣльнымъ изданіемъ романъ Стахѣева „Наслѣдники“, первое произведеніе его, удостоившееся серьезнаго вниманія публики и критики,—произведеніе, въ которомъ талантъ писателя уже довольно ясно опредѣлился. Это — талантъ юмориста, взявшаго себѣ образцомъ Гоголя и изучившаго великаго творца „Мертвыхъ душъ“ „до конца ногтей“, какъ выражаются французы. „Дарованіе Стахѣева,—говорилъ чуткій критикъ-философъ Н. Н. Стахѣевъ, привѣтствовавшій этотъ романъ,—имѣетъ такой складъ, который сдѣлаетъ изъ него подражателя Гоголю, но не копировщика, а, такъ сказать, оригинальнаго подражателя, который впадаетъ въ тонъ образца невольно, по требованію своей собственной натуры. Чистый гоголевскій тонъ, который такъ сильно подѣйствовалъ, когда послышался въ первый разъ, однакоже, къ величайшему удивленію, не повторялся, не появлялся у другихъ писателей. Очевидно этотъ тонъ вовсе не легко брать и выдерживать. У г. Стахѣева онъ появляется въ большой чистотѣ“. И дѣйствительно, подражательное отношеніе къ Гоголю у Стахѣева ничуть не отзывается рабствомъ; въ этомъ подражаніи нѣтъ ни одной грубой черты, нѣтъ ничего холоднаго; оно вызвано сильнымъ внутреннимъ увлеченіемъ и выходитъ у Стахѣева чрезвычайно искуснымъ, счастливымъ, тактичнымъ. Съ другимъ подражателемъ Гоголя, Е. П. Гребенкой, онъ не имѣетъ ничего общаго, ибо вышиваетъ по канвѣ Гоголя самостоятельно, имѣя въ виду требованія современной жизни и совершенно иное направленіе жизненныхъ явленій. Въ „Наслѣдникахъ“ писатель обнаружилъ огромное знаніе провинціальнаго быта, чиновничьяго, купеческаго, духовнаго и всего жизненнаго строя этихъ сословій и даетъ цѣлую галлерею интересныхъ фигуръ, иногда довольно выпуклыхъ, написанныхъ не безъ мастерства и очень часто съ достаточно яркимъ юмористиче-

скимъ оттѣнкомъ. Юморъ у него простой, чисто русскій и порою тонкій. По складу своего таланта, Стахѣевъ относится юмористически даже къ тѣмъ, выведеннымъ имъ лицамъ, которыя внушаютъ ему и симпатіи, и сочувствіе, и большое уваженіе. Особенно вышла у него жизненной и чрезвычайно удачной, написанная во весь ростъ, фигура отца Варѳоломея, жизнь и приключенія котораго, а равно недостатки и комическія черты находятся въ рѣдкой гармоніи съ его духовной красотой, красотой прямо поразительной. „Это — по мнѣнію Страхова — одинъ изъ тѣхъ священниковъ, преимущественно попадающихся въ деревенской глуши, которые представляютъ собою живое вопрощеніе евангельскаго духа и о которыхъ съ такимъ изумленіемъ разсказываютъ иногда просвѣщенные люди, привыкшіе вообще негодовать на грубость и дикость русской жизни“. Въ „Наслѣдникахъ“ выразилась еще одна особенность таланта ихъ автора — любовь къ самой тщательной отдѣлкѣ мелочей жизни и быта, стремленіе изображать вещи второстепенныя иногда черезчуръ обстоятельно и подробно,— особенность, имѣющая и хорошія и дурныя стороны...

Съ появленіемъ „Наслѣдниковъ“ начинается извѣстность Стахѣева, литературные успѣхи его растутъ съ каждымъ годомъ. На немъ въ большой степени оправдывается предсказаніе Страхова, твердо верившаго, что отъ Стахѣева многаго еще можно ожидать въ будущемъ. Уже въ слѣдующемъ, 1876 году, напечатанная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и затѣмъ изданная отдѣльно, повѣсть его „Котъ“ блестяще оправдала эти ожиданія и вызвала въ изданіяхъ разнаго направленія сочувственные отзывы, въ которыхъ единодушно признавался выдающійся художественный талантъ автора. Увлекательный юморъ, короткое знакомство съ помѣщичьимъ и чиновничьимъ ...томъ, большая наблюдательность, не ограничивающаяся ...нимъ внѣшнимъ міромъ, но слѣдящая и за внутреннимъ ...омъ человѣка,—всѣ качества, которыя писатель проявилъ ... „Наслѣдникахъ“ и „Встревоженномъ городѣ“—картинахъ ...бернской жизни, написанныхъ красочно, живо, легко и мѣ-

стами очень сочно,—еще ярче выступили въ этой повѣсти. И собственный талантъ Стахѣева, и присущая ему связь его метода съ методомъ гоголевскимъ выразились въ новомъ произведеніи талантливаго бытописателя особенно отчетливо и полно. Онъ далъ прекрасный общественно-психологическій этюдъ, подробный до мелочей, чрезвычайно серьезно обдуманный. Здѣсь авторъ чуждъ какихъ бы то ни было эффектовъ романическаго свойства, сентиментальности и стремленія подкупить читателя ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Онъ не пытается раздразнить его любопытство интересной завязкой или тронуть мягкое сердце „гражданской скорбью" патетическими мѣстами, подчеркиваньемъ драматическихъ положеній. Онъ съ большимъ искусствомъ разсказываетъ естественную исторію кота, „съ его красивой шкуркой, осанистой ленью, мягкой поступью и всегда готовыми когтями", словомъ со всѣми отличительными признаками,—воплотившагося въ человѣческомъ образѣ, въ лицѣ Сергѣя Ѳедоровича Буканова, старшаго члена одной изъ провинціальныхъ палатъ, переведеннаго въ провинцію изъ Петербурга.

Какъ подобаетъ коту, это—безупречный джентельменъ по внѣшности, прелестный собесѣдникъ, олицетвореніе непогрѣшимаго бюрократическаго величія, "порядочный„ человѣкъ, дѣловитый, соблюдающій во всемъ, отъ костюма до манеръ, изящество, имѣющій успѣхъ у женщинъ и охотникъ и мастеръ поиграть въ чувство, но рвущій тотчасъ связь, приканчивающій со своей жертвой какъ только она является помѣхой его карьерѣ, компрометируетъ его положеніе или дѣлается обузой для него съ матеріальной стороны и портитъ ему хорошее настроеніе, пріятныя минуты отдыха. Типъ кота—вовсе не новый, слегка намѣченный, едва тронутый Гоголемъ „въ намекахъ и въ отдаленной перспективѣ". Позднѣе его черты и притомъ далеко не характерныя наблюдались у нѣкоторыхъ героевъ Писемскаго, Тургенева и особенно Хвощинской (Крестовскаго-псевдонима) ея повестяхъ „Анна Михайловна" Испытаніе" „Братецъ" „Стоячая вода" и проч. Но Стахѣевъ пер-

вый, сдѣлавъ изъ этого въ высшей степени антипатичнаго субъекта героя повѣсти, облюбовалъ вполнѣ этотъ типъ и изобразилъ его во всей красотѣ и неприкосновенности, мастерскими штрихами, сдѣлавъ изъ Буканова необыкновенно жизненное лицо, которое само по себѣ не перестаетъ интересовать читателя, вмѣстѣ съ другими прекрасными фигурами повѣсти, даже тѣми, которыя стоятъ у него на второмъ планѣ. Гдѣ-то было очень справедливо замѣчено, что для Стахѣева, какъ для его образца Гоголя, какъ для всякаго художника-натуралиста, нѣтъ различія между главными и второстепенными лицами. И оттого-то Стахѣевъ съ неменьшей любовью, чѣмъ своего кота-героя обрисовываетъ фигуры и характеры другихъ лицъ, не играющихъ особенной роли, какъ, напримѣръ, лже-либерала, лже-атеиста Голинскаго со всей его вздорностью и безотраднымъ пустозвонствомъ, или бѣднаго, забытаго, „оставшагося на бобахъ“ послѣ паденія откупной системы, уже не молодого неудачника Вафлина, этого робкаго, мнительнаго и усерднаго по службѣ человѣка, возбуждающаго съ одной стороны смѣхъ, а съ другой—жалость, состраданіе. Замѣчательно, что, отнесясь ко многимъ изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ юмористически, Стахѣевъ никогда не впадаетъ въ шаржъ или каррикатуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ настоящій художникъ послѣдователь школы Гоголя, никогда не окутываетъ мглой большую часть окружающихъ его предметовъ и лицъ, съ цѣлью обратить вниманіе на главныя фигуры и группы и придать имъ особенную выпуклость.

Если бы Стахѣевъ не написалъ ничего болѣе кромѣ „Встревоженнаго города“ и „Кота“, онъ уже одними этими произведеніями заслуживалъ бы полнаго вниманія читателя, котораго онъ умѣетъ заинтересовать и какъ умѣлый разсказчикъ, знатокъ быта и какъ сердцевидъ. Чѣмъ-то бодрящимъ вѣетъ отъ произведеній Стахѣева, даже и тогда, когда ему приходится изображать самую унылую прозу жизни, чью-нибудь скорбную долю, „незадачу“, горькую иронію судьбы. Онъ полонъ глубокой вѣры въ человѣка и въ Провидѣніе,

Этимъ чувствомъ, нерѣдко глубокимъ и вполнѣ искреннимъ, согрѣты многія изъ лучшихъ его произведеній, что придаетъ имъ какую-то поэтическую прелесть, духовную красоту, какъ бы ни были они реальны по содержанію.

Зная, что изъ мелочей созидается жизнь, Стахѣевъ никогда не пренебрегалъ мелочами, а на главные запросы жизни старался откликыться возможно чаще. Вопросу брачному, которымъ теперь такъ занимались въ послѣднюю четверть истекшаго вѣка и беллетристы, и публицысты наши, Стахѣевъ еще слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ посвятилъ свой романъ „Законный бракъ“, въ которомъ интересно и правдиво изобразилъ непригляднную семейную жизнь чиновника въ глухой провинціи и столицѣ, наглядно показалъ всю несостоятельность, стѣснительность и устарѣлость нашихъ законоположеній о бракѣ. Вопросъ семейный—шаткость и непрочность нашихъ семейныхъ сожительствъ—далъ поводъ нашему чуткому бытописателю изобразить въ романѣ „Домашній очагъ“ жизнь купеческой семьи, съ самодуромъ и выжигою „богатѣемъ“ во главѣ, безчестными путями нажившимъ себѣ состояніе, но при всемъ своемъ звѣриномъ образѣ питающимъ человѣческія чувства къ сыну и дочери, которые не оправдываютъ его ожиданій. Наконецъ, современный меркантилизмъ и порожденные имъ карьеристы всякаго рода находятъ живое отраженіе въ его повѣсти „Походы на доходы“, въ которой авторъ, съ обычнымъ умѣньемъ и полнымъ знаніемъ дѣла, рисуетъ намъ картины жизни нашего духовенства, сталкиваясь на этой почвѣ съ Лѣсковымъ и очень мало уступая ему въ отношеніи разработки этой области, и показываетъ, что и среди духовнаго сословія отыщется очень немало дурныхъ людей, страдающихъ любостяжаніемъ и прочими пороками, свойственными людямъ прочихъ сословій. Романъ „Домашній очагъ“ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что на него обратилъ вниманіе одинъ англійскій критикъ, посвятившій этому, дѣйствительно вполнѣ современному и талантливому произведенію, обстоятельный отзывъ и притомъ самый лестный. Этотъ

отзывъ только ожесточилъ русскую причину—и въ результатѣ явилась ожесточенная полемика, ничего, впрочемъ, не выяснившая. Всѣ эти произведенія нравоописательнаго характера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, идейныя, нашли себѣ мѣсто въ одномъ изъ органовъ яркаго либеральнаго направленія—въ журналѣ „Слово“ 1880—1882 гг. Когда эти вещи вышли отдѣльнымъ изданіемъ, даже одинъ изъ пристрастныхъ критиковъ, который, очевидно, не могъ простить Стахѣеву его обособленности и нежеланія примкнуть тѣсно къ прогрессивной партіи и упрекалъ его въ томъ, что онъ „частенько путается въ своемъ либерализмѣ“,—критикъ органа Салтыкова и Некрасова выдалъ аттестатъ Стахѣеву въ томъ, что у него „встрѣчаются, дѣйствительно, хорошія мѣста и удачныя фигуры“. Еще бы! Достаточно прочесть хотя бы такія не особенно крупныя произведенія его, какъ „Торжество правосудія“, „Избранникъ сердца“, „Обновленный храмъ“, напечатанныя въ „Наблюдателѣ“ и „Русскомъ Обозрѣніи“, „Искры подъ пепломъ“, „Горы золота“, „Анатомъ“, помѣщенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Студенты“, „Старушка“, „Дѣло житейское“, „Пустынножитель“, напечатанныя въ журналѣ „Новь“ и т. д., — чтобы убѣдиться въ справедливости словъ строгаго критика. „Удачныя фигуры!“ Нѣтъ, фигуры Стахѣева не только удачны, а, въ большинствѣ случаевъ, чрезвычайно жизненны, правдивы до послѣднихъ мелочей строго выдержаны.

Вотъ, напримѣръ, герой романа „Горы золота“ Николай Константиновичъ Артамоновъ, занимающій скромное мѣсто начальника отдѣленія какого-то департамента, но умѣющій жить широко, весело, богато, благодаря удивительной способности пріобрѣтать кредитъ въ счетъ будущихъ благъ, въ счетъ продажи земли, сулящей ему груды золота. Погруженный въ эти дѣла, вѣчные поиски, гдѣ бы „перехватить“ и для себя и для своего начальника Воронецкаго, живущій дома самое короткое время и цѣлый день „летающій“ то ко благодѣтелямъ рода человѣческаго“, то на острова и въ прочія „дѣ-

ловыя“ мѣста, онъ и не замѣчаетъ, какъ таетъ его жена. Въ погонѣ за богатствомъ, за грудами золота, онъ потерялъ ее. Потомъ снова женился, богатѣлъ, проваливался и очнулся лишь въ старости угрюмой, познавъ тщету безцѣльной жизни и невольно заглянувъ душою въ вѣчность. Эта фигура удивительно жизненна и современна; она такъ ярко выступаетъ нафонѣ сѣрой, будничной жизни, такъ правдиво изображаемой Стахѣевымъ, той жизни, которую „недаромъ заклейми печатью зла и суеты“. Даже эскизный портретъ фабриканта Шерстобитова, умирающаго съ горя, что ему не удалось осилить Артамонова, согнуть его въ дугу—вышелъ очень выпуклымъ и характернымъ. Еще рельефнѣе, красочнѣе написаны фигуры дѣйствующихъ лицъ романа „Неугасимый свѣтъ“, въ которомъ главную роль играетъ, вышедшій изъ купеческой среды, художникъ Александръ Павловичъ Размашиловъ. Какъ ни давятъ его житейскія дѣла, но онъ идеалистъ поприродѣ, вѣчно залетаетъ мечтами за облака и признаетъ лишь такую работу, которая была бы по душѣ, чтобы и лазурѣ и фантазіи было мѣсто. Обстоятельства заставляютъ его бросить кисть и, при помощи брата, поступить въ контору богатаго торговаго дома. Онъ хочетъ забыть свою страсть къ живописи, но вѣчный свѣтъ истиннаго творчества, отъ котораго онъ такъ настойчиво старался уйти, снова коснулся его души какъ бы согрѣвая ее и открывая ей смыслъ жизни, въ ея же сокровенныхъ глубинахъ сокрытый. Онъ снова сдѣлался художникомъ, проходилъ этотъ тернистый путь и достигъ славы уже тогда, когда смерть сторожила его. Большое знакомство со всѣми мелочами быта художниковъ обнаружилъ здѣсь романистъ, написавшій фигуру Размашилова въ невыразимо теплыхъ, пріятныхъ тонахъ. И тѣ лица, которыя соприкасаются съ его горемъ — художникомъ, добродушный самодуръ, коммерсантъ Поликарпъ Подберезинъ, его конторщики, братъ художника, мудрецъ въ житейскихъ дѣлахъ, но душевный, симпатичныхъ человѣкъ, жена художника, вздорная, глупая бабенка, которой непонятны стремленія мужа,

—очерчены съ большимъ искуствомъ, получили вѣрное и довольно эффектное освѣщеніе. Самовластный восточный владыка" Поликарпъ Подберезинъ, который лечится массажемъ гимнастикой, принимаетъ всякія лекарства и въ тоже время до утра просиживаетъ за картами—прелестная, характерная фигура, каждый шагъ, каждое слово которой глубоко правдивы.

Настоящей жизнью брызжетъ и отъ дѣйствующихъ лицъ одного изъ лучшихъ романовъ Д. И. Стахѣева, послѣдняго періода его дѣятельности—„Духа не угашайте" (Соб. 1896). Это купцы Дровяниковы — отецъ и сынъ, мать послѣдняго Ирина Игнатьевна, бабушка Прасковья Егоровна. Дровяниковъ—отецъ, коммерсантъ обстоятельный, „съ выдержкой", немного одержимый гордыней, знающій цѣну себѣ, своимъ богатствамъ — въ сущности не злой, но все-таки человѣкъ стараго закала и отчасти деспотъ. Сынъ—молчаливый, скромный, вдумчивый, вѣчно прячущійся въ себя, какъ улитка въ свою раковину, проявляющій вдругъ характеръ, когда дѣло касается его горячей любви къ дѣвушкѣ, затѣмъ рѣшающій принести въ жертву свою любовь. И Петръ Ѳедоровичъ Дровяниковъ и его сынъ Григорій Петровичъ настоящіе представители купеческой семьи, со всѣми ея распорядками, которые авторъ изучилъ до тонкостей, облечены плотью и кровью и чрезвычайно типичны. Но еще типичнѣе, еще жизненнѣе написана фигура бабушки Прасковіи Егоровны. Уже „отрѣшившійся отъ всего земного человѣкъ, и жившій, такъ сказать, въ Богѣ, въ готовности съ вѣрою и надеждою перейти въ иной міръ", она все-таки чувствуетъ, что соединена какими-то таинственными нитями съ землею, нитями, ·торыми ни какъ не порвать. Существо кроткое, смиренное ·осамозабвеннія, отъ котораго вѣетъ небомъ и благодатью, ·абушка вноситъ миръ въ семью однимъ своимъ присутствіемъ побѣждаетъ гордыню стараго Дровяникова, предотвращаетъ ·ѣду въ домѣ, котороя могла разразиться вслѣдствіе внезап·аго разлада между отцомъ и сыномъ. Въ романѣ „Духа не

угашайте“ талантъ Д. И. Стахѣева достигъ своей высшей точки. Это—вещь полная глубокаго смысла, выдержанная отъ начала до конца, во всѣхъ мелочахъ и въ отношеніи изображенія быта и въ отношеніи психологіи выведенныхъ лицъ. Правда, здѣсь нѣтъ эффектныхъ сценъ и разсказъ веденъ спокойно, безъ малѣйшихъ претензій, такъ же просто, какъ простъ, обыкновенна будничная жизнь, съ ея сѣрыми героями, изображаемая талантливымъ писателемъ-художникомъ. И тѣмъ не менѣе она производитъ впечатлѣніе очень сильное... Романъ „Духа не угашайте“, это наиболѣе яркое выраженіе задушевныхъ мыслей писателя, его идей и своеобразнаго, глубокаго пониманія сущности земного бытія и роли человѣка на жизненной сценѣ. Въ этомъ произведеніи романистъ яснѣе, чѣмъ въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности, каковы, напримѣръ, повѣсти и романы „Анатомъ“, „Горы золота“, „Искры подъ пепломъ“, „Пустынножитель“, „Обновленный храмъ“,—намѣчаетъ идеалы для грядущихъ поколѣній, тверже, опредѣленнѣе высказываетъ свое „credo“. Оно отлично выражено въ одномъ изъ его офоризмовъ, гдѣ глубоко вѣрующій писатель говоритъ, что „счастливъ безъ мѣрно тотъ, кто хотя на закатѣ дней своего земного бытія уразумѣетъ истинный смыслъ жизни и научится понимать сокровенное въ Писаніяхъ“,

Въ произведеніяхъ Д. И. Стахѣева нѣтъ ничего ни выдуманнаго, ни придуманнаго, нѣтъ искусственныхъ, ходульныхъ героевъ, нѣтъ каррикатуры и шаржей. У него самая жизнь, безъ прикразъ, во всей ея непосредственности, во всей ея реальной обстановкѣ—изображаетъ ли авторъ купеческій бытъ, преимущественно москвичей, міръ дѣльцовъ невской столицы, или бытъ духовенства, артистическій литературный или чиновничьй мірокъ и т. д. Представители разнообразныхъ словъ общества, разныхъ группъ русскаго быта и вообще нашей современности — это тоже все живые люди, живые отечественные чины, которыхъ наблюдалъ писатель, всегда зорко къ нимъ присматривавшійся. Очень часто это просто портреты, на-

стерски воспроизведенные въ мѣстѣ съ чертами времени, эпохи, къ которымъ они принадлежатъ. И между ними попадается не мало такихъ, которые интересны и не устарѣли и донынѣ, „Портретность“, эта особенность своеобразнаго таланта Д. И. Стахѣева была подмѣчена и нашей критикой указывавшей, что писатель беретъ свои портреты рѣшительно изъ всѣхъ словъ нашего общества. И въ самомъ дѣлѣ то передъ вами является типичнѣйшая фигура московскаго милліонщика, вродѣ Шерстобитова, Подберезина, то встаютъ во весь ростъ пролестныя фигуры духовныхъ пастырей, сельскаго—отца Варѳоломея или столичнаго отца Максима, настоящаго безсребреника, чуждаго любостяжанія, это мелькаютъ дѣльцы вродѣ Артамонова, „свѣточи“ науки, мнящіе, что видятъ колѣнопреклоненнымъ передъ собою весь міръ, побѣжденный силою науки, артисты, возмечтавшіе о себѣ, о своей неотразимости. А рядомъ съ великолѣпными королями жизненной сцены выдвигаются маленькія, милыя фигурки скромнаго сельскаго учителя, задушевной старушки-москвички, закоренѣлаго службиста-чиновника, семья студентовъ и т. д. Словомъ передъ читателемъ, какъ въ движущейся панорамѣ проходитъ длинная галлерея лицъ, портретовъ, ярко освѣщенныхъ или силуэтныхъ, эскизныхъ, взятыхъ изъ всевозможныхъ слоевъ, всякихъ сословій, разныхъ классовъ общества, типы отжившаго и отживающаго поколѣнія и представители новой народившейся жизни. Все затронуто чуткимъ писателемъ, затронуто умѣло, съ тактомъ и высшей степени обдуманно. Спокойствіе, ровность романиста, дѣйствуетъ благотворно на читателя, заставляетъ его глубже вдуматься въ жизнь, въ окружающую дѣйствительность и притти къ выводамъ желательнымъ для автора, что есть нѣчто высшее, не похожее на безцѣльную сутолоку жизни. А между тѣмъ авторъ ни этихъ, ни другихъ выводовъ, ни завѣтныхъ идей своихъ не навязываетъ читателю, на котораго дѣйствуетъ иногда неотразимо необыкновенная искренность, глубокая вѣра автора. Но и тѣмъ, кто не привыкъ задумываться надъ кни-

гой, любителямъ легкаго чтенія романы и повѣсти Д. И. Стахѣева должны нравиться своей жизненностью, бойкостью, пестротою и присутствіемъ въ нихъ тонкаго, добродушнаго юмора. Невольно подкупаетъ авторъ и своей теплотою, своимъ душевнымъ отношеніямъ къ изображаемымъ имъ лицамъ. Безъ тѣни злобы рисуетъ онъ и самые отрицательные типы.

Русская критика далеко не оцѣнила талантливаго писателя, мало, очень мало удѣлила ему вниманія. Но публика гораздо сильнѣе критики, она удивительнымъ чутьемъ угадываетъ все выдающееся, все хорошее въ области литературы, она чужда „кумовства“ и предвзятыхъ мыслей. И немудрено, что произведенія Д. И. Стахѣева всегда пользовались большимъ успѣхомъ у этой громадной аудиторіи, и расширившейся и выросшей умственно уже со временъ Добролюбова... Она хорошо видитъ, что во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Д. И. остается вѣренъ себѣ: прежде всего пишетъ увлекательно, разнообразно и не въ смыслѣ одного только внѣшняго интереса. Онъ чутко относится къ современной жизни, которую изображаетъ реально, но не переступая границъ искусства, правдиво, жизненно, безъ всякой предвзятой мысли, короче сказать, остается вдумчивымъ и добросовѣстнымъ бытописателемъ, настоящимъ художникомъ слова, такимъ художникомъ, у котораго немало типовъ, написанныхъ съ чисто гоголевскимъ пошибомъ.

Петръ Быковъ.

ОТЪ АВТОРА

Въ это собраніе моихъ сочиненій входитъ все то, что было напечатано мною въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ продолженіе сорокалѣтней литературной дѣятельности. Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторыя статьи, незначительныя, какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ изложенія, напримѣръ, статьи о выставкахъ картинъ, путевыя замѣтки и двѣ піесы для театра. Все это, относящееся къ раннему періоду моихъ трудовъ и имѣвшее временный интересъ, давно уже осудило само себя, такъ-сказать, на смертную казнь, и нѣтъ основаній вновь вызывать его изъ пропасти забвенія и утруждать имъ общественное вниманіе.

Статьи этнографическаго содержанія, печатавшіяся въ журналахъ шестидесятыхъ годовъ и изданныя въ 1869—1870 г. отдѣльными книжками подъ заглавіемъ: „За Байкаломъ и на Амурѣ“ и „Исторія ящика чаю“, исключены мною изъ этого изданія потому, что все то, что было въ нихъ достойнаго вниманія — напечатано въ „Живописной Россіи“ въ извлеченіи, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, и при желаніи легко можетъ быть отыскано читателемъ въ любомъ книгохранилищѣ („Живописная Россія“, изд. Тов. М. О. Вольфъ. 1895 г. Т. XII, ч. I).

Кромѣ того, означенныя статьи о Сибири я не нашелъ возможнымъ помѣстить въ предлагаемомъ изданіи и потому еще, что оно заключаетъ въ себѣ только произведенія беллетристическаго содержанія, т. е. романы, повѣсти, разсказы

и стихотворенія. Этому роду литературы и была главнымъ образомъ посвящена моя писательская дѣятельность.

На основаніи всего вышесказаннаго, въ этомъ изданіи печатается изъ моихъ трудовъ все, что я, по крайнему моему разумѣнію, признаю достойнымъ помѣщенія въ собраніи сочиненій, достойнымъ и по задачамъ, заложеннымъ въ основу того или другого произведенія, и по интересу содержанія, матеріаломъ для котораго неизмѣнно служила дѣйствительная жизнь, дающая въ умѣломъ освѣщеніи всегда и для всѣхъ поучительные уроки.

Что-же касается вопроса о томъ, могутъ-ли мои труды удовлетворить художественное чувство читателя и въ какой мѣрѣ,—объ этомъ, конечно, говорить не удобно, тѣмъ болѣе такому работнику, который всегда шелъ по своей дорогѣ одиноко, не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ партіямъ и за, малыми исключеніями, почти не слыхалъ одобрительныхъ отзывовъ въ печати, да и незаботился о нихъ, всецѣло занятый лишь тѣмъ, чтобы служить своему призванію добросовѣстно.

Конечно, въ отношеніи пристрастныхъ и намѣренно лживыхъ отзывовъ критики—я не первый и не послѣдній.

„Несчастіе умственныхъ заслугъ,—говоритъ Шопенгауэръ,—заключается въ томъ, что имъ приходится ждать, чтобы хорошее похвалили тѣ, которые сами производятъ только дурное. За истовыми произведеніями, по его словамъ, остается особенное, тихое, медленное, могучее дѣйствіе и какъ бы чудомъ онѣ, наконецъ, поднимаются изъ свалки, подобно аэростату, который изъ густой туманной земной атмосферы возносится къ болѣе чистымъ предѣламъ“. „Бываютъ критики, говоритъ тотъ же философъ, которые, принимая свой дѣтскій гудокъ за трубу богини славы, полагаютъ, что это отъ нихъ зависитъ, т. е. чему считаться худымъ и чему хорошимъ. Но какъ лѣкарство не достигаетъ своей цѣли, будучи прописано въ слишкомъ сильной дозѣ, такъ и критика, если она переходитъ мѣру справедливости“.

Могутъ-ли его слова быть примѣнены къ предлагаемому собранію сочиненій — объ этомъ судить не мнѣ. Пусть онѣ сами за себя говорятъ и получаютъ то, чего заслуживаютъ.

Позволю, однакоже, замѣтить, что долгій и тернистый путь писательской дѣятельности былъ избранъ мною не ради исканія славы, всегда суетной и преходящей, какъ все земное, но въ силу безкорыстнаго стремленія и неотразимой страсти именно къ этого рода дѣятельности, на служеніе которой, по волѣ Неисповѣдимаго Промысла, я былъ призванъ съ юныхъ лѣтъ.

Завершая теперь этотъ путь и уже озаренный лучомъ заката, я позволяю себѣ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ стихотворенія, посвященнаго мнѣ однимъ поэтомъ. Позволяю не изъ чувства тщеславія, чуждаго мнѣ по моему душевному строю, а исключительно лишь для опредѣленія характера моихъ литературныхъ трудовъ.

Поэтъ говоритъ въ этихъ стихахъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Во мнѣ горѣлъ любви земной
Огонь кипучаго желанья,—
Ты грустно вѣчности иной
Искалъ за гранью мірозданья.
Мнѣ было любо рвать цвѣты
И пѣсней тѣшиться безпечной,—
Твои суровыя мечты
Дышали жаждой правды вѣчной...»

Насколько справедливы такія опредѣленія и насколько онѣ выразились въ моихъ литературныхъ трудахъ — предоставляю рѣшить читателю.

Не могу однакоже, не сказать, въ опредѣленіе характера моей литературной дѣятельности, словами Гете: „Я пишу не для того, чтобы вамъ только понравиться — вы должны кое-чему поучиться“.

1901 г. СПБ.

Д. И. Стахѣевъ.

„ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ“

РОМАНЪ

I.

Изъ сорока сороковъ московскихъ церквей ближайшею къ дому Петра Өедоровича Дровяникова была церковь во имя иконы Божіей Матери «Взысканіе погибшихъ». Она памятна ему съ того давняго времени, когда сосѣднее съ нею пустопорожнее мѣсто было пріобрѣтено имъ въ вѣчную собственность и застроено амбарами, подвалами и кладовыми.

Священникъ этой церкви, отецъ Максимъ, и дьяконъ съ той поры его гости по праздникамъ, а иногда вечерами и партнеры по игрѣ въ преферансъ. Остальной причтъ церкви тоже близокъ ему, не только потому, что его каменный двухъ-этажный домъ примыкаетъ высокими стѣнами къ ихъ маленькимъ деревяннымъ домикамъ, построеннымъ на церковной землѣ, но и потому, главнымъ образомъ, что онъ—давнишній староста этой церкви и до нѣкоторой степени, такъ сказать, начальство, милостиво награждающее ихъ въ дни двунадесятыхъ праздниковъ «отъ щедротъ своихъ».

Со времени постройки дома прошло, пожалуй, лѣтъ уже двадцать пять, а то и всѣ тридцать. Петръ Өедоровичъ, тогда черноволосый съ вьющимися на вискахъ кудрями, теперь уже нѣсколько, говоря его словами, «подался»,—виски засеребрились сѣдиной, на затылкѣ волоса повылѣзли, голова ушла въ плечи и спина закруглилась. Постарѣли и прочные его амбары и кладовыя, съ желѣзными дверями и тяжелыми на

нихъ замками, и домъ-особнякъ, окрашенный когда-то въ голубой цвѣтъ, не говоря уже о домикахъ причта, покосившихся и точно жаловавшихся на свою долголѣтнюю жизнь. Постарѣли и обитатели домиковъ.

Время на всѣхъ и на все клало свою печать.

Супруга Петра Ѳедоровича, Ирина Игнатьевна,—высокая, полная брюнетка съ крупными чертами лица, и большими темными глазами. Постарѣла и она, но все еще, говоря словами Петра Ѳедоровича, «брыкается». Она часто высказываетъ жалобу на то, что они живутъ скучно и что пора бы имъ «по ихъ капиталу» развернуться пошире. Онъ въ отвѣтъ на такія ея рѣчи только головой покачиваетъ и если удостоиваетъ ее отвѣтомъ, то лишь въ томъ смыслѣ, что женщины народъ необстоятельный.

— Вы, мужчины, обстоятельны. Съ утра до вечера по трактирамъ чаи распиваете.

— Сдѣлай милость! Мы очень хорошо знаемъ, для чего намъ эти самые чаи требуются. А вы вотъ, Ирина Игнатьевна, по женскому своему разумѣнію, не можете этого какъ слѣдуетъ сообразить.

— Понимаемъ и мы—и пожалуйста не разсуждай такъ.

По характеру своему она склонна поворчать и поволноваться и не только прислугу распекаетъ за малѣйшіе пустяки, но и Петру Ѳедоровичу иной разъ приходится выслушивать отъ нея упреки.

— Скучно ты, вотъ и разгадка въ этомъ всему—волнуясь, говорила она.—ни мы въ циркъ, ни мы въ театръ: сидимъ въ своемъ углу, какъ медвѣди въ берлогѣ. У тебя только и словъ: некогда, да не грѣха. Но когда же будетъ время? Всегда ты держалъ меня [illegible] въ строгости. [illegible] въ [illegible] мѣстахъ [illegible], тебѣ и въ [illegible] а мнѣ [illegible]

[illegible]

не соотвѣтствующей ея лѣтамъ, и ставитъ на видъ то уважительное, по его мнѣнію, обстоятельство, что онъ никогда не запрещалъ и не запрещаетъ ей искать развлеченій, — ѣхать въ театръ, въ циркъ, къ знакомымъ, — словомъ, куда только она пожелаетъ; но она еще болѣе волнуется и трагически взмахиваетъ руками.

— Хорошо незапрещеніе. «Поѣзжай одна». Что я тамъ буду какъ кукушка какая въ ложѣ торчать? И что ты мнѣ на другихъ матерей указываешь? Онѣ потому сидятъ дома, что у нихъ дѣти малыя, а у насъ одинъ только сынъ, да и тотъ теперь, можно сказать, на своихъ ногахъ уже.

Кончаются подобные разговоры тѣмъ, что Петръ Ѳедоровичъ беретъ ложу въ театрѣ, скучаетъ тамъ, сидя въ ея глубинѣ, и потомъ, возвращаясь домой, ворчитъ:

— Ничего хорошаго въ этихъ театральныхъ пустякахъ нѣтъ. По-моему въ тысячу разъ пріятнѣе погулять гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ. За городъ прокатиться, на Воробьевы, напримѣръ, горы. Вотъ это я понимаю.

— Въ одномъ катаньи не много пріятности...

— А по-моему еще лучше и для души всего другаго полезнѣе — почитать, напримѣръ, житія святыхъ или книгу какую душеспасительнаго содержанія.

Ирина Игнатьевна морщится и недовольнымъ тономъ замѣчаетъ:

— Ну ужъ! Затянулъ опять старую пѣсню.

II.

Онъ любитъ, чтобы все дѣлалось скоро, а она медлительна. Одѣваться ли начнетъ, собираясь съ нимъ, напримѣръ, къ обѣднѣ въ Храмъ Спасителя, чуть не цѣлый часъ охорашивается передъ зеркаломъ, то однѣ серьги надѣнетъ, то другія, двѣ-три шляпки перемѣнитъ, пока выберетъ, которая ей въ этотъ день «къ лицу», и ленты ея на десять разныхъ манеровъ завязываетъ. Онъ, случается, ждетъ, ждетъ, наконецъ

терпѣніе потеряетъ и войдетъ къ ней въ комнату въ шубѣ и въ шапкѣ.

— Послушай,—Бога ты не боишься!

— Это еще что за новости?

— Да вѣдь мы опоздаемъ. Возьми во вниманіе...

— Сейчасъ, сейчасъ. Какой ты, Петръ Ѳедоровичъ, нетерпѣливый.

— Ну народецъ!

Выйдя изъ комнатъ во дворъ и ожидая жену тамъ у экипажа, давно поданнаго къ крыльцу, онъ думаетъ про себя о томъ, что пора бы ей войти въ разумъ возраста своего. Теряя терпѣніе ждать выхода жены, онъ вымѣщаетъ свою досаду на другихъ.

— И что это у васъ, я посмотрю, ребята, какой непорядокъ во дворѣ,—ворчитъ онъ на подвернувшагося подъ руку приказчика,—ну, отчего это тюки съ товаромъ лежатъ подъ навѣсомъ въ разныхъ мѣстахъ? Почему, напримѣръ, не сложить бы ихъ въ одну кучу?—А ты тутъ что топчешься,—обращается онъ къ работнику Ѳомѣ, соскучась, наконецъ, смотрѣть, какъ онъ, стоя впереди лошади, отряхиваетъ съ нея волчьимъ хвостомъ воображаемую пыль,—нѣтъ у тебя что-ли другого дѣла?

Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ ожиданій Ирина Игнатьевна, въ пышныхъ нарядахъ и въ яркихъ цвѣтовъ шляпкѣ, появляется, наконецъ, на лѣстницѣ.

— Ну, слава Богу,—думаетъ онъ, и гнѣвъ его разсѣевается, какъ предразсвѣтный туманъ.

— Садись, родная, вотъ съ этого боку,—говоритъ онъ ей,—эхъ, недогадливая какая, сколько лѣтъ замужемъ, а того не помнишь, съ которой стороны мужъ привыкъ сидѣть. Будетъ гнѣздиться-то, сѣла что-ли? Ну, трогой, кучеръ. Господи благослови.

Онъ снимаетъ шапку и осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Крестится и Ирина Игнатьевна, но однако, несмотря на ласковый тонъ мужа, она имъ недовольна и именно за то, что они «кажется, опоздаютъ». Онъ

искоса поглядываетъ на нее и не только не сердится, но даже улыбается.

— Что это, Ириша, ты какъ будто не въ себѣ? Ловко ли тебѣ сидѣть?

Она молчитъ. Лицо ея дѣлается еще розовѣе, и темныя брови хмурятся.

— Ты, Ириша, не гнѣвайся. Въ церковь вѣдь ѣдемъ. Нехорошо. Въ храмъ Божій, сама знаешь, слѣдуетъ завсегда чтобы съ чистымъ сердцемъ.

— Всегда ты такъ,—отвѣчаетъ, наконецъ, она,—торопишь, торопишь, не дашь какъ слѣдуетъ одѣться.

— А ты бы пораньше встала для такого случая.

— Перестань! И безъ того досада,—въ кои-то вѣки собрались на митрополичью службу и опоздаемъ, надо быть... Который часъ-то?

— Часъ-то. Гм... Спохватилась теперь!., Эхъ вы, женское сословіе...

Онъ, не спѣша, вынимаетъ часы и успокоиваетъ ее.

— Можетъ быть, и не опоздаемъ. Кучеръ! шевельни возжами-то поживѣе. Аккуратъ къ самому началу можемъ поспѣть, къ облаченію, когда, то есть, запоютъ: «да возрадуется душа твоя».

Словомъ—они живутъ въ ладахъ. Онъ умѣетъ во-время удержаться отъ возраженій и во-время сказать твердое слово. Домашнія размолвки дальше подобныхъ сценъ, пожалуй, и не идутъ, несмотря на то, что поводовъ для нихъ у Ирины Игнатьевны всегда много, есть они и въ ея характерѣ, тревожномъ и безпокойномъ. Чего, кажется, проще, — игра въ преферансъ «по маленькой» и проигрышъ дальше трехъ рублей не идетъ, въ крайнемъ случаѣ,—синенькая и ни крику, ни споровъ. Такъ нѣтъ, и тутъ она находитъ поводъ къ ворчанью.

— Что это, Петръ Ѳедоровичъ, какую ты новую моду выдумалъ,—упрекаетъ она на другой день послѣ карточнаго вечера, — заигрываешься до второго часу ночи. Это даже ни на что не похоже.

— Да, засидѣлись, дѣйствительно долгонько. Затянулась партія, что дѣлать.

— Что дѣлать?—укоризненно повторяетъ она—не надо играть.

Она начинаетъ волноваться, и тонъ ея рѣчи повышается. Оказывается, что она недовольна не только тѣмъ, что игра затянулась, но и тѣмъ, что онъ приглашаетъ къ себѣ на карточную партію вовсе не тѣхъ гостей, какихъ, по ея мнѣнію, слѣдуетъ приглашать.

— Все одно и то же, хоть докуда!—ворчитъ она,—попъ, да дьяконъ, дьяконъ да попъ. Хороша компанія. Дьяконъ табачищемъ накуритъ, не продохнешь. Бабушка, ужъ на что смиренная, и та говоритъ, что въ комнатѣ на другой день табакомъ пахнетъ. Да и отецъ Максимъ хорошъ, — зачѣмъ онъ дьякону позволяетъ курить. Дьяконъ — лицо духовное, онъ у престола Господня въ храмѣ предстоитъ. Ему это совсѣмъ позволять не слѣдуетъ. Да и тебя бы я на мѣстѣ отца Максима ограничила: онъ твой духовный отецъ и можетъ тебѣ настоящее внушеніе на счетъ картъ сдѣлать, а за мѣсто того онъ самъ съ тобой этимъ занимается...

— Эхъ, Ирина Игнатьевна, не въ свое дѣло вмѣшиваешься, — возражаетъ онъ, — сказано: знай сверчокъ...

— У тебя только и словъ. Что я первый годъ замужемъ что-ли, али подневольница какая турецкая, прости Господи!..

— Легче, Ириша, посдержись маленько. Оно лучше будетъ...

Онъ говоритъ безъ тѣни раздражительности, не спѣша, не хмурясь, напротивъ, улыбается грустной улыбкой, иногда даже тронетъ ее при этомъ по плечу и добавитъ:

— Налейка лучше чайку.

— Ахъ, отстань. И сколько ты этого чаю пьешь! Удивительно.

— Ничего въ этомъ нѣтъ такого, чтобы удивляться. Напитокъ отмѣнный.

У другаго мужа, менѣе сдержаннаго, стоялъ бы въ домѣ, при такой наклонности жены къ ворчанью, дымъ коромысломъ, но у него ничего подобнаго не бываетъ. Онъ, когда нужно, промолчитъ или головой покачаетъ, а если ужъ скажетъ иной разъ твердое слово, то скажетъ такъ, что Ирина Игнатьевна тотчасъ пойметъ, въ которую сторону подулъ вѣтеръ—и прекратитъ свое ворчанье.

III.

Церковь, въ приходѣ которой жилъ Петръ Өедоровичъ, низенькая, окрашенная по кирпичу въ его цвѣтъ и замѣтно осѣвшая въ землю, была, какъ сказано выше, въ сосѣдствѣ съ его домомъ. Въ окна кабинета, выходившія въ садъ, были видны сквозь вѣтви деревьевъ ея красноватыя стѣны и желѣзныя рѣшетки оконъ, въ которыхъ въ часы церковныхъ службъ мелькали огоньки. Почти на одной высотѣ съ вершинами старыхъ липъ и кленовъ обрисовывались ея фигурные кресты, когда-то вызолоченные и нарядные, съ затѣйливыми прорѣзами внутри и золочеными цѣпочками.

Мѣстность этого прихода была глухая и отдаленная отъ торговыхъ центровъ. Домъ Петра Өедоровича выходилъ на двѣ улицы, на которыхъ, какъ и на другихъ, сосѣднихъ съ ними, были большею частію одноэтажныя постройки и на значительное разстояніе во всѣ стороны на улицахъ не замѣчалось никакого движенія. Въ долгіе зимніе вечера мирные обыватели маленькихъ домиковъ прислушивались, какъ хрустѣлъ на тротуарахъ снѣгъ подъ ногами пѣшеходовъ, и иногда составляли даже предположенія о томъ, кто идетъ.

— Не дочка ли сосѣдки возвращается?—слышался иногда вопрсоъ,—давеча прошла къ матушкѣ-попадьѣ.

— Нѣтъ не она, кажется: шагъ не тотъ...

— Можетъ быть, спѣшитъ, запоздала. Гляди, ужъ восьмой часъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Слышно вѣдь, шагъ мужской.

— Да, оно точно что... Кто бы это могъ быть?

Иногда въ тишинѣ поздняго зимняго вечера раздавался подъ окнами густой басъ жившаго на покоѣ опернаго пѣвца, возвращавшагося изъ гостей и разговаривавшаго съ самимъ собой по случаю какихъ-то недоразумѣній, всегда происходившихъ у него въ гостяхъ и всегда тѣмъ болѣе крупныхъ, чѣмъ позднѣе было возвращеніе.

Заслышавъ звуки его говора, мирные обыватели въ первыя минуты тревожились, озабоченно всматривались въ окна, но потомъ успокоивались, убѣдившись, что густой говоръ и нѣкоторое какъ бы гудѣнье въ оконныхъ рамахъ ничего необычайнаго не представляетъ и ведетъ свое начало несомнѣнно отъ громогласнаго органа знаменитаго когда-то пѣвца.

— Однако, онъ сегодня поздно и грузенъ, надо полагать...

— Да, шагъ неровный...

Въ домѣ Петра Ѳедоровича подобныхъ предположеній не высказывалось, во-первыхъ, потому, что въ нижнемъ этажѣ помѣщалась контора, и служащимъ въ ней небыло времени, для того чтобы прислушиваться къ шагамъ пѣшеходовъ, а во-вторыхъ, и самый домъ былъ построенъ не въ линію съ тротуарами, а значительно отступя въ глубь двора, съ палисадникомъ, предъ окнами, въ которомъ были разсажены кусты сирени и бузины.

Въ такой тихой и отдаленной мѣстности извозчики, разумѣется, встрѣчались не всегда часто. Иной разъ нужно было пройти двѣ три улицы, пока попадутся какія-нибудь плохонькія санишки. Засидѣвшіеся гости въ особенности барыни, собираясь домой, по нѣскольку разъ надѣвали и снимали свои салопы, стоя въ передней въ ожиданіи прислуги, посланной за извозчикомъ.

— Что же это она какъ долго?.. Не итти ли намъ

лучше пѣшкомъ, пока что: Богъ дастъ, выберемся къ мосту, тамъ безпремѣнно найдемъ...

— Къ мосту! шутка ли до моста дойти. Вы ночуйте лучше...

— И, что вы!.. Дома-то у насъ всю ночь будутъ безпокоиться.

Въ это время горничная, прикрывшись наскоро платкомъ, бѣгала по улицамъ и переулкамъ, озабоченно оглядывалась по сторонамъ и, едва переводя духъ отъ усталости, тоскливо пищала:

— Изво-о-зчикъ! Изво-о-зчикъ!..

Даже и «изъ города», съ Ильинки, напримѣръ, или отъ Красныхъ Воротъ не всегда легко было добраться въ эту отдаленную мѣстность, и прежде чѣмъ нанять извозчика, приходилось съ нимъ вступать въ болѣе или менѣе продолжительные переговоры.

— Да вамъ туда что ли, за Михайла Архангела?— переспрашивалъ онъ и чесалъ въ затылкѣ,—о-го!..

Петъ Ѳедоровичъ, какъ замѣчено выше, былъ «стариннаго покроя». Одежды носилъ тоже не короткополыя и не то чтобы ужъ очень длинныя, а такъ, что называется, степенныя: сюртукъ сшитый «по-господски», но подлиннѣе и пошире въ рукавахъ, верхнее платье тоже съ замѣтнымъ уклоненіемъ къ старинѣ: пальто не пальто, но и не мужицкій азямъ, — а такъ что-то среднее между тѣмъ и другимъ.

Запоздавъ въ городѣ по дѣламъ, онъ нанималъ извозчика намѣренно такого, который побѣднѣе. И торговался онъ съ нимъ тоже по-старинному, не такъ, какъ нынче торгуются. Нынче—идетъ человѣкъ скорымъ шагомъ, засунетъ руки въ карманы короткополаго пальто и на-ходу говоритъ:

— «Извозчикъ, туда-то столько-то» и шагаетъ дальше, повторяя одно и тоже въ другой, и въ третій, и въ десятый разъ, пока не услышитъ, наконецъ: «пожалуйте». Петръ Ѳедоровичъ торговался иначе. Бывало, выйдетъ изъ рядовъ, гдѣ у него былъ оптовый складъ товаровъ, остановится на панели, перекре-

стится, взглянувъ на храмъ Божій, потомъ улицу оглянетъ налѣво и направо, задумчиво всматриваясь въ суетливую толчею пѣшеходовъ, экипажей и возовъ, всегда въ безпримѣрномъ безпорядкѣ тѣснящихся на торговыхъ московскихъ улицахъ, и потомъ уже подойдетъ къ экипажу извозчика.

— Вамъ куды?—торопливо спрашиваетъ извозчикъ.

— Отвези ты меня, за Каменный въ Спиридоньевскій переулокъ.

— Только туды, али обратно поѣдете...

— Туда только!

— Положьте рубликъ.

— Нельзя! Проси половину—тогда будемъ торговаться...

— Баринъ! Баринъ!.. Купецъ!.. Вамъ куды?—слышатся голоса другихъ извозчиковъ, обступившихъ его со всѣхъ сторонъ.—Купецъ, слышь, давай семьдесятъ пять.

— Какъ можно! Креста на тебѣ нѣтъ что ли?..

— Крестъ, ваша милость, завсегда, значитъ, при насъ. Ну, только «Погибшіе» далеко отсюда!..

— Не смышленый! Не понимаешь, что говоришь!.. И называешь неправильно. Развѣ можно называть: «Погибшіе»? «Взысканіе погибшихъ». Понялъ?..

— Это какъ вамъ угодно. Можно и такъ назвать, ну, только, ваша милость, дорога отъ этого короче не будетъ...

Петръ Ѳедоровичъ хотя и торговался, не больше, такъ сказать, по обычаю, нельзя же, молъ, платить дороже той цѣны, какую слѣдуетъ: пожалуй, бросай деньги зря, сколько угодно можно разбросать, а какой прокъ отъ этого,—баловать народъ тоже нечего.

Такъ онъ размышлялъ, задумчиво всматриваясь въ лицо извозчика, а въ душѣ его уже зарождалось чувство сожалѣнія къ нему, и тѣмъ сочувственнѣе онъ относился къ его бѣдности, чѣмъ костлявѣе была его лошаденка. Случалось, сядетъ въ ободранныя санишки хмурый, мрачно оглядываетъ рваный кафтанишко

извозчика, его шапченку съ торчащею изъ дыръ куделью, спину тоже тощую и сгорбленную съ болтающейся на ней изъ стороны въ сторону мѣдной бляхой, и начнетъ его разспрашивать,—откуда, какъ живетъ, велика ли семья и т. п.

— Трудно, ваша милость... нужды много, заработки плохи, сѣдокъ нонѣ сталъ тоже прижимистъ, а корма дорогіе...

— Да, да!.. На вотъ тебѣ,—говорилъ онъ, отдавая деньги,—только помни, нашъ приходъ называется «Взысканіе погибшихъ». Понялъ?

— Господи! Какъ не понять! За полтину нанимали, а дали эстолько денегъ!

— Я тебѣ о названіи прихода говорю.

— Понимаю, ваша милость, какъ слѣдуетъ понимаю. Неужели же я... Господи!.. Вижу, добрѣйшая душа! Два рубля отвалилъ. Дай тебѣ, Господи, и въ семъ вѣкѣ, и въ будущемъ!.

IV.

Съ нѣкотораго времени сталъ приходить къ Петру Ѳедоровичу «чужой человѣкъ» и довольно часто, иногда въ недѣлю раза по два. Съ нимъ онъ велъ какіе-то необыкновенно продолжительные разговоры, притомъ не въ конторѣ, а у себя въ кабинетѣ. Ирина Игнатьевна обратила на это вниманіе. Пробовала она спрашивать по его уходѣ, кто этотъ «чужой», но Петръ Ѳедоровичъ сначала отговаривался ничего необъясняющими словами: «такъ одинъ тутъ... по дѣлу», но потомъ, при настойчивыхъ вопросахъ Ирины Игнатьевны, сказалъ:

— Это архитекторъ.

— Что же ты секретничаешь? Зачѣмъ онъ?

— Секретовъ, Ирина Игнатьевна, въ этомъ нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—а только не стоитъ говорить, о чемъ не слѣдуетъ.

— Какъ не слѣдуетъ? Если я тебя спрашиваю, зна-

читъ, слѣдуетъ. Стало быть, ты что-то задумалъ строить?

— Задумать я могу, что угодно, только все это одно, можно сказать, мечтаніе... Думаю и о церковныхъ поправкахъ, и о другомъ... Мало ли что! У насъ сынъ на жениховской линіи. Иной разъ и на счетъ этого прикинешь: женимъ, если Богъ благословитъ, помѣщеніе новое потребуется.

— Охъ, что-то ты скрываешь!..

— Скрывать мнѣ нечего.

Прошло нѣсколько дней. Въ кабинетѣ опять появился архитекторъ. Ирина Игнатьевна прислушивалась, о чемъ говоритъ съ нимъ мужъ, распрашивала горничную, входившую туда по зову Петра Ѳедоровича, и, наконецъ, не выдержала, вошла туда сама.

— Ты это... зачѣмъ же?—не безъ смущенія спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, приподнимаясь отъ стола.

— Охъ, извини. Я думала, ты одинъ.

Она остановилась, какъ бы въ нерѣшительности, итти ли назадъ или остаться.

— Ты Ирина Игнатьевна, того... ты намъ не мѣшай.

— Я хотѣла только спросить... Можно, пожалуй, и послѣ... Но что это за бумаги такія по столу разложены? Я такихъ и не видывала. Петръ Ѳедоровичъ, что это?

— Послѣ, послѣ... Ты пока уходи... не препятствуй намъ. Вели лучше чайку сочинить.

— Отчего же ты не хочешь сказать?

Петръ Ѳедоровичъ нахмурился и строго посмотрѣлъ на нее.

— Послушайте,—обратилась она къ архитектору,— скажите мнѣ, что это за планы за такіе? Домъ что ли, али что другое на нихъ?..

Архитекторъ смущенно посмотрѣлъ на нее, потомъ на Петра Ѳедоровича, теряясь при мысли о томъ, отвѣчать ли на вопросъ или отмалчиваться. Петръ Ѳедоровичъ отвѣтилъ самъ и на этотъ разъ громко:

— Ирина! Я сказалъ, уходи.

Однимъ именемъ безъ отчества онъ называлъ ее въ рѣдкихъ случаяхъ, — когда утрачивалъ способность сдерживать свой гнѣвъ. Она сдѣлала шагъ впередъ, намѣреваясь, повидимому, возразить ему, но, замѣтивъ, съ какою нервною дрожью въ рукахъ онъ застегиваетъ свой длиннополый сюртукъ, мгновенно измѣнила свое рѣшеніе. Поведя плечами въ знакъ пренебреженія къ его гнѣву, она гордо вышла изъ кабинета, не сказавъ болѣе ни слова.

Проводивъ ее строгимъ взглядомъ, Петръ Ѳедоровичъ долго оставался пасмурнымъ и почти не говорилъ съ архитекторомъ, а только задавалъ короткіе вопросы:

— А это какъ? А размѣры какіе?.. Гм... А это что?

Послѣдствія того недовольства, съ какимъ вышла изъ кабинета Ирина Игнатьевна, не замедлили обнаружиться. Чай, котораго ждалъ Петръ Ѳедоровичъ, поданъ не былъ, несмотря на то, что со времени ухода Ирины Игнатьевны прошло уже болѣе полчаса.

— Что же это? Гдѣ чай? Эй? Кто тамъ есть? Православные христіане?—громко крикнулъ онъ, выйдя изъ кабинета въ корридоръ.

На зовъ его появилась горничная и остановилась въ дверяхъ, вопросительно ожидая приказаній.

— Отчего же такъ долго чаю нѣтъ?

— Чаю?.. Самоваръ, стало быть, поставить?.. Я сейчасъ...

— Ка-а-къ?—трагическимъ шепотомъ спросилъ онъ, готовый, повидимому, разразиться упреками, но въ ту же минуту овладѣлъ собой и сдержанно сказалъ:

— Должно, хозяйка не разслышала, а можетъ, по разсѣянности и позабыла... Бываетъ, бываетъ... Поставь, поторопись.

Затѣмъ онъ прошелъ чрезъ корридоръ въ комнату, гдѣ жила его бабушка, мать его отца, дряхлая, сгорбившаяся старушка, проводившая цѣлые дни въ уединеніи.

— Бабушка, — шепотомъ сказалъ онъ, войдя къ ней,—распорядись, родная, на счетъ чайку.

— Ась? — переспросила старушка, прикладывая руку къ уху,—плохо слышу, доброй, плохо.

Онъ подошелъ къ ней поближе, объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Ладно, ладно, доброй. Я сейчасъ, — отвѣчала она,—ишь ты опять какое дѣло... Охъ, грѣхи, грѣхи!..

— Да, да... что-то она не въ духѣ сегодня...

Бабушка поохала, покачала головой и поплелась въ столовую.

Ирина Игнатьевна сидѣла въ сосѣдней комнатѣ и, закрывъ лицо обѣими руками, всхлипывала

Бабушка заглянула къ ней, но ни слова не сказала и, вернувшись въ столовую, стала дрожащими руками вынимать изъ буфета посуду. Потомъ прошла, едва передвигая ноги, на кухню, узнать, поставленъ ли самоваръ. Плохо видя, она пробираясь обратно къ столовой, держалась поближе къ стѣнѣ и повременамъ ощупывала ее рукой. Когда самоваръ былъ, наконецъ, поданъ, чай налитъ и горничная унесла его въ кабинетъ, бабушка прошла въ комнату Ирины Игнатьевны и шепотомъ проговорила:

— Полно, добрая, полно. Уймись, успокойся... не малое вѣдь дитя ты... надо, добрая, все въ терпѣніи, въ смиреніи... Охъ, охъ!..

— Да, хорошо вамъ говорить, — возразила Ирина Игнатьевна, — онъ васъ не смѣетъ обижать. А мнѣ каково переносить. Съ чего онъ нынче такую моду выдумалъ, — важничать. Терпѣть я этого не могу. Задумалъ какія-то постройки и сказать не хочетъ. Что-за тайны за такія! Нѣшто такъ можно. Покойный тятенька мой тоже богатый былъ, побольше его капиталъ имѣлъ и церковь на Николоямской построилъ, двухъ-этажную, значитъ, и для зимней службы, и для лѣтней, а никогда такой важности на себя не напущалъ. Правду пословица-то говоритъ, что черезъ золото слезы льются: дѣйствительно, когда мы большихъ

дѣловъ не разводили, онъ не въ примѣръ былъ проще и ласковѣе...

Она волновалась, плакала, называла себя несчастной женщиной, а бабушка, сидя около нея на стулѣ, перебирала въ рукахъ косточки четокъ, которыя никогда съ нею не разлучались, и шептала про себя молитву.

— Господи Іисусе Христе...

Когда горничная вернулась съ пустыми стаканами, бабушка вновь налила ихъ и потомъ сказала, обратясь къ Иринѣ Игнатьевнѣ:

— Ты, добрая, ужъ налей сама, ежели спросятъ еще, а я побреду къ себѣ.

Гнѣвъ и слезы Ирины Игнатьевны были непродолжительны, какъ всегда. Полчаса спустя, она уже вошла въ свое обычное настроеніе духа. Громкій голосъ ея слышался то на кухнѣ, то въ отдаленныхъ комнатахъ, гдѣ въ сосѣдствѣ съ прачешной, женщина, взятая поденно, гладила бѣлье.

— Ты, голубушка, очень-то не засиживайся! Я этого не люблю. Ты къ вечеру безпремѣнне покончи все глаженье,—строго внушала она,—что это за мода такая—одну стирку три дня гладить!..

О сынѣ Петръ Θедоровичъ сталъ уже поговаривать съ женой, какъ о взросломъ.

— Парень — слава Богу! Въ Ирбитъ ѣздилъ съ довѣреннымъ — въ лучшемъ видѣ. И къ дѣлу охоту настоящую имѣетъ и баловства это чтобы какого-нибудь за нимъ,—ни Боже мой. На рѣдкость паренекъ. И характеромъ, и выдержкой, всѣмъ взялъ. Именно, можно сказать, первый сортъ.

— А ты потише. Больно-то не захваливай.

— Это я къ тому, мать, слышишь, — объясняетъ Петръ Θеодоровичъ, поспѣшно оглядываясь, — что промежду купцами о немъ разговоръ хорошій. Очень одобряютъ. Такъ надо полагать, что хорошія деньги за невѣстой цапнетъ.

Ирина Игнатьевна вздыхаетъ, прикладываетъ правую руку къ щекѣ и умильно смотритъ на образъ.

— Далъ бы Господь ему здоровья, да разума, а что тамъ за большимъ богатствомъ гнаться. Въ большомъ богатствѣ, Петръ Ѳедоровичъ, радости не много...

— Нѣтъ, шалишь. Осади, мать назадъ! Деньги большая сила. Торгуй я, къ примѣру, по-прежнему въ розничной лавочкѣ,—какая бы тогда была по моему капиталу цѣна Гришѣ? А теперь, разумѣется, деньги къ деньгамъ...

Петръ Ѳодоровичъ вдумчиво вглядывается въ лицо Ирины Игнатьевны и вдругъ почему-то умолкаетъ.

— Что ты такъ пристально смотришь?

Онъ улыбается, подсаживается къ ней ближе и, обнявъ ее правой рукой, говоритъ:

— Вотъ оно время-то что дѣлаетъ, мать, а! Лапочки гусиныя подъ глазами появились; морщинки поползли по лицу бороздочками и ума Господь прибавилъ.

— Что-жъ по-твоему дура я что ли была прежде?

— Этого я не допускаю. Зачѣмъ такъ, а все же теперь основательности во всемъ больше...

Онъ понижаетъ голосъ и, не снимая руки съ ея плеча, передаетъ ей свои сокровенныя думы о томъ, у кого именно всего лучше посватать невѣсту.

— У Харитоньева, у Савелія Кузьмича, двѣ дочки поспѣваютъ; годъ подождать — и невѣсты. Старшая какъ разъ Гришѣ подъ масть, такая же черноглазая. Капиталъ у Савелья Кузьмича порядочный, можно сказать, хорошій капиталъ. Пожалуй за каждой по сотнѣ тысячъ отсыплетъ. Что-жъ, ничего, можно взять. А то, пожалуй, и прибавочки попросить не повредитъ. Меня онъ уважаетъ, а по мнѣ, само собой, и Гришу тоже. А то вотъ еще у Кошелева дочь, тоже капиталъ у нея основательный. Дѣла онъ давно прекратилъ, только и занятія теперь, что къ ранней обѣднѣ каждый день ходитъ, да купоны отъ процентныхъ бумагъ отрѣзаетъ. Можно и у него закинуть

удочку, авось и клюнетъ. Съ нимъ мы прежде бо-о-льшія дѣла дѣлывали... Еще есть на виду одна невѣста, ахъ, хороша. Вотъ это ужъ, можно сказать, даже на рѣдкость. У Суконникова, у Ѳаддея Егоровича. Хороша невѣста, высокой цѣны; но только нечего грѣха таить, надо сознаться, что пожалуй нашему Григорью Петровичу она и не подъ пару. У Суконникова милліонное состояніе, и стало быть не нашему носу рябину клевать: ягода нѣжная!

— Да будетъ тебѣ, Петръ Ѳедоровичъ, вздоръ-то городить. Развѣ наше дѣло сыну невѣсту выбирать?

— А то чье же?

— Конечно, онъ самъ долженъ... по душѣ чтобы...

— Ну это ужъ извини! Что онъ въ этихъ дѣлахъ понимаетъ.

Ирина Игнатьевна начинаетъ волноваться.

— Опомнись, Петръ Ѳедоровичъ,—восклицаетъ она, поднявшись съ дивана,—что ты говоришь? Вѣдь ему съ невѣстой придется жить, а не тебѣ...

— Да неужели ты думаешь, онъ въ состояніи самъ выбрать?

— Это ужъ его дѣло. Пусть выбираетъ и намъ скажетъ, а мы можемъ обсудить, коли ежели что—и посовѣтовать, образумить... Самое главное надо, чтобы по чувству ему была...

Петръ Ѳедоровичъ тоже не выдерживаетъ спокойнаго тона и быстро поднимается на ноги.

— Ужъ извини, Ирина Игнатьевна! Покорнѣйше прошу, извини, сдѣлай милость, я тебѣ правду долженъ сказать настоящую. Да! я думалъ, ты въ самомъ дѣлѣ поумнѣла, оказывается—нѣтъ. Въ волосахъ, оно точно, сѣдина появилась настоящая, а въ головѣ попрежнему порядку нѣтъ...

V.

Въ тѣ дни, когда, по случаю праздника, не предстояло «въ городѣ» никакихъ дѣлъ, Петръ Ѳедоровичъ

расхаживалъ иногда по двору, пристально вглядываясь въ свои владѣнія. Случалось, остановится по срединѣ двора, долго смотритъ на домъ, на флигель, гдѣ жили приказчики, и что-то соображаетъ, повидимому, сложное и серьезное, такъ какъ брови его при этомъ строго хмурятся. Ирина Игнатьевна замѣчала его иногда стоящимъ посреди двора въ такомъ положеніи—и открывала окно.

— Петръ Ѳедоровичъ! Слышь! — кричала она,— подойди-ка сюда.

Онъ въ отвѣтъ на ея крикъ иногда подходилъ къ окну и на вопросъ о томъ, съ какой цѣлью осматриваетъ такъ подозрительно дворъ и постройки, отвѣчалъ что-нибудь въ видѣ шутки, башню, молъ, хочу построить и т. п., но случалось, окрикъ Ирины Игнатьевны его сердилъ, и онъ грозилъ ей кулакомъ такъ внушительно, что она тотчасъ же закрывала окно.

Кучеръ Трофимъ, работникъ Ѳома и другіе рабочіе и служащіе мужскаго и женскаго пола тоже, по случаю праздника, случалось, болтаются безъ дѣла по двору, ухитряются усаживаться на скамеечкѣ за воротами впятеромъ, тогда какъ на ней едва въ пору помѣститься троимъ, и лакомятся при этомъ сѣмячками подсолнечника. Женщины хихикаютъ, подергиваютъ плечами и прикрываются платочками, мужчины улыбаются и поглаживаютъ бороды. Кучеръ Трофимъ молчаливъ и важенъ. Ѳома—простоватъ и смахиваетъ не то какъ-будто на дурачка, не то на беззаботнаго счастливца, между которыми всегда есть что-то общее. Трофимъ покуриваетъ изъ коротенькой трубочки «носогрѣйки» и тѣсниться на скамьѣ не хочетъ, находя это до нѣкоторой степени унизительнымъ для себя. Онъ стоитъ около скамьи, опершись плечомъ на растворенную калитку воротъ.

— И что это, я погляжу, какіе вы безсовѣстные,— говоритъ онъ, наконецъ, недовольный, что сидящіе на скамьѣ намѣренно жмутъ другъ друга.

— Въ чемъ же, Трофимъ Ильичъ, самая это наша

безсовѣстность, ежели тѣсно и никакъ иначе намъ невозможно размѣститься,—отвѣчаетъ кто-то со скамьи.

— Принесли бы, когда ежели такъ, изъ кухни табаретъ, значитъ, это благоприличнѣе, али бы стулъ, напримѣръ...

— Табаретъ здѣсь не полагается. У воротъ положено быть скамьѣ, а табаретъ это уже сверхъестественно выйдетъ.

— Ничего... что-жъ такое!..

Увидѣвъ чрезъ отворенную калитку хозяина, расхаживающаго по двору, онѣ приходятъ въ смущеніе, мужчины немедленно встаютъ со скамьи, предоставляя ее во владѣніе однѣмъ женщинамъ. Первый робѣетъ Ѳома.

— Вотъ тѣ табаретъ!—шепчетъ онъ и обдергиваетъ концы новой ситцевой рубахи, еще ни разу немытой и потому топорчащейся на немъ лубкомъ во всѣ стороны.

— Хозяинъ по двору ходитъ! —таинственно сообщаетъ онъ Трофиму.

— Что жъ изъ этого?—холодно спрашиваетъ Трофимъ.

— Хмурый!

— Что жъ!.. Пущай ходитъ, какой есть...

Трофимъ уже оставилъ трубочку и забавляется сѣмячками подсолнечника. Плисовая безрукавка его разстегнута, руки—въ карманахъ широкихъ шароваръ, губами онъ выбрасываетъ шелуху сѣмячекъ и плечами поводитъ позвременамъ не безъ пренебрежительности, именно въ знакъ того, что ему все равно, ходитъ ли хозяинъ по двору, или сидитъ у себя въ кабинетѣ и считаетъ деньги. Онъ почему-то разъ навсегда составилъ себѣ такое представленіе о Петрѣ Ѳедоровичѣ, что если онъ у себя въ кабинетѣ, то непремѣнно считаетъ деньги. Однако, несмотря на небрежное пошевеливанье плечами, онъ повременамъ коситъ скуластое лицо въ ту сторону двора, гдѣ расхаживалъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Гляди! Сюда повернулъ!—шепчетъ Ѳома.

— А ты, дура голова, локтемъ меня въ бокъ не толкай,—тоже тихо, но гнѣвно отвѣчаетъ Трофимъ, я тебя самого за это такъ двину, что на три сажени отлетишь!..

— Тише! Хозяинъ сюда идетъ.

— Пущай!

— Эй! кто тамъ? Иди-ка сюда кто-нибудь!—неожиданно раздается у воротъ громкій голосъ Петра Ѳедоровича.

Въ группѣ служащихъ происходитъ смущеніе, женщины переглядываются и жмутся одна къ другой уже не изъ кокетливости, а отъ тревожнаго чувства, охватившаго ихъ при взглядѣ на мужчинъ. Ѳома кидается на голосъ хозяина и даетъ на-ходу отвѣтъ:

— Я сейчасъ. Я, Петръ Ѳедоровичъ, иду...

Трофимъ застегиваетъ свою безрукавку на крючки, но не спѣша, а съ намѣренною медлительностію,—мнѣ, молъ, этотъ самый хозяйскій голосъ нипочемъ, потому всѣ мои дѣла завсегда въ порядкѣ, лошади, значитъ, здоровы, экипажъ въ цѣлости, а ко всему другому я отношусь, можно сказать, даже довольно равнодушно.

Оказывается, что Петръ Ѳедоровичъ спрашиваетъ, гдѣ сажень. Ѳома сначала теряется, не понявъ его вопроса, но потомъ, когда хозяинъ толково объясняетъ, ему свое желаніе, проситъ подать ему сажень и даже говоритъ, чтобы онъ не торопился, Ѳома понимаетъ въ чемъ дѣло—и кидается со всѣхъ ногъ за саженью.

— Не бѣги такъ. Не спѣши. Время терпитъ.

Когда Ѳома, запыхавшійся, предсталъ предъ нимъ, Петръ Ѳедоровичъ строго проговорилъ:

— Что ты мечешься! Сказано тебѣ, дѣло не спѣшное.

— Слушаю...

— Ну вотъ, дѣйствуй. Становись къ этой стѣнѣ и мѣряй теперь до амбара,—сколько тутъ саженъ выйдетъ.

— Хорошо. Это я могу. Это—сколько угодно, могу даже дальше амбара...

— Глупъ ты! Дѣлай, что приказываютъ, и не разсуждай.

Ѳома начинаетъ измѣреніе. Петръ Ѳедоровичъ смотритъ, какъ онъ кладетъ сажень на землю, и считаетъ.

— Ну вотъ хорошо! Стой. Дальше не надо. Не надо, говорю, слышишь! Промѣривай теперь вотъ въ эту сторону.

— Можно, Петръ Ѳедоровичъ, и въ эту сторону. Это извольте,—я съ удовольствіемъ...

Петръ Ѳедоровичъ опять считаетъ, потомъ останавливается, смотритъ на домъ и флигель, и потомъ, отпустивъ Ѳому, не спѣша идетъ чрезъ дворъ въ садъ.

— Ушелъ!—шепчутъ у воротъ.

— Это онъ опять задумываетъ что-нибудь на счетъ амбара, тѣсно стало: товары подъ навѣсомъ лежатъ.

— А можетъ ба-а-ню!—пѣвуче замѣчаетъ одна изъ женщинъ.

— Выдумала!

— А то что жъ? Очень даже просто, потому теперь народу служащаго въ домѣ развелось много, и въ старой банѣ тѣсно.

— Баню!—смѣется Ѳома во весь ротъ,—вотъ безтолковыя эти бабы!..

— Ты у насъ толковый. Даже всѣмъ на удивленье умникъ!

Трофимъ долго молчалъ, вслушиваясь въ разнорѣчивыя мнѣнія собесѣдниковъ и собесѣдницъ о томъ, какія именно постройки предполагаетъ сдѣлать хозяинъ, и наконецъ пренебрежительнымъ тономъ произнесъ:

— Тоже—аттихтехтуръ!..

VI.

Домъ Петра Ѳедоровича содержался всегда въ примѣрномъ порядкѣ,—на дворѣ ни соринки, у амбаровъ и кладовыхъ—крашеныя двери съ массивной желѣзной

оковкой и тяжелыми висячими замками, надъ обѣими площадками, открывавшими входъ въ домъ, такъ-называемый парадный и черный,—навѣсы изъ кровельнаго желѣза съ затѣйливыми фестонами, окрашенными въ яркіе цвѣта. Выйдетъ онъ изъ дому, весь дворъ оглянетъ и все сразу видитъ. Оттепель ли начнется зимою, онъ немедленно сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы дворникъ очистилъ крыши отъ снѣга, куры ли наберутся смѣлости и пойдутъ бродить по двору тамъ, гдѣ имъ не указано—онъ отдаетъ строгій приказъ, чтобы была увеличена для нихъ въ дальнемъ углу приманка въ видѣ новой кучи навоза. Иной разъ онъ самолично открываетъ двери коровника и внушаетъ дворнику:

— Слышь ты... Ей, Ѳома! Оглохъ что-ли! Пойди сюда. Слышь,—ворота чтобы сохранно. Стереги пуще глазу, понимаешь? за ворота чтобы—ни Боже мой.

Ѳома всегда озабоченъ и всегда встрѣчаетъ Петра Ѳедоровича со страхомъ и трепетомъ.

— Хозяинъ примѣрный,—что говорить!—разсказываетъ онъ о немъ пріятелямъ и разсказываетъ шепотомъ, пугливо оглядываясь во всѣ стороны при этомъ,— хозяинъ положительно на рѣдкость и говорить нечего. Ну—строгъ! такъ строгъ, такъ строгъ—бѣда!..

Онъ—работникъ старательный и безъ метлы по двору не ходитъ, хозяйскій голосъ слышитъ, можно сказать, за версту и шаги Петра Ѳедоровича узнаетъ издалека. Только-что заслышитъ ихъ, тотчасъ пріободрится, сдвинетъ шапку на затылокъ, полы кафтана подоткнетъ за опояску и усилитъ свою дѣятельность.

Петръ Ѳедоровичъ видитъ его насквозь.

— Ты, Ѳома,—говоритъ онъ,—попусту метлой грязь не мѣси. Слышь?

— Слышу! какъ же, Петръ Ѳедоровичъ, завсегда, значитъ, все въ порядкѣ, чисто и укуратно...

— И языкомъ, Ѳома, зря не болтай.

— Я, что жъ, Петръ Ѳедоровичъ... Какъ прикажете..

— Чисто,—вдругъ возвышаетъ тонъ Петръ Ѳедоровичъ,—а песокъ, а? Не было что ли у тебя времени посыпать около крыльца? Не хорошо, Ѳома. Похвалить тебя за это нѣтъ никакой возможности!

— Виноватъ... Точно, что оплошалъ... Признаться, не доглядѣлъ...

— То-то!

Петръ Ѳедоровичъ, оглянувъ еще хозяйскимъ взглядомъ дворъ, уходитъ, или уѣзжаетъ. Ѳома долго потомъ стоитъ въ смущеніи посреди двора и чешетъ затылокъ.

— Какъ это я проворонилъ? Песокъ!.. Что жъ, песокъ развѣ далеко, вонъ его куча какая!..

Ѳома парень впечатлительный, и хозяйскія замѣчанія ему выслушивать такъ же тяжело, какъ и похвалы. Случается иной разъ, Петръ Ѳедоровичъ остается въ праздникъ дома и, расхаживая по двору въ благодушномъ настроеніи, начнетъ его хвалить, — и Ѳома не знаетъ, куда глаза дѣвать.

— Ты, Ѳома, молодецъ! Можно сказать, настоящій работникъ. Парень ты хорошій, хорошій парень! Можно сказать, на рѣдкость парень!..

Ѳома, наконецъ, не выдерживаетъ.

— Что жъ это, Петръ Ѳедоровичъ, нѣшто такъ можно,—возражаетъ онъ,—ежели разъ похвалили и будетъ, а то затвердили одно...

— Вотъ это самое въ тебѣ хорошее, Ѳома, — весело замѣчаетъ Петръ Ѳедоровичъ,—это вотъ всего дороже. И въ писаніи сказано: блажени чистые сердцемъ...

— Мало ли чего! Мое дѣло темное, потому, какъ человѣкъ я неграмотный... только ежели затвердить одно... оно, знаете, тоже... не ловко.

Посиживая у себя въ кабинетѣ въ мягкомъ креслѣ въ пріятномъ ощущеніи независимости и мирнаго покоя, Петръ Ѳедоровичъ, припоминалъ измѣренія, произведенныя по двору саженью, и отдавался думамъ о предполагаемыхъ постройкахъ. Бутъ, кирпичъ, известь, бревна, стоимость всякихъ работъ,—всему этому онъ

зналъ точныя цѣны со всѣми ихъ колебаніями, зависящими отъ качества работъ и матеріаловъ, отъ времени и мѣста ихъ производства.

— Сдѣлаемъ пристроечку,—думалъ онъ, — потихоньку, не спѣша, будемъ заготовлять матеріалъ, оно значительно дешевле обойдется. Намъ нельзя по-барски: сейчасъ давай, строй, вези матеріалъ, плати, сколько запросятъ. Это не основательно. По-нашему, по-купечески, дѣло надо дѣлать обдуманно, въ свое время приторговать и привезти; и сложить гдѣ слѣдуетъ съ разумѣніемъ... Слава Богу, дѣлишки идутъ порядочно. Годы только уходятъ быстро: не успѣлъ оглядѣться, анъ ужъ и пять десятковъ на плечи навалилось. Вотъ это досадно! Помощникъ, положимъ, есть и, судя по всему, парень обстоятельный. Женить надо, пока парень не очень еще поумнѣлъ. Поумнѣетъ, тогда его и не женишь. Смѣшно сказать, а пожалуй, на правду похоже.

Гуляя тихимъ вечеромъ по тѣнистымъ аллеямъ сада, примыкавшаго къ церкви, и вслушиваясь въ долетавшія изъ раскрытыхъ оконъ ея священныя пѣснопѣнія, Петръ Ѳедоровичъ крестился, а потомъ, забывшись, начиналъ про себя мурлыкать.

— Ахъ ты мо-ло-до-сть!.. Ты куда дѣвалася...

Церковь «Взысканіе погибшихъ» памятна ему съ молодости. Иконостасъ, паникадило съ хрустальными украшеніями, хоругви съ выпуклыми изображеніями крылатыхъ головокъ херувимовъ, темные лики святыхъ на стѣнахъ, мѣстами уже поотцвѣтшіе и пожелтѣвшіе до неузнаваемости,—все тѣсно связано съ воспоминаніями прошлаго, когда онъ отъ мелочной торговли сталъ мало-по-малу перебираться къ крупной и купилъ землю, сосѣднюю съ этою церковью. Онъ помнитъ, какъ бывало, Гриша, будучи ребенкомъ, засматривался во время церковныхъ службъ на паникадило, слѣдя за отраженіемъ огней въ хрустальныхъ его

украшеніяхъ, и какъ онъ клалъ ему на голову свою массивную руку, загорѣлую и жилистую, и наклонялъ голову книзу, говоря строгимъ шепотомъ:

— Молись, Гриша, не зѣвай по сторонамъ!

Обстановку этого храма онъ по мѣрѣ увеличенія торговыхъ дѣлъ, постепенно обновлялъ. Прежній почернѣвшій иконостасъ вызолотилъ, паникадило, порыжѣвшее и помятое, и стершуюся на стѣнахъ живопись тоже обновилъ,—словомъ, храмъ привелъ въ значительно лучшее, чѣмъ прежде, состояніе. Прихожане, за исключеніемъ его, были люди небогатые и оказать помощь для болѣе роскошнаго обновленія храма не могли. Они говорили, что Петръ Θедоровичъ скупъ, что «по его капиталу» слѣдовало весь храмъ съ подобающею роскошью обновить, поставить новую колокольню, «кумпола» вызолотить «черезъ огонь», колокола замѣнить другими, болѣе тяжеловѣсными съ густымъ «малиновымъ» звономъ и т. д. И ежели, говорили они, дѣла идутъ такъ блистательно у него, какъ замѣтно по всѣмъ видимостямъ, то онъ безпремѣнно все это долженъ сдѣлать въ благодарность Создателю, давшему и дающему ему великія и богатыя милости.

Слухи о такихъ разговорахъ достигали до Петра Θедоровича, и онъ вполнѣ признавалъ справедливость мнѣнія прихожанъ, но, однако, стоялъ на своемъ и отъ большихъ расходовъ на обновленіе храма воздерживался.

— Всему свое время,—думалъ онъ,—разумѣется, надо все заново передѣлать, и колокольню поднять, и все вообще поставить въ лучшемъ видѣ, ну, только допрежь всего надо, чтобы Гришу женить поудачнѣе, взять ему хозяйку съ хорошенькимъ приданымъ. Все обновлю, все воспроизведу въ превосходнѣйшемъ вкусѣ, и для храма Божія это требуется, и за насъ грѣшныхъ молитва къ Господу пойдетъ въ немъ успѣшнѣе, и Гришѣ, Богъ дастъ, за это орденокъ дадутъ. Отъ имени его буду обновлять: мнѣ-то орденокъ, напримѣръ, ни къ чему, а для Гриши лестно.

— А что, бабушка, какъ ты полагаешь, будетъ ли нашъ Гриша, такъ же, какъ мы, заботиться о благолѣпіи храма Божія?—спрашивалъ онъ иногда бабушку.

— Какъ же не будетъ? Безпремѣнно будетъ! Ежели ты, добрый, пріучалъ и пріучаешь его къ этому,—безпремѣнно по твоимъ стопамъ пойдетъ. Съ малыхъ лѣтъ надо ребенка въ любви къ храму пріучать, съ малыхъ. Надо неустанно слѣдить за нимъ, за каждымъ его шагомъ. Не даромъ и въ стихѣ сказано: «Отроча благо изъ млада учися, во всякомъ дѣлѣ Господу молися. Бодрствуетъ юнымъ всегда въ дѣлѣ быти, на старость имать въ покои ти жити. А праздность и старыхъ людей повреждаетъ, младымъ же паче на вредъ да бываетъ...»

Стихи эти сыну его тоже были знакомы. Онъ, какъ и Петръ Θедоровичъ самъ, слыхалъ ихъ отъ бабушки много разъ и иногда даже при обстоятельствахъ, не совсѣмъ для него желательныхъ. Стихи эти, или, какъ называла бабушка, «стихъ», она съ годами стала забывать и перепутывала такъ странно, что «стихъ» и безъ того довольно длинный, казалось, и конца не имѣлъ. Гриша, бывало, слушаетъ, слушаетъ и начнетъ безпокойно оглядывать комнату, придумывая способъ уйти отъ бабушки; но она на этотъ разъ была тоже не безъ сообразительности и, плохо видя, придерживала его около себя за пуговицу пальто или за руку.

— Бабушка! Вы уже третій разъ повторяете одно и тоже,—замѣчалъ онъ, наконецъ.

— Да, добрый да! Я и сама чувствую, что не ладно у меня выходитъ, — говорю, а конца нѣтъ... Память, слышишь ты, ослабла. Отъ этого все. О. Господи помилуй! Да что это какъ сегодня долго малый изъ конторы не идетъ: надо бы мнѣ акаѳистъ слушать...

VII.

Прежде, давно, при жизни покойнаго отца Петра Θедоровича, лѣтъ сорокъ тому назадъ, въ семьѣ Дро-

вяниковыхъ акаѳисты читались каждый вечеръ, и къ слушанію ихъ созывались въ залъ всѣ члены семьи, и приказчики, и прислуга, даже кучеръ, становившійся всегда позади всѣхъ, у косяка двери, и нерѣдко позѣвывшій въ кулакъ въ томительномъ ожиданіи конца чтенія. Покойный старикъ читалъ акаѳистъ всегда самъ, а приказчики подпѣвали заключительныя слова кондаковъ и тропарей, т. е.: «аллилуя», «радуйся невѣста неневѣстная» и т. д. Женская часть хора пѣть не рѣшалась, развѣ только чуть-чуть которая-нибудь изъ болѣе молодыхъ и смѣлыхъ дѣвицъ пискливо тронетъ нотку припѣва и тотчасъ же смолкнетъ, смутившись и прикрывъ лицо фартукомъ. Смущеніе вызывалось конечно, всего болѣе тѣмъ, что тутъ же рядомъ съ ними стояли приказчики, тоже молодые люди, не лишенные способности стрѣлять глазами въ ихъ сторону. Старикъ во все продолженіе чтенія оставался на колѣняхъ, и случалось, безъ перерыва прочитывалъ не только акаѳистъ «Іисусу Сладчайшему», но и еще нѣсколько другихъ, напримѣръ, — Божіей Матери, или Ангелу Хранителю, или кому-либо изъ святыхъ. Кучеръ, угловатый, смуглый мужикъ, съ черными, какъ вороново крыло, волосами, слушая чтеніе перваго акаѳиста, не безъ усердія молился и даже земные поклоны клалъ, касаясь пола одновременно обѣими руками и сваливаясь на него какъ-то бокомъ. Во время чтенія второго акаѳиста молитвенное настроеніе его начинало ослабѣвать, онъ уже не клалъ земныхъ поклоновъ, а только крестился и какъ-то порывисто склонялъ голову, встряхивая при этомъ волосами.

При началѣ чтенія третьяго акаѳиста онъ глубоко вздыхалъ и чесалъ въ затылкѣ. Молитвенное настроеніе его уже совершенно разсѣевалось, — онъ косилъ глаза на выходную дверь и, выбравъ удобный моментъ, уходилъ, осторожно ступая только на концы своихъ огромныхъ сапогъ. Дверь предательски скрипѣла, онъ морщился и бережно притворялъ ее за собою подъ звуки пѣнія приказчиковъ, не всегда стройно басив-

шихъ: «радуйся» или: «Іисусе, сыне Божій, помилуй мя».

Случалось, старикъ, войдя въ залъ, оглянетъ собравшихся служащихъ и спроситъ, а гдѣ, молъ, такой-то? Позвать его,—что-за безпорядки? Вваливался иной разъ на его зовъ какой-нибудь верзила съ мрачными взглядами исподлобья и на вопросъ, почему замедлилъ?—упорно отмалчивался, смотря въ полъ. Старикъ, бывало, пригрозитъ: «ты, молъ, у меня гляди. Сказано, приходить къ акаѳисту — и приходи. Если еще такъ себѣ позволишь,—отъ мѣста откажу. Такихъ, которые упорные и на счетъ молитвы настоящаго понятія имѣть не хотятъ, такихъ мнѣ, братецъ мой, не надо». Такъ, бывало, скажетъ и погрозитъ кулакомъ подъ самымъ носомъ мрачнаго лѣнивца и дотого внушительно, что тотъ отъ такой угрозы морщился и учащенно мигалъ.

Послѣ смерти отца торговыя дѣла Петра Ѳедоровича расширились, число приказчиковъ, артельщиковъ и инаго служащаго люда настолько увеличилось, что уже неудобно и нежелательно стало приглашать всю эту разнохарактерную толпу на общую молитву. Самый складъ жизни и взаимныя отношенія хозяевъ къ служащимъ получили другой характеръ. Прежнихъ отношеній между хозяиномъ и служащими уже не могло быть по многимъ причинамъ. И дѣла у Петра Ѳедоровича были болѣе сложныя, чѣмъ прежде, сопровождавшіяся заботами, огорченіями, неожиданными перемѣнами, а служащіе были тоже не прежніе простодушные ребята, покорные его волѣ, и внушать имъ религіозныя чувства кулакомъ было уже нельзя. Они имѣли уже понятіе о свободѣ личности, понятія уродливыя, усвоенныя мимоходомъ изъ подвернувшейся подъ руку книжки, и на угрозы кулакомъ могли, пожалуй, отвѣтить, что, молъ, извините, господинъ хозяинъ, нонѣ такихъ правовъ нѣтъ, а ежели коли-что, такъ можно—и къ мировому.

Положимъ, Петръ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ съ

выдержкой и стать въ такія отношенія къ служащимъ не могъ, но онъ ясно сознавалъ, что между тѣмъ временемъ, когда торговалъ его отецъ, и тѣмъ, которые онъ переживалъ, легла огромная пропасть. Въ самомъ ходѣ дѣлъ и въ характерѣ отношеній къ служащимъ было уже нѣчто такое, что не допускало мысли объ общей молитвѣ: въ конторѣ далеко за полночь иногда занимались спѣшно служащіе, писали, считали, щелкали счетными костяшками, въ сосѣднихъ комнатахъ артельщики завертывали или развертывали образцы товаровъ, таскали въ комнату къ хозяину, и все дѣлалось почему-то скоро, отрывисто, съ торопливою озабоченностью. Громкій голосъ хозяйна повременамъ слышался тоже далеко за полночь, то гдѣ-нибудь во дворѣ около амбара, заваленнаго товарами, то въ конторѣ, то въ кабинетѣ. Гдѣ же тутъ и когда можно было отдаваться заботамъ о томъ, чтобы собраться всѣмъ на общую молитву.

Иной разъ, случалось, бабушка намѣренно медлила, откладывая время чтенія акаѳиста и поджидая, не подъѣдетъ ли къ этому времени «изъ города» Петръ Ѳедоровичъ, или не освободится ли онъ отъ торговыхъ разговоровъ въ конторѣ, но дождаться рѣдко могла и посылала въ контору за мальчикомъ.

— Зовите ужъ, коли самого-то нельзя дозваться... Охъ, грѣхи, грѣхи!..

И замкнулась вечерняя молитва въ маленькой комнаткѣ старушки, ограничиваясь зачастую только двумя лицами: мальчикомъ, читавшимъ вслухъ акаѳистъ, и бабушкой, стоявшей на колѣнахъ передъ образами.

При благопріятномъ теченіи дѣлъ и самъ Петръ Ѳедоровичъ иногда читалъ для нея акаѳистъ и даже житіе того святаго, память котораго праздновалась въ тотъ или въ слѣдующій день. Книги Минеи-Четьи большаго формата и крупной печати были пріобрѣтены еще покойнымъ его отцомъ и всегда лежали на окнѣ

въ комнатѣ бабушки, занимая своей огромной грудой весь подоконникъ. Бывало, возвратясь «изъ города», онъ набожно осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, раскрывалъ книгу Минеи-Четьи и, взглянувъ на бабушку, какъ бы желая удостовѣриться, тутъ ли она и въ достаточной ли степени способна къ слушанію, начиналъ чтеніе:

— «Въ пятое на десятое лѣто владычества Тиверія Кесаря»...

Читалъ онъ громко и внятно произносилъ каждое слово, и случалось, взглядывалъ по временамъ на бабушку, именно по той причинѣ, что она иногда во время чтенія засыпала.

— Бабушка! — обращался онъ къ ней въ такихъ случаяхъ, вдругъ перемѣняя тонъ рѣчи.

— А? Что такъ ты... пересталъ!—спрашивала она, очнувшись.

— Не отложить ли?

— Что ты? зачѣмъ? Я вѣдь только такъ чуть забылась... О, Господи, прости! Читай, добрый, читай...

Случалось и такъ, что на самомъ интересномъ мѣстѣ чтенія Петръ Ѳедоровичъ неожиданно прекращалъ его и, не сказавъ ни слова бабушкѣ, быстро уходилъ изъ ея комнаты. Бабушка недоумѣвала.

— Что же это онъ, куда дѣлся?—спрашивала она, разговаривая сама съ собой.

Онъ въ это время былъ уже въ конторѣ и сидѣлъ за какимъ-нибудь счетомъ, о которомъ неожиданно вспомнилъ во время чтенія житія. Въ комнату бабушки, нѣсколько времени спустя, входилъ мальчикъ, посланный имъ изъ конторы.

— Ты это что, добрый, пришелъ? Тебя, стало быть, Петръ Ѳедоровичъ послалъ, а? — кротко спрашивала бабушка, пристально вглядываясь въ мальчика, прикрывъ глаза сверху ладонью.

— Никакъ это ты, Лаврентьюшко?

— Такъ, бабушка, я самый...

— Вотъ хорошо, добрый, хорошо. Ты читаешь внятно и вразумительно. Почитай, добрый, а я послушаю. Вотъ прежде Гришенька, когда подросталъ, читывалъ мнѣ. Хорошо онъ читалъ, чувствительно. Онъ любилъ читать житія, очень любилъ... Теперь, слышь ты, времени нѣтъ, тоже, какъ и отецъ, въ дѣлахъ все. Ѳ, Господи помилуй!..

Мальчикъ Лаврентій читалъ рѣзкимъ альтомъ и до того иной разъ громко, что Ирина Игнатьевна появлялась въ дверяхъ бабушкиной комнаты и укоризненно говорила:

— Лаврушка, тише! Охъ, какой! Ты такъ кричишь, что ни мнѣ, ни Гришѣ спать не даешь!..

— Охъ, и то правда, тревожно соглашалась бабушка, — что это ты, добрый, въ самомъ дѣлѣ, а? Господи, спаси! Гришеньку-то не разбудить бы какъ грѣхомъ!..

VIII.

Прежде, когда бабушка была въ силахъ, у ней было постоянное занятіе—заготовленіе рубашекъ для бѣдныхъ. Для этого она сама покупала на рынкѣ ленъ, сама пряла пряжу и ткала холсты, потомъ шила изъ нихъ рубашки и раздавала бѣднымъ. Точно также прежде она сама готовила по субботамъ обѣдъ для нищихъ, усаживала ихъ въ кухнѣ за большой столъ и сама имъ лично прислуживала, осуществляя на дѣлѣ и въ буквальномъ смыслѣ единое между людьми братство во Христѣ, въ которомъ «цари и князи, богатые и нищіе—въ равномъ достоинствѣ».

Какъ прежде, при жизни мужа, торговавшаго въ маленькой лавочкѣ игольнымъ товаромъ, она одѣвалась въ простыя одежды изъ крашенаго въ кубовую синюю краску холста, извѣстнаго подъ именемъ крашенины,—въ наши дни уже рѣдко и въ деревняхъ встрѣчающагося,—такъ и теперь она одѣвалась и также просто, попрежнему, относилась ко всѣмъ окружающимъ, несмотря на то, что внукъ ея, Петръ Ѳедоровичъ разбо-

гатѣлъ и готовъ былъ по первому ея слову подарить ей какихъ угодно одеждъ изъ шелка и бархата.

Въ описываемое время она уже не могла заготовлять рубашекъ для бѣдныхъ, потому что силы ея ослабѣли, не могла и нищую братію угощать собственноручно, и не только потому, что силы ея ослабѣли, но главнымъ образомъ по той причинѣ, что нищихъ въ Москвѣ къ этому времени развелось такое множество, что лишь заикнись она объ общей для нихъ трапезѣ, то ихъ не только въ кухнѣ, но и въ огромномъ дворѣ владѣній Петра Ѳедоровича не помѣстишь.

Теперь бабушка знала только одно дѣло—молиться Богу. Она ежедневно посѣщала всѣ церковныя службы. Отъ дома до церкви было небольшое разстояніе, стоило только пройти изъ воротъ за уголъ сосѣдняго переулка, но, несмотря на это, въ виду ея преклонныхъ лѣтъ, была всегда къ ея услугамъ провожатая — старушка изъ черной кухни. Какъ только раздавался первый ударъ колокола къ заутренѣ, она проворно поднималась съ своего ложа и, наскоро одѣвшись, шла въ комнату бабушки, которая къ ея приходу не только просыпалась, но нерѣдко въ ожиданіи ея становилась предъ образами на колѣни и шептала молитвы, склонивъ, по обычаю, голову къ полу. Старуха, бывало, только подойдетъ къ дверямъ, она уже слышитъ и, поднимая голову отъ пола, говоритъ:

— Никакъ ты, Марьюшка?

— Я, бабушка. Слышь, звонятъ.

— Слышу, слышу. Пойдемъ, благословясь.

Выходя изъ комнаты и входя въ нее, бабушка каждый разъ непремѣнно крестилась и притомъ такъ, какъ нынче крестятся немногіе, даже и духовнаго званія лица.

Нынче, посмотришь, идетъ иной священникъ въ щегольской яркаго цвѣта рясѣ, по домовой гдѣ-нибудь церкви, молодцовато потряхиваетъ кудрявыми космами волосъ направо и налѣво, съ улыбкой киваетъ знакомымъ и въ то же время крестится торопливо, съ не-

бреженіемъ, точнѣе говоря, не крестится, а только болтаетъ рукой, какъ попало, по груди.

Бабушка никогда подобнаго небреженія не только сама не дѣлала, но и другимъ внушительно замѣчала, что творить крестное знаменіе слѣдуетъ не спѣша, съ чувствомъ и съ сознаніемъ его великаго значенія.

Марьюшка, видя, съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ крестится бабушка, выходя изъ комнаты, тоже крестилась и вздыхала, какъ бы сознавая грѣховность своей жизни по сравненію съ тою, какую вела бабушка. Такое сознаніе хотя и было у ней непродолжительно, но все-таки до нѣкоторой степени указывало на хорошія стороны ея сердца.

Дверь изъ бабушкиной комнаты выходила въ стеклянный корридоръ, въ который изъ оконъ дома отъ лампады, горѣвшей предъ образами въ переднемъ углу столовой, проникалъ свѣтъ, падавшій на лѣстницу, выходившую со втораго этажа во дворъ. Свѣтъ былъ весьма скудный, но все-таки до нѣкоторой степени давалъ возможность итти по ней ночью болѣе или менѣе свободно.

По корридору Марьюшка шла позади бабушки до лѣстницы, а на лѣстницѣ каждый разъ нѣсколько опережала ее и придерживала за руку. Обѣ онѣ брели въ полутьмѣ осторожно, въ особенности въ темныя осеннія ночи и зимой, когда церковныя утреннія службы совершаются еще до разсвѣта. Кромѣ того, бабушка нуждалась въ помощи Марьюшки и по причинѣ своего слабаго зрѣнія, сдѣлавшагося въ послѣдніе годы еще болѣе слабымъ.

Спустившись съ лѣстницы и снявъ желѣзный большой крюкъ съ двери, на который она запиралась извнутри, онѣ выходили во дворъ и обѣ чувствовали себя свободнѣе.

— Вотъ и слава Богу, спустились, кажись,—произносила бабушка.

— Да, спутились. Теперь уже слободно...

— Сегодня куда же мы, добрая? Въ нашей-то

церкви, кажись, сегодня нѣтъ службы. Стало быть, мы направо за уголъ къ Тремъ Святителямъ?

— Должно такъ, бабушка. Въ нашу церковь—въ середу, въ пятницу, въ воскресенье, а сегодня нѣтъ службы. Это такъ точно. Гдѣ же Ѳома-то у насъ? Эй, Ѳома! — звала Марьюшка, нѣсколько возвысивъ голосъ.

Ѳома уже былъ давно на своемъ мѣстѣ, у воротъ. Онъ съ издавна былъ пріученъ къ тому, чтобы своевременно отпирать для бабушки калитку воротъ и зналъ даже, въ какую церковь и въ какіе дни ей слѣдовало итти.

— Я здѣсь, Парасковья Петровна, я завсегда какъ слѣдуетъ... Здравствуйте.

— Здравствуй, добрый,—это ты.

— Я самый, Парасковья Петровна, Ѳома, значитъ. Сегодня вамъ дорога къ Тремъ Святителямъ, потому тамъ сегодня, значитъ, послѣ ранней обѣдни акаѳистъ.

— Такъ, добрый, такъ. Акаѳистъ сегодня тамъ... Спасибо тебѣ. О, Господи батюшка!

И Марьюшка, въ подражаніе бабушкѣ, тоже говорила:

— Спасибо тебѣ, Ѳома! Ты аккуратно знаешь свое дѣло, ты—съ понятіемъ...

— Я понимаю. Я все могу понимать, что слѣдуетъ. У меня чтобы упущеніе какое по дѣламъ — сохрани Богъ, этого я не могу, потому какъ, значитъ, самъ хозяинъ, Петръ Ѳедоровичъ, строго на строго внушаетъ, чтобы всякое дѣло завсегда—въ свое время и въ аккуратности...

— Ты, Ѳома, молодецъ!..—поощряетъ Марьюшка.

Ѳома пріосанивается, сдвигаетъ на бокъ шапку, принимая до нѣкоторой степени ухарскій видъ, и смотритъ вслѣдъ уходящимъ старушкамъ съ сознаніемъ своего превосходства,—вы, молъ, эвона какъ чуть-чуть плететесь, а я могу ходить скоро и бойко. Онъ вглядывался въ темную даль ночи, передвигалъ шапку на другое ухо и почесывалъ затылокъ; завидя, наконецъ,

возвращающуюся Марьюшку, онъ оживлялся и тономъ пренебреженія говорилъ ей:

— Иди что-ли! Иззябъ я, ждамши.

— Чего ждать-то? Шелъ бы. Я, чай, и сама съумѣю припереть калитку.

— Нѣтъ ужъ на счетъ этого, сдѣлай милость, извини. Петръ Өедоровичъ приказалъ мнѣ за этимъ смотрѣть. Препоручилъ. Стало быть, я и долженъ соблюдать строго.

— И хорошо, когда такъ. Только ты не говори громко, а то, избави Богъ, Петръ Өедоровичъ услышитъ,—не похвалитъ!

При имени хозяина Өома всегда впадаетъ въ тревожное состояніе духа, торопливо поправляетъ на головѣ шапку, и громкій голосъ его сразу переходитъ на тихій шопотъ.

— За что тутъ хвалить! Извѣстно, въ шею надо за это нашего брата,—вотъ что! Безпремѣнно въ шею, потому мнѣ самъ Петръ Өедоровичъ строго на строго приказывалъ сколько разовъ, чтобы я не смѣлъ громко разговаривать, и на счетъ шапки тоже не разъ было говорено, чтобы я ее на ухо не смѣлъ сдвигать, потому онъ этого не допущаетъ! Забываю я, вотъ причина!

— Иди, Өома, — говоритъ Марьюшка, — прилягъ пока.

— Чего—прилягъ? Досугъ ли мнѣ! У меня дѣловъ не оберешься. За водой надо съѣздить, дворъ подмести, сапоги приказчикамъ вычистить, а тамъ, гляди, для Петра Өедоровича нужно лошадь запрягать. Вотъ тѣ— и прилягъ!

Марьюшка догадывалась, что съ нимъ разговоровъ пожалуй до обѣдни не кончить. Она уже не возражала ему и, молча отмахнувшись отъ него обѣими руками, шла въ черную кухню, чтобы еще на часикъ прикурнуть въ своемъ углу за печкой. Өома тоже дѣлалъ легкій взмахъ рукой, какъ бы въ подтвержденіе своей мысли о множествѣ лежащихъ на немъ по дому дѣлъ,

и пугливо оглядывался на окна той комнаты, гдѣ спалъ хозяинъ.

Марьюшка была малорослая, но широкоплечая и тучная старуха съ короткой шеей и выпуклыми оловяннаго цвѣта глазами, говорила густымъ и хриплымъ голосомъ, часто при этомъ откашливалась и прикрывала ротъ рукой. Зная давно, что бабушка ведетъ жизнь уединенную и уклоняется отъ всякаго вмѣшательства въ домашнія дѣла, а тѣмъ болѣе въ отношенія между служащими, она, провожая ее въ церковь, все-таки не могла удержаться отъ разговоровъ съ нею именно объ этихъ отношеніяхъ. Въ короткій путь до церкви, на прохожденіе котораго при самомъ медленномъ ходѣ требовалось не болѣе десяти минутъ, она каждый разъ передавала что-нибудь такое, чего бабушкѣ не только было неинтересно знать, но и непріятно.

— Трофимъ, бабушка, вчера пришелъ вечеромъ изъ гостей пьянымъ пьяно.

— Какой Трофимъ, Марьюшка? Господь съ тобой! Я никакого Трофима не знаю. Съ умомъ ли ты, — о чемъ говоришь!

— Какъ не знать, бабушка, Трофимъ—кучеръ.

У насъ кучеръ Павелъ.

— Павелъ, бабушка, давно померъ. Трофимъ ужъ третій годъ живетъ. Выпиваетъ онъ, такъ выпиваетъ, даже до невозможности.

— Ну и Богъ съ нимъ!

— Да какъ это самъ-то Петръ Θедоровичъ не видитъ. Стоитъ вѣдь только на лицо его посмотрѣть,— краснехонекъ и носъ въ синеву пошелъ.

— Господи, помилуй! — шептала бабушка каждый разъ при подобныхъ разговорахъ и мысленно благодарила Бога, что церковь такъ близко.—Иди ты, добрая, домой, иди. Здѣсь отъ угла я и одна добреду.

— Да я тоже, бабушка, хочу помолиться зайти, хоть и не надолго, а заверну и я.

— Вотъ это хорошо, добрая. Больно хорошо. Только прости ты меня грѣшницу, не осуждай никого. Не наше дѣло. Сказано, добрая: «неосужденіе — безъ труда спасеніе». Молись да молись, вотъ и вся заповѣдь.

Прикрытая наскоро накинутой на голову шубенкой, рукава которой вѣтеръ иногда раздувалъ по сторонамъ, какъ крылья, Марьюшка поспѣшно шла обратно, возбуждая въ Ѳомѣ неудовольствіе.

— Богомольщица тоже!

— Молчи, Ѳома...

— Я тѣ покажу, молчи. Я вотъ возьму, да и запру калитку, попробуй, постучись. Я не обязанъ тебя ожидать...

Марьюшка видитъ, что онъ не въ ударѣ,—не возражаетъ. Она знаетъ, что если разозлить его, то онъ пожалуй пуститъ въ голову чѣмъ ни попало. Ей извѣстно вѣрное средство сдерживать его гнѣвъ: она показываетъ ему рукой на окна комнаты, въ которой спальня Петра Ѳедоровича, — Ѳома немедленно сокращается, даже ростомъ становится какъ будто ниже.

IX.

И въ церкви бабушка такъ же, какъ у себя въ комнатѣ, молилась на колѣняхъ, склонивъ голову къ полу. Войдетъ, бывало, въ церковь всегда раньше другихъ, проберется, постукивая палочкой къ своему обычному мѣсту около свѣчнаго сундука, находившагося въ сосѣдствѣ со стойкой старосты, палочку бережно положитъ на полъ около себя и опустится на колѣни.

Пока продолжается служба, она остается на колѣняхъ и лишь въ тѣхъ случаяхъ поднимается на ноги, когда, во время утрени или всенощной, священникъ, обходя всю церковь, совершаетъ кажденіе предъ образами и кадитъ на богомольцевъ. Отвѣтивъ на его кажденіе низкимъ поклономъ, бабушка опять опускается на колѣна и молится, прося у Господа «христіанской

кончины живота и мира всему міру», и поплачетъ, и подремлетъ, и опять начнетъ шептать молитвы.

Оканчивается заутреня и ранняя обѣдня, начинается исполненіе требъ частныхъ лицъ, служеніе молебновъ, панихидъ, и, потомъ—поздняя обѣдня, послѣ нея иногда опять молебны, панихиды, крестины и т. п.,—бабушка во все продолженіе ихъ остается въ церкви и возвращается домой, когда уже не ожидается болѣе никакихъ службъ до вечерни.

Одѣта она во что-то темненькое, длиннополое, домашняго шитья, плотно закрытое у шеи, на головѣ—черный платокъ, въ рукахъ четки и палочка; идетъ не спѣша, медленнымъ и робкимъ шагомъ, видимо побаиваясь, не натолкнуться бы какъ грѣхомъ на кого-нибудь, на поклоны встрѣчающихся отвѣчаетъ съ торопливою поспѣшностію и нѣкоторою даже какъ будто испуганностію, что это, молъ, Царица Небесная, такое со мной: мнѣ кто-то кланяется, а я, грѣшница, и не замѣчаю.

Идя отъ свѣчнаго сундука къ выходу изъ церкви, она иногда останавливается, прикладываетъ руку къ бровямъ, для того чтобы пристальнѣе всмотрѣться въ окружающіе ее предметы, столь дорогіе по воспоминаніямъ прошлаго. Въ памяти мелькаютъ образы близкихъ когда-то ея сердцу родныхъ.

— Вотъ здѣсь, — вспоминаетъ она, — вотъ около этого подсвѣчника, у иконы преподобнаго Игнатія Богоносца, было мѣсто покойнаго брата, Игнатія Петровича: всегда, бывало, стоитъ, опершись плечомъ о стѣну, и баскомъ подтягиваетъ пѣнію. Царство ему небесное, хорошій былъ человѣкъ. А вотъ здѣсь, зять покойный станвалъ... Рано Господь его призвалъ. Буди Его святая воля. Такъ, стало быть, слѣдуетъ. Хорошій тоже былъ человѣкъ... Да, все на свѣтѣ преходяще,—думаетъ она,—нѣтъ ничего вѣчнаго... И давно ли, кажись, я сама была молодая, давно ли замужъ выходила,—все миновало, промелькнуло, точно сонное какое видѣніе,

Возвратясь изъ церкви она пила чай въ общей столовой, иногда вмѣстѣ съ Петромъ Ѳедоровичемъ. При хорошемъ расположеніе духа, имѣвшемъ, разумѣется, всегда близкое отношеніе къ его торговымъ дѣламъ, онъ, случалось, встрѣчалъ ее веселымъ привѣтомъ.

— А-а! Бабушка! Дорогая наша молитвенница! День деньской моя печальница, въ ночь ночная богомольница! Какъ здоровьемъ-то?

— Плохо слышу, добрый, плохо... Отчего бы? Погода что ли такая, Господь съ ней, сырая.

— Погода сыровата, это вѣрно.

— Вотъ и глаза что-то не ладно будто. Одинъ-то еще, лѣвый, ничего, чуточку видитъ, а правый ослабъ. Лѣкарства бы ты мнѣ какого у лѣкаря спросилъ, можетъ, глазъ-то и наладился бы.

— Что жъ, бабушка, это можно.

— Да нѣтъ, поди не наладится. Гдѣ ужъ ему теперь...

Она вглядывалась въ Петра Ѳедоровича изъ-подъ руки, точно желая повѣрить свои сомнѣнія на счетъ глаза.

— Не наладится, гдѣ ужъ!.. О, Господи, помилуй!.. Пилъ, добрый, чай-то, али еще нѣтъ?

— Пилъ, бабушка.

— То-то. Просфирочки хотѣла тебѣ дать... Если пилъ, такъ нельзя ужъ, добрый.

— Да, я въ городъ собираюсь... напился. Надо поторапливаться,—сегодня, признаться, запоздалъ...

— Съ Богомъ, съ Богомъ!

Бабушка бережно развертывала темненькій фуляровый платочекъ, въ которомъ у ней была просфора, ежедневно приносимая изъ церкви, набожно крестилась, цѣлуя ее, и потомъ, осторожно разломивъ, ѣла, собирая со стола крошки съ такою озабоченною тщательностію, какъ драгоцѣнное сокровище.

— Не вижу хорошо-то, не вижу!—тихо разговаривала она сама съ собой,—не осталось ли на столѣ крошечекъ... Никакъ не убережешься... О, Господи, прости мои согрѣшенія!

Въ комнаткѣ у ней была обстановка не только простая, но почти бѣдная: на кровати, вмѣсто матраца, войлокъ, сложенный въ два ряда, сверхъ него ватное одѣяло изъ разныхъ остатковъ ситца, вырѣзанныхъ въ равномѣрные кусочки и ею собственноручно когда-то сшитыхъ; въ углу образа съ неугасимой лампадой, между ними образъ Митрофанія Воронежскаго, изображеннаго съ развернутымъ свиткомъ въ рукахъ, на которомъ было написано: «Употреби трудъ, храни умѣренность—богатъ будеши. Воздержно пій, мало яждь—здравъ будеши. Твори благо, бѣгай злаго, — спасенъ будеши».

Эти краткія правила, заключавшія въ себѣ большое содержаніе, были всегда строго соблюдаемы бабушкой. Прежде, когда зрѣніе ея было лучше, она, случалось, подолгу стаивала предъ этимъ образомъ, смотря на развернутый свитокъ святителя, перечитывая его и вдумываясь въ смыслъ написаннаго на свиткѣ.

— Хорошо, больно хорошо сказано,—размышляла она—и кратко и внушительно. Истинно указуетъ путь и для земной жизни, и для небесной. О богатствѣ только вотъ... сказано, что-то... будто и лишнее... Зачѣмъ оно? А можетъ я, грѣшница, не понимаю... О, Господи, помилуй!..

Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ сундучекъ, окрашенный охрой, въ немъ хранилось имущество ея, предназначенное ею для смертныхъ одеждъ: холщевая рубашка собственноручнаго тканья и шитья, новые, не надѣванные еще башмаки стариннаго покроя, такъ называемые въ простонародьи, коты; поясокъ съ вышитой на немъ молитвой, принесенный ею отъ мощей Варвары Великомученицы изъ Кіева, куда она ходила пѣшкомъ на богомолье, ища утѣшенія въ скорби, долго томившей ее послѣ смерти мужа.

Когда Петръ Ѳедоровичъ предложилъ поставить къ ней въ комнату диванъ, она отказалась. Диванъ, однакоже, поставили въ то время, когда ея не было дома. Возвратясь, она удивилась и огорчилась.

— Что же это?.. Не къ чему мнѣ... не привыкла я къ этому.

Но когда ей сказали, что Петръ Ѳедоровичъ немедленно велитъ убрать диванъ, стоитъ только намекнуть ему объ этомъ, она отвѣтила:

— Полно, полно! Что вы!.. Какъ можно ему говорить. Стало быть, такъ нужно: онъ вѣдь глава, и его надо слушаться. Нельзя, чтобы въ домѣ не было старшаго, и въ писаніи говорится, что «всяко царство само въ себѣ раздѣляяся запустѣетъ и домъ на домъ раздѣлившійся падаетъ».

То, что было давно, она помнила съ необыкновенною ясностью, но что только вчера случилось,—забывала. Такъ, напримѣръ, на Пасхѣ, въ теченіе Святой недѣли служили въ домѣ, по обычаю, молебны, «поднимали» иконы изъ церкви своего прихода и приглашали священниковъ изъ другихъ приходовъ съ образами; бабушка объ этомъ забывала и грустнымъ тономъ спрашивала Петра Ѳедоровича:

— Что же это ты, добрый, нынче такъ замедлилъ съ образами. Вѣдь Святая-то недѣля уже, гляди, на исходѣ.

— Поднимали, бабушка. Вспомни, во второй день поднимали.

— Какъ же это я, Господи, помилуй, запамятовала?

— И отъ сорока мучениковъ поднимали, въ среду, а вчера отъ Успѣнія Божьей Матери...

— Запамятовала, грѣшница, Господи, прости!

— И съ водосвятіемъ. Въ домѣ вездѣ окропляли святой водой, все какъ слѣдуетъ по порядку справлено.

— То-то, добрый, то-то! Всегда это нужно исполнять. Не нами заведено, не нами пусть и кончится...

— Зачѣмъ, бабушка, этому кончаться? Во вѣки вѣковъ это слѣдуетъ соблюдать нерушимо. И Гришѣ внушаемъ, чтобы онъ исполнялъ все безъ упущенія. Потому, я такъ полагаю, что ежели къ отеческимъ обычаямъ и къ Божьему храму нѣтъ у человѣка настоящаго рвенія,—пропащее дѣло!..

— Такъ, добрый, такъ. Это ты, добрый, вѣрное слово сказалъ. Спаси, Господи, и помилуй!..

Въ домѣ ея какъ бы не было, такъ она была тиха во всѣхъ своихъ движеніяхъ и разговорахъ. Добредетъ тихонько до столовой, помолится на образа и сядетъ, молча, къ столу, молча выпьетъ свой чай и не спѣша уйдетъ къ себѣ въ комнатку, гдѣ и останется до вечерень, либо четки перебираетъ въ рукахъ, читая про себя молитву, либо стоитъ на колѣняхъ передъ образомъ въ обычной своей позѣ со склоненной къ полу головой и тоже молитвы шепчетъ.

— Бабушка, пожалуйте обѣдать, — позоветъ, бывало, горничная, посланная къ ней Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Что ты, добрая, съ умомъ ли,—удивляется бабушка,— ты что говоришь, подумай. Знаешь вѣдь, добрая, что я никогда не обѣдаю.

— Я, бабушка, не по своей волѣ васъ зову. Меня послалъ хозяинъ.

— Что это онъ, Господь съ нимъ, выдумалъ...

— Не знаю я... только приказалъ, чтобы позвать васъ.

— Охъ, ужъ мнѣ какъ-будто и не подъ силу. И вечерня, надо быть, скоро... Погляди-ка, добрая, который часъ-то.

— Два только еще.

— А а! Не скоро вечерня-то, не скоро. Стало быть, пойдемъ, коли зоветъ. Пойдемъ... ты меня вотъ здѣсь, по коридору-то проводи немного, а ужъ тамъ я сама...

Петръ Ѳедоровичъ встрѣчалъ ее радостнымъ привѣтствіемъ и самъ проводилъ ее къ назначенному ей за столомъ мѣсту.

— Что это ты, добрый, выдумалъ. Знаешь вѣдь, я не обѣдаю. [illegible] разъ что-нибудь [illegible] [illegible]

[illegible], родная, съ нами посидѣть вмѣстѣ [illegible]!

— Хорошо это, больно хорошо... Я посижу... Спасибо!

— Осетринки я сегодня свѣженькой купилъ. Дешево попалась, да такая чудеснѣйшая осетринка. Скушайте, бабушка, кусочекъ.

— Охъ, добрый, не могу я. Осетрину и совсѣмъ не могу...

— Да вы маленькій кусочекъ. Очень ужъ вкусна.

— Осетрина мнѣ не служитъ. И рада бы, да не могу: не по мнѣ она, стало быть, не по желудку... Года ушли, не служитъ... О, Господи, спаси!..

И по привычкѣ она закрывала глаза, начиная мысленно молиться, о чемъ можно было догадываться по легкому, едва замѣтному движенію ея сморщившихся въ комочекъ губъ.

Но и такой, уже отрѣшившійся отъ всего земнаго человѣкъ, жившій, такъ сказать, въ Богѣ, въ готовности съ вѣрою и надеждою перейти въ иной міръ, чувствовалъ въ то же время свою, ничѣмъ не разрушимую связь съ этимъ міромъ, въ которомъ:

. . . . . «На жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ. . . . »

Уже утратившая, повидимому, всѣ земныя привязанности, она все-таки была крѣпко соединена какими-то таинственными нитями съ землей, съ продолженіемъ своего рода. Это соединеніе ясно выражалось въ тѣхъ нѣжныхъ чувствахъ, какія она питала къ своему правнуку, Гришѣ. Бывало, посадитъ его рядомъ съ собой, начнетъ гладить по плечамъ и по спинѣ, умильно на него смотритъ и повторяетъ одно и то же слово:

— Гришенька, Гришенька!

И когда онъ подросъ и стали его всѣ въ домѣ называть Григоріемъ Петровичемъ, бабушка хотя и не усаживала его попрежнему около себя и не гладила

по плечамъ, но еще съ большимъ, чѣмъ прежде, умиленіемъ прислушивалась къ его голосу и вглядывалась, насколько позволялъ ослабленный взоръ, въ дорогія черты милаго лица. Она какъ бы сознавала, что въ немъ, въ этомъ мужающемъ молодомъ человѣкѣ, есть часть ея собственнаго духовнаго существа, долженствующаго когда-то роковымъ образомъ перейти отъ него въ другое и продолжать свое дальнѣйшее существованіе на землѣ, для какихъ-то таинственныхъ, глубоко скрытыхъ отъ насъ цѣлей.

X.

Священникъ приходской церкви «Взысканіе погибшихъ», отецъ Максимъ, ближайшій сосѣдъ Петра Ѳедоровича Дровяникова, былъ искренній и добродушный старичекъ.

Когда-то высокій, полный и широкоплечій, съ румянымъ лицомъ и черной густой бородой, теперь сгорбившійся и осунувшійся, онъ, подъ тяжестью лѣтъ и житейскихъ непогодъ, утратилъ прежнюю полноту и, казалось, даже ростомъ сталъ ниже. Густые, темные волосы, когда-то тщательно заплетавшіеся на ночь въ косички и волнистыми кудрями ниспадавшіе на плечи, теперь уже не заплетались и не красовались на его плечахъ, уступивъ свое мѣсто широкой лысинѣ во всю голову и повиснувъ жалкими остатками, кой-гдѣ около висковъ и на затылкѣ. Борода ему тоже измѣнила, порѣдѣла и побѣлѣла, а по лицу легли глубокія морщины.

Но, старѣя и ослабѣвая тѣломъ, онъ былъ бодръ духомъ, характеръ его, какъ въ дни молодости, такъ и теперь, былъ спокойный и ровный, и наклонность пошутить, сказать острое, безобидное для другихъ, слово и посмѣяться, чаще всего надъ самимъ собой,— по-прежнему не оставляла его.

Иногда стоя передъ зеркаломъ и расчесывая скудные остатки волосъ, онъ укоризненно покачивалъ го-

ловой и дребезжащимъ голосомъ звалъ къ себѣ дочь.

— Оля! Оленька! Гдѣ ты тамъ?

— Что такое, папенька? Что вамъ нужно? Чистый платокъ? Платокъ я положилъ въ подрясникъ...

— Ахъ, нѣтъ, Оля, не то. Совсѣмъ на другой гласъ пѣніе. Изъясни мнѣ пожалуйста, — въ шутку спрашивалъ онъ,—что это за Овидіевы превращенія со мною. Былъ я молодъ, хорошъ собой, брюнетъ и вдругъ на поди! И когда это случилось—не замѣтилъ!.. Во истину уподобился нисходящимъ въ ровъ!..

— Ахъ, папенька, у васъ все шутки, а мнѣ некогда...

— Стало быть по пословицѣ: «хлопотъ — полонъ ротъ»—Извини, родная. Прошу пардону! ха, ха...

Въ дни молодости по нестяжательности своей и неумѣнью хорошо устраивать житейскія дѣла, онъ, будучи академикомъ, получилъ приходъ въ отдаленномъ и бѣдномъ селѣ и пробылъ тамъ болѣе десяти лѣтъ, пока не былъ замѣченъ самимъ митрополитомъ Филаретомъ, признавшимъ его достойнымъ перевода въ Москву.

— Жизнь,—говаривалъ онъ,—уподобляется тасканію въ мѣшкахъ тяжестей на спинѣ: только-что одинъ свалишь, другой уже наваливается. И такъ — до послѣдняго дня. Какъ только преосвященнѣйшій обратилъ на меня вниманіе, я возмечталъ, —думаю, теперь лишенія мои прекратятся, тѣмъ болѣе и дочь, Ольга, единственная, признаться, и горячо лыбимая, уже пристроена въ замужество,—анъ нѣтъ, занемогаетъ жена и по маломъ времени скончалась, царство ей небесное! Теперь, думаю, мнѣ уже терять болѣе нечего, остается лишь ждать дня кончины своей. Опять нѣтъ: дочь лишается мужа и съ малыми птенцами на мое попеченіе пришла — вновь, слѣдовательно, заботы и недохватка во всемъ. Вотъ жизнь!

Петръ Өедоровичъ зналъ его съиздавна за человѣка искренняго и нестяжательнаго, что въ особенности—

рѣдкое качество между лицами его званія. Дѣйствительно, отецъ Максимъ не только изъ личныхъ какихъ-либо видовъ (Боже сохрани!), но даже и въ прямыхъ интересахъ церкви никогда ни однимъ словомъ не намекнулъ ему о томъ, что вотъ «надлежало бы» и т. д. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ Петръ Өедоровичъ заводилъ рѣчь о предполагаемыхъ имъ, какъ старостою церкви, передѣлкахъ и улучшеніяхъ, онъ отвѣчалъ:

— Что жъ, это будетъ благолѣпно... Да... Помогай вамъ Богъ!.. Я, признаться, предполагалъ ходатайствовать у высокопреосвященнѣйшаго владыки о разрѣшеніи сбора пожертвованій именно на сей предметъ.

При такихъ словахъ Петръ Өедоровичъ даже привскакивалъ съ мѣста и горячо размахивалъ обѣими руками.

— Зачѣмъ сборъ? Помилуйте!.. Неужли мы, прихожане, такихъ пустяковъ про между себя собрать частнымъ образомъ не можемъ?..

Такъ говорилъ Петръ Өедоровичъ въ тѣ уже отдаленныя, можно сказать, времена, когда онъ по дѣламъ своимъ постоянно нуждался въ учетахъ векселей и терпѣлъ отъ прижимокъ купцовъ, занимавшихся этимъ дѣломъ.

Теперь онъ—богатъ, и въ храмѣ отъ его щедротъ все, по словамъ отца Максима, благолѣпно.

— Староста нашъ,—отзывался о немъ отецъ Максимъ,—не староста, а такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, домовладыка. Самовластный человѣкъ. Щедръ и милостивъ,—это справедливо, но противорѣчій не любитъ.

Между ними дружескія отношенія съ давняго времени. Начало ихъ относится къ тѣмъ годамъ, когда сынъ Петра Өедоровича, — Гриша, бѣгалъ еще ребенкомъ по широкому двору отцовскаго дома верхомъ на палочкѣ. Тогда дворъ еще не былъ застроенъ амбарами и кладовыми и на мѣстѣ каменнаго двухъ-этажнаго дома, въ которомъ теперь живутъ отецъ и сынъ и

помѣщалась контора, былъ одно-этажный деревянный. Съ того времени прошло уже много лѣтъ, и отецъ Максимъ, и Петръ Өедоровичъ—оба побѣлѣли и сгорбились, но отношенія ихъ во всё это время ни разу не омрачились никакимъ недоразумѣніемъ или размолвкой.

Такія ровныя отношенія въ продолженіе многихъ лѣтъ объяснялись главнымъ образомъ именно тѣмъ, что оба они умѣли держаться въ извѣстныхъ границахъ другъ отъ друга и не переходили на халатное товарищество. Отецъ Максимъ, бывало, прежде чѣмъ войти въ домъ, всегда предварительно заглянетъ въ контору и спроситъ:

— А что, братія, домовладыка у себя?

— У себя... Пожалуйте...

— Можетъ быть обремененъ занятіями или не въ расположеніи?..

— Нѣтъ... ничего-съ... Какъ всегда...

— Та-акъ-съ...

Отецъ Максимъ это слово всегда почему-то произносилъ протяжно, не безъ задумчивости при этомъ оправлялъ скудные остатки своихъ сѣдыхъ волосъ и потомъ уже шелъ во второй этажъ дома, по той лѣстницѣ чрезъ стеклянную террасу, по которой бабушка Прасковья Петровна при тускломъ свѣтѣ лампады ежедневно выходила по утрамъ въ церковь.

И Петръ Өедоровичъ съ своей стороны тоже, такъ сказать, бережно относился къ отцу Максиму и, бывало, чуть замѣтитъ, что онъ долго не показывается въ его домѣ—самъ идетъ къ нему.

— А-а! Добраго здоровья!..—привѣтствовалъ отецъ Максимъ,—милости просимъ, добрѣйшій сосѣдъ...

— Здравствуйте, здравствуйте! —Ждалъ я васъ, ждалъ и дождаться не могъ. —Дай, думаю, зайду, самъ. Погляжу, какъ старичекъ поживаетъ. Что это въ самомъ дѣлѣ, отецъ Максимъ, такъ долго не заходите?

— Да такъ... Признаться по домашности, то да другое... Знаете, наше дѣло,—и окрести, и обвѣнчай, и похорони, а тутъ еще, глядишь, молебенъ, да другой, да третій,—устанешь, радъ и отдохнуть...

— Да, да. Понимаю... Какъ здоровьемъ-то?

— Благодареніе Создателю, ничего еще, прыгаю.

— Хорошее дѣло... Ольга Максимовна какъ?

— Покорно васъ благодарю.—Оля! Оленька! Загляни-ка сюда, кого намъ Господь послалъ!..

— Осетра! — громко добавляетъ Петръ Ѳедоровичъ,—да какой огромнѣющій...

Ольга Максимовна со свойственною ей быстротой набрасываетъ на себя что-то сверхъ обыденной одежды и улыбающаяся выходитъ къ Петру Ѳедоровичу.

— Ахъ, какъ я рада, Петръ Ѳедоровичъ!

— И чудесно, Ольга Максимовна! Это первое дѣло. Ежели человѣкъ въ радости — и смотрѣть на него пріятно, а на васъ тѣмъ паче.

— Ну ужъ вы скажете.

— Да нѣшто не правда. Отъ сердца говорю, потому какъ расположенъ я къ вамъ и къ родителю вашему всей душой, а къ вамъ даже до чрезвычайности...

Ольга Максимовна нѣсколько жеманится и, краснѣя, говоритъ:

— Полноте шутить...

— Говорю, какъ передъ Истиннымъ...

— Чайкомъ васъ угостить? Да?

— Отъ чаю я скучаю!

— Пуншъ предпочитаю! — подсказываетъ отецъ Максимъ.

— Куда—пуншъ!.. Чайку въ самомъ дѣлѣ стаканчикъ другой можно...

У отца Максима домикъ небольшой одно-этажный въ три окна на улицу. Тяжеловѣсная мебель краснаго дерева еще болѣе стѣсняетъ маленькое помѣщеніе, однако, чистота вездѣ безпримѣрная, на полахъ коврики-дорожки, нѣсколько отцвѣтшіе и пострадавшіе отъ времени, на окнахъ тюлевые занавѣсы, въ переднемъ

углу, какъ быть слѣдуетъ, лампада передъ образами и столикъ-угольникъ, съ полочками, заложенными книгами, передъ диваномъ—большой круглый столъ, покрытый вязаной бѣлой скатертью; въ растворенную дверь сосѣдней комнаты видны тоже образа въ переднемъ углу и горящая лампада. Оттуда доносятся дѣтскіе голоса, кто-то плачетъ, кто-то кричитъ рѣзкимъ альтомъ. Отецъ Максимъ нѣкоторое время хмурится и покачиваетъ головой, потомъ, когда дѣтскіе крики и плачъ усиливаются, онъ, взглянувъ на дверь сосѣдней комнаты, громко говоритъ:

— Эй вы тамъ, Петровичи и Петровны, умолкните! Вотъ я васъ всѣхъ по угламъ разставлю...

Шумъ вмѣсто того, чтобы затихнуть, увеличивается и врывается въ комнату, гдѣ сидятъ на диванѣ отецъ Максимъ съ гостемъ.

— Дѣдушка, дѣдушка! — плаксиво голоситъ маленькая дѣвочка, — Миша мнѣ не даетъ мою книжку: «Какъ хорошъ мусье пѣтухъ».

— Ты что же это, Миша, а? Зачѣмъ такъ своевольничаешь?—спрашиваетъ отецъ Максимъ.

— Пусть она мнѣ моего «Степку растрепку» отдастъ!—бойко отвѣчаетъ Миша.

Дѣвочка стоитъ предъ отцомъ Максимомъ и хнычетъ, закрывъ рученками глаза.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты, Катя, присвоиваешь себѣ его книжку?..

— Я не знаю... гдѣ она... Пусть онъ мою отдастъ...

На выручку является Ольга Максимовна.

— Извините, Петръ Ѳедоровичъ,—говорила она и, властною рукою повернувъ дѣтей лицомъ къ дверямъ другой комнаты, уводитъ ихъ.

— Не безъ шуму у насъ иногда,—замѣчаетъ отецъ Максимъ,—сироты мои, «сіи птенцы гнѣзда Петрова» народъ безпокойный...

— Ничего!.. Это даже пріятно,—отвѣчаетъ Петръ Ѳедоровичъ,—жизнь вокругъ васъ, значитъ, кипитъ...

— Да да! Жизнь! — со вздохомъ отвѣчаетъ отецъ Максимъ.

Петръ Ѳедоровичъ держался въ его домикѣ до нѣкоторой степени гостемъ. Онъ хотя и старался быть насколько возможно проще, и былъ почтителенъ и внимателенъ къ каждому слову отца Максима; но въ глубинѣ души все-таки не могъ освободиться отъ той мысли, что на житейскомъ рынкѣ занимаетъ болѣе высшее положеніе, чѣмъ онъ. Какой-то внутренній голосъ точно искушалъ его и гвоздилъ въ самый, такъ сказать, центръ его сознанія, что хотя, молъ, отецъ Максимъ и пастырь церкви,—а все-таки маленькій человѣкъ, неимущій: я же—богачъ и не только имѣю на сотни тысячъ всякой движимости и недвижимости, но даже и въ процентныхъ билетахъ у меня хранится въ Государственномъ банкѣ основательная сумма.

Провожая его, отецъ Максимъ благодарилъ:—Спасибо, спасибо! Хорошій вы человѣкъ, достопочтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ, — это вамъ зачтется на томъ свѣтѣ..,

— Что такое?

— А вотъ то, именно, что памятуете слова писанія. Апостолъ Павелъ говоритъ: «общенія не забывайте»...

— Гм... гм... что жь...—Это онъ правильно.

XI.

О преферансѣ въ описываемое время и упоминалось даже рѣдко. Иногда устроится, какъ говоритъ отецъ Максимъ, «помянухъ дни древніе», партія,— садятся за нее насколько возможно раньше, чтобы къ десяти часамъ она была окончена. И устроивается она много-много — два раза въ мѣсяцъ: то отецъ Максимъ не здоровъ, то Петръ Ѳедоровичъ, по его словамъ, «что-то не того»... а то бываетъ такъ, что оба здоровы, но третьяго партнера нѣтъ.

— Вотъ незадача какая... А гдѣ же отецъ дьяконъ,

старинный нашъ соратникъ на зеленомъ полѣ?—спрашивалъ иногда Петръ Ѳедоровичъ.

— А Господь его знаетъ! — отвѣчалъ отецъ Максимъ. — Посылалъ я, приглашалъ, чтобы къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ прійтти,—дома, говорятъ, нѣтъ...

Однажды въ отвѣтъ на подобный вопросъ отецъ Максимъ отмахнулся обѣими руками.

— Дьяконъ у меня, скажу вамъ, отъ рукъ отбивается.

— Какъ это?

— Ахъ и не спрашивайте! Впалъ онъ въ партесъ.

— Что такое? Извините, отецъ Максимъ, мнѣ невдомекъ.

— Партесомъ сталъ увлекаться, даже свыше всякой мѣры, то есть, понимаете, пѣніемъ, да добро бы церковнымъ, чего лучше, пой себѣ, сколько душа пожелаетъ, такъ нѣтъ, въ свѣтскій партесъ ударился. Познакомился онъ, изволите видѣть, съ какимъ-то пѣвуномъ театральнымъ и теперь только и слышу выводитъ: «Страха нестрашусь, смерти не боюсь». Что сіе означаетъ, думаю. Что-за праведникъ такой у насъ въ церковномъ дворѣ объявился? Спрашиваю, откуда въ немъ подобное дерзновеніе. Оказывается, онъ повторяетъ слова Ивана Сусанина изъ opернаго сочиненія «Жизнь за Царя»,

— Что же это онъ въ пѣвцы что-ли готовится?

— Куда! Съ его-то козлинымъ голосомъ, и при томъ сами знаете, какіе его года. Такъ предполагать надо, что отъ глупости. Жена у него женщина мягкосердечная,—вотъ въ этомъ и причина...

— Жаль, жаль!—задумчиво отвѣчалъ въ подобныхъ случаяхъ Петръ Ѳедоровичъ, — съиграли бы мы... Пошлю-ка я къ нему парня. Эй, дѣвушка! Слушай, пошли къ отцу дьякону кого-нибудь изъ конторы, приглашаетъ, молъ, хозяинъ на чашку чаю...

Спустя нѣсколько времени посланный явился съ отвѣтомъ:

— Они не могутъ, потому какъ у нихъ гость, и поютъ они съ нимъ что-то такое заунывное...

— Ну вотъ!—подсказалъ отецъ Максимъ,—такъ, такъ. Давеча я пошелъ къ вамъ, слышалъ, тянутъ: «не томи, родимый». Истинно можно сказать про ихъ пѣсни:—не томи, родимый!..

— Что дѣлать! Значитъ, преферансъ не состоится...

— Да, да. Отложимъ попеченіе,—задумчиво замѣтилъ отецъ Максимъ.

Выпьетъ, бывало, онъ у Петра Ѳедоровича стаканчикъ пуншу, легонькаго и чуть-чуть теплаго, поговоритъ на счетъ Григорія Петровича въ томъ смыслѣ, что «не добро быть человѣку одному», спроситъ, не присмотрѣли ли для него «достойную подругу жизни», и задумчиво посмотритъ потомъ на часы.

— А время-то, знаете еще не позднее. Не съиграемъ ли партійку?—спрашиваетъ онъ.

— Въ шашки? Резонъ! Я, признаться, хотѣлъ бабушкѣ житія почитать. Ну да это дѣло не уйдетъ.

Они присаживаются къ маленькому столику. Петръ Ѳедоровичъ выдвигаетъ изъ него ящикъ съ шашками, выкладываетъ ихъ на столъ и спрашиваетъ: какія начинаютъ.

— Все равно. Ну, пусть черныя.

— Резонъ. Черныя — такъ черныя. На этомъ и порѣшимъ.

Петръ Ѳедоровичъ сжимаетъ въ обѣихъ рукахъ по шашкѣ, черной и бѣлой, закладываетъ руки за спину, для того, чтобы скрыть отъ отца Максима, въ которой рукѣ какая шашка, и потомъ держитъ ихъ предъ нимъ сжатыми въ кулакѣ, предлагая взять на выборъ— изъ лѣвой или изъ правой руки.

— Вотъ тебѣ разъ!—восклицаетъ отецъ Максимъ, взявъ шашку,—опять мнѣ приходится открывать ходъ. Проиграю.

— Сіе, отецъ Максимъ, неизвѣстно.

— Да, конечно, грядущее темно. Однако, есть примѣты.

— Примѣта—пустяки! А какъ курсъ?

— Курсъ, по обычаю, прежній.

— То есть, гривенникъ за двѣ партіи выигранныя изъ трехъ.

— Именно. Ну-ка, благословясь...

Отецъ Максимъ игралъ не спѣша и не волнуясь. подолгу обдумывая каждый ходъ. Петръ Өедоровичъ волновался и торопилъ его.

— Долго ли еще ждать?..

— Потерпите.

Передвинетъ отецъ Максимъ шашку и ждетъ, какимъ ходомъ отвѣтитъ ему Петръ Өедоровичъ. Тотъ съ своей стороны, не задумываясь, сдѣлаетъ свой ходъ и при этомъ непремѣнно что-нибудь скажетъ въ видѣ угрозы.

— Вотъ я васъ сейчасъ утѣшу!

— Не угорячитесь!—спокойно произноситъ отецъ Максимъ, передвигая шашку съ обычною медлительностію.

— Вотъ я васъ... А!.. Вы имѣете злокозненныя намѣренія пробраться въ высшія сферы, сирѣчь, въ дамки. Извините. Этого я не допущу!..

— Не угорячитесь! — повторилъ отецъ Максимъ, снова касаясь пальцемъ шашки, но почему-то вдругъ начинаетъ колебаться и не рѣшается сдѣлать задуманнаго хода.

— Ну!

— Сію минуту!

Отецъ Максимъ держитъ палецъ на шашкѣ и что-то соображаетъ повидимому весьма сложное.

— Долго ли! Отецъ Максимъ, слышите.

— Слышу. Возьмите терпѣніе на малое время.

— Съ вами никакого терпѣнія не хватитъ!.. Помилуйте. Каждый ходъ обдумываете по часу...

— Ну ужъ и по часу! Скажете тоже словечко!

Петръ Өедоровичъ играетъ скоро и страстно, руками при этомъ оживленно размахиваетъ, то хмуритъ брови, не сводя пристальнаго взгляда съ шашекъ, то улыбается самодовольно и торжествующе.

— А вотъ я вамъ задамъ перцу съ инбиремъ! Я

васъ припру къ стѣнѣ и въ самый что ни на есть дальній уголъ,—говоритъ онъ, передвигая шашку.

— Не угорячитесь!

— Сокъ изъ васъ пойдетъ!

— Не угорячитесь!

Ходы дѣлаются поочередно одинъ за другимъ.

Петръ Ѳедоровичъ продолжаетъ повторять свои угрозы, но потомъ мало-по-малу горячность его стихаетъ, теченіе рѣчи становится медленнѣе, и, не договоривъ даже своей угрожающей фразы, онъ почему-то умолкаетъ.

Отецъ Максимъ тоже перестаетъ повторять свое слово, и наступаетъ полнѣйшая тишина.

— А-га! Притихъ!

— А-га! — повторяетъ Петръ Ѳедоровичъ; но далеко уже не прежнимъ самонадѣяннымъ тономъ—и оба умолкаютъ.

Въ комнатѣ—тишина. Слышно, какъ муха бьется у оконнаго стекла и какъ постукиваютъ въ сосѣдней комнатѣ старинные часы въ длинномъ ящикѣ, такъ называемые, столбовые.

И Петръ Ѳедоровичъ, и отецъ Максимъ смотрятъ на шашки съ необыкновенною сосредоточенностію и молча дѣлаютъ одинъ за однимъ ходы. Вдругъ Петръ Ѳедоровичъ вскакиваетъ со стула въ необыкновенномъ оживленіи.

— Ха-ха!.. Шабашъ!.. Что, отецъ Максимъ, какъ вы себя чувствуете? Въ вождѣлѣнномъ ли, а?

Онъ громко смѣется, схватившись обѣими руками за бока.

— Гм... Гм... Немного... того... Оплошалъ, — не безъ смущенія говоритъ отецъ Максимъ, и знаете, гдѣ я собственно впалъ въ заблужденіе, — вотъ именно тутъ, вотъ въ этомъ послѣднемъ ходѣ.

— Тутъ ли, тамъ ли,—это теперь въ составъ не входитъ. На этомъ-то послѣднемъ движеніи дамки я именно всю атаку строилъ. Ну, думаю, все равно, либо панъ, либо пропалъ—и храбро рискнулъ.

— О храбрости вашей что говорить! Черкесъ!

— Однако, позвольте, ваше высокопреподобіе, получить.

Отецъ Максимъ вынимаетъ изъ боковаго кармана подрясника сумочку, долго и задумчиво что-то перебираетъ въ ней и наконецъ достаетъ гривенникъ и молча подаетъ его торжествующему побѣдителю.

Петръ Өедоровичъ кладетъ монетку въ боковой карманъ жилета и самодовольно говоритъ:

— Вотъ такъ-то лучше!

XII.

Однажды вечеромъ, собравшись уходить отъ Петра Өедоровича въ побѣдоносномъ состояніи духа и съ двумя гривенниками, выигранными въ шашки, отецъ Максимъ, уже помолясь на образъ, вдругъ вспомнилъ о чемъ-то повидимому весьма для него важномъ.

— Ахъ, да!.. Что же это я? Вотъ напасть какая!— встрепенулся онъ,—чуть было опять не позабылъ. Въ позапрошлый разъ еще хотѣлъ освѣдомиться — и изъ головы вонъ.

Онъ оглянулся назадъ изъ предосторожности, не услыхалъ бы кто лишній, и, подойдя къ Петру Өедоровичу, насколько возможно ближе, почти касаясь грудью его плеча, тихо спросилъ:

— Ну, какъ? Успѣшно ли на счетъ сватовства?

Петръ Өедоровичъ тоже оглянулся и, понизивъ голосъ до шопота, отвѣтилъ:

— Какое сватовство, помилуйте? Такъ только пока поручилъ надежному человѣку поразузнать, ощупать почву, издалека, разумѣется, и чтобы съ должною притомъ осторожностью...

— Такъ, такъ. Стало быть все-таки мрежи закинуты.

Они пошептались еще нѣсколько времени, стоя по срединѣ комнаты, потомъ отецъ Максимъ вспомнилъ, что ему пора уходить, снова помолился на образа и

пошелъ. Въ передней, однакоже, опять остановился и, уже одѣтый въ верхнюю рясу, сталъ высказывать Петру Θедоровичу свои предположенія на счетъ благополучнаго исхода дѣла.

— На дняхъ, какъ-то послѣ вечерни я встрѣтилъ замужнюю дочь Θаддея Егоровича, которая за этимъ... Ну, какъ его, — не могу вспомнить... И немудреная фамилія, а на поди, забылъ!..

— Это все равно, отецъ Максимъ, не въ фамиліи суть.

— Конечно, не въ фамиліи. Однако, удивительно. Θаддея Егоровича рѣдко видаю, пожалуй, что въ годъ разъ, а то и въ два года, случается, ни разу не встрѣтишь, но фамилію его, разбуди, со сна скажу — Суконниковъ. Чудеснѣйшій человѣкъ, рѣдкой души. Объ этомъ что говорить: сами знаете. Да, да!.. Вотъ его фамилію всегда помню, а за кого дочь выдана—изъ головы вонъ, сейчасъ хоть крестную смерть принять.

Петръ Θедоровичъ нахмурился.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

— Да вотъ... забылъ, за кѣмъ она...

— Ахъ, какой вы. Не все ли равно. За Верблюдовымъ она, отецъ Максимъ, за Павломъ Осиповымъ. У Сорока мучениковъ складъ у него: пухъ и перья.

— Такъ, такъ! Теперь вспомнилъ. Рослый мужчина, борода рыжая, въ плечахъ—вотъ! А она черненькая, малюсенькая, такая, карманная, можно сказать... Гм... О чемъ бышь я?.. Ахъ да, Верблюдовъ, именно Верблюдовъ! Пухъ и перья! Теперь вспомнилъ. Совершенно неожиданно встрѣтилась. То, да другое, слово за словомъ... А я, знаете, у отца Павла на храмовомъ праздникѣ почти каждогодно ее встрѣчаю. Онъ вѣдь тамъ священствуетъ... Хорошій приходъ, очень хорошій. Ну, вотъ! И о васъ разговоръ коснулся. Сосѣди, говоритъ, кажется, вы съ Дровяниковыми? Да, говорю, не только сосѣди, но и давнишніе благопріятели, лѣтъ, пожалуй, двадцать съ хвостикомъ знаемъ одинъ другаго. Правда ли, говоритъ, что Петръ Θедоровичъ тор-

говый домъ основалъ и сына ввелъ въ дѣло на равныхъ съ собою правахъ. Слыхалъ, говорю, немного и объ этомъ. Тутъ она какъ-то нѣсколько замялась, кашлянула въ руку...

Петръ Өедоровичъ терялъ уже терпѣнiе, недовольный тѣмъ, что отецъ Максимъ вдается въ такiя, вовсе не идущiя къ дѣлу подробности — и прервалъ его на полусловѣ:

— Это, отецъ Максимъ, къ дѣлу не относится. Говорите пожалуйста что касательное.

— Ишь ты какой торопливый. Кипятокъ! Самое-то касательное вотъ въ чемъ. Слушайте.

Онъ наклонился къ уху и зашепталъ:

— Очень, говоритъ, папаша расположенъ къ Петру Өедоровичу, въ примѣръ его всегда ставитъ, вотъ, говоритъ, у кого надо учиться жить. И Григорья Петровича очень одобряетъ. Понимаете?

— Что вы говорите?—удивленно возразилъ Петръ Өедоровичъ и даже отшатнулся отъ отца Максима.

— Да, вотъ то я и говорю. Каковъ ходъ-то, прямо вѣдь, такъ сказать, въ дамки.

— Слышала она что ли о моемъ намѣренiи?—попотомъ спросилъ Петръ Өедоровичъ и самъ себѣ отвѣтилъ, — да нѣтъ, не можетъ быть... Ну, такъ или иначе — разницы не составляетъ... Очень, очень это того... радостно!

Петръ Өедоровичъ оживился, точно сразу помолодѣлъ лѣтъ на двадцать. Выпрямившись во весь ростъ и молодцовато подернувъ плечами, онъ погладилъ бороду и опять покосился на двери, опасаясь, не услышала бы его разговора Ирина Игнатьевна, отъ которой онъ скрывалъ свои замыслы на счетъ сватовства у Суконникова.

— Такое важное сообщенiе, и вы молчите, отецъ Максимъ.

— Ну вотъ поди ты. Забылъ! А вѣдь съ этою цѣлью и зашелъ къ вамъ. Думаю, какъ ни какъ, хотя и женскiя рѣчи, а все же надо передать. Давеча за

шашками, что-то, какъ-будто вертѣлось въ головѣ, а потомъ—и разсѣялось...

Петръ Θедоровичъ укоризненно покачалъ головой, но безъ тѣни гнѣва или недовольства, напротивъ,—весело и съ радостнымъ выраженіемъ лица.

— Скажи вы объ этомъ раньше, я бы съ вами еще партіи двѣ-три сыгралъ! Такъ-то, отецъ Максимъ! Не порядокъ!..

Сказалъ онъ эти послѣднія слова почти громко, но вдругъ спохватился и, наклонившись къ отцу Максиму въ свою очередь такъ же близко, какъ ранѣе онъ наклонялся къ нему, тихо добавилъ:

— Пожалуйста—никому ни слова!

— Само собой...

— Я даже Гришѣ, пока что, не говорю.

При этихъ словахъ отецъ Максимъ тоже отшатнулся отъ него.

— Но позвольте... это по какимъ же соображеніямъ?

— Да такъ! очень просто. Незачѣмъ ему раньше времени знать.

— Гм... Гм... То есть это вы, слѣдовательно, на тотъ конецъ, если не удастся!..

— Отчасти и поэтому.

— Однакожъ она нравится ему? Видалъ ее, все-конечно, и одобряетъ...

— Эхъ, отецъ Максимъ, о пустякахъ говорите. Видалъ ли, нѣтъ ли—какая въ этомъ важность. Разумѣется, понравится. Еще бы съ такимъ-то капиталомъ, и некрасивая понравится. Онъ парень съ головой и долженъ понимать, что красота пройдетъ, а приданое останется...

— Вотъ оно что-о!.. Такъ, такъ,—задумчиво отвѣтилъ отецъ Максимъ, правая рука его при этомъ потянулась къ затылку, онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но запнулся на полусловѣ и рѣшительнымъ тономъ проговорилъ:

— Однако, мнѣ пора. Вечернее правило еще не прочитано...

— Смотрите же—ни слова!

— Господи помилуй! Не безызвѣстно, предполагаю, вамъ, достопочтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ, что я—парень на возрастѣ и могу хотя до нѣкоторой степени понимать, что важно и что не важно. Ну, оставайтесь съ Богомъ!

Спускаясь съ лѣстницы, онъ хмурилъ брови и ворчалъ, самъ съ собою разговаривая:

— Крутенекъ сталъ старичекъ-то. Прежде куда мягче былъ. Да, богатство-то оно... портитъ... О-хъ! Помилуй мя, Боже!.. «Въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя».

XIII.

Послѣ ухода отца Максима Петръ Ѳедоровичъ долго расхаживалъ по залу, соображая и обдумывая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій по сватовству богатой невѣсты.

— Это отецъ Максимъ правильно сказалъ. Именно, мрежи закинули и на большую рыбину разсчитываемъ. Гм... Если бы удалось, очень бы лестно. Одна единственная у него дочка, и миловидная дѣвица и скромница, сказываютъ... А капиталъ какой огромнѣйшій у Ѳаддея Егоровича! Да! Большой капиталъ. Въ два милліона, пожалуй, не уложишь. Если здраво судить, кому онъ долженъ послѣ его смерти достаться,—вѣдь все дочкѣ пойдетъ. Кому же окромя ее?.. Положимъ, завѣщаетъ туда-сюда сотню тысячъ, ну — двѣ, даже три, на поминъ души. Это, конечно, само собой. Замужней дочери сто тысячъ оставитъ... Ну, двѣсти—не больше. Двѣсти-то даже много: бездѣтная она, и мужъ у ней, Павелъ Осиповъ,—пьющій человѣкъ, его Ѳаддей Егоровичъ не любитъ,—объ этомъ я доподлинно знаю. Деньги ему—во вредъ. Ну, пусть — двѣсти! А еще куда? Родственники развѣ есть со стороны покойной супруги Ѳаддея Егоровича? Едва-ли. Померли, кажется, всѣ. А если и есть, все же дальняя родня, и много на нихъ не потребуется, отпишетъ имъ два-

три десятка тысячъ, не больше. При такомъ капиталѣ— пустое дѣло. Остатки—дочкѣ пойдутъ... Вотъ невѣста завидная!.. Ахъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ удалось! А вѣдь возможно, судя по ходу дѣла. Очень возможно... Не будетъ же отецъ Максимъ преувеличивать и передавать не то, что слышалъ. Не такой онъ человѣкъ, слава Богу, знаю его доподлинно. Можетъ быть, жена Павла Осипова не такъ ему передала, какъ слышала отъ отца? Да нѣтъ! Съ чего она будетъ передавать другое? По совѣсти говорить—я вѣдь сомнѣвался, думалъ попробовать, попробую, но едва-ли удастся. Оказывается—вонъ что! Это чудесно! Очень хорошо!..

На маленькомъ ломберномъ столикѣ, за которымъ онъ съ отцомъ Максимомъ нѣсколько времени тому назадъ игралъ въ шашки, свѣчи догорали, и огонь уже былъ близокъ къ бумажкамъ, въ которыя онѣ были обернуты при вставкѣ.

Дѣвушка горничная заглянула въ это время въ залъ, но, видя, что онъ уже самъ передвинулъ столикъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно его ставили, и загасилъ свѣчи, — молча вернулась отъ дверей. Въ комнатѣ стало почти темно, только въ переднемъ углу у образовъ мигалъ огонекъ лампады. Видимо утомясь ходьбой отъ одного угла комнаты до другого, онъ сѣлъ на первый подвернувшійся подъ руку стулъ, продолжая оставаться подъ властію охватившихъ его думъ о милліонномъ богатствѣ Ѳаддея Егоровича Суконникова.

Въ воображеніи его съ необыкновенною ясностію стали рисоваться картины возможнаго благополучія въ будущемъ. Бумагопрядильная фабрика Суконникова съ пятиэтажными корпусами и высокими трубами, за нѣсколько верстъ видимая во время пути по Смоленской дорогѣ, въ особенности ночью, когда во всѣхъ окнахъ ея этажей ярко сверкаютъ огни,—эта фабрика представлялась ему уже собственностію его Гриши, унаслѣдовавшаго все богатство Суконникова. Самъ Ѳаддей Егоровичъ въ воображеніи его былъ уже похо-

ронен, и онъ видѣлъ на его могилѣ даже памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ золочеными металлическими буквами: «Незабственному родителю отъ благодарныхъ дѣтей». Несмотря на то, что самъ онъ уже приближался къ шестому десятку, мысли его были далеко отъ того предположенія, что столько же вѣроятія и въ томъ, что Ѳаддей Егоровичъ переживетъ его.

— Даже и то сказать,—думалъ онъ,—зачѣмъ намъ его прежде времени хоронить. Животъ и смерть, сказано, во власти Божіей. Если Господь продлитъ ему дни живота,—и то хорошо, очень даже великолѣпно. Онъ богатствъ своихъ за это время не расточитъ, а пріумножитъ ихъ въ значительной даже степени. Дѣловой человѣкъ и говорить нечего, министръ! Царица Небесная! Только бы удалось, — благотворительное учрежденіе устрою въ памятъ этого событія... Да, много впереди можетъ предстоять выгодъ отъ этого родства, даже — и не сочтешь. Во-первыхъ, сбытъ товаровъ съ его фабрики, разумѣется, пойдетъ черезъ нашъ торговый домъ, — это уже само собой понятно, иначе и быть не можетъ. Во-вторыхъ... въ третьихъ...

Петръ Ѳедоровичъ углубился въ свои вычисленія дотого, что не замѣтилъ, какъ въ комнату заглянула горничная, и, тоже въ свою очередь не замѣтивъ его, притворила за собою дверь; не слышалъ, какъ ворчала въ сосѣднихъ комнатакъ Ирина Игнатьевна, по обыкновенію очень громко, и нѣсколько разъ повторяла его имя. Онъ былъ занятъ своими планами и старался предусмотрѣть всевозможныя случайности, могущія чѣмъ-либо повредить имъ. Одно только обстоятельство онъ опустилъ изъ виду, а именно вопросъ о томъ, какъ отнесется ко всему этому сынъ.

— Хорошія вѣсти принесъ отецъ Максимъ,—восхищался онъ, — высокая имъ цѣна, очень высокая. Такъ надо говорить, что сразу и не сообразишь.

Мысли его неожиданно оборвались. Онъ какъ будто чего-то испугался и какъ, бываетъ послѣ долгаго сна, не могъ сразу притти въ себя. Озабоченно оглянувъ

комнату, онъ только тогда возвратился къ окружающей его дѣйствительности, когда услышалъ голосъ жены.

XIV.

— Петръ Ѳедоровичъ! что это, Господи! Зову, зову, не могу дозваться! — раздался вдругъ на всю комнату громкій голосъ Ирины Игнатьевны.

— Что еще тамъ такое... чрезвычайное? — строго спросилъ онъ, идя навстрѣчу ей, — кричишь на весь домъ. Нѣшто это порядокъ?

— А самъ-то ты что дѣлаешь? Порядокъ это, что ли! — укоризненно продолжала она, — удивительный человѣкъ!.. Ищу—не могу найти! Въ кабинетъ зашла,— нѣтъ. Въ контору послала дѣвушку—нѣтъ. Въ садъ, думаю, пошелъ,—сама спустилась туда, смотрю, смотрю—пропалъ человѣкъ. Этакое наказаніе!

— Да что такое вдругъ потребовалось, экстренное?..

— Помилуй! Одиннадцатый часъ. Ужинъ давно-давно на столѣ, все простыло. Гриша ждалъ, ждалъ... Я его и задерживать не стала, пусть, думаю, лучше поужинаетъ и идетъ спать...

Петръ Ѳедоровичъ въ упоръ смотрѣлъ на нее, понявъ изъ ея разговора только, что уже одиннадцатый въ исходѣ. Все остальное, сказанное ею о Гришѣ, объ остывшемъ ужинѣ, о непорядкахъ, которые именно самъ онъ, глава дома, въ домѣ допускаетъ, не коснулось его слуха. Онъ даже нѣсколько оробѣлъ, будучи удивленъ, куда дѣвалось время между началомъ девятаго, когда онъ проводилъ отца Максима, и одиннадцатымъ часомъ вечера.

— Что-жъ это, — думалъ онъ, идя въ столовую, Господи помилуй! Стало быть, два часа, да еще и съ большимъ прибавкомъ я въ залѣ-то засидѣлся. Прямо надо говорить—замечтался... Такъ Гриша, говоришь, поужиналъ и спать отправился? — спросилъ онъ Ирину Игнатьевну, войдя въ столовую.

— Да гдѣ же ты все это время былъ?

— Мало ли дѣловъ, — не охотно отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ, — ходилъ и въ садъ, и за церковную ограду прошелъ... Планирую тоже кое-что... Далъ вѣдь я, сама знаешь, обѣщаніе колокольню новую поставить...

— Вотъ еще... Очень нужно: Мало что ли колоколенъ на Москвѣ...

— Не говори такъ. Что обѣщано, то надо исполнить...

Онъ говорилъ сдержаннымъ и даже строгимъ тономъ, заботясь при этомъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы какъ-нибудь случайно не открылся истинный смыслъ его думъ и заботъ.

— Что ты... какой сегодня? — спросила Ирина Игнатьевна.

Петръ Ѳедоровичъ пристально посмотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ.

— Ты какъ-то странно смотришь... Здоровъ ли?

— Будетъ, Ирина, перестань. Къ чему пустое говорить, какой, да какой. Разумѣется, здоровъ. Отчего мнѣ хворать. Слава Богу, жизнь веду воздержную, не то что, напримѣръ, Верблюдовъ Павелъ Осиповъ...

— Что за Верблюдовъ? Въ первый разъ слышу... Кто это?

— Одинъ такой есть... Гм... Гм... изъ амбарныхъ. Выпиваетъ изрядно...

— Съ чего ты о немъ?..

— Такъ... случайно вспомнилъ...

Петръ Ѳедоровичъ кашлянулъ раза два, поднялся изъ-за стола и, поспѣшно помолясь на образъ, пошелъ изъ столовой, недовольный самъ на себя за то, что не кстати упомянулъ о зятѣ Ѳаддея Егоровича.

Онъ легъ въ постель, но сонъ бѣжалъ отъ него, и въ воображеніи неотступно стоялъ Ѳаддей Егоровичъ, сѣдой старикъ, сгорбившійся, какъ бабушка Парасковья Петровна, такой же, какъ она, малорослый и узкоплечій, но видимо твердый духомъ и съ крѣпкими цапкими руками, съумѣвшій накопить огромное состояніе.

— Виду не надо Иринѣ подавать,—думалъ онъ про себя,—Боже сохрани раньше времени проболтаться, все дѣло можно испортить...

Ирина Игнатьевна попробовала было еще поговорить съ нимъ на счетъ того, что колокольня дѣло не первостепенной важности, но онъ строго отвѣтилъ ей:

— Не мѣшай, пожалуйста... Знаешь, чай, спать надо.

Она смолкла и вскорѣ стала посвистывать носомъ. Онъ порывисто повернулся на другой бокъ.

— Расположенъ, говоритъ, папаша... и сына, говоритъ, его очень одобряетъ...—припоминалъ онъ слова отца Максима,—еще бы не одобрять. Парень такой— цѣны нѣтъ!

Онъ не могъ дольше оставаться въ постели и не только потому, что ему казалось въ ней невыносимо душно, тѣсно и жарко, но и по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что Ѳаддей Егоровичъ съ своими милліонами и пятиэтажной фабрикой поднималъ его съ ложа сна и настоятельно требовалъ простора и воздуха. Ирина Игнатьевна уже храпѣла такъ, что казалось, перегородка сосѣдней стѣны трещитъ и разрывается на части. Онъ полежалъ еще нѣкоторое время на кровати, закинувъ обѣ руки за голову и закрывъ глаза, но думы о богатой невѣстѣ не давали ему сна. Онъ поднялся съ кровати, надѣлъ халатъ и мягкія туфли и пошелъ опять въ залъ.

— Посижу малость тамъ, окно въ садъ открою,— душно что-то...

Ночь была темная, и небо въ густыхъ тучахъ. Онъ раскрылъ окно, и глухой гулъ отъ стука колесъ по мостовой, донесшійся изъ-за Москвы рѣки, «изъ города», коснулся его слуха. Въ саду было тихо и глухо какъ-то, листья бальзамическихъ тополей, липъ и березъ были недвижимы, точно садъ спалъ, подобно тому, какъ спалъ весь его домъ съ многочисленнымъ своимъ населеніемъ. Не спалъ только онъ одинъ, да дворовый

песъ, ворчавшій повременамъ во дворѣ и перебѣгавшій изъ одного конца его въ другой, гремя при этомъ цѣпью и шумя блокомъ по веревкѣ.

Спустя нѣсколько времени, онъ пересталъ расхаживать по комнатѣ, зѣвнувъ разъ другой, прикрывъ при этомъ ротъ ладонью, и уже хотѣлъ итти въ спальню, но остановился, услышавъ издали чьи-то тихіе шаги.

— Господи помилуй! кто это тамъ?..

Въ это время изъ сада донесся легкій, едва слышный шумъ листьевъ, они точно проснулись и стали между собой перешептываться. Свѣжая струя воздуха пронеслась по комнатѣ. Онъ оглянулся и увидѣлъ, что въ полусвѣтѣ зала двигается какая-то темная фигура скорбившейся женщины,—то бабушка Парасковья Петровна тихонько плелась изъ своей комнаты въ залъ, чтобы помолиться предъ образами, какъ это часто дѣлывала ночами, переходя изъ одной комнаты въ другую и подолгу стоя на молитвѣ въ каждой комнатѣ. Когда она вошла, онъ не выдалъ своего присутствія и сѣлъ на близъ стоявшій стулъ. Бабушка пробиралась къ образамъ, но, пройдя до половины комнаты, остановилась и стала считать начавшійся въ это время бой часовъ.

— Первой, другой... Два, видно... Матерь Божія, спаси насъ!.. Еще до заутрени далеко... О-охъ, охъ!..

Она опустилась въ переднемъ углу на колѣни, склонила по обычаю голову къ полу и стала молиться. Свѣтъ отъ лампады слабо скользилъ по ея тощей, сгорбленной спинѣ и едва замѣтнымъ пятномъ разстилался по гладко вылощеному крашеному полу комнаты. Петръ Ѳедоровичъ осторожно поднялся со стула и пошелъ. Полъ подъ его ногами заскрипѣлъ.

— Кто тутъ? Царица Небесная...—изумленно спросила бабушка, поднимаясь.

— Это я, бабушка...

— Что же это ты, добрый, не спишь...

— Душно что-то... Не спится...

— Спать надо, спать... Иди, доброй, спать... Гришенька-то спитъ ли?

— Спитъ, бабушка... Онъ спитъ въ лучшемъ видѣ. И Ирина спитъ... Я вотъ только немного оплошалъ... Однако, вѣтерокъ, надо быть, заигрываетъ. Закрыть окно, пока что...

— Закрой, добрый, закрой. Не хорошо, когда ночью окна открыты, не хорошо...

Онъ закрылъ окно, перекрестился, смотря на образъ, и хотѣлъ уже уходить, но бабушка остановила его вопросомъ:

— Что это, добрый, Гришенька-то...

— Что такое? замѣтили развѣ что?

— Ничего я не замѣтила, куда мнѣ замѣчать. Не вижу почти, только вотъ чуть-чуть однимъ - то глазкомъ... А слышу я. По голосу-то—мнѣ все внятно... Да. Что-то Гришенька говоритъ таково... печально... Здоровъ ли?

— Здоровъ, бабушка. Слава Богу. Чего ему еще!..

— Скучаетъ, что ли?

— Мудренаго нѣтъ... Оно, дѣйствительно, такой возрастъ подошелъ.

— То-то... Женить надо, добрый, женить...

XV.

Утромъ Петръ Θедоровичъ вышелъ къ чайному столу позднѣе обыкновеннаго. Григорій Петровичъ уже допивалъ чай и собирался итти въ контору. При входѣ отца въ столовую, онъ поднялся со стула и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Здравствуй, молодой хозяинъ! здравствуй!—весело привѣтствовалъ Петръ Θедоровичъ.

— Доброе утро, папенька.

Петръ Θедоровичъ зѣвнулъ, потянулся, приподнявъ обѣ руки кверху, потомъ оправилъ на себѣ поясъ голубаго шелковаго халата и, играя его кистями, сказалъ:

— Заспался я что-то...

— Еще бы!—недовольнымъ тономъ замѣтила Ирина Игнатьевна, сидѣвшая около самовара въ бѣлой кофтѣ,—топчешься по ночамъ изъ комнаты въ комнату, точно бабушка. Самъ не спишь и другимъ мѣшаешь.

— Довольно, Ирина Игнатьевна, довольно, родная: наливай-ка чайку.

Садясь къ столу, онъ вспомнилъ ночныя думы, разговоръ съ бабушкой и внимательно посмотрѣлъ на сына.

— Ну, Гриша, какъ дѣла?

— Ничего...

— Да, да, тихо теперь... Что, Богъ дастъ, нижегородская скажетъ. Окончили выписки или еще нѣтъ? Вчера я напоминалъ конторщику...

— Къ вечеру приготовятъ...

— Такъ. Это, значитъ, съ плечъ долой. Съ утреннимъ пусть собираются къ отъѣзду, пока что, два артельщика и изъ конторы троихъ назначь... по своему усмотрѣнію...

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ и получивъ удовлетворительные отвѣты, Петръ Өедоровичъ внимательно посмотрѣлъ на сына и подумалъ:—бабушка говоритъ несообразное, парень какъ есть въ настоящемъ видѣ.

— Налей-ка мнѣ, Ирина Игнатьевна, еще плошечку,—обратился онъ къ женѣ,—да ты больно жидко наливаешь. Погуще давай, жаль, что ли, чаю-то

— На тебя не угодишь,—то погуще, то пожиже. Не вчера ли еще говорилъ, что отъ крѣпкаго чаю тебѣ нехорошо бываетъ...

— Ладно, ладно, только не тревожься. Все суета, главное, чтобы миръ въ домѣ, это всего дороже...

— Затвердилъ опять бабушкины слова. Слыхала я объ этомъ, лѣтъ двадцать кряду слышу...

Тонъ рѣчи Ирины Игнатьевны былъ не хорошъ и сердилъ Петра Өедоровича. Слушая ея возраженія, онъ хотѣлъ сказать: «Слышишь двадцать лѣтъ и двадцать лѣтъ змѣей шипишь»,—однако, удержался. Придвинувъ къ себѣ стаканъ, онъ помѣшалъ въ немъ ложеч-

кой такъ сильно, что добрая треть чаю изъ стакана расплескалась на блюдцо, и этимъ порывъ его гнѣва ограничился.

Минуту-двѣ спустя, онъ допилъ чай и, откинувшись на спинку стула, заговорилъ съ сыномъ:

— Ну, Гриша, теперь, братъ, ты въ силу настоящую вошелъ и, такъ сказать, на свои ноги всталъ.

— Какъ это, папенька?

— Очень просто. Ты—равноправный теперь членъ торговаго дома. Съ голосомъ. Да-съ! Вонъ оно куда пошло! Давно ли былъ клопъ клопомъ... А какъ, Гриша, полагаешь, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — пора бы, къ примѣру сказать, и на счетъ законнаго? А? Какое твое объ этомъ упованіе?

Лицо Григорья Петровича зарумянилось.

— Хочешь, посватаю. Ну? Что жъ ты молчишь? Предоставлю тебѣ невѣсту съ такимъ капиталомъ, что ахнешь!..

Григорій Петровичъ еще больше потупился, вздохнулъ и промолчалъ.

— Что же ты, Петръ Ѳедоровичъ, не договариваешь? — возразила Ирина Игнатьевна, — говори, кто она, чья?

— Ишь ты какая нетерпѣливая!—Объ этомъ рѣчь впереди...

Онъ опять посмотрѣлъ на сына пытливымъ и долгимъ взглядомъ, такъ что тотъ даже смутился и оглянулъ свой сюртукъ, думая, нѣтъ ли на немъ какого-нибудь изъяна.

— Нѣтъ, Гриша, не то... Хе-хе,—замѣтилъ отецъ— совсѣмъ не та статья...

Ирина Игнатьевна тоже оглянула его.

— Что-й-то, Господи! Я и не вижу, — ты опять въ старомъ сюртучишкѣ. Гриша, Гриша! — укоризненно закачала она головой, — какъ тебѣ не стыдно! Старикъ ты, что ли?

— Маменька! Къ чему?

— Какъ къ чему? Ты молодой человѣкъ и дол-

женъ себя соблюдать на линіи жениха. Заказалъ бы себѣ парочку новенькую и поцвѣтистѣе, теперь, слава Богу, лѣто... Или отецъ не позволяетъ?

— Вотъ еще!—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ,—что выдумала, нѣшто я могу препятствовать. Гриша не маленькій, можно сказать, самъ хозяинъ.

— Разсказывай! знаю я тебя довольно хорошо. Иной разъ изъ-за копѣйки косишься по цѣлымъ днямъ.

— Будетъ, Ирина Игнатьевна! Перестань! не раздражайся изъ-за пустаго дѣла... Гриша! Пойдемъ. Мнѣ нужно съ тобой поговорить...

Чуткій и впечатлительный, онъ помнилъ вчерашнее изумленіе отца Максима при разговорѣ о невѣстѣ, не извѣстной жениху и теперь хотѣхъ поправить свою ошибку. Съ этимъ именно намѣреніемъ онъ пригласилъ сына итти за собой.

Войдя въ кабинетъ онъ плотно притворилъ, внимательно прислушался не идетъ ли къ дверямъ Ирина Игнатьевна, имѣвшая, какъ онъ давно уже зналъ, наклонность подслушивать секретныя разговоры. Опустившись затѣмъ въ кресло около письменнаго стола и взявъ въ руки, самъ того не замѣчая, счеты, онъ поставилъ ихъ ребромъ къ себѣ на колѣна и глубокомысленно нахмурился.

— Вотъ что, мой милый и дорогой сынъ, Григорій Петровичъ, долженъ я тебѣ сказать, что... гм... гм...

Медленно произнося слова этой вступительной фразы, онъ замялся, закашлялся, и правая рука его, подобно тому, какъ было наканунѣ вечеромъ съ отцомъ Максимомъ, потянулась къ затылку. Новая, совершенно неожиданная мысль оборвала теченіе его рѣчи и врѣзалась въ центръ его соображеній.

— А что, если Ѳаддей Егоровичъ не согласится?— подумалъ онъ, — тогда вѣдь я въ дуракахъ останусь передъ сыномъ. Гм... гм...

Онъ повернулъ счеты верхнимъ краемъ внизъ, погладилъ ихъ глянцевитыя костяжки и сталъ въ нихъ

внимательно всматриваться. Григорій Петровичъ стоялъ около письменнаго стола съ противуположной его стороны и съ изумленіемъ смотрѣлъ на отца, не понимая, съ чего онъ такъ странно смотритъ и молчитъ, точно сердится на что-то...

— Видишь ли, что... Гм... гм... Я тебѣ хочу разъ навсегда сказать вотъ о чемъ,—заговорилъ, наконецъ, Петръ Ѳедоровичъ,—сдѣлай ты мнѣ милость, въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни прошу тебя...

— Что такое?—удивился Григорій Петровичъ.

— Христомъ Богомъ прошу,—горячѣе и оживленнѣе продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ, входя въ подвернувшуюся подъ руку роль,—не противорѣчь ты, пожалуйста, матери,—Богъ съ ней! Слава Богу, не маленькій, самъ можешь понимать, она неспокойная, и что въ голову заберетъ, не скоро выколотишь. Ну—и не раздражай. Богъ съ ней! Сшей себѣ парочку, хотя бы даже и поцвѣтистѣе, что-за важность!..

— Ничего не понимаю!—думалъ сынъ, уходя потомъ въ контору.

XVI.

Григорій Петровичъ давно уже, какъ говорится, выровнялся и считался въ своей средѣ завиднымъ женихомъ. Нравъ онъ имѣлъ ровный и спокойный, рѣчь тихую, движенія неторопливыя и выраженіе глазъ задумчивое, какъ бы сосредоточенное на одной какой-то мысли.

— Парень—на рѣдкость,—говорили о немъ купцы,—никакихъ «качествъ» за нимъ нѣтъ, ни въ кутежахъ, ни въ дебоширствѣ какомъ, а тѣмъ паче въ грубіянствѣ родителямъ, какое по нонѣшнему времени пошло промежду дѣтей, и ни въ чемъ иномъ прочемъ онъ не замѣченъ. Почтительный, можно сказать, сынъ и отцу утѣшеніе. Одна за нимъ недоимочка—не разговорчивъ. Ну, это, пожалуй, другой разъ даже и за достоинство считать можно, потому, говорунамъ тоже цѣна невысокая...

Григорій Петровичъ дѣйствительно имѣлъ эту, какъ говорили купцы, недоимочку и, чѣмъ самостоятельнѣе дѣлалось его положеніе въ торговомъ домѣ, тѣмъ онъ становился молчаливѣе. Никто изъ служащихъ въ конторѣ не слыхалъ отъ него лишняго слова, а тѣмъ болѣе грубаго или рѣзкаго. Однакоже, несмотря на тихій тонъ его рѣчи, всѣ служащіе, начиная отъ сѣдаго тучнаго и тяжело дышавшаго конторщика, имѣвшаго привычку ходить, выпячивая впередъ животъ, до послѣдняго подростка, чувствовали себя при каждомъ его приходѣ въ контору болѣе въ трепетномъ состояніи, чѣмъ при входѣ самого Петра Өедоровича. Петръ Өедоровичъ, бывало, налетитъ орломъ, нашумитъ, накричитъ, въ особенности при неудачахъ въ дѣлахъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, и всѣмъ ясно, что онъ сердится именно потому, что у него «неудача». А Григорья Петровича нельзя было понять, сердится онъ или нѣтъ. Входилъ онъ въ контору всегда тихо, крестился на образъ, предъ которымъ въ переднемъ углу теплилась лампада, и если въ ней не было огня, шелъ, ни слова не говоря, въ сосѣднюю комнату, гдѣ была столовая приказчиковъ и звалъ кого-нибудь изъ младшихъ служащихъ.

— Вамъ кого, Григорій Петровичъ? — озобоченно спрашивалъ конторщикъ, поднимаясь съ кресла и идя за нимъ.

Григорій Петровичъ показывалъ глазами на передній уголъ и молча садился на свое мѣсто. Случалось и такъ. Войдетъ и, прежде чѣмъ обратиться съ вопросомъ къ конторщику или къ кому-либо изъ служащихъ, помолчитъ минуту и двѣ, и три—и никто не знаетъ, въ какомъ онъ состояніи духа и чѣмъ разрѣшится его молчаливое присутствіе въ конторѣ.

— Дайте мнѣ, скажетъ, напримѣръ, — свѣдѣнія, сколько отправлено товаровъ туда-то такихъ-то и такихъ-то...

Конторщикъ озобоченно начнетъ перебирать книги и тетради. перелистываетъ одну, другую, хмурится,

чешетъ повременамъ въ затылкѣ и, тяжело отпыхиваясь, говоритъ:

— Я доставлю... чрезъ полчасика...

Онъ задумчиво на него смотритъ и потомъ, опять послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія, произноситъ:

— Да, да...

Онъ говоритъ медленно и такимъ тономъ, изъ котораго никакъ нельзя понять, что именно эти «да, да» выражаютъ. Въ его рѣчи и въ особенности въ отвѣтахъ всегда чувствовалась нѣкоторая какъ-бы недосказанность, онъ точно намѣренно удерживался, чтобы не выразить своей мысли съ опредѣленною ясностію. Такъ, однажды, увидѣвъ въ конторѣ енотовый мѣхъ, лежавшій свернутымъ на столѣ, онъ, по обыкновенію, нѣкоторое время молча на него смотрѣлъ и потомъ спросилъ:

— Что это?

— Шуба-съ...

— И на столѣ?

— Новая... недавно принесли, — отвѣтилъ конторщикъ и объяснилъ, что она предназначается, по распоряженію Петра Ѳедоровича, въ подарокъ жениху его родственницы, въ то время просватанной за какого-то малосостоятельнаго дворянчика.

— Разверните...

Онъ внимательно осмотрѣлъ ее, погладилъ мѣхъ, пощупалъ сукно.

— Хорошая... Да... Тяжела только ему будетъ...

Какъ она будетъ тяжела, въ буквальномъ или переносномъ смыслѣ—этого онъ не договорилъ.

Или, напримѣръ, такой случай. Одинъ изъ служащихъ въ конторѣ, способный и честный человѣкъ, имѣлъ слабость выпить иногда не въ мѣру и, чтобы скрыть это, надѣвалъ каждый разъ послѣ выпивки синія очки.

Григорій Петровичъ не безъ подозрительности иногда посматривалъ на него, молчалъ и, наконецъ, сказалъ:

— Вы опять... въ очкахъ.

Приказчикъ смутился, покраснѣлъ и поспѣшно сталъ оправдываться..

— Извините... Я, конечно, понимаю, что если очки... вообще, если безъ причины... Но у меня глаза болятъ...

— Да, да... Жаль!

Что ему было жаль—этого онъ не досказалъ.

Или такой примѣръ. Зашелъ во дворъ продавецъ рыбы, босоногій, въ мокрой рубахѣ съ засученными по локоть рукавами и сильно выпившій.

— Рыбки вашей милости,—предложилъ онъ, покачиваясь.

— Рыбки? Да, да... Какъ ты, однако, намокъ!..

— Въ какомъ смыс-с-лѣ?..

Григорій Петровичъ покачалъ головой и больше ни слова.

Онъ, казалось, намѣренно выбиралъ такія слова, которыми можно было не вполнѣ опредѣленно выразить свою мысль, спрятать въ нихъ иронію, намекъ, тонкую насмѣшку.

Былъ, напримѣръ, такой случай. Служилъ у нихъ въ конторѣ молодой человѣкъ, имѣвшій билетъ внутренняго займа съ выигрышами. Билетъ хранился въ несгораемомъ шкафѣ у Григорія Петровича. Случилось какъ-то, что въ одинъ изъ тиражей номеръ этого билета совпалъ съ тѣмъ номеромъ, на который достался выигрышъ въ двѣсти тысячъ. Молодой человѣкъ до того обрадовался, что забылъ о томъ трепетѣ, какой всегда чувствовалъ при видѣ Григорія Петровича, и поспѣшно кинулся изъ конторы прямо къ нему въ кабинетъ.

— Извините... Простите... Но такое дѣло, Григорій Петровичъ, такое дѣло... которое... задыхаясь заговорилъ онъ, съ жаромъ размахивая обѣими руками,— дѣло въ томъ, видите ли... въ томъ, что тотъ мой билетъ, который у васъ хранится, онъ выигралъ двѣсти тысячъ...

Григорій Петровичъ, по обыкновенію, выслушалъ его молча, медленно приподнялся потомъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ у письменнаго стола, и пошелъ къ несгораемому шкафу.

— Да... да... Что жъ!.. Бываетъ!..

Онъ не спѣша вынулъ билетъ, свѣрилъ номеръ съ номеромъ, напечатаннымъ въ газетахъ, и передалъ его молодому человѣку.

— Вотъ твой билетъ... Да, да! Только выигрышъ-то, кажется, достался сосѣду.

— Какъ сосѣду?

Григорій Петровичъ на этотъ вопросъ не отвѣтилъ и опять сѣлъ къ письменному столу. Молодой человѣкъ смутился, хотѣлъ повторить вопросъ, но не осмѣлился и поспѣшно ушелъ съ билетомъ въ контору. Тамъ уже всѣ были на ногахъ и нетерпѣливо ждали его возвращенія; только-что онъ появился въ дверяхъ, со всѣхъ сторонъ послышались вопросы:

— Что, какъ? Дѣйствительно выигралъ?.. И билетъ уже у тебя въ рукахъ? Ну, что сказалъ Григорій Петровичъ? Поздравилъ тебя, да?

Молодой человѣкъ былъ въ смущеніи и тревожно пожималъ плечами.

— Я не понимаю!.. Григорій Петровичъ сказалъ... Это даже невѣроятно и странно!.. Онъ сказалъ, что выигрышъ, кажется, достался сосѣду. Какому сосѣду можетъ достаться выигрышъ, если онъ выпалъ на мой билетъ?

— Тутъ что-нибудь не такъ,— замѣтилъ старикъ-конторщикъ,— Григорій Петровичъ не подумавши не скажетъ...

Стали свѣрять номера, и оказалось, что только номеръ билета совпадаетъ съ тѣмъ, на который палъ выигрышъ, а номеръ серіи—другой.

Молодой человѣкъ всплеснулъ руками.

— Зачѣмъ же онъ мнѣ прямо не сказалъ? Что-за странная манера...

Сослуживцы смѣялись.

— А вотъ ты пойди, да и спроси, предлагали они,— онъ тебѣ и еще какую-нибудь загадку скажетъ!..

XVII.

Старые служащіе, помнившіе то время, когда маленькій Гриша въ припрыжку бѣгалъ по двору верхомъ на палочкѣ, покачивали иногда головами, удивляясь, откуда въ немъ такая сосредоточенная задумчивость и скрытность. Тучный старикъ-конторщикъ, двадцать лѣтъ сидѣвшій на одномъ и томъ же креслѣ, бывало, посмотритъ сверхъ очковъ на него, медленными шагами расхаживающаго по комнатѣ, и задумается.

— Вотъ она жизнь,—колесо! Мальчуганъ востроглазый бѣгалъ, бывало, ко мнѣ за карандашами и тревожно смотрѣлъ въ глаза, боясь, что я не дамъ, а теперь мнѣ приходится смотрѣть ему въ глаза. Хорошо еще то по крайности, что тихій и спокойный человѣкъ. Молчаливъ очень, это справедливо — и за это даже одобряю. Меньше разговоровъ, меньше поводовъ къ недоразумѣніямъ. Съ Петромъ Ѳедоровичемъ въ особенности: властный человѣкъ и противорѣчій не любитъ, теперь тѣмъ болѣе, потому—разбогатѣлъ. Пословица говоритъ—бѣдность учитъ, а богатство пучитъ...

Онъ нюхалъ табакъ и ни отъ кого не скрывалъ этого, но когда Григорій Петровичъ подросъ и принялъ участіе въ торговыхъ дѣлахъ, онъ сталъ стѣсняться своей слабости. Сидитъ, бывало, за разложенными книгами, соображая, въ какую статью нужно отнести тотъ или другой расходъ, и держитъ между пальцами щепотку табаку, такъ сказать, предвкушая предстоящее удовольствіе, но лишь только донесутся изъ сосѣдней комнаты знакомые шаги Григорья Петровича, какъ щепотка съ необыкновенной быстротой исчезаетъ въ его носу, онъ озабоченно хмуритъ брови, торопливо вытираетъ усы цвѣтнымъ фуляромъ и углубляется въ чтеніе дѣловыхъ бумагъ.

— Вѣдь вотъ поди жъ ты, разбери дѣла, — удивлялся онъ самъ на себя,—при Петрѣ Ѳедоровичѣ всегда свободно нюхалъ и нюхаю, иной разъ и ему подъ веселую руку предложу:—березинскаго, молъ, не угодно ли. Случается, и понюхаетъ, чихнетъ и засмѣется. А вотъ при сынѣ стѣсняюсь: взглядъ у него такой особенный, точно въ самую душу проникаетъ или это только такъ кажется и отъ того именно, что онъ все молчитъ.

Въ послѣднее время, когда Петръ Ѳедоровичъ началъ заговаривать о женитьбѣ сына и когда сынъ сдѣлался еще молчаливѣе и задумчивѣе, конторщикъ пытливѣе прежняго сталъ всматриваться въ его лицо, и вопросъ о причинѣ его усилившейся задумчивости рѣшилъ по-своему.

— Это не спроста! Обстоятельству этому есть причина, —думалъ онъ, —и причина самая ясная, потому-что задумчивость его отъ меланхоліи, а меланхолія такъ сама по себѣ зря не приходитъ. Влюбился онъ, не иначе. У молодыхъ эта дурь бываетъ и даже очень часта. Влюбился, вотъ и весь сказъ. Но задача въ томъ — въ кого и какъ. Что, если зацѣпился онъ крѣпко и задумывается уже о томъ, чтобы вступить съ избранной особой въ законный бракъ, а выборъ его будетъ родителю не по сердцу,—чѣмъ эта исторія можетъ кончиться? Пожалуй, того и гляди, могутъ изъ-за этого произойти... гм... гм... большія недоразумѣнія. Вѣрно!

Такъ утвердительно отвѣтивъ самому себѣ, конторщикъ продолжалъ разсматривать вопросъ о возможности недоразумѣній, ставилъ самому себѣ на видъ то обстоятельство, что Григорій Петровичъ, при всей своей скромности и молчаливости, есть однакоже равноправный членъ торговаго дома и въ случаѣ, если пожелаетъ, можетъ дѣйствовать самостоятельно, даже на основаніи устава можетъ выйти изъ членовъ торговаго дома и получить при этомъ соотвѣтствующую часть капитала.

— Возможно! Даже очень возможно. Правду надо сказать, поторопился Петръ Өедоровичъ. Не слѣдовало давать холостому сыну большія права. Кто его знаетъ, времена-то нынче, охъ, какія особенныя...

Такъ раздумывая, онъ, самъ того не замѣчая, запускалъ два пальца въ табакерку и медленно втягивалъ въ себя захваченную щепотку табаку. Вытеревъ потомъ носъ цвѣтнымъ фуляромъ и инстинктивно прислушиваясь, не идетъ ли молодой хозяинъ въ контору, онъ отдвигалъ отъ себя дѣловыя книги и задумывался.

— Чѣмъ можетъ разрѣшиться эта исторія? Можетъ быть, и хорошо разрѣшится, можетъ, и очень не хорошо. Парень онъ разсудительный и противъ отцовской воли зря не пойдетъ, да и отецъ тоже человѣкъ съ выдержкой и безъ толку не будетъ настаивать на своемъ. А если пойдетъ? Если въ самомъ дѣлѣ выборъ его неосновательный?

Онъ задумчиво протиралъ стекла своихъ очковъ въ старинной серебряной оправѣ и, наскоро потомъ зарядивъ носъ щепоткой табаку, брался за дѣловыя бумаги.

На кухнѣ кучеръ Миронъ, сидя за позднимъ ужиномъ, разсказывалъ:

— Никакъ въ толкъ не могу взять, какую такую новую манеру выдумалъ нашъ молодой хозяинъ. Ѣздимъ это всегда, ужъ который годъ, и съ самимъ, и съ хозяйкой, и съ нимъ значитъ, съ молодымъ хозяиномъ, всегда, къ примѣру, съ Варварки прямо черезъ Кремль на Каменный, а теперь, на поди, какой кругъ дѣлаемъ: на Тверскую, да черезъ Столешниковъ,—вонъ оно куда!.. Зачѣмъ—и не пойму. Ежели бы онъ къ примѣру останавливался тамъ гдѣ-нибудь по дѣламъ,—мало ли иной разъ старикъ кружитъ по городу изъ одного, можно сказать, конца въ другой, въ десятокъ мѣстъ завернетъ, запыхается другой разъ и фуражку сниметъ, лобъ себѣ платкомъ вытираетъ,—значитъ, такъ ему требуется по торговлѣ. Вѣдь ни-

чего такого у сына и въ заведеніи нѣтъ. Сядетъ это, скажетъ: «черезъ Столешниковъ»—только и разговору. А зачѣмъ черезъ Столешниковъ — Богъ его знаетъ. Ѣдемъ это,—молчитъ, черезъ Столешниковъ проѣдемъ, молчитъ, махнетъ потомъ рукой въ нашу сторону въ Замоскворѣчье:—поѣзжай, значитъ, домой, вотъ и все. Зачѣмъ это ему нужно такой кругъ сдѣлать—въ толкъ не возьму. И вѣдь не одинъ разъ такъ, не два, а пожалуй теперь разовъ съ десятокъ и все черезъ Столешниковъ, и чѣмъ онъ ему такъ понравился—пойди, догадывайся кто хочетъ.

Ѳома задумчиво чешетъ въ затылкѣ, всматривается въ красное одутловатое лицо Мирона и наконецъ спрашиваетъ:

— Нѣтъ ли иконы какой чудотворной тамъ, въ Столешниковѣ?

— Выдумывай!..

— А то что же? Можетъ, по обѣщанію. Проѣдетъ, значитъ, фуражечку свою сниметъ, перекрестится святой иконѣ и молитву про себя сотворитъ. Очень просто! Человѣкъ онъ набожный.

Миронъ еще болѣе краснѣетъ, кладетъ ложку на столъ и строго говоритъ:

— Ты Ѳома, ничего не понимаешь.

— Что же... нѣшто я безъ понятія!..

— Да такъ надо быть...

— Едва-ли. Я, можетъ, понимаю почище тебя...

— Эхъ, бѣлобрысый! Молчи лучше...

— А ты не бранись... Я тоже вѣдь могу браниться и не хуже тебя...

— Ну, ну, ладно. Тише. Гляди, Петръ Ѳедоровичъ услышитъ...

При имени хозяина Ѳома, по обыкновенію, сокращаетъ порывы своего неудовольствія и пугливо оглядывается, боясь, не идетъ ли въ самомъ дѣлѣ Петръ Ѳедоровичъ.

Минуту спустя, Миронъ, понизивъ тонъ рѣчи, сообщаетъ:

— Кое-что мнѣ по этому дѣлу на умъ пало...
— Н-ну?
— Вѣрно... Смѣкаю я, что тутъ кое-что есть...
Онъ оглядывается за спину, за которой какъ разъ приходится кухонное окно, и тихо говоритъ потомъ:
— На балкончикъ одинъ засматривается въ Столешниковомъ. Да!.. Разъ это ѣдемъ мимо, онъ мнѣ и сказалъ: «потише». Я, разумѣется, сейчасъ сдержалъ возжи. Что такое, думаю, а самъ искоса на него гляжу. Онъ это на болкончикъ посмотрѣлъ и — проѣхали. На завтра опять слышу: «потише», и опять я замѣчаю, на балконъ смотритъ и, когда миновали, оглянулся назадъ. А-га, думаю, тутъ, стало быть, что-нибудь—не спроста... Нѣтъ ли тутъ чего по сердечнымъ дѣламъ? Однако ѣздимъ, ѣздимъ, а все попусту: никогда на балконѣ никого не видимъ... Что же это такое, никакъ не сообразишь!..

XVIII.

Отецъ дьяконъ тоже замѣчалъ, что Григорій Петровичъ сталъ молчаливъ «свыше мѣры». Во время обычныхъ праздничныхъ визитовъ къ Петру Ѳедоровичу «на чашку чаю» онъ чувствовалъ себя, по его словамъ, до крайности въ неловкомъ положеніи и тяготился этими визитами, несмотря даже на чай съ ямайскимъ ромомъ.

Возвращаясь однажды отъ Дровяникова, онъ жаловался отцу Максиму.

— Чрезвычайно, знаете, затруднительно. Вы это съ родителемъ собесѣдуете по душѣ, такъ сказать, а сынокъ въ задумчивости своей точно воды въ ротъ набралъ. Я это, изволите видѣть, всѣми силами стараюсь поддержать бесѣду и о томъ заговариваю, и о другомъ, даже на счетъ невѣстъ,—не клюетъ! Только и словъ: «да, нѣтъ», а то и того меньше. Скучное, признаться, препровожденіе времени. А какъ вы предполагаете, ваше высокопреподобіе,—это не безъ причины...

— Не знаю, не знаю... Причина всеконечно должна быть. Вотъ вѣдь и ты, я полагаю не безъ причины въ свѣтское пѣніе ударился, хотя, признаюсь, настоящей причины я до сихъ поръ понять не могу.

— Хе, хе... Я — что же! — улыбнулся дьяконъ, прикрывъ широкимъ рукавомъ рясы ротъ, — я, конечно!.. увлекся нѣсколько и, признаться, чувствую до нѣкоторой степени угрызеніе совѣсти...

— То-то! Давно бы такъ. Въ кои-то вѣки соберемся на партію преферанса, и ты ее разстраиваешь...

— Преферансъ, что-жъ! Не въ преферансѣ дѣло, ваше высокопреподобіе. Карточное метаніе мнѣ даже, по чистой совѣсти сказать, прискучило, а вотъ обидно, что таланта не имѣю въ свѣтскомъ пѣніи...

— И голоса у тебя надлежащаго нѣтъ...

— Голосъ можно развить...

— Въ пятьдесятъ-то лѣтъ!.. Дьяконъ, опомнись, что ты говоришь. Да ты посмотри на себя въ зеркало. Сматривалъ когда или пренебрегаешь этимъ?

— Каждый день смотрю...

— И неужели не замѣчаешь?

— Что же мнѣ, ваше, высокопреподобіе, замѣчать?

— А вотъ то именно, что ты, во-первыхъ, малорослый, узкоплечій, во-вторыхъ, имѣешь впалую грудь и носъ пуговкой, а въ третьихъ, самое важное и неисправимое,—ты старикъ уже...

— Ваше высокопреподобіе, вы изволите ошибаться. Не въ оперу же, въ самомъ дѣлѣ, желаю готовиться, и наружность моя тутъ не при чемъ. Обидно то, что пѣніе не дается. Очень увлекательно,—а не выходитъ. Имѣю, знаете, въ душѣ-то полное понятіе, чувствую, какъ и что нужно голосомъ вывести, а онъ не слушается: застрянетъ, это, на одной нотѣ и, какъ говорится, ни туда, ни сюда... Очень, знаете, прискорбно...

Нѣкоторое время они шли молча. Отецъ Максимъ думалъ о томъ, не послужатъ ли неудачи дьякона къ ихъ благополучію, въ смыслѣ возвращенія его «къ карточному метанію», а дьяконъ вновь задумался о

Григорьѣ Петровичѣ и о его удивительной молчаливости.

— И вобще въ домѣ Петра Ѳедоровича что-то, я замѣчаю, неладно,—проговорилъ онъ.

— Что именно? — спросилъ отецъ Максимъ, стараясь не смотрѣть на него.

— Да все, по-моему, не такъ, не по-прежнему. Ранѣе, я помню, и самъ Петръ Ѳедоровичъ былъ любезнѣе, и супруга, бывало, тоже привѣтственно встрѣчала насъ и улыбалась, а теперь,—замѣтили вы, какъ она хмуро смотритъ...

— Этого я не замѣтилъ.

— Уклоняетесь, ваше высокопреподобіе.

— Ну вотъ еще.—Кх... кх. Что это я... кх... кх... ужъ не простудился ли, Господи, помилуй.

Войдя въ калитку церковной ограды, они готовы были уже разойтись въ разныя стороны, — дьяконъ налѣво, въ свою квартиру, а отецъ Максимъ направо, въ свою. Дьяконъ вдругъ оживился и, остановившись, проговорилъ:—а вѣдь я, ваше высокопреподобіе, додумался, въ чемъ именно причина нѣкоторой перемѣны въ душевномъ настроеніи семьи Дровяниковыхъ.

— Въ чемъ же, по-твоему?

— А вотъ въ чемъ. По моему соображенію выходитъ такъ: Григорій Петровичъ возмечталъ о женитьбѣ, а благословенія отъ родителя на это нѣтъ...

— Конечно, возможно. — Все возможно. Чего на свѣтѣ не бываетъ,—отвѣтилъ отецъ Максимъ,—иной разъ небо ясно, нигдѣ ни облачка, а часъ-другой прошелъ, смотришь,—тучи поползли — громъ загремѣлъ, и молнія засверкала... Все бываетъ...

Отецъ Максимъ старательно запахнулъ свою старенькую рясу, пожалъ плечами такъ, точно въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ приближеніе бури.

— Это вы въ какомъ смыслѣ говорите, ваше высокопреподобіе? Развѣ родитель Григорья Петровича вамъ передавалъ уже что-нибудь на счетъ подобнаго обстоятельства?

— Нѣтъ! Я только говорю, вообще... и ни въ какомъ случаѣ не по отношенію къ Петру Ѳедоровичу или къ его единородному... Ничуть!.. О хо-хо... Грѣхи!.. Дѣйствительно, что-то холодно; іюль на дворѣ, а какая погода.

Дьяконъ громко кашлянулъ, погладилъ бороду и замолчалъ.

— Ишь ты скрытный какой старикъ, — подумалъ онъ, — на погоду свернулъ. Однако, и я тѣмъ не менѣе не лишенъ сообразительности и могу до нѣкоторой степени понимать кое-что...

XIX.

Замѣчала и Ирина Игнатьевна, что сынокъ ея какъ будто «не въ себѣ» и уже не разъ озабоченно спрашивала его о здоровьѣ.

— Какъ же мнѣ, Гришенька, соображать о тебѣ: говоришь, все у тебя слава Богу, а самъ день ото дня молчаливѣе...

— Неразговорчивъ я.

— Все же не такъ, какъ теперь. Прежде задумчивости такой въ тебѣ не было. И ѣшь ты мало, точно цыпленокъ... «Въ городѣ» нѣшто завтракаешь. Что не отвѣчаешь, тебя спрашиваю. Съ пріятелями что ли гдѣ въ трактирѣ?

— Да.

— И врешь. Безпремѣнно врешь. У тебя и пріятелей-то, кажись, ни души нѣтъ. Живешь, какъ бобыль... Ахъ Гриша, Гриша! Молодой человѣкъ на хорошей линіи, съ капиталомъ, а ходишь, носъ повѣся... Что это такое? Теперь бы самая пора для тебя настоящимъ козыремъ ходить, невѣсту высматривать... На выборъ отца что ли полагаешься... Самъ долженъ выбирать... Слышишь? Говорилъ отецъ или нѣтъ на счетъ невѣсты? Чья она? Что же ты молчишь? Вотъ наказаніе Господь послалъ!..

Такія замѣчанія и допросы стали время отъ вре-

мени повторяться. Григорій Петровичъ при своей изумительной сдержанности и молчаливости доводилъ иногда мать односложными отвѣтами до такой раздражительности, что она, несмотря на горячую къ нему любовь, теряла самообладаніе.

— Да что это, Господи, силушки моей нѣтъ,— визгливо упрекала она,—тебя я спрашиваю, али столбъ какой чугунный? Ну, что ты сидишь, молчишь? Трудно тебѣ что-ли языкомъ пошевелить...

— Удивляюсь, маменька, за что вы сердитесь?

— За что? Господи! И онъ же еще спрашиваетъ! Истуканъ ты безчувственный. Христомъ Богомъ молю; откройся мнѣ, что за тайна за такая у тебя на душѣ, съ чего ты такой сталъ...

— Какой?

— Въ воду опущенный.

— Я?

— Конечно, ты. Не другой же кто. Съ тобой, кажись, я разговариваю.

— Онъ, по обыкновенію, пожималъ только плечами и сидѣлъ, понуривъ голову.

— Скажи ты мнѣ, по крайней мѣрѣ о томъ, какія твои желанія, хочешь ли ты и думаешь ли жениться, или, можетъ быть, уже обзавелся сударыней... Отъ васъ это по нонѣшнему времени очень даже можно ждать... Въ тихомъ-то омутѣ, сказываютъ... Что улыбаешься? Не таковскій, молъ, я, на другихъ молодыхъ людей не похожъ. Кто тебя знаетъ, на кого ты похожъ, я ужъ, можно сказать, голову съ тобой потеряла. Говори же. Или можетъ быть ты задумалъ, спаси Господи; что-нибудь такое вовсе уже несообразное...

Григорій Петровичъ вопросительно посмотрѣлъ на нее, не понимая на что именно она намекаетъ.

— Отъ тебя, пожалуй, можно и этого ждать. Чего добраго, отъ тебя станется. Понимаешь?

— Нѣтъ.

— Въ монахи, говорю, можетъ, собираешься итти.

Не даромъ бабушкѣ-то житія святыхъ читывалъ... Что молчишь и вздыхаешь?.. Господи! Неужели въ самомъ дѣлѣ я угадала?.. Ахъ, ахъ... Царица небесная. Этого еще не доставало!.. Слышишь?

— Слышу.

— И что же скажешь?..

— Гм... гм... Ничего я, мамаша, сказать не могу...

— Почему не можешь? Почему? Развѣ я тебѣ чужая? Отвѣчай, говорю, не томи меня. Истуканъ ты безчувственный!

Однажды въ самый разгаръ недовольства Ирины Игнатьевны въ комнату вошелъ Петръ Өедоровичъ и, остановясь въ дверяхъ, широко развелъ руками обѣими руками.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

Ирина Игнатьевна еще болѣе заволновалась и гнѣвъ свой обратила на мужа.

— И ты тоже хорошъ... Ну что ты его какъ слѣдуетъ не допросишь по-отечески,—неужели въ самомъ дѣлѣ онъ дурь себѣ въ голову забралъ...

— Позволь, позволь... Что-за дурь? Въ какомъ смыслѣ?..

— Да вотъ все въ томъ же, въ вашемъ: сами вы изволили пріучать его къ чтенію акаѳистовъ, да житій разныхъ, да по раннимъ обѣднямъ таскали,—вотъ теперь и получайте...

— Ничего въ толкъ не возьму! Объясни, какъ слѣдуетъ, о комъ ты говоришь.

— Да вотъ о немъ, о любимцѣ вашемъ, о великомъ молчальникѣ,—въ монахи собирается итти, ангельскій чинъ принять...

— Кто-о?!

— Да онъ же, говорю, Гриша, твой сынокъ...

Петръ Өедоровичъ быстро повернулся въ сторону сына и вопросительно взглянулъ на него.

Григорій Петровичъ задумчиво пощипывалъ свою

маленькую только-что начавшую пробиваться, бородку и молчалъ.

— Гриша, что это мать говоритъ?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Слышишь, чай?

Сынъ пожалъ плечами.

Петръ Өедоровичъ перевелъ вопросительный взглядъ на Ирину Игнатьевичу. Ему вспомнились два-три случая изъ дѣтскихъ лѣтъ сына, обрисовывающіе до нѣкоторой степени его тогдашнія наклонности,—любовь къ церковной службѣ, охотное чтеніе акаөистовъ. Сердце его вдругъ точно замерло при мысли о возможномъ безуміи сына, и по лицу пробѣжало выраженіе испуга. Собственно монашество онъ не считалъ безуміемъ, напротивъ, придавалъ ему значеніе подвига, но только для другихъ, а не по отношеніе къ себѣ или сыну,—наше, молъ, дѣло торговое, и намъ, признаться, не досужно, а что слѣдуетъ, мы заплатимъ братіи: пусть молятся.

Взглянувъ на жену и не понимая, насколько могутъ имѣть значеніе ея слова о сынѣ, онъ тревожно возразилъ:

— Да не можетъ этого быть! Ирина говори толкомъ; какіе такіе разговоры были у васъ?

Сынъ наконецъ разрѣшился отвѣтомъ:

— Никакихъ у насъ разгоровъ не было. Маменька такъ сгоряча сказала и свои слова мнѣ приписываетъ...

— Какъ свои слова!.. И не свыдно тебѣ! Не ты ли мнѣ сейчасъ говорилъ, что въ монахи собираешься итти?

— И не думалъ... Совсѣмъ даже напротивъ...

Петръ Өедоровичъ громко засмѣялся, довольный, что такъ легко и скоро разрѣшилось недоумѣніе. Ирина Игнатьевна заволновалась и стала упрекать сына, что онъ отказывается отъ своихъ словъ; но Петръ Өедоровичъ со свойственнымъ ему умѣньемъ успокоилъ ее:

— Эхъ, Ирина! Мало ли что иной разъ скажется. Не всяко лыко въ строку. А ты снизойди. Слово вѣдь, что воробей: вылетѣлъ,—пойди лови. Ты возьми чуточку терпѣнья, всѣ дѣла эти мы приведемъ къ точкѣ.

— Къ какой точкѣ?

— А вотъ подожди деньковъ съ пятокъ,—все обозначится...

— Да что именно обозначится? Говори, какъ слѣдуетъ, къ чему загадки и недомолвки.

— Не возможно, Ирина... Такое дѣло, требуетъ укуратности! Могу сказать тольчо одно, что теперь уже оно на чеку. Понимаешь, на счетъ Гришиной женитьбы, говорю... Обработаемъ его въ лучшемъ видѣ и такъ отчетливо, что и оглянуться не успѣетъ... Григорій Петровъ, слышишь, готовься, — улыбаясь, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ, обращаясь къ сыну.

Но Григорій Петровичъ уже снова спрятался въ самого себя, какъ улитка въ раковину, и на слова отца ничего не отвѣтилъ.

Петръ Ѳедоровичъ не придалъ его молчанію никакого значенія, издавна уже привыкнувъ къ нему. Онъ не замѣчалъ и задумчивости сына, такъ усилившейся въ послѣднее время, и строилъ планы о женитьбѣ его на богатой невѣстѣ.

XX.

Занятый такъ сказать, высшими соображеніями, Петръ Ѳедоровичъ былъ какъ въ угарѣ. Не только въ лавкѣ,—въ церкви за обѣдней, вслушиваясь въ молитвенныя пѣснопѣнія, онъ думалъ вовсе не о нихъ, а о Ѳаддеѣ Егоровичѣ и объ исходѣ предстоящихъ съ нимъ переговоровъ. При возгласѣ отца Максима, произносившаго дрожащимъ голосомъ: «И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ неосужденно смѣти призывати...»,—онъ становился на колѣни, склонялъ голову къ холодному полу церковныхъ плитъ, а мысленно былъ далеко отъ церкви, далеко за городомъ на Смоленской дорогѣ, именно тамъ, гдѣ находилась фабрика Суконникова.

— Большое дѣло и чистое: капиталъ свободный,— думалъ онъ.

Къ вопросамъ по торговымъ дѣламъ своимъ и къ распоряженіямъ, касавшимся предстоявшей ярмарки, онъ относился хотя и со свойственною ему озабоченностію, но какъ-то торопливо, съ нетерпѣніемъ и даже съ досадой.

— Ну, хорошо, хорошо... Некогда мнѣ...—волновался онъ въ конторѣ, перебрасывая по столу дѣловыя бумаги, — вотъ по этому дѣлу напишите, что... Впрочемъ, Гриша вамъ скажетъ... Гдѣ онъ? Уѣхалъ уже въ городъ?.. Ахъ!..

Петръ Өедоровичъ, взглянувъ на часы и поспѣшно надѣвъ картузъ, уже на ходу отдавалъ нетерпѣвшія отлагательства распоряженія.

— Ну пока что,—довольно. Гриша, надо быть, раньше вернется, къ нему обратитесь, онъ разъяснитъ...

По случаю ожидаемыхъ имъ переговоровъ съ Өаддеемъ Егоровичемъ онъ затянулъ свой отъѣздъ въ ярмарку и задержалъ отъѣздъ сына, несмотря на то, что личное присутствіе тамъ того или другаго считалось до сихъ поръ дѣломъ первой необходимости. Суконниковъ въ это время былъ еще въ Москвѣ, и Петръ Өедоровичъ имѣлъ уже свѣдѣнія, что онъ уѣдетъ не ранѣе какъ чрезъ недѣлю. Ему хотѣлось именно теперь, до отъѣзда въ ярмарку, выяснить вопросъ о задуманномъ дѣлѣ, узнать изъ первыхъ рукъ, дѣйствительно ли онъ склоненъ съ нимъ породниться, и при удачѣ, не теряя времени, завязать узелокъ покрѣпче, чтобы потомъ уже съ легкимъ сердцемъ и пріятными надеждами отправиться на ярмарку. Осаждаемый вопросами по торговымъ дѣламъ, то со стороны довѣреннаго, уже уѣхавшаго на ярмарку, то со стороны сына, ежедневно обращавшагося къ нему за совѣтами и разъясненіями, онъ подумалъ даже о томъ, что не лучше ли отложить дѣло объ отношеніяхъ къ Суконникову до ярмарки и тамъ съ нимъ начать переговоры; но мысль объ этомъ тотчасъ же и оставилъ; сообразивъ, насколько можетъ быть неудобно и ему самому, и Суконникову говорить на ярмаркѣ о сватовствѣ.

Изъ ярмарки ежедневно приходили письма съ вопросами и извѣщеніями, иногда непріятными и огорчающими. Такъ, напримѣръ, довѣренный сообщалъ, что какой-то татаринъ изъ Симбирска, съ котораго въ ярмаркѣ предстояло получить торговому дому значительную сумму долга за товары, самъ въ ярмарку не пріѣхалъ, а прислалъ брата:—плутоватый, косоглазый и рябой каналья, въ обтрепанномъ кафтанишкѣ, слезливо хнычетъ о разстройствѣ дѣлъ брата и предлагаетъ вмѣсто рубля двадцать пять копѣекъ, при томъ, съ разсрочкой уплаты на три года».

Нѣкоторые изъ торговыхъ вопросовъ довѣреннаго Григорій Петровичъ разрѣшалъ самъ, не совѣтуясь о нихъ съ отцомъ, большую же часть ихъ представлялъ на обсужденіе Петру Ѳедоровичу. При сообщеніи извѣстія о предлагаемой симбирскимъ татариномъ сдѣлкѣ Петръ Ѳедоровичъ даже съ кресла привскочилъ.

— Разбойникъ!—заволновался онъ,—ну можно ли было ожидать!.. Ахъ, лисья шуба!.. Какъ вѣдь ловко подобрался:—въ прошломъ году двумя недѣлями раньше сроку заплатилъ. Разумѣется, всѣ они, въ концѣ концовъ, прогораютъ съ своей татарской коммерціей, но думалъ я, что его еще лѣтъ на пять хватитъ...

Лицо его потомъ нахмурилось, глаза засверкали гнѣвомъ, правая рука сжалась въ кулакъ, и онъ строго заговорилъ:

— Пиши, Гриша, что ни на какую сдѣлку мы не согласимся... Ни на какую!.. въ тюрьму упрячемъ его!.. Бритая башка!.. Вилокъ капустный!..

День, два спустя Григорій Петровичъ, передавая отцу о новыхъ свѣдѣніяхъ изъ ярмарки, сказалъ:

— Надо ѣхать.

— Да, конечно, надо,—озабоченно отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ,—только вотъ, видишь ли, Гриша, и здѣсь есть одно дѣло... тоже не маленькое. Завтра, много—послѣ завтра, оно выяснится, ну тогда, благословясь, и поѣдемъ.

Григорій Петровичъ кашлянулъ, прикрывъ ротъ

рукой, и задумчиво посмотрѣлъ на отца. Хотя онъ при этомъ никакого вопроса ему не сдѣлалъ, но Петръ Ѳедоровичъ понялъ, что означаетъ его взглядъ, и поспѣшно отвѣтилъ:

— Подожди, подожди... На дняхъ все выяснится...

Сынъ молчалъ и смотрѣлъ въ полъ.

— Не поѣхать ли одному мнѣ сегодня?

Гм... гм... Куда? На ярмарку?.. Нельзя, нельзя, Гриша...

— Удивительно!

— Что такое? Что удивительно?— изумился Петръ Ѳедоровичъ и поднялся съ дивана.

— Я говорю на счетъ письма довѣреннаго изъ ярмарки...

— Гм... гм...—смутился Петръ Ѳедоровичъ и немного даже покраснѣлъ, но однако ничѣмъ не далъ понять сыну своего смущенія.

— Онъ пишетъ,—продолжалъ сынъ,—что по всѣмъ видимостямъ воску съ Камы и съ Бѣлой ожидается въ ярмарку значительный привозъ, и что та партія, о которой въ іюнѣ мѣсяцѣ сообщили изъ Уфы, можетъ быть пріобрѣтена дешевле значительно противъ той цѣны, которую за нее просятъ...

Петръ Ѳедоровичъ быстро пріободрился, какъ боевой конь, заслышавшій призывный звукъ трубы, и поспѣшно возразилъ:

— Но вѣдь мы съ своей стороны не изъявляли согласія на ихъ цѣну?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Григорій Петровичъ только кивнулъ головой, и нельзя было понять, отрицаетъ ли онъ возраженіе отца или соглашается съ нимъ. Минуту спустя онъ, порывшись въ бумагахъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ, вынулъ изъ нихъ какой-то листокъ и показалъ его Петру Ѳедоровичу.

— Вотъ мы что имъ отвѣчали на предложеніе воску.

Петръ Ѳедоровичъ нахмурился, взялъ изъ рукъ сына листокъ и сталъ читать, но чѣмъ дальше онъ читалъ, тѣмъ рѣзче сдвигались на лбу его морщины.

— Гм... гм... Это того... пожалуй... не очень ловко...—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ.

— Цѣна съ нашей стороны... заявлена,—замѣтилъ сынъ.

— Заявлена! — сердито возразилъ Петръ Ѳедоровичъ,—мало ли что можно предположительно заявить. Окончательнаго слова все-таки не сказано. Пиши сегодня же довѣренному, чтобы того... повидался... Впрочемъ, — погоди, надо обдумать... Гм... гм... О цѣнѣ мы дѣйствительно отчасти поторопились...

Онъ опять сталъ перечитывать поданный сыномъ листокъ, но на этотъ разъ брови уже не такъ хмурились, какъ при первомъ чтеніи.

— Да нѣтъ же! — проговорилъ онъ, громко хлопнувъ по листу пальцами, — ничего даже и неловкаго въ этомъ дѣлѣ нѣтъ. Сказано предположительно, и смотря по ходу дѣла, можемъ поступить, какъ пожелаемъ... Такъ и пиши, что дѣло откладываемъ до личнаго свиданія. Да не забудь, что сейчасъ же нужно дать срочную телеграмму, понимаешь. Непремѣнно срочную, чтобы довѣренный тамъ не напуталъ... Охъ, дѣла, дѣла!

И, вспомнивъ причину, по которой такъ задержался его отъѣздъ въ ярмарку, онъ тяжело вздохнулъ.

XXI.

Григорій Петровичъ пошелъ въ контору своимъ обычнымъ медленнымъ шагомъ, и по выраженію лица его никакъ нельзя было опредѣлить, въ какомъ душевномъ настроеніи онъ находится. Въ этотъ день онъ еще не былъ въ конторѣ и, встрѣченный поклонами служащихъ, отвѣтилъ на нихъ тоже поклономъ, но предварительно посмотрѣлъ въ передній уголъ на образъ и перекрестился. Старикъ-конторщикъ подмѣтилъ въ немъ, — какъ передавалъ потомъ сослуживцамъ—что-то, по его мнѣнію, особенное, но въ чемъ заключалась эта особенность,—объяснить не могъ. И

другіе тоже говорили, что замѣтили въ Григоріи Петровичѣ, кромѣ обычной его задумчивости и молчаливости, что-то еще новое, оттѣнокъ какого-то чувства не то досады, не то скорби, глубоко спрятаннаго гдѣ-то въ сокровенныхъ тайникахъ его сердца.

Постоявъ нѣсколько времени посреди комнаты въ обычной своей задумчивости, онъ не спѣша подошелъ къ конторскому столу и сѣлъ. Конторщикъ давно уже ждалъ этого и тотчасъ же придвинулъ ему стопку какихъ-то бумагъ и началъ было что-то говорить по поводу ихъ; но Григорій Петровичъ, не сказавъ ни слова, отодвинулъ бумаги въ сторону и произнесъ только: «да, да», ничего, по обыкновенію, необъясняющее. Потомъ онъ взялъ листъ чистой бумаги изъ пачки, лежавшей на концѣ стола, и началъ писать, исписалъ его кругомъ, свернулъ, положилъ въ большой конвертъ и самъ запечаталъ и надписалъ адресъ. Покончивъ съ этимъ конвертомъ, онъ взялъ другой листъ и сталъ опять писать, но на этотъ разъ уже не много, всего нѣсколько строкъ, въ заключеніе которыхъ было сказано: «подробности письмомъ». Это была телеграмма, предназначавшаяся къ отсылкѣ тому же лицу, къ которому было адресовано письмо. И телеграмму и конвертъ онъ ередалъ конторщику, сказавъ при этомъ два слова:

— Телеграмма срочная.

Конторщикъ тотчасъ же поднялся изъ-за стола.

— Григорьевъ! Гдѣ ты тамъ?—позвалъ онъ.

Артельщикъ Григорьевъ, скуластый, съ загорѣлымъ лицомъ парень въ длиннополомъ сюртукѣ и въ сапогахъ голенищами наружу, при первыхъ же словахъ его точно вынырнулъ изъ сосѣдней комнаты. Конторщикъ, передавая ему пакетъ и телеграмму, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько пакетовъ, слѣдовавшихъ въ амбаръ на Варваркѣ и еще куда-то «въ городъ».

— Сначала телеграмму,—сказалъ онъ, потомъ пакетъ на почту, а потомъ уже остальное,—понялъ?

— Самой собой!.. Не ужли-жь я... Господи! Въ

позапрошлый разъ тоже срочную посылали, такъ я на телеграфѣ того-съ...

Артельщикъ взглянувъ на Григорья Петровича, какъ бы лично къ нему обращая свои слова.

— Я на телеграфѣ двоихъ даже... того-съ... оттѣснилъ отъ очереди, потому, говорю, извините, мнѣ требуется безотлагательно, потому у насъ срочная и, значитъ, мы за нее тройныя деньги платимъ. Чиновникъ оказался съ понятіемъ, руку это ко мнѣ за телеграммой протянулъ и принялъ.

Григорій Петровичъ посмотрѣлъ на карманные часы, и конторщикъ понялъ, что это значитъ.

— Ну, ну, довольно!.. Нечего время терять. Поворачивайся проворнѣе, Григорьевъ.

— Это такъ точно... Я очень отлично понимаю, что къ чему. Но нельзя же съ пакетами... какъ попало...

Артельщикъ, озабоченно нахмурясь, раскладывалъ пакеты по карманамъ, предварительно прочитывая ихъ адресы. Когда онъ вышелъ, конторщикъ, идя къ своему мѣсту, сказалъ:

— Надо бы, Григорій Петровичъ, сумку такую завести, чтобы артельщику способнѣе было. Оно, знаете, и укуратнѣе: пакеты, напримѣръ, а то и образцы какіе иной разъ...

Григорій Петровичъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, казалось, вслушиваясь въ каждое его слово, но однако въ отвѣтъ на нихъ ничего не сказалъ и принялся разбирать тѣ бумаги, которыя были ранѣе имъ предложены на его разсмотрѣніе.

Пока онъ занимался чтеніемъ бумагъ, конторщикъ искоса повременамъ взглядывалъ на него, замѣчая, что онъ, хотя и углубленъ въ ихъ чтеніе и относится къ нимъ съ большимъ вниманіемъ, но что въ общемъ выраженіи лица его есть что-то новое, чего прежде не замѣчалось.

— Не распекъ ли его родитель за что-нибудь? — думалъ онъ, — а то, можетъ, маменька, по обычаю,

разнесла за скромность. Она все его за скромность допекаетъ. Не слыхалъ я ничего, а вижу, что дѣло тутъ не спроста... Не сердечныя ли дѣла его, шитыя и крытыя, наружу выходятъ?

Григорій Петровичъ, окончивъ разсмотрѣніе бумагъ, сказалъ свое «да, да» и, откинувшись на спинку кресла, замолчалъ, отдавшись внимательному разсмотрѣнію какой-то ему лишь одному замѣтной точки на потолкѣ.

При молчаливости и медленности своей, при нѣкоторой, даже какъ бы холодной безучастности къ дѣламъ, онъ велъ ихъ всегда съ большимъ умѣньемъ и обстоятельностію; поправокъ, отмѣны распоряженій, замѣны однихъ другими у него не было. Не разъ, оставшись наединѣ съ самимъ собой, онъ молча покачивалъ головой, порицая родительскія распоряженія, зачастую безпричинно спѣшныя, и даже иногда одно другому противорѣчащія. Правду говорилъ старикъ-конторщикъ, что молчаливость молодаго хозяина была весьма полезна въ его отношеніяхъ къ отцу.

Такъ и теперь онъ былъ недоволенъ дѣйствіями отца и молчалъ, ничѣмъ не выказывая своего недовольства. Мысленно самъ про себя онъ порицалъ его, откладывавшаго день за днемъ отъѣздъ на ярмарку, и порицалъ не только за то, что откладывается отъѣздъ, но именно за скрытность, за игру въ жмурки, въ которой, по его мнѣнію, не было никакой надобности.

— Къ чему эта напускная комедія,—думалъ онъ,—сказалъ бы прямо, что вотъ на комъ, Гриша, желательно мнѣ тебя женить. Вѣдь я уже знаю очень хорошо, чья она, да и не я одинъ, можетъ быть, и другіе многіе догадываются. Такія дѣла чѣмъ секретнѣе ихъ ведутъ, тѣмъ больше они обнаруживаются. А то хмурится, третъ лобъ и разводитъ разные, какъ говорится, турусы на колесахъ... Сказалъ бы откровенно, вотъ, молъ, такъ и такъ, разгорѣлись у меня глаза на большое богатство Суконникова, одна у него дочь—не

зѣвай, Гриша. И я бы ему въ такомъ разѣ тоже прямо сказалъ...

Такъ думалъ Григорій Петровичъ, медленнымъ и неслышнымъ шагомъ расхаживая по своей уединенной комнатѣ, заложивъ руки за спину и нѣсколько наклонивъ голову. Что именно онъ намѣревался «прямо» сказать отцу, въ отплату откровенностію за откровенность, и могъ ли когда-либо и при какихъ-либо обстоятельствахъ рѣшиться на такой смѣлый шагъ, — объ этомъ онъ едва-ли былъ въ состояніе отвѣтить съ большею или меньшею опредѣленностію.

XXII.

На другой день утромъ, послѣ отъѣзда Григорія Петровича «въ городъ», пріѣхалъ къ Петру Ѳедоровичу одинъ изъ амбарныхъ сосѣдей, человѣкъ, повидимому, весьма ему близкій, стоявшій съ нимъ, какъ говорится, на короткой ногѣ. Еще не поднявшись до верхней площадки входной лѣстницѣ, онъ снялъ съ себя шляпу и, отирая лобъ платкомъ, громко заговорилъ:

— Да! можетъ, его уже и дома нѣтъ?.. Я съ большаго-то ума гоню сюда, какъ говорится, въ хвостъ и въ гриву, а онъ, можетъ,—ау!.. Дома хозяинъ?—еще громче спросилъ онъ, когда ему отворили дверь.

— Дома. Только они собираются...

— Куда? Въ ярмарку? Этого нельзя допустить. Ни въ какомъ разѣ!.. Стопъ машина, значитъ. Петръ Ѳедоровичъ! Слышишь? Гдѣ ты тамъ? Къ тебѣ спышу, «Меня влечетъ невѣдомая сила».

Онъ былъ средняго, можно сказать, почти маленькаго роста, такой же сѣдой и облысѣвшій, какимъ былъ и самъ Петръ Ѳедоровичъ, но значительно болѣе его живой, румяный и мясистый человѣкъ съ карими веселыми глазами и коротко подстриженной бородкой. Послѣднія слова своей громкой рѣчи, обращенной къ невидимому Петру Ѳедоровичу, онъ произнесъ нѣ-

сколько на распѣвъ, такъ какъ вообще имѣлъ наклонность къ пѣнію и къ стихамъ, и къ возвышенному иногда тону рѣчи, сопровождая ее, въ особенности при удачномъ ходѣ торговыхъ дѣлъ, соотвѣтствующими жестами, нельзя сказать, чтобы художественно выразительными, но энергическими и размашистыми.

— Да гдѣ же ты, Петръ Ѳедоровичъ? — громче прежняго возгласилъ онъ, остановясь посреди зала,— мнѣ, братъ, некогда, время не терпитъ, ибо сказано: волка ноги кормятъ! Послушай, гдѣ же ты, почтенный старичецъ!

Какъ только Петръ Ѳедоровичъ появился въ дверяхъ зала, гость тотчасъ взмахнулъ шляпой, высоко приподнявъ ее надъ головой, и громко возгласилъ:

— Воспрянемъ убо яко раби вѣрніи и возвеселимся!

— Потише, другъ, потише!—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Гость сразу оборвалъ восторженный тонъ рѣчи и шепотомъ спросилъ:

— Развѣ кто нездоровъ? Сама что ли?

— Нѣтъ, голубчикъ, не то. У насъ слава Богу всѣ здоровы, только, знаешь, неловко, и бабушка старушка ветхая...

— Это вѣрно, это вѣрно!—шепотомъ подхватилъ гость,—я далъ маху и приношу покаяніе... Ну, слушай, Петръ Ѳедоровичъ, что я тебѣ скажу, и благодари...

— Погоди, погоди... Пойдемъ въ кабинетъ,—тамъ способнѣе... Ты чаю хочешь?

— Какой чай, помилуй! По ходу дѣла съ тебя надо теперь шипучки дюжину, да не одну... И это ужъ, сдѣлай милость, будетъ и чтобы безпрепятственно. Слыщишь? Самъ царь Соломонъ говоритъ: вино веселитъ сердце человѣка!

— Хорошо, Иванъ Васильевичъ, хорошо. Все это пустяшный разговоръ. Въ чемъ дѣло, суть-то самая въ чемъ? Ну, разсказывай.

— То-то! Давно бы такъ. А то: «потише, по-

тише». Экъ, голова, садовая! Нечего, братъ, оглядываться! Слушай, дѣло на мази и теперь, значитъ, только не зѣвай...

Этотъ Иванъ Васильевичъ былъ давнишній пріятель Петра Ѳедоровича. Большихъ денежныхъ средствъ онъ не имѣлъ и не заботился о томъ, чтобы непремѣнно разбогатѣть. Торговалъ онъ преимущественно чужими товарами, пользуясь при этомъ коммисіонными процентами, и велъ дѣла не всегда счастливо, но за то всегда былъ веселъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Въ средѣ своей онъ пользовался большою любовію за свой открытый и веселый нравъ. Онъ былъ вдовъ и бездѣтенъ и не тяготился своимъ положеніемъ, напротивъ, отзывался о немъ даже съ похвалой.

— Положеніе мое, могу сказать, лучше архіерейскаго. У нихъ, у этихъ достопочтенныхъ старцевъ, отрекшихся отъ міра, заботъ многое множество и епархіальныхъ, и синодальныхъ, а можетъ и объ орденахъ мысли иной разъ тревожатъ, и о бѣломъ клобукѣ съ брильянтовымъ крестомъ, — возможно вѣдь и это. А мнѣ о чемъ заботиться? Жену схоронилъ, памятникъ ей на могилу поставилъ основательный, на поминъ души тоже что слѣдуетъ заплатилъ сполна, терять мнѣ больше некого, остается, стало быть, ждать только своего термину... Ударитъ часъ,—«глаголъ временъ, металла звонъ!»—и я готовъ,—извольте, когда угодно, хоть сію минуту. А пока дышу, жизни не чуждаюсь, выпить и закусить, сдѣлайте одолженіе,—это можно, когда угодно.

Свободные отъ торговыхъ дѣлъ дни онъ проводилъ вовсе не такъ, какъ другіе, однолѣтки и собратья его по дѣятельности. Для нихъ отдыхъ отъ занятій сводился либо на карточную игру, начинавшуюся, обыкновенно, сейчасъ же послѣ возвращенія отъ обѣдни и продолжавшуюся далеко за полночь, либо на забаву рысистыми лошадьми: велитъ купецъ запречь лошадь въ легкія дрожки, надѣнетъ кучерскія перчатки и гоняетъ полдня по Москвѣ изъ конца въ конецъ, правя

самъ лошадью. Иванъ Васильевичъ ни къ картамъ, ни къ кучерскимъ занятіямъ пристрастія не имѣлъ и предпочиталъ лучше провести цѣлый день въ одиночествѣ за книжкой, чѣмъ гонять по городу на лошади, или сидѣть за картами. Къ книжкѣ онъ имѣлъ склонность и любилъ съ подходящимъ собесѣдникомъ поговорить о ней, разсказать свои впечатлѣнія, хотя, правду сказать, собесѣдниковъ такихъ между собратами у него бывало немного. Начнетъ, случалось, разсказывать кому-нибудь изъ нихъ о только-что прочитанной книгѣ, какъ на первыхъ же словахъ слышитъ возраженіе.

— Ну, будетъ... Опять о заграничныхъ земляхъ... Господь съ ними, какое намъ до нихъ дѣло, онѣ—сами по себѣ, мы тоже—сами по себѣ...

— Интересно, братецъ мой, на счетъ напримѣръ, климата... растенія это и прочее все, — очень удивительно...

— Ну и удивляйся на здоровье, а другимъ не надоѣдай... Пойдемъ-ка лучше выпьемъ «по маленькой»!..

Вечерами онъ рѣдко бывалъ дома и проводилъ ихъ большею частію въ театрѣ, либо въ циркѣ, въ клубѣ или въ трактирѣ за бутылочкой «иностраннаго», которое иногда не безъ основанія называлось страннымъ. Возвращаясь домой, обыкновенно послѣ полночи, онъ мурлыкалъ себѣ подъ носъ какой-нибудь мотивъ изъ оперы или стихи и иногда,—справедливость требуетъ замѣтить, — легонько покачивался при этомъ. Случалось, позвонивъ у своей квартиры, онъ совершенно неожиданно для старушки, единственной его прислуги, возвышалъ голосъ и громко произносилъ, продолжая чтеніе стиховъ.

— Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ мой прахъ переживетъ...

— Что вы, батюшка Иванъ Васильевичъ, зачѣмъ умирать, — успокоивала старушка, — поживете еще, Богъ дастъ, годы ваши небольшіе, можно сказать еще самые средственные года.

Фамилія его была Радостинъ. По этому случаю онъ говаривалъ, что ему необходимо поддерживать въ себѣ веселое настроеніе, чтобы «неустойки въ этомъ разѣ противъ фаліи не было».

Петръ Ѳедоровичъ провелъ его изъ зала по корридору къ себѣ въ кабинетъ.

— Прислуга говоритъ, ты собираешься ѣхать, — сказалъ Иванъ Васильевичъ.

— Да, я хотѣлъ именно къ тебѣ...

— Вотъ и отлично. Стало быть, я въ аккуратъ попалъ, а то пожалуй, грѣхомъ, разъѣхались бы...

— Возможное дѣло, — замѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ, — ну, какъ? — спросилъ онъ, оглянувшись на двери.

— И не оглядывайся! — смѣясь, отвѣтилъ Иванъ Васильевичъ — дѣло идетъ полнымъ ходомъ. Лошадь у меня сегодня лихачъ, въ двадцать минутъ докатимъ, — съ тѣмъ договорился. Значитъ, одѣвайся — помчимся во всю силу, время терять нечего, а потомъ завернемъ куда слѣдуетъ и на радостяхъ раздавимъ бутылочку...

Иванъ Васильевичъ заговорилъ по своему обыкновенію громко и съ жаромъ, и только-что хотѣлъ было объяснить Петру Ѳедоровичу цѣль предполагаемой поѣздки, какъ онъ безцеремонно закрылъ ему ротъ ладонью и поспѣшно сказалъ:

— Молчи, молчи...

— Какое, однако, самоуправство и при томъ въ хорошемъ купеческомъ дому, — смѣясь замѣтилъ Иванъ Васильевичъ, — точно ты, Петръ Ѳедоровичъ, паша какой-нибудь Махмудъ персидскій.

— Ну, полно, будетъ... Не мели зря...

Петръ Ѳедоровичъ озабоченно оглянулъ себя въ зеркало, погладилъ бороду и потомъ, перекрестившись на образа, сказалъ:

— Ѣдемъ, значитъ.

— Стало быть, такъ. Отчаливай!

Ирина Игнатьевна только-что было хотѣла подойти къ дверямъ кабинета—смотритъ, а они уже выходятъ оба, такіе оживленные и улыбающіеся. При выходѣ ихъ изъ комнаты она посторонилась въ правую сторону, зная, что направо къ буфетной и къ комнатѣ горничной имъ нѣтъ надобности итти. Обмѣниваясь на ходу короткими фразами, они вышли, не замѣтивъ ее. Подойдя потомъ къ окну въ залѣ, она видѣла, какъ они оба усѣлись въ экипажъ, причемъ Петръ Ѳедоровичъ не хотѣлъ садиться первымъ, но гость дружески потрепалъ его по плечу и потянулъ потомъ за правую руку, указывая мѣсто.

— Что-й-то они какіе оба веселые,—подумала она,— тотъ-то, положимъ, такой отъ роду, всегда точно имянинникъ, а мой-то съ чего развеселился?

Куда они поѣхали и по какому дѣлу—она не знала, даже и не задумывалась объ этомъ, считая пріѣздъ пріятеля къ Петру Ѳедоровичу и его отъѣздъ съ нимъ самымъ обыденнымъ обстоятельствомъ, случавшимся иногда и прежде,—завернулъ, молъ, по дорогѣ, чтобы вмѣстѣ въ городъ ѣхать. Только потомъ уже, когда Петръ Ѳедоровичъ вернулся домой, дѣло объяснилось.

XXIII.

Вернулся онъ въ необычайно возбужденномъ и радостномъ настроеніи. Сбросивъ въ передней пальто на голову горничной и швырнувъ трость и фуражку вмѣсто стола на полъ, онъ прошелъ скорыми шагами черезъ корридоръ прямо въ комнату сына, предполагая, что онъ уже возвратился домой. Растворивъ дверь его комнаты и тотчасъ же захлопнувъ ее съ такою силою, что перегородка дрогнула, онъ громко крикнулъ на весь корридоръ:

— Гриша гдѣ? Гдѣ Гриша?

— Что это ты кричишь такъ, Петръ Ѳедоровичъ!— возразила Ирина Игнатьевна, идя къ нему навстрѣчу.

— Гдѣ Григорій, спрашиваю... Неужели онъ еще

не вернулся? Вотъ досада. Вѣсти такія, можно сказать, самыя наипріятнѣйшія, а его нѣтъ... Что ты какъ на меня смотришь, Ирина Игнатьекна? Не пьянъ я, нѣтъ! Совсѣмъ, даже напротивъ. Дѣйствительно, мы съ пріятелемъ одну бутылочку опустошили, только одну. Выпили бы и больше, — не поднять мнѣ, года не тѣ, не позволяютъ. Онъ-то, положимъ, подниметъ сколько угодно, а я пасую...

— Да съ чего? Никакъ я въ толкъ не могу взять.

Ирина Игнатьевна глазъ съ него не сводила, стараясь, такъ сказать, на лету ловить каждое его слово.

— Говори же, какія-такія пріятныя вѣсти? О чемъ?

— Нѣтъ ужъ объ этомъ, ахъ, оставьте вашъ характеръ, — возразилъ, смѣясь, Петръ Ѳеодоровичъ, и вдругъ совершенно неожиданно обнялъ Ирину Игнатьевну.

— Охъ! Пусти ты, пусти... Господи, какъ тебѣ не стыдно. Старый человѣкъ, а глупишь... Говори, чего еще ломаешься...

Петръ Ѳедоровичъ громко засмѣялся, потомъ погладилъ Ирину Игнатьевну по плечу, ласково приговаривая:

— Не сердись, не сердись... Возьми на малое время терпѣніе... Вотъ сядемъ здѣсь въ уголочкѣ и поговоримъ, какъ слѣдуетъ, по душѣ.

Его возбужденное настроеніе нѣсколько поуспокоилось, и онъ, усѣвшись рядомъ съ женой, началъ ей разсказывать о томъ, какъ пріятель его, подъ видомъ случайной встрѣчи, устроилъ ему свиданіе съ Ѳаддеемъ Егоровичемъ, какъ они съ нимъ разговаривали о разныхъ разностяхъ, оба думая въ это время совсѣмъ о другомъ, и какъ договорились, наконецъ, до сути дѣла.

— Да неужели ты посватался? — тревожно спросила Ирина Игнатьевна. — Надо вѣдь съ первоначалу присмотрѣться... Я-то никогда ее не видывала и Гриша едва-ли видалъ...

— Это все пустяки! — возразилъ Петръ Ѳедоро-

вичъ. — Я ее видалъ много разъ. Разговоръ былъ, Ирина, такъ надо сказать, самаго утѣшительнаго характера... Можетъ быть даже въ ярмаркѣ окончательно дѣло порѣшимъ...

— Да нѣшто такъ можно!

— Учить, стало быть, меня хочешь.

— Ахъ какой ты сдѣлался нетерпѣливый... Слова нельзя сказать...

— Какое слово, — это надо разобрать. Ежели настоящее оно, я завсегда и съ великимъ вниманіемъ готовъ его выслушать. А отъ тебя развѣ его услышишь... Ну, говори, что ли, не задерживай...

Ирина Игнатьевна понизила тонъ рѣчи, но не успѣла высказать до конца первой своей мысли, какъ онъ возразилъ ей:

— Ну, вотъ видишь, какіе неосновательные твои доводы: говоришь, подождать, присмотрѣться, разузнать о характерѣ, не очень ли нравная... Все это я давнымъ-давно разузналъ... А ты-то возьми во вниманіе,—время дорого: сколько народу на такую невѣсту зубы точатъ...

— Ахъ!.. Все ты не ладно говоришь. Подумай,— если она ему не понравится?

Петръ Ѳодоровичъ засмѣялся и продолжать разговора не сталъ.

— Гдѣ Григорій Петровичъ? Вернулся ли онъ? Гриша гдѣ? — слышались потомъ нѣсколько разъ его вопросы и въ комнатахъ, и въ конторѣ, и даже во дворѣ.—«Не понравится?» Ха, ха!—мысленно смѣялся онъ, припоминая разговоръ съ женой,—нѣтъ, шалишь! Гриша парень умный, съ выдержкой парень, съ соображеніемъ, онъ съ одного слова понимаетъ всякое дѣло. Ему только намекнешь иной разъ что-нибудь по дѣламъ, а ужъ онъ охватитъ умомъ все. И дѣвица сама изъ себя очень хорошая, крупная дѣвица, и говорить нечего... «Не нравная ли?» Ха, ха! А сама-то ты какого нрава, да еще почти что безприданница. Покойный родитель твой, нечего сказать, отвалилъ

кушъ, самую малость далъ. Конечно, время другое было и всему была другая мѣрка. А ужъ такихъ нравныхъ — поискать... Впрочемъ, женщины вообще народъ необстоятельный. Главное, чтобы мужъ былъ умный, при умномъ мужѣ въ домѣ всегда порядокъ и миръ. Само собой, въ ссорахъ всегда виноватъ тотъ, кто умнѣе... Не пріѣхалъ ли Григорій Петровичъ?— спросилъ онъ, снова войдя въ контору.

— Нѣтъ еще. Надо полагать, въ Банкѣ задержались, давеча говорили, что туда завернутъ изъ амбара. Не иначе, какъ тамъ, больше, кажись, негдѣ.

Въ конторѣ онъ отдалъ распоряженіе о томъ, чтобы все было готово для отъѣзда въ ярмарку.

— Съ вечернимъ сегодня и я, и Григорій выѣдемъ... Гляди, чтобы не забыть чего... Ну-ка, дай понюхать,— обратился онъ къ конторщику.

— Березинскаго? Пожалуйте-съ...

— Съ толченымъ стекломъ что-ли? А?

— Помилуйте, какъ возможно... хе-хе... Это въ театрѣ только такъ представляютъ въ насмѣшку. Золы дѣйствительно кладется въ него, но самая малая препорція.

Петръ Ѳедоровичъ нюхнулъ и зачихался.

— Ну тебя совсѣмъ и съ зельемъ твоимъ...—смѣясь, сказалъ онъ, уходя.

— Въ хорошихъ чувствахъ сегодня нашъ Петръ Ѳедоровичъ, — подумалъ конторщикъ, смотря ему вслѣдъ.

XXIV.

Григорій Петровичъ, точно нарочно, запоздалъ въ городѣ. Въ ожиданіи его возвращенія, Петръ Ѳедоровичъ долго расхаживалъ по залу, измѣряя его разстояніе отъ одной стѣны до другой и заглядывая въ окна при каждомъ стукѣ проѣзжавшихъ мимо дома экипажей. Наступилъ обѣденный часъ, — Григорій Петровичъ все еще не возвращался. Томясь нетерпѣніемъ, Петръ Ѳедоровичъ хотѣлъ было послать въ городъ

кого-нибудь изъ конторы, предполагая, что сынъ запоздалъ съ дѣлами въ амбарѣ на Варваркѣ; но когда передалъ объ этомъ Иринѣ Игнатьевнѣ, она отговорила его отъ посылки нарочнаго, справедливо указавъ на то, что можетъ быть Григорія Петровича въ амбарѣ уже нѣтъ, и что запаздываетъ онъ къ обѣду не въ первый разъ. Она, повидимому, была даже рада, что онъ запоздалъ, и мысленно желала, чтобы его возвращеніе замедлилось на сколько возможно дольше.

При той возбужденности, въ которой все еще до нѣкоторой степени находился Петръ Ѳедоровичъ, она не рѣшалась продолжать разговора о томъ, что жениху необходимо если не познакомиться поближе съ невѣстой, то по крайней мѣрѣ увидать ее, прежде чѣмъ состоится настоящее сватовство, и ждала удобной минуты, чтобы сказать объ этомъ Петру Ѳедоровичу и сказать такъ, чтобы онъ выслушалъ ее съ надлежащимъ вниманіемъ. При всей невыдержанности характера, она понимала важность того вопроса, который предстояло рѣшить въ этотъ день и именно теперь, за нѣсколько часовъ до отъѣзда Петра Ѳедоровича въ ярмарку.

— Уѣдетъ, — думала она, тогда кончено дѣло: Гриша, по обыкновенію, будетъ отмалчиваться, и онъ пожалуй въ самомъ дѣлѣ сосватаетъ.

Обѣдъ прошелъ въ полномъ молчаніи. Петръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прислушивался къ чему-то, переставая ѣсть, и вопросительно взглядывалъ на Ирину Игнатьевну, какъ бы повѣряя свои предположенія. Разъ даже приподнялся изъ-за стола, услышавъ во дворѣ какой-то стукъ.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, это не онъ,—пояснила Ирина Игнатьевна,—это, я слышу, бочка за водой поѣхала.

— Какъ онъ сегодня долго!..

— Да что-то запоздалъ... Дѣла, стало быть.

— Понятно, дѣла... Не путается же онъ гдѣ-ни-

будь зря... Надо бы сегодня намъ выѣхать съ вечернимъ,—вотъ что озабочиваетъ...

Послѣ обѣда Петръ Ѳедоровичъ пошелъ по обыкновенію въ кабинетъ, намѣреваясь заснуть. Ирина Игнатьевна колебалась, итти ли ей за нимъ слѣдомъ, или подождать, когда онъ выйдетъ послѣ сна къ чаю!

Постоявъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности въ корридорѣ около дверей кабинета, она поборола свою робость и вошла. Петръ Ѳедоровичъ только-что легъ было на диванъ.

— Что ты?—изумленно спросилъ онъ.

— Я къ тебѣ, Петръ Ѳедоровичъ,—заговорила она ласково,—я къ тебѣ, голубчикъ ты мой...

Бережно отдвинувъ къ стѣнкѣ дивана его ноги, она сѣла и подобно тому, какъ недавно еще онъ гладилъ ее по плечу, тоже погладила его.

— Мнѣ есть до тебя, голубчикъ, одно словечко, нужное такое словечко... Лежи, лежи, не тревожься.

— Нашла время! Слышала,—сегодня съ вечернимъ ѣду. Дай уснуть... Что-за безпорядки...

— Не сердись, не сердись,—по-прежнему вкрадчиво и шепотомъ продолжала Ирина Игнатьевна,—знаю я, голубчикъ, все знаю, но посуди самъ, такое важное дѣло... Выслушай меня еще разъ... Пожалуйста, голубчикъ, выслушай...

Онъ все болѣе и болѣе изумлялся, взглядываясь въ выраженіе ея лица, и не вытерпѣлъ, поднялся съ дивана.

— О чемъ рѣчь, Ирина,—говори толкомъ.

— Ахъ, Петръ Ѳедоровичъ! Прости ты меня... Выслушай только, пожалуйста, съ терпѣніемъ...

— Ну!

— Я пришла попросить, чтобы Гришенька сегодня не ѣздилъ съ тобой... Чтобы день-другой здѣсь побылъ...

— Это еще что за новости?—порывисто спросилъ Петръ Ѳедоровичъ,—зачѣмъ онъ тебѣ понадобился?

— За тѣмъ, что онъ... что онъ посмотритъ пусть невѣсту... Все-таки, голубчикъ, самъ посуди, дѣло не маленькое, на всю жизнь...

Петръ Өедоровичъ засмѣялся; но смѣхъ его на этотъ разъ былъ не тотъ, которымъ онъ смѣялся раньше, часъ тому назадъ, когда услышалъ это же самое слово отъ Ирины Игнатьевны. Смѣхъ былъ почти притворный, и въ пытливомъ выраженіи глазъ уже сверкнула мысль о томъ, что въ словахъ жены есть что-то такое, къ чему нужно прислушаться. Подѣйствовала ли на него она своимъ, можно сказать, молитвеннымъ тономъ рѣчи, или самъ онъ въ эту минуту сознalъ необходимость свиданія сына съ дочерью Өаддея Егоровича,—такъ или иначе, но онъ задумался и нахмурилъ брови. Ирина Игнатьевна вела себя съ необычнымъ, вовсе ей не свойственнымъ тактомъ и какъ только замѣтила, что онъ задумался,—сейчасъ же смолкла.

— Гм... Оно, конечно... не повредитъ... Я, признаться, давеча и самъ тоже подумалъ, что пожалуй... того... Да-а!.. Что-жъ, пусть денька два-три пробудетъ...

Ирина Игнатьевна порывисто обняла его и вдругъ,—чего, повидимому, и ожидать отъ нея нельзя было,—склонилась къ нему головой на плечо и затрепстала отъ рыданій.

— Что ты? Что съ тобой, Ирина? Съ чего это?..

— Да вѣдь, самъ посуди, одно у насъ сокровище, Гриша...

— Такъ что же?

— Какъ что? Задумаешься, не бойсь, какова-то его судьба будетъ... Онъ такой тихій, молчаливый. Упаси Богъ, попадетъ жена строптивая..:-

— Вотъ въ родѣ, напримѣръ, тебя—чуть было не сказалъ Петръ Өедоровичъ, но овладѣлъ собой и сталъ ее успокоивать.

— Полно, не плачь... Все, Богъ дастъ, устроится къ счастію и благополучію...

— Ахъ, ужъ я и не знаю что думать... Не ладно все что-то, не такъ... Не надо бы спѣшить-то... Отложи, Петръ Өедоровичъ, до возвращенія изъ ярмарки...

— Ну, ну, довольно! Вотъ ужъ именно съ вами

съ женщинами не сообразишь. Сдѣлай только вамъ самую пустяшную уступку, вы сейчасъ же норовите еще что-нибудь выпросить. Иди, иди съ Богомъ— надо же мнѣ передъ отъѣздомъ соснуть.

Спалъ Петръ Ѳедоровичъ не долго, всего можетъ быть четверть часа, не больше. Проснувшись, онъ сладко зѣвнулъ, закинулъ обѣ руки за голову и вытянулся во всю длину дивана, видимо желая понѣжиться еще нѣсколько минутъ, но мысль о сынѣ вдругъ точно какой-то невидимой силой подбросила его къ верху: онъ быстро сѣлъ, поспѣшно пригладилъ обѣими руками волосы на головѣ и бородѣ и вышелъ изъ кабинета.

— Гриша гдѣ? Гриша!.. Эй вы, народы!—раздался въ корридорѣ его голосъ,—позовите сюда Григорья Петровича.

Григорій Петровичъ только-что пріѣхалъ и, не заходя въ верхнія комнаты дома, прошелъ прямо въ контору. Остановясь около большаго, покрытаго зеленой клеенкой стола, за которымъ сидѣлъ конторщикъ, онъ сталъ вынимать изъ боковыхъ кармановъ сюртука сложенные вчетверо листы бумаги, вынулъ ихъ нѣсколько изъ одного, потомъ сталъ опорожнивать другой; но не успѣлъ еще передать ихъ съ должными объясненіями и указаніями конторщику, какъ въ комнату вошла горничная.

Онъ задумчиво посмотрѣлъ на нее и, не сказавъ ни слова, обратился опять къ конторщику, продолжая обычнымъ невозмутимо спокойнымъ тономъ говорить по поводу бумагъ. Горничная постояла нѣсколько времени, подождала, не скажетъ ли онъ ей что-нибудь въ отвѣтъ, и, не дождавшись, ушла съ той мыслію, что онъ ее слышалъ и сейчасъ придетъ къ отцу. Однако онъ не шелъ. Спустя нѣсколько времени горничная опять появилась въ конторѣ.

— Пожалуйте, Григорій Петровичъ, папенька васъ зовутъ...

— Да, да,—тихо проговорилъ онъ на этотъ разъ, несмотря даже на нее...

— Вечеромъ собираются въ ярмарку уѣхать... Пожалуйте... Они настоятельно зовутъ...

Онъ повторилъ свои обычныя, ничего не выражающія «да, да» и замолчалъ. Объясненія съ конторщикомъ онъ уже кончилъ, и бумаги, бывшія сложенными вчетверо, лежали на столѣ уже развернутыми и въ общей пачкѣ, придвинутой конторщикомъ къ себѣ поближе. Но онъ продолжалъ почему-то стоять около стола и задумчиво смотрѣлъ, какъ конторщикъ, погладивъ бумаги морщинистой рукой, для того, чтобы онѣ не очень топорщились къ верху, взялъ одну изъ нихъ въ руки и сталъ читать. Припоминалъ ли Григорій Петровичъ еще что-нибудь, относившееся къ этимъ бумагамъ, или задумался о чемъ другомъ, уже не имѣвшемъ къ нимъ никакого отношенія,—этого понять было нельзя. Конторщикъ, томившейся желаніемъ понюхать «Березинскаго», ждалъ, скоро ли онъ уѣдетъ, но наконецъ не выдержалъ и поднялся съ своего кресла, намѣреваясь наскоро зарядить носъ въ сосѣдней комнатѣ. Только-что онъ нюхнулъ, какъ услышалъ голосъ самого Петра Ѳедоровича.

— Гдѣ Гриша? Григорій Петровичъ гдѣ? — спросилъ онъ, входя въ контору,—что же это ты, Гриша,— обратился онъ къ сыну, я два раза, братецъ мой, посылалъ за тобой, — дѣла такія, можно сказать, необыкновеннаго значенія, а тебя нѣтъ. Иди къ верху, мать тоже давно ждетъ...

Григорій Петровичъ вынулъ изъ пачки бумагъ, переданныхъ конторщику, какой-то цвѣтной листокъ и молча показалъ его отцу.

— Это еще что?—нахмурясь, спросилъ Петръ Ѳедоровичъ и сталъ читать, но тотчасъ же бросилъ листъ на столъ. — Не большая важность,—сказалъ онъ, — отправили пятьдесятъ тюковъ ошибкой вмѣсто ярмарки въ Пермь, доставятъ назадъ. Виноватъ доставчикъ и за свой счетъ возвратитъ. Дайте сейчасъ телеграмму

въ Чебоксары, тамъ, кажется у нихъ приказчикъ живетъ. Не живетъ? Ну остановятъ и вернутъ въ ярмарку.

— Къ ярмаркѣ, пожалуй, товаръ опоздаетъ?—замѣтилъ конторщикъ.

— Можетъ, и не опоздаетъ. Что дѣлать, — терпѣть надо. Мало ли случайностей въ жизни. Это еще не бѣда, хуже въ сто разъ бываетъ... Однако, съ телеграммой медлить нечего, — отправьте сейчасъ же...

— Григорій Петровичъ уже распорядились,—отвѣтилъ конторщикъ, — мимо телеграфа ѣхали и подали сами...

— Въ Казань?—озабоченно спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Григорій Петровичъ молча кивнулъ головой.

— Вотъ и отлично. Стало быть, кончено дѣло, и горевать не о чемъ: опоздаетъ, такъ опоздаетъ... Ну-ка, Григорій Петровичъ, пойдемъ... Тамъ мать дожидается... Гдѣ обѣдалъ? Или не обѣдалъ еще? Можетъ, ѣсть хочешь?

— Нѣтъ.

— Обѣдалъ стало быть съ кѣмъ-нибудь въ трактирѣ или въ амбарѣ закусывалъ?..

Григорій Петровичъ промолчалъ.

Отецъ уже давно свыкся съ его молчаливостію и уклончивыми отвѣтами; но на этотъ разъ, будучи въ возбужденномъ состояніи, нѣсколько возвысилъ голосъ и повторилъ вопросъ, въ отвѣтъ на который услыхалъ отъ него только неопредѣленное: «да, да».

— Удивительная у тебя, Гриша, манера, — возразилъ онъ, когда они поднимались по лѣстницѣ во второй этажъ дома, — съ чего ты такъ отмалчиваешься? Я тебя спрашиваю, о тебѣ же, разумѣется, заботясь,— почему бы и не отвѣтить какъ слѣдуетъ точно и обстоятельно? Убудетъ тебя что-ли отъ этого?

Григорій Петровичъ остановился на ступенькѣ лѣстницы и спросилъ:

— Развѣ это, папенька, важно?

— То есть... не то что... а вообще... Если, зна-

читъ, отецъ спрашиваетъ, долженъ ты, напримѣръ, отвѣчать настоящимъ манеромъ, а не то чтобы какъ-нибудь... Ну, иди; что тутъ намъ съ тобой на лѣстницѣ торчать. Это я, понимаешь, не отъ сердца говорю, а такъ, значитъ, съ добрымъ чувствомъ, чтобы на пользу тебѣ...

XXV.

Они вошли въ кабинетъ, гдѣ ожидала ихъ Ирина Игнатьевна. Петръ Ѳедоровичъ прошелъ къ своему обычному мѣсту у письменнаго стола и, опустившись въ кресло, показалъ сыну глазами на стулъ, стоявшій съ противоположной стороны. Ирина Игнатьевна сидѣла на диванѣ, помѣщавшемся у лѣвой стѣны комнаты, и чувствовала себя до нѣкоторой степени на иголкахъ, сознавая всю важность предстоящаго разговора. Петръ Ѳедоровичъ видимо тоже сознавалъ это: онъ не безъ смущенія кашлянулъ раза два, потомъ взглянулъ на потолокъ, точно всматриваясь во что-то тамъ замѣченное и, наконецъ, заговорилъ:

— Вотъ теперь, Гриша, надо намъ того... значитъ, такъ сказать, окончательно обсудить твое, напримѣръ, положеніе. Понялъ? Я тебѣ и матери твоей, признаться, разовъ съ десятокъ уже давалъ уразумѣть, что хлопочу и стараюсь всѣми силами устроить все не такъ, чтобы какъ-нибудь зря и торопливо, а такъ, чтобы обдуманно и наилучшимъ манеромъ. Ты не знаешь, Гриша, и знать, конечно, не можешь, по годамъ твоимъ, что такое, напримѣръ, родительская любовь... Хлопочу, забочусь, устроиваю и все для кого, не для себя, разумѣется. Много ли мнѣ нужно—я старикъ: того, что Господь помогъ пріобрѣсти, — за глаза довольно и мнѣ, и матери, и на твою долю даже хватитъ, чтобы, то есть, прожить безбѣдно... Да вѣдь не хочется ограничиться этимъ, желательно поставить тебя на виду. Сядь ты пожалуйста, что столбомъ стоишь... Вотъ такъ. Отлично. Да!.. Хочется, чтобы

ты въ жизни повиднѣе занялъ мѣсто, повыше другихъ, позначительнѣе. Не хвалясь могу сказать, похлопоталъ я на своемъ вѣку порядочно, и самъ знаешь, не безъ пользы. Помнишь, чай, слыхалъ, по крайней мѣрѣ, — гдѣ тебѣ помнить, — какое маленькое, можно сказать, грошовое дѣло имѣлъ покойный дѣдушка на Красной площади, теперь сравнить нельзя: сотнями тысячъ ворочаемъ... Да что по нонѣшнему времени сотни тысячъ!..: Теперь маштабъ пошолъ другой, шире... Ну вотъ по этому по самому я, значитъ, и озаботился, и приготовилъ для тебя такой, напримѣръ, кусочекъ,— вѣкъ будешь благодарить. Да!.. Въ настоящее время дѣло доведено до точки,—невста, значитъ, намѣчена, и такъ будемъ говорить, что препятствій никакихъ не предвидится. Понялъ? Невѣста такая, что, можно сказать, другой подобной едва-ли гдѣ найдешь...

— Суконникова, Гришенька, дочка, — вставила Ирина Игнатьевна, — Ѳаддея Егоровича Суконникова. Слыхалъ, чай?..

— Вотъ, вотъ,—подсказалъ Петръ Ѳедоровичъ,— она самая.

— Теперь тебѣ, Гришенька, безпремѣнно надо бы..

— Погоди, Ирина Игнатьевна, помолчи,—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ,—твоя рѣчь впереди.

Сидя къ ней бокомъ, онъ даже не взглянулъ на нее, а только рукой махнулъ въ ея сторону и все вниманіе свое сосредоточилъ на сынѣ, замѣтивъ, что онъ смотритъ на него исподлобья и съ какою-то странною пытливостью. Ирина Игнатьевна видѣла только часть лица мужа, его крупный мясистый носъ, сѣдую, торчавшую клиномъ бороду и пучки волосъ на вискахъ, и не замѣтила, съ какою самъ онъ пытливостью посмотрѣлъ на сына, изумленный его взглядами. Она взглядамъ сына не придала никакого значенія, но Петръ Ѳедоровичъ, болѣе чуткій и наблюдательный, сразу поймалъ въ нихъ что-то такое, что его нѣсколько смутило.

— Ты, Гриша, конечно, того... — продолжалъ

онъ,—можетъ быть думаешь, что, напримѣръ, рано вступать тебѣ въ бракъ, такъ въ этомъ ошибаешься. Родители, повѣрь, дѣло это больше понимаютъ. Такъ надо говорить, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше и ежели представляется такой благопріятный случай, то, значитъ, его упускать ни въ какомъ разѣ не слѣдуетъ...

Солнце было низко и съ вершинъ деревьевъ сада, въ который выходили окна кабинета, уже сбѣжали послѣдніе его лучи, и только крестъ колокольни, недавно вновь позолоченный на средства торговаго дома, еще ярко блестѣлъ. Петръ Ѳедоровичъ продолжалъ говорить, развивая свою мысль о томъ, что желѣзо нужно ковать, пока оно горячо. Сынъ молча слушалъ, но смотрѣлъ уже не на лицо отца, а на игру солнечнаго свѣта въ легкихъ облачкахъ, медленно таявшихъ въ небесной синевѣ.

— И такъ, Гриша, на этомъ, значитъ, и порѣшимъ, — продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ, — и задумываться тебѣ нечего. Въ такихъ дѣлахъ, братецъ мой, чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже, а надо прямо, какъ говорится, съ маху: Господи, благослови—и хлопъ по рукамъ. Чего ты на небо смотришь, какіе тамъ узоры увидалъ?

Петръ Ѳедоровичъ озабоченно посмотрѣлъ на карманные часы и сказалъ, обращаясь къ Иринѣ Игнатьевнѣ:

— Что же чай-то, скоро ли? Ты вели сюда самоварчикъ, вотъ на этотъ столъ... Да вотъ что, мать, распорядись кстати, чтобы лошадь запрягали, оно всетаки надо заблаговременно...

Ирина Игнатьевна вышла, но когда она возвратилась въ кабинетъ, въ разговорѣ отца съ сыномъ произошла рѣзкая перемѣна. Петръ Ѳедоровичъ уже не сидѣлъ на креслѣ въ спокойной позѣ, закинувъ ногу на ногу, а стоялъ у письменнаго стола, упершись въ него обѣими руками, и говорилъ о чемъ-то съ видимымъ волненіемъ, не сводя при этомъ глазъ съ сына: Григорій Петровичъ тоже былъ на ногахъ и смотрѣлъ

уже не на облака, а себѣ подъ ноги, и лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго. При входѣ Ирины Игнатьевны Петръ Ѳедоровичъ взмахнулъ обѣими руками и громко сказалъ:

— Богъ знаетъ, что онъ говоритъ!..

Ирина Игнатьевна въ недоумѣніи остановилась, смотря то на мужа, то на сына. Въ рукахъ ея была бѣлая скатерть, которую она принесла, чтобы накрыть ею столъ подъ чайную посуду.

— Что такое? Что?—тревожно спросила она.

— Поговори съ нимъ... Это даже удивительно!..

Петръ Ѳедоровичъ опустился на кресло и, закрывъ лицо обѣими руками, покачалъ головой. Григорій Петровичъ продолжалъ стоять и смотрѣть въ полъ. Ирина Игнатьевна, торопливо накинувъ на столъ скатерть, подошла къ нему.

— Въ чемъ дѣло, Гришенька? Что ты какъ, голубчикъ мой, смотришь?.. А?

— Не хочетъ жениться!—сказалъ Петръ Ѳедоровичъ, опять поднявшись съ кресла, — вотъ и толкуй съ нимъ...

— Голубчикъ! Какъ это можно... Отчего не жениться, что ты! Невѣсты еще не видалъ—и отказываться. Посмотри, можетъ, она и по сердцу... Другое дѣло, если дѣйствительно не понравится...

— Ахъ, Ирина, не то говоришь,—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, не то, не ладно... Какъ не понравится.

— Пусть посмотритъ онъ, Петръ Ѳедоровичъ, тогда, можетъ, и другое заговоритъ... Вотъ завтра поѣдемъ въ Сокольники. У нихъ тамъ дача. Я знаю ихъ дачу, на Ширяевомъ полѣ она, хорошая такая, красивая и садъ. Самого Ѳаддея Егоровича очень хорошо знаю, покойную жену тоже видала, а дочки не удалось ни разу увидѣть. Найдемъ какой-нибудь предлогъ и побываемъ. Слышали, молъ, что въ сосѣдствѣ съ вами дача продается, ну вотъ, осмѣлились, молъ, побезпокоить, пораспросить. Мало ли что можно сказать...

— Незачѣмъ, маменька...

— Какъ, голубчикъ, не зачѣмъ... Надо же увидать...

— Я видалъ ее... Знаю...

— Гдѣ? Когда?—поспѣшно спросилъ отецъ.

Въ это время горничная внесла подносъ съ чайной посудой. Петръ Өедоровичъ бросилъ на нее гнѣвный взглядъ, потомъ взглянулъ на Ирину Игнатьевну, какъ бы говоря: «убери ее отсюда поскорѣе». Ирина Игнатьевна тотчасъ же выпроводила ее и сама разставила съ подноса посуду.

— Гдѣ ты, Гришенька, видалъ ее? — спросила и она.

Но Григорій Петровичъ сказалъ свое обычное «да, да» и, опустившись на стулъ, замолчалъ.

— И что же дальше, Григорій? — обратился къ нему Петръ Өедоровичъ,—чѣмъ же она тебѣ не пара, что ты въ ней высмотрѣлъ, напримѣръ, такое, чтобы, значитъ, пренебрегать...

— Не она мнѣ, а я ей не пара,—сказалъ сынъ.

— Вотъ одолжилъ! Могу сказать, уважилъ вполнѣ... Ха, ха!.. Почему ты ей не пара, а? Если самъ родитель ея, напримѣръ, очень тебя уважаетъ и по всѣмъ видимостямъ можно судить, желаетъ тебя себѣ въ зятья,—какъ же ты можешь послѣ этого такъ разсуждать. Это не резонно!

Горничная внесла самоваръ. Петръ Өедоровичъ опять стрѣльнулъ на нее гнѣвнымъ взглядомъ, но горничная и безъ этого замѣтила, что онъ сердится— и поторопилась выйти. Ирина Игнатьевна заваривала чай и, накрывъ его салфеткой, сѣла около самора, въ ожиданіи времени, когда можно будетъ наливать чай въ стаканы. Петръ Өедоровичъ продолжалъ говорить, обращая рѣчь къ сыну, и нѣсколько разъ повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ, а именно о томъ, какія у него основанія отказываться отъ такой невѣсты, но сынъ молчалъ. На лицо Петра Өедоровича точно легла какая-то тѣнь.

— Извини, братецъ мой,—продолжалъ онъ, мрачно

смотря на сына,—я такъ понимаю, что ты говоришь необдуманно. Да!.. И эти самыя вздорныя мысли твои онѣ, значитъ, ничего не стоятъ. Грошъ цѣна!

Петръ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ на карманные часы, вздохнулъ и забарабанилъ по столу пальцами.

— Вотъ ужъ именно неожиданность, — сказалъ онъ,—нашелъ такую ему парочку, что, можно сказать, на рѣдкость, и вдругъ на-поди: мнѣ не пара! Это даже уму не постижимо!.. Наливай, Ирина Игнатьевна, что ли. Надо поторапливаться... Гм... гм...

Онъ кашлянулъ, почесалъ въ головѣ, видимо что-то соображая, и потомъ, посмотрѣвъ на сына, сказалъ:

— Въ такомъ разѣ, Григорій, дѣло складывается такъ, что незачѣмъ тебѣ оставаться здѣсь. Если ты, какъ говоришь, видалъ дочку Ѳаддея Егоровича, такъ стало-быть надо намъ вмѣстѣ въ ярмарку ѣхать...

— Да, да...

Ирина Игнатьевна замѣчала по нахмуреннымъ бровямъ Петра Ѳедоровича, что онъ съ большимъ усиліемъ сдерживалъ себя отъ гнѣва, который вотъ-вотъ сейчасъ же пожалуй прорвется при первомъ не кстати сказанномъ ею или сыномъ словѣ,—и упорно молчала, косясь по временамъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Григорій Петровичъ.

— Гриша, бери стаканъ,—сказала она едва слышно.

Петръ Ѳедоровичъ пытливо посмотрѣлъ на него и, видя, съ какимъ смиреніемъ онъ потягиваетъ съ блюдечка чай, вдругъ почувствовалъ, что задуманное дѣло еще не все потеряно и нѣсколько даже повеселѣлъ, успокоенный надеждою. Допивъ второй стаканъ чаю и положивъ его на блюдечко бокомъ, онъ посмотрѣлъ опять на часы.

— Еще минутъ двадцать есть въ запасѣ... Пока что, пошли, Ирина Игнатьевна, въ контору, пусть артельщикъ ѣдетъ съ багажемъ... Пару билетовъ во второмъ... Гм... гм... Нѣтъ, погоди, не перепутать бы какъ грѣхомъ...

Онъ еще не договорилъ словъ, обращенныхъ къ

женѣ, какъ Григорій Петровичъ, отставивъ свой тоже допитый стаканъ, поднялся отъ стола и пошелъ къ дверямъ, кивнувъ головой отцу въ знакъ того, что идетъ самъ въ контору. Когда онъ вышелъ, Петръ Ѳедоровичъ грустно улыбнулся и, обращаясь къ женѣ, сказалъ:

— Вотъ и толкуй съ нимъ. Я думалъ, онъ умнѣе и сразу пойметъ, что къ чему, а на повѣрку выходитъ не то, совсѣмъ даже напротивъ... Теперь сколько придется уламывать его. Охъ, молодость, глупая, зеленая молодость: хлопочешь, устраиваешь, заботишься, чтобы какъ лучше, а въ благодарность за все—упорство одно. Да гдѣ онъ тамъ застрялъ? Съ такими проволочками, того и гляди, опоздаемъ... Ирина Игнатьевна, крикни-ка дѣвушку, пусть бѣжитъ за нимъ. И зовите бабушку въ залу. Помолимся.

XXVI.

Ирина Игнатьевна, отправивъ горничную въ контору, озабоченно обошла всѣ комнаты верхняго этажа дома и посмотрѣла, вездѣ ли горятъ передъ образами лампады. Замѣтивъ гдѣ-то неисправность, она строго шепнула объ этомъ горничной и пошла скорыми шагами въ залъ, гдѣ уже ожидали ея прихода бабушка и самъ Петръ Ѳедоровичъ.

— А Гриша гдѣ?—спросилъ онъ.

Григорій Петровичъ въ сопровожденіи старика-конторщика вошелъ въ это время въ комнату.

— А-а!..—протянулъ отецъ,—садитесь.

Изъ дверей корридора выглянула горничная, видимо желавшая передать о чемъ-то Иринѣ Игнатьевнѣ. Петръ Ѳедоровичъ замѣтилъ ее и сказалъ:

— Агаѳья, садись и ты... садись... Помолишься вмѣстѣ съ нами.

Обычай собираться всей семьей съ чадами и домочадцами на общую молитву передъ отъѣздомъ хозяина въ дорогу соблюдался въ купеческихъ семьяхъ прежде

постоянно и не только предъ отъѣздомъ именно самого хозяина, но и дѣтей, и жены, и даже приказчиковъ, смотря по положенію, занимаемому ими въ торговыхъ дѣлахъ, по важности предоставляемыхъ имъ порученій и отдаленности поѣздки. Предъ началомъ молитвы всѣ садились на стулья, и на нѣкоторое время возстановлялось въ комнатѣ общее молчаніе, какъ бы для того, чтобы и отъѣзжающіе, и остающіеся могли сосредоточиться, припомнить; сказано ли все, что относится къ поручаемымъ дѣламъ, не забыто ли что изъ вещей, слѣдующихъ въ дорогу и т. п. Потомъ глава дома или кто-либо старшій изъ семьи, временно замѣняющій его, поднимался со стула, вздыхалъ при этомъ и говорилъ: «Ну, пора», или: «И такъ, значитъ»...— и всѣ начинали молча молиться. Сначала молились въ той комнатѣ, гдѣ собрались,—въ залѣ, обыкновенно,— потомъ шли въ гостиную и столовую; но дальше, въ кабинетъ, въ спальную и въ дѣтскія уже шли молиться только сами хозяева и ближайшія къ нимъ лица, а остальныя шли опять въ залъ и тамъ ожидали ихъ возвращенія. Послѣ болѣе или менѣе значительнаго числа земныхъ поклоновъ, они возвращались въ залъ иногда съ раскраснѣвшимися лицами и безпорядочно всклоченными волосами. Потомъ отъѣзжающіе кланялись въ ноги хозяину и цѣловались съ нимъ, иногда и хозяйкѣ тоже отвѣшивали земные поклоны, смотря, конечно, по ея лѣтамъ и по значенію въ домѣ. Иной, привыкнувъ осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ при земныхъ поклонахъ передъ образами, крестился и тутъ, падая ницъ предъ хозяиномъ. Строгій и ревностный въ вѣрѣ хозяинъ замѣчалъ при этомъ внушительно:

— Что ты, глупый, крестишься?

— Извините... маленечко оплашалъ...

Въ семействѣ Дровяниковыхъ обычай молиться предъ отъѣздомъ исполнялся только въ тѣхъ случаяхъ, когда уѣзжалъ самъ Петръ Ѳедоровичъ. Довѣренные и приказчики, уѣзжая, прощались съ нимъ въ конторѣ безъ всякихъ поклоновъ. Времена перемѣнились. Ни

отдаленность пунктовъ, куда отправлялись они, ни важность поручаемыхъ имъ дѣлъ уже не озабочивали Петра Ѳедоровича такъ, какъ бывало прежде, и довѣренные были уже не тѣ прежніе люди, которые, кланяясь хозяину въ ноги, осѣняли себя при этомъ крестнымъ знаменіемъ.

— Куда же это ты, добрый, собираешься ѣхать?— спросила бабушка, всматриваясь въ Петра Ѳедоровича изъ-подъ руки.

— Въ ярмарку, бабушка, въ Нижегородскую ярмарку...

— Вонъ оно куда!.. Къ Макарью, стало быть...

— Именно!..

— Охъ, далеко, далеко... Дня три проѣдешь, а то пожалуй и всѣ четыре.

— Нѣтъ, бабушка, завтра утромъ тамъ будемъ...

— Полно! Что ты, добрый, говоришь... Этого нельзя.

— Теперь вѣдь желѣзная дорога туда проведена...

— Вонъ оно что-о! Желѣзная! Не видывала я. Господи, спаси и помилуй... Не видывала.

— На Питеръ давно уже сдѣлана такая...

— Такъ... Можетъ быть... Спаси, Господи... Да!..

Петръ Ѳедоровичъ былъ мраченъ, но старался владѣть собой. Сидя рядомъ съ бабушкой, онъ намѣренно внятно и громко отвѣчалъ на ея вопросы и даже нѣсколько наклонился къ ней при этомъ.

— Къ Макарью меня возили разъ, возили, да,—продолжала бабушка,—давно это, больно давно,—ребенкомъ еще была я. А помню, хорошо помню,—монастырь тутъ по близости, рѣка такая большая и село близко, Лысково, кажется, зовется, князя какого-то имѣніе, надо быть, Грузинскаго...

Петръ Ѳедоровичъ, не смотря на свою мрачность, улыбнулся.

— О, бабушка, съ тѣхъ поръ много воды утекло. Ярмарка давнымъ давно на другомъ мѣстѣ, лѣтъ, по-

жалуй, сорокъ, а то и пятьдесятъ прошло, какъ ее перевели къ Нижнему Новгороду...

— Не знаю, добрый, этого не знаю... О, Господи, батюшка!.. А Гришенька-то гдѣ у васъ? Гришенька-то?..

— Здѣсь онъ, бабушка, здѣсь... Онъ тоже ѣдетъ въ ярмарку...

— А-а!.. Это хорошо... Когда человѣкъ при дѣлѣ и въ занятіяхъ, это очень хорошо... Да-а! Что ты, Гришенька, все молчишь, а? Гдѣ ты тамъ? Подойди сюда ко мнѣ поближе, я посмотрю...

Петръ Өедоровичъ озабоченно взглянулъ на часы и вздохнулъ. Пока бабушка всматривалась въ Григорья Петровича, и разговаривала съ нимъ, онъ пересѣлъ на другое мѣсто рядомъ съ конторщикомъ.

— Вотъ что не забудьте, — внушалъ онъ ему, — остальную часть кирпича, который по условію долженъ подрядчикъ весь доставить къ двадцатому этого мѣсяца, складывайте тамъ около садовой рѣшетки, чтобы, значитъ, послѣ, при работѣ, лишней переноски не было. Онъ пойдетъ, значитъ, на лѣвую стѣну, а на правую и на поперечныя пойдетъ тотъ, который сложенъ у амбара. Такъ я говорю?

— Это точно такъ..!

— Ну вотъ. Ежели что, — я напишу, можно будетъ закладку сдѣлать и безъ насъ. Планы въ конторѣ?— спросилъ онъ.

— Да.

Петръ Өедоровичъ опять вздохнулъ, и на этотъ разъ вздохъ его былъ вызванъ мыслію о томъ, что задуманная постройка флигеля, въ который онъ предполагалъ переселиться послѣ женитьбы сына, можетъ быть, окажется совершенно лишней и въ виду его упорства.

— Ну, пора намъ подниматься. Пора! Бабушка!— громко сказалъ онъ, подойдя къ старушкѣ, — помолимся...

— Помолимся, добрый... О, Господи, батюшка...

Бабушка склонилась на колѣни и едва потомъ под-

нялась, намѣреваясь итти въ другія комнаты. Пока она, медленно переступая, шла, поддерживаемая горничной, Петръ Өедоровичъ успѣлъ уже обойти всѣ комнаты, помолился предъ каждымъ образомъ, зорко оглядывая, вездѣ ли горятъ лампады, въ спальнѣ даже поцѣловалъ образа, стоявшіе въ кіотѣ на угольномъ столикѣ.

Ирина Игнатьевна и Григорій Петровичъ ходили за нимъ слѣдомъ и тоже молились, и кладя земные поклоны, но не такъ усердно, какъ онъ, а больше изъ приличія.

— Ну, бабушка, благослови насъ, — обратился къ ней Петръ Өедоровичъ, — встрѣтивъ ее въ одной изъ комнатъ.

— Господь васъ благословитъ...

Онъ и сынъ поклонились ей въ ноги.

Простившись потомъ съ Ириной Игнатьевной уже безъ земныхъ поклоновъ, Петръ Өедоровичъ озабоченно сказалъ, обращаясь къ Григорью Петровичу:

— Ну, идемъ, идемъ... Пора!

Ирина Игнатьевна, припавъ къ плечу сына, только-что хотѣла шепнуть ему нѣсколько задушевныхъ словъ, какъ раздался громкій голосъ Петра Өедоровича:

— Опоздать можемъ... Слышишь, Ирина...

Когда они вышли на крыльцо, въ воротахъ показалась сгорбленная фигура отца Максима, шедшаго къ Петру Өедоровичу на партію игры въ шашки.

— Вотъ тебѣ разъ!—улыбаясь, заговорилъ онъ,—а я было вознамѣрился гривенничка два-три съ васъ выиграть... Хе-хе!.. Ну наше отъ насъ не уйдетъ... Слѣдовательно, отправляетесь?..

— Да... Извините, отецъ Максимъ... Надо бы молебенъ, да вотъ съ дѣлами-то — изъ головы вонъ. Правду нужно сказать, въ грѣхахъ какъ въ тенетахъ путаемся...

— Что же дѣлать, Петръ Өедоровичъ, гдѣ безъ грѣха, а вы между прочимъ не безпокойтесь. Я завтра послѣ заутрени отслужу...

— Пожалуйста, пожалуйста: Спасителю, Божьей Матери и Николаю чудотворцу...

— Такъ, такъ. Конечно.

— И Макарію, батюшка, тоже...

— Преподобному Макарію? Понимаю... Тотчасъ послѣ утрени... Всенепримѣнно! И такъ, стало быть, отлучаетесь на все продолженіе армарки?

— Да. Числа до двадцатаго, а можетъ и до двадцать пятаго, смотря по дѣламъ...

— Помогай Богъ...

— Однако, извините, отецъ Максимъ, — прерралъ Петръ Ѳедоровичъ,—торопливо вынимая часы,—мало времени остается, надо поторапливаться. Пожалуй, того и гляди, поѣздъ уйдетъ...

— Скажите!,. Какое неудобство съ этими нововведеніями...

— Что дѣлать. Семеро одного не ждутъ... Благословите, батюшка...

Григорій Петровичъ тоже подошелъ подъ благословеніе.

Петръ Ѳедоровичъ, намѣреваясь уже сѣсть въ экипажъ, вдругъ остановился и подозвалъ къ себѣ конторщика.

— Чуть было не забылъ,—озабоченно заговорилъ онъ,—въ коровникѣ надо настилку перебрать, безпремѣнно надо,—давеча я заглянулъ,—дрянь она никуда не годная. Купите дубовыхъ плахъ на лѣсномъ дворѣ, да поторгуйтесь, поторгуйтесь. Кажется, по восьми гривенъ пара,—справьтесь по книгамъ, въ позапрошлый годъ брали для конюшни. Велите сдѣлать наклонъ, повыше, вершка на четыре поднять надо,—лучше стокъ будетъ...

Во дворѣ, въ болѣе или менѣе почтительномъ отдаленіи отъ экипажа, стояли служащіе, мужчины и женщины, съ открытыми головами, вышедшіе проводить хозяевъ.

— Григорій, садись!—холодно сказалъ Петръ Ѳедоровичъ.—Ну, будьте всѣ здоровы,—обратился онъ

въ сторону служащихъ,—до свиданія! Отецъ Максимъ, помолитесь... До свиданія! Ирина Игнатьевна, слышишь, посматривайте, чтобы все, какъ слѣдуетъ... Ну, кучеръ, трогай!

Ѳома стоялъ въ вытяжку у растворенныхъ воротъ и, когда экипажъ поравнялся съ нимъ, учащенно замоталъ головой, встряхивая свѣтлорусыми волосами.

— Прощай, Ѳома!.. Старайся, чтобы все укуратно...

— Буду, Петръ Ѳедоровичъ, я буду...

Петръ Ѳедоровичъ снялъ фуражку и перекрестился. Брошенный имъ изподлобья взглядъ на сидѣвшаго рядомъ сына былъ мраченъ и обнаруживалъ его недружелюбное къ нему отношеніе.

XXVII.

Во все время пути отъ Замоскворѣчья до станціи Нижегородской желѣзной дороги Петръ Ѳедоровичъ былъ не въ духѣ, косился по временамъ на сына и покрикивалъ на кучера.

— Ну, ты, чего спишь: Пошевеливайся! Съ такой ѣздой и впрямь опоздаешь.

По-временамъ онъ глубоко вздыхалъ, вынималъ карманные часы и, повидимому, былъ озабоченъ думами о томъ, чтобы не опоздать къ отходу поѣзда; но въ дѣйствительности вздохи его и думы были о другомъ, именно о сынѣ, о недавнемъ разговорѣ съ нимъ, такъ неожиданно обнаружившемъ въ его характерѣ въ высшей степени нежелательныя черты.

Раза два-три онъ обратился къ нему съ вопросами, относившимися къ дѣламъ ярмарки, и при этомъ не смотрѣлъ на него, и самый тонъ вопросовъ былъ сдержанный, холодный, почти гнѣвный. Онъ точно хотѣлъ ему этимъ показать, что если, молъ, ты не умѣешь цѣнить отцовскихъ заботъ, такъ я съ тобой буду разговаривать иначе.

Григорій Петровичъ несомнѣнно это замѣчалъ и

замѣчалъ даже все то, что отецъ тщательно хотѣлъ скрыть отъ него; можетъ быть, въ глубинѣ души онъ и самъ досадовалъ, что обстоятельства такъ неблагопріятно слагаются и до нѣкоторой степени именно по его винѣ. Однако, ни въ тонѣ его отвѣтовъ, ни въ выраженіи лица,—вообще ни въ чемъ не было замѣтно никакой перемѣны: также задумчиво, грустно смотрѣлъ онъ, и по-прежнему невозмутимо спокойны и кратки были его отвѣты на вопросы отца. Къ нѣкоторымъ отвѣтамъ его Петръ Ѳедоровичъ даже придирался.

— Какъ же ты, братецъ, не помнишь,—съ упрекомъ сказалъ онъ, не получивъ точнаго отвѣта на какой-то торговый вопросъ, — это непростительно. Если ты купецъ называешься, ты это долженъ завсегда знать основательно... Пора вникать въ дѣла. Слава Богу, хозяиномъ считаешься... Стыдъ сказать, до чего себя довелъ, — отцу противорѣчишь! Нѣшто это можно... Что же ты молчишь, тебѣ я, кажется, говорю, или, ты думаешь, къ Мирону-кучеру мои слова относятся. Слышишь?

— Да, да...

— Что значитъ: да, да? Развѣ это отвѣтъ?

Григорій Петровичъ посмотрѣлъ на него съ обычной своей задумчивостію, вздохнулъ въ свою очередь не менѣе глубоко, какъ вздыхалъ по-временамъ отецъ.

Петръ Ѳедоровичъ томился желаніемъ говорить, главнымъ образомъ, именно о предполагаемой женитьбѣ и удерживалъ себя отъ этого разговора, находя его неумѣстнымъ; но чѣмъ дольше онъ сдерживался, тѣмъ больше увеличивалось въ немъ чувство досады и раздражительности. Наконецъ, онъ не выдержалъ и твердо сказалъ:

— Такъ нельзя, Григорій! Понимаешь. Никакъ невозможно, чтобы, значитъ, противъ родительской воли итти... У насъ и въ роду такого подобнаго упорства никогда не бывало. Если отецъ также о тебѣ попеченіе, напримѣръ, обнаруживаетъ, долженъ ты

это цѣнить и чувствовать, а не то чтобы такъ супротивъ его поступать.

Петръ Өедоровичъ долго говорилъ въ такомъ поучительномъ тонѣ. По-временамъ онъ гнѣвно косился на сына, неожиданно обрывалъ рѣчь, даже дѣлалъ при этомъ рѣшительный жестъ правой рукой, какъ бы выражая ту мысль, что не стоитъ, молъ, словъ понапрасну тратить и—умолкалъ. Проходило двѣ-три минуты тяжелаго молчанія, и онъ снова обращался къ сыну съ прерванною рѣчью и опять обрывалъ ее вдругъ, рѣзко, на неоконченной фразѣ, дѣлая при этомъ рѣшительный жестъ.

Григорій Петровичъ молча внималъ его поучительнымъ рѣчамъ и смотрѣлъ въ спину кучера съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, точно видѣлъ въ ней Богъ вѣсть какіе узоры.

— Что же ты молчишь, точно воды въ ротъ набралъ?

Вопросъ отца, громко произнесенный, засталъ его, очевидно, врасплохъ, онъ даже испугался и съ недоумѣніемъ взглянулъ на Петра Өедоровича, не зная, что отвѣчать.

— Вы, папаша... собственно, о чемъ спрашиваете,—робко спросилъ онъ.

— Какъ, о чемъ? Я тебѣ говорю, что твоя прямая и, такъ сказать, святая, напримѣръ, обязанность вести себя по заповѣди, почитать отца...

— Я почитаю, папаша...

— И быть въ повиновеніи, и ежели отецъ говоритъ и внушаетъ, — понимать это въ томъ именно смыслѣ, что о твоей же пользѣ заботится...

— Я понимаю...

— Много ты понимаешь! — гнѣвно проговорилъ Петръ Өедоровичъ, хмуро косясь на кучера.

— Ему было непріятно, что Миронъ слышитъ его разговоръ съ сыномъ и что никакъ нельзя избавиться отъ этого непрошеннаго слушателя и дать разговору прямое и рѣшительное направленіе.

Экипажъ быстро катился, прыгая по крупнымъ камнямъ мостовой и круто поворачивая по узкимъ переулкамъ изъ одного въ другой, пока не выбрался, наконецъ, на Николо-ямскую улицу, поднимаясь по которой утомившаяся лошадь стала замедлять шагъ. Замѣтивъ это, Петръ Ѳедоровичъ строго сказалъ кучеру:

— Попроворнѣй, попроворнѣй!

Миронъ встрепенулся, хлопнулъ лошадь возжами, и экипажъ сталъ опять подпрыгивать по булыжникамъ.

Оглядывая задумчивымъ взоромъ встрѣчаемые на пути амбары, дома и лавки, Петръ Ѳедоровичъ, казалось, отвлекался отъ своихъ мрачныхъ думъ, и по-временамъ даже появлялась на его хмуромъ лицѣ легкая улыбка, вызванная, видимо, какими-нибудь воспоминаніями изъ торговыхъ столкновеній съ знакомыми хозяевами амбаровъ и лавокъ.

Многочисленная, разнообразная по формѣ и содержанію, вывѣски пестрѣли предъ его глазами, то какъ-будто убѣгая отъ быстро катившагося экипажа, то спѣша къ нему навстрѣчу. Промелькнула вывѣска съ надписью: «Продажа разныхъ мукъ почетнаго гражданина и временно-московскаго первой гильдіи купца Артамонова», и другая, болѣе краткая и ясная по содержанію, гласившая: «Жиръ и сало купчихи Постниковой», потомъ третья: «Торгъ безъ торгу купца Расторгуева», за нею четвертая и т. д. Чрезъ нѣсколько мунутъ промелькнула безграмотная надпись на дверяхъ какого-то амбара: «одаеца помищеніе потъ тарговое завиденіе», сдѣланное мѣломъ и такой формы буквами, которыя напоминали египетскіе іероглифы.

Точно соскучась оглядывать улицу, вывѣски, встрѣчные экипажи, воза съ грузами товаровъ, на которыхъ дремали ломовые извозчики съ загорѣлыми лицами и широкими спинами, не обращавшіе вниманія ни на что окружающее, — Петръ Ѳедоровичъ опять повернулся лицомъ къ сыну и хмуро спросилъ:

— Взгляни-ка на часы, сколько еще остается до отхода поѣзда.

Григорій Петровичъ, не смотря, отвѣтилъ:

— Еще четверть часа въ запасѣ.

— Ты какъ знаешь, — говоришь на-обумъ? — еще болѣе нахмурясь, сказалъ Петръ Ѳедоровичъ, поспѣшно вынимая карманные часы.

— Сейчасъ, папаша, мимо часоваго магазина проѣзжали, я видѣлъ...

— Да, да,—пятнадцать минутъ еще есть... Однако, мало,—озабоченно замѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ. — Эй, слышишь ты, Миронъ,—громко сказалъ онъ,—пошевеливай!

— Слушаю-съ... Будьте безъ сумлѣнія, доѣдемъ въ лучшемъ видѣ...

У дверей вокзала уже давно стоялъ артельщикъ, посланный впередъ съ багажемъ, и тоже по-временамъ смотрѣлъ на часы, удивляясь, что хозяевъ такъ долго нѣтъ.

— Билетъ взялъ? — торопливо спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, увидѣвъ его.

— Взялъ и багажъ сдалъ... Пожалуйте. Первый звонокъ уже былъ...

— А мѣста въ вагонѣ занялъ?

— Точно такъ... Но тѣснота невообразимая...

— Что дѣлать... Время ярмарочное...

У дверей вагона Петръ Ѳедоровичъ столкнулся съ кѣмъ-то изъ знакомыхъ и спросилъ, въ которомъ онъ классѣ ѣдетъ.

— Я-то въ первомъ, а ты въ которомъ?

— Да мы вотъ съ сыномъ во второмъ...

— И умно сдѣлали. Хвалю и одобряю, по крайности, деньгамъ лишняго переводу нѣтъ, а ѣхать, братъ, что въ первомъ, что во второмъ — одинаково тѣсно, какъ говорится, яблоку некуда упасть...

— Ну, Григорій, идемъ... Слышишь, второй звонокъ. Артельщикъ! Гдѣ же наши мѣста?

Артельщикъ давно уже озабоченно совался по вагону изъ одного его конца въ другой, оглядывая мѣста, занятыя имъ багажемъ Дровяниковыхъ, и опасаясь,

чтобы не перехватилъ этихъ мѣстъ кто-нибудь другой.

Въ вагонѣ они помѣстились даже на разныхъ диванахъ, такъ какъ свободныхъ двухъ мѣстъ рядомъ ни на одномъ диванѣ не было. Петръ Ѳедоровичъ долго хмурился, недружелюбно косился на сосѣдей, по-временамъ тяжело вздыхалъ и томился думами о томъ, что сынъ ему «несообразно препятствуетъ». Не разъ останавливался онъ на мысли, что поспѣшилъ устройствомъ торговаго дома, поспѣшилъ поставить сына «на настоящую точку», и этою именно поспѣшностію сдѣлалъ вредъ и ему, и самому себѣ.

— Смирный онъ парень, положимъ, это дѣйствительно такъ,—размышлялъ онъ,—однако, какъ-ни-какъ, а съ нимъ теперь разговаривать приходится. Пожалуй, того и жди, скажетъ, — не вмѣшивайтесь, молъ, въ мои дѣла, я теперича и самъ довольно твердо на своихъ ногахъ стою. И время-то нынче какое, упаси Господи, — братъ на брата возстаетъ, сынъ на отца. Послушаешь, что кругомъ стало твориться,—руками разведешь. Только и разговору — о правахъ, да о новыхъ порядкахъ: того не долженъ дѣлать, этого не долженъ. Мужику грубаго слова не смѣй сказать, а то сейчасъ въ новый судъ, къ мировому. Не токмо сыновья убѣгаютъ отъ родителей, — дочери, ужъ на что, кажись, слабое сословіе, можно сказать, сосудъ скудельный, и тѣ бунтуютъ, учиться чему-то хотятъ. По-моему самая наилучшая наука,—ходи въ церковь, молись Богу, а что житейское потребное—все приложится, и женихъ, къ примѣру, и вообще.

Такъ размышляя, онъ склонился головой къ спинкѣ дивана и задремалъ, и даже сталъ легонько похрапывать; но потомъ вдругъ проснулся, поспѣшно протеръ обѣими руками глаза и тревожно оглянулъ вагонъ, слабо освѣщенный стеариновыми свѣчами въ фонарикахъ, прикрытыхъ цвѣтной тафтой. Ему приснилось, что сынъ бросилъ торговыя дѣла, слушаетъ лекціи по

естественнымъ наукамъ, вскрываетъ собакъ и кошекъ и споритъ о томъ, что нѣтъ ни Бога, ни безсмертія души, а все такъ само по себѣ и само для себя существуетъ.

— Что это, Господи, приснилось какое несообразное,—подумалъ онъ и вспомнилъ о сосѣдѣ по амбару на Варваркѣ, который жаловался ему на сына, оставившаго торговыя занятія и уѣхавшаго въ Петербургъ учиться. Вспомнилъ и еще два-три случая, гдѣ дѣти тоже не захотѣли подчиняться родительской волѣ и ушли Богъ знаетъ куда, даже безъ всякихъ средствъ къ жизни.

— Да вѣдь Гриша мой не таковъ, — размышлялъ онъ,—слава Богу, въ ученье я его не отдавалъ, воспитывалъ дома на глазахъ, можно сказать, у себя, и къ церкви Божіей ему чувство внушено настоящее. Неужели я его не урезоню? Этого невозможно допустить. Не посмѣетъ онъ упорствовать, когда я, напримѣръ, заговорю съ нимъ строго. Не посмѣетъ... Гм... гм... Вотъ оно какое время, — мальчикъ чуть-чуть на ноги поднялся, и изволь съ нимъ въ объясненіе входить, внушать, урезонивать... Да живъ не хочу быть, ежели что...

Онъ хмурился, вздыхалъ и круто поворачивался на своемъ тѣсномъ мѣстѣ и опять дремалъ, убаюканный однообразнымъ стукомъ колесъ. Думы о женитьбѣ сына и его молчаливый, но, повидимому, не лишенный твердости протестъ и разговоръ съ купцами-сосѣдями по амбару, — все это перепутывалось въ дремотномъ состояніи, поражало непріятныя грезы, заставлявшія его просыпаться и тревожно оглядываться.

— Однако, странно, — думалъ онъ, увлекаемый сномъ въ область грезъ, — зачѣмъ этихъ самыхъ кошекъ потрошатъ. Это даже удивительно. Кошка, какъ кошка, къ чему ее, напримѣръ, безпокоить...

Предъ нимъ вдругъ появился отецъ Максимъ. Стоитъ по срединѣ вагона и заливается старческимъ дребезжащимъ смѣхомъ.

— Отецъ Максимъ! Вы зачѣмъ здѣсь?

— Да я вотъ, признаться сказать, насчетъ кошки... Ха... ха...

— Что такое? Какой кошки?

— Вычиталъ я на-дняхъ въ одномъ сочиненіи и восхитился даже до чрезвычайности. «Они,—сказано,— эти самые испытатели натуры, по усѣченному и припаленному кошкину хвосту дерзаютъ мыслить о душѣ». Хе, хе!.. Пожалуйте вашъ билетъ...

— Позвольте... какой билетъ... вѣдь вы...

— Вашъ билетъ! — слышитъ Петръ Ѳедоровичъ и уже ясно видитъ предъ собою мрачное лицо старшаго кондуктора и рядомъ съ нимъ другаго со стеариновымъ огаркомъ въ рукѣ.

XXVIII.

Григорій Петровичъ тоже провелъ ночь въ сидячемъ положеніи, но не дремалъ, подобно отцу, а смотрѣлъ все время съ обычною своею задумчивостію на спинку дивана противоположной стороны, по которой моталась направо и налѣво голова дремавшаго пассажира, тучнаго купца. Купецъ то засыпалъ подъ мѣрный и однообразный стукъ вагонныхъ колесъ, то вдругъ просыпался, испуганно оглядывалъ вагонъ и торопливо крестился, и чрезъ нѣсколько времени голова его снова начинала мотаться изъ стороны въ сторону.

Справа, слѣва, назади, впереди — вездѣ дремали пассажиры, каждый по-своему, кто сидѣлъ, упершись локтями въ колѣна, и поддерживалъ голову ладонями, точно погруженный въ тяжелыя думы, и посвистывалъ носомъ; кто спалъ, склонивъ голову на плечо сосѣда, уткнувшагося головой въ стѣну вагона. Было душно и тѣсно; саквояжи, узлы и картонки, разложенные по сѣтчатымъ полкамъ, еще болѣе увеличивали тѣсноту и духоту, и въ полусвѣтѣ вагона казались какими-то чудовищами, выползающими изъ-подъ

крыши. По-временамъ слышались вздохи и ропотъ:

— Уфъ... тяжко! Скоро ли станція, — чайку бы, что ли...

Григорій Петровичъ, вглядываясь въ окружавшій его полумракъ, не обращалъ вниманія ни на пассажировъ, отягощенныхъ дремотой, ни на ихъ ропотъ и нетерпѣливыя ожиданія станціи. Мысли его были далеко, — въ Москвѣ, въ Столешниковомъ переулкѣ, и онъ видѣлъ себя на томъ самомъ балконѣ, мимо котораго такъ часто проѣзжалъ, томясь страснымъ желаніемъ остановиться, зайти въ домъ и увидѣть ту, корая такъ всецѣло овладѣла его сердцемъ.

Онъ любилъ и томился, мечталъ о взаимности, догадывался о ней и вѣрялъ, и сомнѣвался, что хотя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществитъ свои желанія. По характеру склонный къ задумчивости, онъ жилъ мечтами и не рѣшался сдѣлать такого смѣлаго шага, который бы могъ хотя до нѣкоторой степени выяснить ему, насколько осуществимы его мечты. Онъ надѣялся на время и ждалъ, что оно само какъ-нибудь все выяснитъ, опредѣлитъ и устроитъ.

Время между тѣмъ шло, не только не выясняя и не устраивая ничего, напротивъ, намѣреваясь разрушить все то, что онъ готовился осуществить.

Въ первый разъ онъ встрѣтилъ ее при выходѣ изъ церкви, гдѣ-то «въ городѣ». Теперь, сидя въ душномъ вагонѣ, онъ вновь переживалъ эту встрѣчу. Очаровавшая его дѣвушка, точно какое-то волшебное видѣніе, являлась предъ его духовными очами, и всѣ подробности ея наряда, платье, тюлевый платокъ, цвѣтъ перчатокъ, прическа, — все припоминалось и казалось прекраснымъ, обворожительно милымъ, и именно по той причинѣ, что все это было связано съ представленіемъ о ней.

Что именно его очаровало въ ней, красота ли, которой, строго говоря, она не имѣла, взглядъ ли, случайно брошенный на него, можетъ быть, даже совсѣмъ

не на него, а только такъ ему показалось,—отчета въ этомъ не могъ отдать себѣ, чувствовалъ только одно, что эта неизвѣстная дѣвушка, не сказавшая съ нимъ ни одного слова, уже владѣетъ его душой.

— Что это такое со мной... даже понять не могу,— удивлялся онъ самъ на себя, возвращаясь изъ церкви домой,—зачѣмъ я такъ размѣчтался. Встрѣтилась симпатичная дѣвушка, — что жъ изъ этого? Одно только пустое мечтаніе и больше ничего... Какое однако, удивительное лицо и взглядъ какой привлекательный...

Такъ во все время пути «изъ города» до Замоскворѣчія онъ былъ полонъ думами о ней. Силясь освободиться отъ неожиданно нахлынувшаго чувства неопредѣленнаго влеченія къ дѣвушкѣ, о которой ему не было ничего извѣстно ни по отношенію къ ея общественному положенію, ни даже имени ея и адреса,—онъ, возвратясь домой, схватился немедленно за дѣловыя бумаги и, повидимому, переборолъ себя и заглушилъ тѣ думы и мечты, которыя такъ обаятельно увлекали его со времени встрѣчи съ очаровательной незнакомкой.

Прошелъ день, прошелъ другой, и недѣля, и цѣлый мѣсяцъ канулъ въ вѣчность, но случайная встрѣча не забывалась. Среди дѣловыхъ бумагъ въ конторѣ, среди товарныхъ тюковъ въ амбарѣ, въ трактирѣ «за парой чаю» съ покупателемъ, онъ, разговаривая о торговыхъ дѣлахъ, бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнитъ о встрѣчѣ, Богъ знаетъ, почему такъ глубоко запавшей въ его душу, и вздохнетъ, и задумается, и дотого иной разъ продолжительна была его задумчивость, что собесѣдникъ, наконецъ, спрашивалъ:

— О чемъ это ты, Григорій Петровичъ, такъ загрустилъ?

— Я?—встрепенувшись, отвѣчалъ онъ,—и не думалъ.

— Ну нѣтъ, братецъ, извини. Грустенъ ты, и этого никакъ не скроешь, по лику-то замѣтно...

Онъ снисходительно улыбался.

— Нечего, братъ, улыбки-то строить, вижу, что грустишь...

— О чемъ грустить? Дѣла наши, слава Богу, идутъ очень хорошо...

— Толкуй! Не о дѣлахъ рѣчь. Скучаешь ты... Надо, братъ, жениться,—вотъ что!

— Да... Пожалуй...

И опять глубокій вздохъ, и молчаніе, и задумчивость.

Но время, какъ извѣстно, цѣлитель всякихъ недуговъ. Исцѣлился бы и онъ, конечно, отъ своей задумчивости и забылъ бы въ концѣ концовъ о случайной встрѣчѣ, еслибы не произошло нѣчто, усилившее влеченіе къ очаровавшей его незнакомкѣ. Да, вотъ именно это неизвѣстное и необъяснимое нѣчто, назовите его, какъ хотите, судьбой, случаемъ, роковымъ ходомъ событій, совершающихся по непреложнымъ законамъ природы,—это нѣчто вело его совершенно въ противоположную сторону отъ того ровнаго пути, по которому онъ до сихъ поръ шелъ, и готовило въ будущемъ, вмѣсто мирныхъ, можно сказать, дружескихъ отношеній къ отцу,—вражду и ненависть, и великія скорби.

Онъ снова встрѣтилъ очаровавшую его дѣвушку, и чувство влеченія къ ней, только-что начавшее остывать, опять охватило его и съ невѣроятной силой. Онъ, вдумчивый и осторожный, слѣдившій за каждымъ своимъ шагомъ и каждымъ словомъ, точно утратилъ въ этомъ случаѣ прирожденныя свойства характера и шелъ впередъ, охваченный только одной думой — видѣть ее.

Эта вторая встрѣча была тоже, повидимому, случайная. Говорю, повидимому, ибо объяснить или, по крайней мѣрѣ, хотя до нѣкоторой степени уловить тѣ причины, въ силу которыхъ такъ или иначе слагается наша жизнь, мы не въ состояніи. Поэтъ говоритъ: «Какъ слѣпцы мы бродимъ въ этомъ мірѣ, жребій всѣмъ предписанъ отъ рожденья».. И изъ далекой древности, изъ глубины вѣковъ слышится голосъ томяща-

гося этой же мыслію пророка, смиренно взывавшаго въ сознаніи своей безпомощности: «Знаю, Господи, что не въ волѣ человѣка путь его, что не во власти идущаго давать направленіе стопамъ своимъ» (Іеремія X, 23).

XXIX.

Во второй разъ онъ встрѣтилъ ее на Кузнецкомъ. Шелъ онъ по лѣвой сторонѣ улицы, спускаясь съ верхней ея части по направленію къ Большому театру, и почему-то перешелъ на правую сторону. Ни о чемъ въ сущности не думая и не имѣя опредѣленнаго плана пути, даже будучи на этотъ разъ совершенно свободнымъ отъ того гнетущаго чувства, которое по-временамъ овладѣвало имъ при мысли объ очаровавшей его дѣвушкѣ, онъ переходилъ улицу точно сонный, не обращалъ вниманія на движеніе экипажей, встрѣчавшихся и обгонявшихъ другъ друга, не слышалъ, какъ его окрикнулъ извозчикъ, подъ лошадь котораго онъ едва не подвернулся, какъ потомъ другой, ѣхавшій съ противуположной стороны, грубо закричалъ ему:

— Куда ты, слышь, ей.—куда прешь, глазъ что-ли нѣтъ у тебя!..

Пробираясь между сновавшими экипажами, онъ не замѣтилъ своей неосторожности и не сознавалъ, зачѣмъ ему понадобилось переходить съ одной стороны улицы на другую. Продолжая потомъ путь медленнымъ шагомъ и, по обыкновенію, смотря при этомъ себѣ подъ ноги, онъ остановился у окна какого-то магазина, постоялъ около него нѣсколько времени, тоже въ сущности не сознавая, зачѣмъ стоитъ и, только-что хотѣмъ отойти, какъ вдругъ увидѣлъ, — идетъ она, очаровательная его незнакомка, и съ нею какая-то пожилая дама.

Они вышли на Кузнецкій изъ боковой улицы и вошли въ тотъ угловой магазинъ, у окна котораго онъ, самъ не зная зачѣмъ, стоялъ, какъ будто удерживаемый кѣмъ-то на этомъ мѣстѣ, именно для того, чтобы

дать время выйти изъ боковой улицы и дать ему возможность увидѣть ихъ входящими въ этотъ именно магазинъ.

Ни въ эти минуты, ни потомъ, спустя долгое время послѣ этой встрѣчи, онъ не задумывался о тѣхъ, такъ сказать, роковыхъ случайностяхъ, которыя ее подготовили, и только теперь, сидя въ полутемномъ вагонѣ и томясь мрачными думами о близкомъ будущемъ, онъ сталъ припоминать тѣ подробности, которыя предшествовали встрѣчѣ, и то упрекалъ себя, зачѣмъ пошелъ тогда на Кузнецкій вмѣсто того, чтобы итти по другой улицѣ, зачѣмъ, наконецъ, съ одной стороны тротуара перешелъ на другую, то мысленно радовался именно тому, что такъ все это случилось, точно намѣренно кѣмъ-то подготовленное именно для его счастія.

— Счастіе! Счастіе!—тоскливо думалъ онъ, какъ ты меня терзаешь и томишь!.. Я былъ бы, можетъ быть, невыразимо счастливѣе, если бы тогда уклонился отъ встрѣчи. Уклониться я могъ, стоило только не заходить въ магазинъ—и не узналъ бы, кто она, гдѣ живетъ и, можетъ быть, больше никогда бы не встрѣтился съ нею. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ,—возражалъ онъ самъ себѣ,—я не раскаиваюсь, я не хочу другаго счастья, несмотря на всю мрачность будущаго, на всѣ грозныя тучи, сгущающіяся надъ моей головой.

Эта вторая встрѣча была роковая. Увидѣвъ ихъ входящими въ магазинъ, онъ растерялся, вспыхнулъ до ушей, потомъ поблѣднѣлъ, и сердце усиленно забилось. Нѣкоторое время онъ оставался въ нерѣшительности на томъ мѣстѣ, гдѣ застала его встрѣча,— и надежда, и сомнѣніе, и страхъ, и мысли о томъ, войдти ли въ магазинъ или нѣтъ,—все разомъ нахлынуло на него.

— Войдти,—думалъ онъ,—разумѣется, войдти: такой благопріятный случай. Неужели я имъ не воспользуюсь?.. Но гм... гм... Не лучше ли здѣсь подождать и потомъ, когда онѣ выйдутъ, издали проводить ихъ, узнать, гдѣ живутъ. А если онѣ, выйдя, поѣдутъ?

Что жъ изъ этого,—и я могу поѣхать. И вдругъ попадется мнѣ плохой извозчикъ, и я потеряю ихъ изъ виду?.. Нѣтъ, лучше войдти въ магазинъ: можетъ быть?.. Не все ли равно, входить или не входить? Не могу же я вступить съ ними въ разговоръ, и все равно придется же ихъ издали сопровождать потомъ, когда онѣ выйдутъ изъ магазина... А можетъ быть въ магазинѣ знаютъ, кто онѣ?.. Войдти или нѣтъ? Пойду!.. Нѣтъ, нѣтъ! Пойду, непремѣнно пойду... Но не лучше ли будетъ, если я совсѣмъ уклонюсь отъ этой встрѣчи и отъ разузнаваній. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мнѣ мучить себя. Къ чему это поведетъ? И если вдругъ окажется, что она мнѣ не пара, что она даже и вниманія на меня не захочетъ обратить,—что тогда? Останется тогда мнѣ одно только сердечное сокрушеніе Лучше теперь овладѣть своими чувствами и—Богъ съ ней!..

Несмотря на то, что всѣ эти колебанія и сомнѣнія продолжались всего какихъ-нибудь двадцать-тридцать секундъ, ему казалось, что онъ, обуреваемый ими, стоитъ у дверей магазина непростительно долго и уже обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ.

— Уйдти надо. Непремѣнно уйдти—и уйду!..

Такъ думалъ онъ и однакоже стоялъ у дверей магазина, и правая рука его уже держалась за скобу двери. Онъ самъ не замѣтилъ, какъ дверь растворилась, и онъ оказался внутри магазина.

Молодая дѣвушка и ея спутница, низкорослая, тощая старушка съ морщинистымъ лицомъ и темными, не по лѣтамъ бойкими глазами, не замѣтили, какъ онъ вошелъ. Старушка продолжала разговоръ съ приказчикомъ магазина, видимо чѣмъ-то недовольная.

— Что же это ты, батюшка мой, какъ невнимателенъ? Развѣ, такъ можно?..

— Что такое, сударыня, извините... виноватъ, не понимаю,—смущенно оправдывался приказчикъ.

— Какъ не понимаю? Вспомни, что ты мнѣ прислалъ? Говорила я тебѣ, кажется, русскимъ языкомъ,

пришли ленты голубаго цвѣта, а ты угощаешь зелеными... Это, батюшка мой, не торговля называется, а ротозѣйство!..

— Ахъ, мамаша, — робко замѣтила молодая дѣвушка,—зачѣмъ вы такъ...

— Вотъ еще, я стѣсняться съ нимъ буду... Изъ-за него мнѣ огорченіе, да я же еще и молчи...

— Извините... Можно перемѣнить...

— Ну и перемѣняй, давай голубыя...

— Сейчасъ, сейчасъ!..

Приказчикъ засовался по полкамъ магазина, раскрывая одну за одной картонки съ лентами.

— Долго ли, батюшка мой, ждать-то?

— Сію минуту!..

Оказалось, однако, что разыскиванье голубыхъ лентъ кончилось неудачно. Красный отъ смущенія приказчикъ поникъ головой и сталъ опять извиняться.

— Да ты не извиняйся, нечего бобы-то разводить. Ты мнѣ голубыя ленты взамѣнъ зеленыхъ давай.

— Ради Бога простите... Голубыхъ въ наличности не оказывается... Позвольте къ вамъ прислать... Не далѣе, какъ чрезъ четверть часа вы получите, я сейчасъ отправлю мальчика въ нашъ оптовый складъ... Даже чрезъ десять минутъ вы будете ихъ имѣть... Извините, покорнѣйше прошу...

— Ну, ну, будетъ тариторить-то. Сказалъ, пришлешь и — ладно, — снисходительно отвѣчала старушка,—гляди только, опять не перепутай...

— Будьте спокойны... Извините пожалуйста.

— Ладно, говорю... Перестань извиняться... Ну, Катя, пойдемъ...

— Боже! Какое прелестное имя! — мысленно восхитился онъ, стоя въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи и перебирая на прилавкѣ матеріи, спрошенныя имъ для себя.

Они пошли къ выходу. Ея взглядъ, можно сказать, проникъ въ его сердце, и онъ вдругъ почувствовалъ, что она узнала его, что ей памятна ихъ первая встрѣча

Онъ замѣтилъ, какъ легкій румянецъ покрылъ ея щеки, какъ потомъ, выходя изъ дверей магазина, она наклонилась къ матери и что-то тихо ей сказала, и предположилъ, что она сказала о немъ, и именно въ томъ смыслѣ, что это, молъ, тотъ самый молодой человѣкъ, котораго, помните, мы встрѣтили съ вами при выходѣ изъ церкви.

Когда они ушли изъ магазина, онъ, со свойственною ему осторожностію, подобрался къ приказчику съ разспросами о старушкѣ, сталъ даже, чтобы скрыть любопытство, выбирать себѣ матеріи на кастюмъ, въ которомъ не имѣлъ никакой надобности.

— Сибирячки онѣ,—объявилъ приказчикъ,—живутъ не подалеку здѣсь, такъ надо полагать, со средствами, только, скажу вамъ, старушка преядовитая—чуть что не по ней, обругаетъ безо всякой церемоніи... Вамъ которой матеріи отрѣзать, этой вотъ, дымчатаго цвѣта, или предпочитаете потемнѣе?..

Онъ выбралъ потемнѣе и опять сталъ разспрашивать о старушкѣ съ дочерью и узналъ, наконецъ, все, что именно желалъ узнать.

Съ этого времени начались его поѣздки чрезъ Столешниковъ, мимо того дома съ балкономъ, на который онъ такъ часто засматривался, отыскивая и выжидая случая познакомиться съ сибирячками чрезъ кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, которые потомъ и отыскались.

Старушка, мать молодой дѣвушки, была вдова купца, имѣвшаго когда-то въ Восточной Сибири участіе въ золотыхъ пріискахъ. Послѣ смерти мужа она переѣхала въ Москву для воспитанія дочери и въ первые годы жизни въ столицѣ тяготилась ея суетой и многолюдствомъ.

— У насъ въ Сибири куда лучше, свободнѣе,— говаривала она, — а ужъ на пріискахъ — и сравненія нѣтъ, одинъ воздухъ чего стоитъ, а лѣса, а горы, а

тишина какая невозмутимая!.. Уѣду, уѣду, вотъ только бы дочка съ ученьемъ справилась...

Когда дочь вышла изъ института, отъѣздъ замедлился по случаю нездоровья старушки и былъ отложенъ до осени, осенью ѣхать побоялись и остались до зимы, а когда наступила зима, отложили отъѣздъ до весны. Такъ прошелъ годъ. Дочери, видимо, не хотѣлось возвращаться въ сибирскіе лѣса, несмотря на восторженные о нихъ отзывы старушки, да и сама она не безъ грусти иногда подумывала о томъ, что хотя въ сибирскихъ лѣсахъ и хорошо, а жениха для дочери найти тамъ труднѣе, чѣмъ въ Москвѣ—и вотъ отъѣздъ опять затянулся, и еще прошелъ годъ.

Къ этому времени въ ходѣ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ послѣ смерти мужа имѣла участіе старушка, произошли большія перемѣны,—нѣкоторые изъ компаніоновъ покойнаго мужа померли, нѣкоторые запутались въ долгахъ и перессорились между собою; самая добыча золота, съ каждымъ годомъ, становилась все меньше и меньше, упала, наконецъ, до того, что пріискъ, какъ выработанный и уже не приносящій дохода, былъ заброшенъ.

Такимъ образомъ обстоятельства сами собой сложились такъ, что старушкѣ съ дочерью не оказалось уже надобности возвращаться въ Сибирь. Сберегая то, что осталось на ихъ долю отъ участія въ пріискахъ; они поселились въ Столешниковомъ переулкѣ и стали жить на доходы съ капитала, на доходы, судя по ихъ скромной жизни, не Богъ вѣсть какіе большіе.

XXX.

Нужно замѣтить, что, при своей скромности, онъ не рѣшался посѣщать ихъ болѣе или менѣе запросто, а всегда ждалъ удобнаго случая или намѣренно пріискивалъ его, то подговоритъ кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, чтобы зайти съ нимъ вмѣстѣ, то придумаетъ какой-нибудь поводъ, въ видѣ, напримѣръ,

просьбы объ одолженіи книжки, о которой былъ ранѣе разговоръ и которая, будто бы, его «очень, признаться, заинтересовала» и т. п. Прибѣгалъ онъ къ этому съ тою невинною цѣлью, чтобы такъ или иначе оправдать свой приходъ, и имѣть при этомъ нѣкоторый хотя и не весьма обширный матеріалъ для разговора, по крайней мѣрѣ для его начала. И дѣйствительно, поздоровавшись, онъ прежде всего заявлялъ, что «осмѣливается безпокоить« именно вотъ по такому-то поводу. Ему, конечно, каждый разъ отвѣчали, что рады его видѣть и т. д., были къ нему внимательны, приглашали приходить безъ всякихъ поводовъ, запросто, напиться чаю, провести вечеръ,—вообще не стѣсняться. Онъ благодарилъ, неловко раскланивался, смущенный ласковыми взглядами очаровавшей его дѣвушки; но на слѣдующій разъ, собираясь вновь посѣтить ихъ, опять задумывался о томъ, какой бы найти поводъ, болѣе или менѣе подходящій для этого, и мысленно давалъ себѣ клятву оставаться у нихъ на сколько возможно дольше и непремѣнно рѣшиться, наконецъ, на откровенный разговоръ о своихъ чувствахъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда на ярмарку онъ былъ у нихъ и имѣлъ счастливый случай вести съ глазу на глазъ разговоръ съ избранницей своего сердца. Вечеръ былъ тихій, небо безоблачно, и звѣзды ярко блистали на темной его синевѣ. Былъ уже поздній часъ. Трескъ и стукъ колесъ по мостовой почти утихъ и только изрѣдка врывался на балконъ, заставляя повышать голосъ при разговорѣ или умолкать на время, пока экипажъ проѣдетъ. Издали съ Кузнецкаго и изъ пересѣкающихъ его улицъ доносился тоже стукъ и трескъ колесъ и конскій топотъ, сливавшійся въ общій шумъ, то усиливавшійся, то утихавшій. Казалось, тамъ шумѣло и волновалось море, и грозныя волны его съ трескомъ и грохотомъ разбивались о береговыя скалы.

Они сидѣли на балконѣ. Онъ, по обыкновенію, помалчивалъ и на вопросъ отвѣчалъ большею частію

односложными словами, мысли его между тѣмъ тревожно перебивали одна другую, волновали его, вызывали, казалось, на рѣшительный шагъ и въ то же время какъ будто удерживали отъ него. Пощипывая небольшую бородку и поглаживая по-временамъ усики, онъ упорно смотрѣлъ въ полъ и только тогда поднималъ на собѣсѣдницу тревожный взглядъ, когда готовился, повидимому, побѣдить свою нерѣшительность и начать разговоръ «о настоящемъ дѣлѣ». Такое его тревожное состоянiе не могло бы долго оставаться незамѣченнымъ, если бы они сидѣли не въ полумракѣ балкона, до котораго почти не достигалъ слабый свѣтъ уличнаго фонаря. Она разсказывала ему о Сибири, о глухихъ дорогахъ въ тайгѣ, о жизни на прiискахъ, о которой, какъ о первыхъ впечатлѣнiяхъ дѣтства, у ней сохранялись живыя воспоминанiя.

— Много чудеснаго тамъ, — говорила она,—представьте, домъ, гдѣ мы жили, стоялъ на возвышенiи,—взглянешь изъ окна—внизу далеко, далеко во всѣ стороны видны вершины горъ, темныя, лѣсистыя. Красивый чрезвычайно видъ и въ то же время необыкновенно суровый, даже такъ иногда жутко становится. Но что съ вами такое? — спросила она, вдругъ прервавъ свой разсказъ.

— Со мной?..

Онъ почти съ испугомъ взглянулъ на нее.

— Да, съ вами? Вы сегодня болѣе чѣмъ когда-либо молчаливы—слова не дождешься.

— Ахъ, грѣшенъ я въ этомъ... Извините.

— Извиняться, Григорiй Петровичъ, безполезно,—нужно исправиться и быть разговорчивымъ...

— Постараюсь...

Но не прошло минуты, какъ онъ снова потупилъ глаза и замолчалъ.

— О чемъ вы задумались?

— Я?

Опять тревожный, почти испуганный взглядъ.

— Я задумался... если ужъ позволено говорить,

значитъ, какъ слѣдуетъ, по истинной правдѣ,—я задумался... о васъ

— Вотъ какъ...

Въ тонѣ голоса его она подмѣтила что-то необычайное. Чуткое сердце сразу подсказало, что невинный разговоръ грозитъ неожиданнымъ и крутымъ оборотомъ—и вспыхнула, смутившись въ свою очередь, хотя и не настолько сильно, насколько былъ смущенъ онъ, но однакожъ не могла продолжать разговоръ прежнимъ тономъ.

— Почему же именно вы... обо мнѣ... такъ задумались?—спросила она, замѣтно понизивъ тонъ рѣчи.

Онъ осторожно кашлянулъ, прикрывъ ротъ рукой, и помолчавъ отвѣтилъ:

— Я осмѣливаюсь думать... Извините, можетъ быть это съ моей стороны немножно смѣло... Я человѣкъ, сами знаете, простой, мало воспитанный... Можетъ быть, объ этомъ не принято говорить такъ... прямо... А я, извините, я скажу... Гм... гм...

Онъ вдругъ закашлялся и смутился еще болѣе и сталъ поправлять галстухъ, чувствуя, что ему душно.

— И что же далѣе? — почти шепотомъ спросила она.

— Да, я... рѣшаюсь сказать... Гм... гм... Видите ли, я задумался о томъ, что вы... то есть, виноватъ,— что тотъ, кого вы изберете себѣ въ спутники жизни... будетъ несомнѣнно счастливъ...

Она не дослушала его и поднялась со стула съ видимымъ волненіемъ.

— Какъ ярко свѣтятъ звѣзды,—сказала она, быстро перемѣняя разговоръ,— вы знаете, Григорій Петровичъ, названія нѣкоторыхъ, хотя самыхъ большихъ звѣздъ?..

— Я не знаю... ни одной.

— Ахъ, нѣтъ, я знаю, хотя, конечно, очень не много, но все же... Вотъ, напримѣръ, это Юпитеръ. Онъ имѣетъ четыре спутника. А это вотъ созвѣздіе называется: Большая Медвѣдица, а выше, тоже состоящая изъ семи звѣздъ—Малая Медвѣдица, въ хвостѣ

ея послѣдняя, третья, называется Полярная звѣзда, она всегда намъ представляется неподвижной...

Григорій Петровичъ замѣтилъ, что она говоритъ съ волненіемъ и думаетъ совсѣмъ не о звѣздахъ. Онъ самъ былъ въ волненіи и не находилъ словъ для продолженія разговора.

— Какъ давече вы, — заговорилъ онъ, овладѣвъ, наконецъ, собой,—спросили меня о причинѣ, то есть, моей задумчивости, такъ теперь я... позволю сдѣлать вамъ съ своей стороны вопросъ...

— О чемъ же это?

— О томъ же, значитъ, то есть, о чемъ вы меня спрашивали.

— Я не понимаю...

— Извините... Этого нельзя допустить ни въ какомъ разѣ...

— Ахъ, я не знаю... Повѣрьте, не знаю... И пожалуйста вы меня не спрашивайте.

Было ли въ этомъ отвѣтѣ съ ея стороны притворство или она испугалась, вдругъ почувствовавъ, что разговоръ ихъ, блуждая, такъ сказать, вокругъ да около, принялъ сразу крутой поворотъ къ главному вопросу—объ этомъ трудно судить.

— Позвольте... извините...—продолжалъ онъ,—вы же меня спрашивали и я вамъ сказалъ...

— Вы—другое дѣло...

Она поникла головкой и стала перебирать кончики кружева на своемъ свѣтломъ батистовомъ платьѣ.

Прошла минута молчанія.

— Скажите же,—повторилъ онъ.

Она поспѣшно взглянула на него, видимо хотѣла что-то сказать, но не рѣшилась, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ, и взглядъ снова потупился.

— Я ей Богу не знаю... О чемъ вы спрашиваете...

— И это вы говорите искренно, безъ притворства, да?—тихо, но съ видимымъ волненіемъ спросилъ онъ и оглянулся на двери, ведущія въ комнаты.

XXXI.

Убѣдившись, что тамъ нѣтъ ни матери ея, ни прислуги, онъ настолько собрался съ силами, что рѣшился сдѣлать отчаянный, по его мнѣнію, шагъ—высказать, наконецъ, свои истинныя намѣренія. Онъ заговорилъ уже не тѣмъ медлительнымъ и равнодушнымъ тономъ, какимъ обыкновенно отличалась его рѣчь, а торопливымъ и порывистымъ, и уже не путался въ словахъ, пріискивая ихъ замѣняя одни другими, а хватался за тѣ, которыя первыя попадались на мысль.

— Нанинько... Я осмѣливаюсь думать, что вы знаете, о чемъ я спрашиваю, — заговорилъ онъ, — и знаете даже, по моему мнѣнію, очень хорошо и обстоятельно... Такъ надо полагать... то есть, вообще, по ходу дѣла, что вы поняли меня даже съ той самой минуты, когда то есть произошла между нами первая встрѣча. Я такъ осмѣливаюсь воображать. Конечно, въ этомъ съ моей стороны, можно сказать, большая рѣшительность и откровенность, но, по моему мнѣнію, теперь это крайне необходимо и не въ примѣръ лучше, чѣмъ тянуть мучительную жизнь изо дня въ день. По крайности — одинъ конецъ. Какъ передъ Истиннымъ говорю вамъ, силъ больше не хватаетъ... то есть для того, чтобы оставаться въ неопредѣленномъ положеніи.

— Ахъ, пожалуйста... Григорій Петровичъ, перестаньте... Я не понимаю, къ чему такіе разговоры...

— Позвольте... Какъ это вы удивительно странно [illegible] — поспѣшно возразилъ онъ, — вы очень хорошо понимаете, а [illegible] или вообще, такъ сказать, [illegible] только по свойственной, [illegible] [illegible]... то есть я хочу сказать, [illegible] [illegible], а [illegible], — это все [illegible], то есть, [illegible], по свойственной [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]... [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible]

его. Онъ торопливо оглянулся на дверь и, придвинувъ свой стулъ ближе къ ней, продолжалъ:

— Простите меня... Убѣдительнѣйше васъ прошу объ этомъ. Я самъ не знаю, что говорю. Вы видите, въ какомъ я положеніи, и знаете... И если вы не знаете причины, чему никакъ невозможно быть, то есть, чтобы вы этого не знали и не чувствовали... Ну, однимъ словомъ, съ той самой роковой минуты, какъ я въ первый разъ увидѣлъ васъ при выходѣ изъ церкви,—нѣтъ мнѣ покоя ни день, ни ночь... Вы помните эту встрѣчу?

— Нѣтъ... не помню...

Онъ почти привскочилъ со стула и быстро спросилъ:

— Ка-а-къ? Вы не помните?.. И нашей встрѣчи въ магазинѣ на Кузнецкомъ тоже не помнитѣ?

— Ахъ, тише пожалуйста... Мамаша и то уже мнѣ замѣтила, что я...

— Что именно—вы?

— Ахъ, пожалуйста, Григорій Петровичъ, перестаньте объ этомъ... Поговорите лучше съ мамашей... если хотите... Я ничего не знаю и никакой встрѣчи не помню...

Но легкая улыбка, скользнувшая по ея щекамъ, говорила другое.

— Вы помните,—улыбнулся и онъ,—такъ нодо думать, что даже очень хорошо помните...

Еще разъ оглянувшись на двери, онъ убѣдился, что случай ему благопріятствуетъ, и еще больше набрался смѣлости, договорился, наконецъ, до открытаго признанія въ любви. Но въ ту роковую минуту, когда вопросъ былъ поставленъ, такъ сказать, ребромъ и онъ уже готовился услышать отъ очаровавшей его дѣвушки рѣшительно слово,—она вдругъ приподнялась со стула и стала къ чему-то прислушиваться. Вмѣсто утвердительнаго отвѣта, накоторый онъ такъ надѣялся и въ которомъ желалъ найти источникъ новой силы въ борьбѣ съ упорствомъ отца, онъ услыхалъ шепотомъ сказанныя слова:

— Мамаша идетъ.

Отодвинувъ стулъ на прежнее мѣсто и тоже поднявшись на ноги, онъ оглянулся на двери и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ ея мать, остановившуюся на порогѣ.

— Ахъ это вы, батюшка мой, а я думала, что васъ уже давнымъ давно нѣтъ въ Москвѣ...—проговорила она, протягивая ему руку,—очень рада васъ видѣть... Какая ночь теплая,—продолжала она,—вотъ ужъ именно настоящая лѣтняя ночь, и звѣзды какъ ярко свѣтятъ...

— Да, очень хорошо, — отвѣтилъ онъ, поднявъ глаза къ небу и какъ бы разсматривая, дѣйствительно ли ярко свѣтятъ звѣзды.

— А вы когда же въ ярмарку? — спросила мать послѣ нѣкотораго молчанія, — или вы, можетъ быть, не поѣдете...

— Нѣтъ... Какъ же можно, помилуйте, въ ярмаркѣ безпремѣнно надо быть...

— Но вѣдь у васъ, насколько справедливо я слышала, папаша самъ, главнымъ образомъ, занимается дѣлами...

— У насъ съ папашей торговый домъ и на равныхъ правахъ; онъ, разумѣется, главный, такъ сказать, пайщикъ, а все же и я завсегда въ полной силѣ могу дѣйствовать...

— Вонъ оно что!—такъ... Она помолчала и добавила:

— Это, батюшка мой, хорошо...

— Что же, мамаша, чай?—спросила дочь, видимо для того чтобы выпроводить ее съ балкона.

— Сейчасъ подаютъ. Я пришла васъ звать... Григорій Петровичъ, пожалуйте.

Только-что мать ушла съ балкона — Григорій Петровичъ пошепталъ:

— Скажите же мнѣ... не томите.

Барышня пытливо взглянула на него, видимо колеблясь въ отвѣтѣ.

— Послѣ, послѣ... когда возвратитесь изъ ярмарки,—отвѣтила она.

— Мнѣ тяжело, поймите... Положеніе мое, видите ли, такое, что отъ вашего отвѣта зависитъ, можно сказать, все и не только, значитъ, касательно чувствъ, а даже и многое, очень многое другое...

Она стояла въ дверяхъ балкона, прислушиваясь къ его словамъ, сердце учащенно билось, взглядъ, полный участія, то останавливался на немъ, то въ смущеніи потуплялся. Въ душѣ ея, видимо, происходила борьба—хотѣлось открыть свои чувства и страшно было, и неловко, и стыдно. Когда онъ сказалъ, что отъ ея отвѣта зависитъ еще что-то другое, кромѣ чувствъ, она спросила:

— Но что же именно?

— Ахъ,—отвѣтилъ онъ,—это ужасно трудно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ, и вообще, какъ сами вы очень хорошо знаете, на счетъ, то есть, разговоровъ я не мастеръ... Теперь, конечно, такое мое положеніе, что волей неволей надо, значитъ, все объяснить, чтобы, то есть, вы поняли, какія мои намѣренія...

Онъ только-что рѣшился сказать ей откровенно о своихъ отношеніяхъ къ отцу, о предлагаемой имъ невѣстѣ, о борьбѣ, которая изъ-за этого между ними возникла и ростетъ, съ каждымъ днемъ, но не успѣлъ еще и десяти словъ произнести, какъ мать ея снова появилась на балконѣ.

— Что же это за новости,—заговорила она, ворчливо, —чаю просишь, а сама съ балкона ни ногой... Слышишь ты или нѣтъ, дочка? Докуда еще ждать? Чай налитъ и пожалуй уже остылъ. Чѣмъ это вы, батюшка мой, Григорій Петровичъ, такъ ее заинтересовали, какими такими удивительными рѣчами?.. Хе, хе...

Въ голосѣ матери слышалась тонкая насмѣшка, а въ выраженіи глазъ нѣчто, повидимому, даже недружелюбное. Эту недружелюбность Григорій Петровичъ сразу подмѣтилъ, но не понялъ ея причины. Когда они сѣли за чайный столъ, мать, придвинувъ къ нему корзинку съ печеньемъ, спросила:

— Скажите пожалуйста... Давно собиралась васъ спросить, да все забываю, скажите же мнѣ, батюшка, есть въ Москвѣ купецъ Суконниковъ, фабрикантъ?..

— Да, есть, — глухо отвѣтилъ Григорій Петровичъ—и понялъ причину недружелюбнаго ея взгляда.

— Богатый, говорятъ, очень человѣкъ...

— Да, богатый...

— Правда ли, что у него единственная наслѣдница всего состоянія—дочь?

— Этого не знаю...

— Ишь ты... Вотъ оно что... Даже не знаете... Гм...

Мать многозначительно откашлялась, переставила что-то на столѣ съ одного мѣста на другое и потомъ, пытливо оглянувъ дочь, сказала, обратясь къ Григорію Петровичу:

— Пожалуйста еще стаканчикъ...

— Покорнѣйше благодарю. Извините, мнѣ уже пора и домой.

— Какъ угодно. Подчивать велѣно, неволить грѣхъ. У насъ въ Сибири такая поговорка... А то выпили бы еще.

— Ахъ, мамаша,—смущенно замѣтила дочь, — зачѣмъ вы такъ настойчивы..

— Ну, ну, ты, дочка, помалчивай, не твоего ума это дѣло,—шутливо возразила мать.

Прощаясь, она протянула Григорію Петровичу руку, бойко по-мужски, и вслѣдъ за дочерью, которой онъ робко пожалъ кончики пальцевъ, пошла въ переднюю видимо для того, чтобы на всякій случай послѣдить за нимъ и не дать возможности оставаться съ нею съ глаза на глазъ, тѣмъ болѣе послѣ разговора на балконѣ, который она озабоченно прослушала изъ-за двери отъ слова до слова и намѣренно прервала на самомъ интересномъ мѣстѣ, именно на томъ основаніи, что до нея дошли слухи о предполагаемой, будто-бы, женитьбѣ Григорія Петровича на дочери Суконникова.

Этотъ послѣдній приходъ Григорія Петровича предъ отъѣздомъ на ярмарку вызвалъ между матерью и дочерью нѣкоторое объясненіе внушительнаго характера.

Проводивъ гостя и оставшись наединѣ съ дочерью, старушка пригрозила ей пальцемъ.

— Ты, дочка, говори, да не заговаривайся...

— Что такое, мамаша, о чемъ вы?

Старушка оглянулась на двери, изъ опасенія, нѣтъ ли по близости лишнихъ ушей, и шепотомъ отвѣтила:

— Я вѣдь все слышала, когда вы на балконѣ были...

— Такъ что же, мамаша, развѣ онъ мнѣ не пара?

— Это еще надо посмотрѣть...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, мамаша.—Онъ мнѣ нравится, онъ мнѣ очень нравится... Скажу вамъ, мамаша, откровенно: я его полюбила, знаете, съ какого времени... Это мнѣ самой непостижимо! Я съ той первой встрѣчи его полюбила, когда мы, помните, увидѣли его при выходѣ изъ церкви... Ахъ, мамаша, вы не разстраивайте моего счастья...

И дочь, припавъ на плечо матери головкой, заплакала.

— Ну, полно, полно,—ласково прошептала старушка, цѣлуя ее,—развѣ видано гдѣ, чтобы мать счастіе своего дѣтища разстраивала, а что надо пообождать немного, въ этомъ ужъ извини... необходимо кое-что поразузнать...

— Что, мамаша, поразузнать?

Старушка разсказала ей о тѣхъ слухахъ, какіе дошли до нея объ отношеніяхъ Дровяниковыхъ къ Суконникову, дочь не имѣла терпѣнія дослушать ея разсказа до конца и, трагически всплеснувъ руками: возразила:

— Никогда, никогда я этому не повѣрю...

— Тише, глупенькая!.. Развѣ можно такъ громко...

— Не повѣрю, мамаша!—продолжала дочь, понизивъ голосъ,—по глазамъ его вижу, что онъ хорошій, справедливый, любящій... Я предчувствую, я вѣрю, даже больше скажу, я совершенно убѣждена, что онъ будетъ моимъ мужемъ...

— Охъ, Катя, тише... Молода ты еще и не знаешь жизни... Жизнь—дѣло мудреное и сложное...

XXXII.

Перебирая въ памяти встрѣчи съ очаровавшей его дѣвушкой, ея мимолетные взгляды, казавшіеся то полными значенія, то ничего невыражающими, припоминая послѣдній разговоръ съ нею на балконѣ, онъ терзался мыслію о томъ, что не успѣлъ добиться ничего рѣшительнаго, досадовалъ на себя, на нее, на мать, не кстати появившуюся на балконѣ.

По-временамъ думы его слагались такъ, что въ общемъ выводѣ получался благопріятный результатъ: и улыбки барышни, и ея смущеніе, и разговоръ съ нимъ,—все указывало на то, что онъ можетъ разсчитывать на взаимность ея чувствъ. Но, припоминая вопросъ ея матери о Суконниковѣ и ея недружелюбный взглядъ, относившійся, какъ понялъ онъ, непосредственно къ нему и выражающій ту мысль, что онъ, Григорій Петровичъ Дровянниковъ, по меньшей мѣрѣ обманщикъ, ухаживающій за одной дѣвушкой и намѣревающійся жениться на другой,—припоминая этотъ взглядъ, онъ чувствовалъ, какъ болѣзненно сжимается его сердце, и въ такія минуты ему казалось, что всѣ его надежды и планы разлетаются въ прахъ.

Поѣздъ однообразно стучалъ, проволока телеграфныхъ столбовъ, мелькая въ окнахъ, то вздымалась, то опускалась и, казалось, тоже мчалась впередъ вмѣстѣ со столбами, стараясь перегнать поѣздъ. Онъ сидѣлъ, въ своемъ углу съ закрытыми глазами и отъ однѣхъ думъ переходилъ къ другимъ, отъ надежды къ мрачнымъ подозрѣніямъ...

Въ день отъѣзда въ ярмарку, не имѣя возможности еще разъ лично переговорить съ очаровавшей его дѣвушкой, онъ успѣлъ, однакоже, послать къ ней нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ, возвращая ея книгу (главный предлогъ посылки нарочнаго), «всепокорнѣйше

просилъ» отвѣтить ему, можетъ ли онъ разсчитывать, хотя бы даже «въ отдаленномъ будущемъ», на такія съ ея стороны чувства, какія онъ къ ней «питаетъ».

Письмо его не было длинно, всего въ пять-шесть строчекъ, хотя для написанія ихъ потребовалось болѣе получаса времени и не менѣе десятка листовъ почтовой бумаги. Ея письмо было еще короче, но сколько времени она его писала и сколько листовъ бумаги изорвала, въ досадѣ на неудачное его изложеніе, — объ этомъ ничего неизвѣстно.

Она благодарила его за возвращеніе книги. Въ скобкахъ было написано: «какая изумительная аккуратность» и поставлено два восклицательные знака. Что касается главнаго вопроса, именно о чувствахъ, то отвѣтъ на него былъ ни утвердительный, ни отрицательный, именно такой, на какой всего чаще способны женщины. —«И зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?—писала она,—ужасно какъ это смущаетъ... Я ей Богу ничего не могу сказать... Поговорите лучше съ мамашей»..

Изъ тона ея коротенькаго письма, начинавшагося съ обычнаго обращенія: «Многоуважаемый Григорій Петровичъ» можно было вывести такое заключеніе, что она къ нему, по меньшей мѣрѣ, равнодушна, но послѣднія строки этому противорѣчили. Она заключила письмо слѣдующими словами: «Возвращайтесь пожалуйста какъ можно скорѣе. Я буду ждать... и считать дни».

Письмо это онъ получилъ въ конторѣ и спокойно положилъ въ боковой карманъ, ничѣмъ не выказывая предъ служащими тѣхъ чувствъ, которыя оно въ немъ вызвало, напротивъ, намѣренно дольше, чѣмъ слѣдовало, продолжалъ съ конторщикомъ разговоръ о дѣлѣ, но потомъ, когда призналъ возможнымъ уйти къ себѣ въ комнату и прочитать письмо,—руки его дрожали и голова закружилась до того, что онъ безпомощно опустился на первый подвернувшійся подъ руку стулъ и нѣкоторое время сидѣлъ съ закрытыми глазами.

Въ день отъѣзда онъ перечитывалъ его нѣсколько разъ и цѣловалъ, и къ сердцу прижималъ, и каждый разъ пугливо оглядывался при этомъ на двери, боясь, чтобы не замѣтилъ кто-нибудь его нѣжнаго къ нему отношенія, и цѣплялся за тѣ его фразы, въ которыхъ до нѣкоторой степени замѣчалъ ея взаимнаго къ нему чувства.

«Возвращайтесь скорѣе!»—мысленно повторялъ онъ слова письма,—о, это много значитъ! Все-таки, стало быть, желаетъ меня видѣть!..

Сидя въ вагонѣ и не имѣя возможности по причинѣ царившаго въ немъ полумрака снова перечитывать письмо, онъ не разъ ощупывалъ его рукой въ боковомъ карманѣ, вздыхалъ и строилъ предположенія на счетъ своихъ плановъ дѣйствія по отношенію къ отцу.

Онъ готовился къ борьбѣ въ ближайшемъ будущемъ, къ борьбѣ съ такимъ сильнымъ человѣкомъ, каковымъ былъ Петръ Ѳедоровичъ. Сознавалъ онъ, что бороться съ нимъ въ открытую трудно—и опять вздыхалъ, и правая рука невольно, точно сама собою, вновь ощупывала лежавшее въ карманѣ письмо. Казалось, мысль о томъ, что оно тутъ, близко, около сердца,—давало ему опору и душевную бодрость въ его тягостномъ состояніи. Онъ зналъ, что отецъ человѣкъ энергичный, настойчивый и не любитъ откладывать надолго никакого дѣла.

— Да, да, знаю, думалъ онъ,—отецъ неутерпитъ и завтра же утромъ, какъ только пріѣдемъ въ ярмарку, насядетъ на меня съ своимъ настойчивымъ требованіемъ, и не только завтра утромъ, а можетъ даже вотъ-вотъ сейчасъ прійти сюда ко мнѣ, будь здѣсь только свободное мѣсто, и начать рѣшительный разговоръ. Отъ него всего можно ждать: скажетъ, разговаривать, молъ, съ тобой много нечего, знай, что тебѣ я невѣсту отыскалъ по моему собственному вкусу и даже сосваталъ... Что мнѣ дѣлать, что говорить, какъ себя вести теперь съ отцомъ—вотъ задача.

Но, будучи отягощеннымъ, можно сказать, до по-

слѣдней крайности своимъ мрачнымъ душевнымъ состояніемъ, онъ, однакоже, не хмурился при этомъ и не вздыхалъ подобно тому, какъ хмурился и вздыхалъ Петръ Θедоровичъ, а только исподлобья оглядывалъ по-временамъ сосѣдей, уныло дремавшихъ на своихъ мѣстахъ, какъ бы желая убѣдиться, не проснулся ли кто-либо изъ нихъ и не пытается ли по выраженію его лица опредѣлить смыслъ его тайныхъ думъ. Онъ хотя и не слыхалъ никогда мнѣнія о томъ, что языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли, но, однако, по свойству своего характера, былъ склоненъ признать такое мнѣніе справедливымъ и даже съ дополненіемъ, что можно и должно не только скрывать свои мысли, но и совсѣмъ ихъ не выражать, и чувства при этомъ прятать такъ глубоко на сердцѣ, чтобы никакая тѣнь ихъ не отражалась на лицѣ.

Съ нѣкотораго времени и въ особенности въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Москвы, когда Петръ Θедоровичъ принялся, наконецъ, настоятельно хлопотать о свиданіи съ Θаддеемъ Егоровичемъ Суконниковымъ, онъ ясно понялъ, что надъ его головой сгущаются грозныя тучи, и не зналъ, гдѣ и въ чемъ искать отъ нихъ спасенія.

XXXIII.

Во Владимірѣ сосѣдъ его по мѣсту на диванѣ вышелъ. Онъ сообщилъ объ этомъ отцу и предложилъ перемѣниться мѣстами.

— Вы тамъ можете прилечь,—шепнулъ онъ.

— Гдѣ? Зачѣмъ? — спросилъ Петръ Θедоровичъ, торопливо протирая глаза. Онъ перешелъ на предложенное мѣсто, но не легъ, а усѣвшись рядомъ съ сыномъ, сталъ съ нимъ шепотомъ разговаривать и именно о томъ, что всего болѣе его въ данное время, занимало, т. е. о сватовствѣ дочери Θаддея Егоровича.

— Въ ярмаркѣ, понимаешь,—шепталъ онъ,—можно будетъ это дѣло окончательно рѣшить...

Но какъ ни убѣдительно нашептывалъ онъ сыну,— звука сынъ не издалъ въ отвѣтъ.

— Слышь, Гриша... Спишь что-ли?

— А?.. Что такое?..

— Я говорю, понимаешь,—въ ярмаркѣ съ Ѳаддеемъ Егоровичемъ окончательно надо рѣшить... Ты слушай, ты того... долженъ безпрепятственно. Понялъ?.. Ну! Что же ты молчишь?

Сынъ притворился спящимъ и опять тревожно открылъ глаза, когда отецъ тронулъ его рукой за плечо.

— Чего дремать. Все равно сна настоящаго не найдешь. Пойдемъ лучше въ буфетъ, выпьемъ по стакану чаю, здѣсь остановка пятнадцать минутъ.

— Я не хочу, папенька.

— Иди за компанію. «Не хочу!» Нѣшто такъ отцу говорятъ, чудакъ человѣкъ!

За чаемъ Петръ Ѳедоровичъ разговора о женитьбѣ не продолжалъ и только по-временамъ молча исподлобья оглядывалъ сына, лѣниво бродившаго по станціонной комнатѣ отъ одной стѣны до другой.

Пріѣхали въ ярмарку,—первомъ дѣломъ отправились въ церковь, отслужили молебенъ и пѣшечкомъ пошли потомъ въ трактиръ, пить чай. Петръ Ѳедоровичъ во время пути опять завелъ разговоръ о женитьбѣ, и уже не издалека и не въ видѣ предположенія, а прямо и опредѣленно поставилъ вопросъ.

— Теперь, Григорій, слышь, время тратить зря нечего. Теперь ты мнѣ долженъ дать рѣшительный отвѣтъ по этому дѣлу.

— По какому?..

Петръ Ѳедоровичъ остановился, взмахнулъ обѣими руками и, укоризненно глядя на сына, продолжалъ:

— Спрашивать надо! Не понимаешь, небойсь, о чемъ я говорю. О Суконниковѣ говорю. Того гляди, потребуется въ этомъ дѣлѣ рѣшительный отвѣтъ.

— Да, да...

— Не «да, да», а отвѣтъ настоящій, правильный.

Потому; ежели я встрѣчусь съ Ѳаддемъ Егоровичемъ, и онъ, значитъ, заговоритъ ежели со мной напрямикъ,— какое слово, напримѣръ, я долженъ ему сказать. Чувствуешь? По этому по самому ты долженъ...

Петръ Ѳедоровичъ замялся, кашлянулъ и понизилъ тонъ разговора, точно вдругъ сознадъ, что взялъ сразу круто и смѣло.

— Гм... гм... Оно, конечно, — продолжалъ онъ уже значительно медленнѣе и спокойнымъ тономъ,— дѣло это, напримѣръ, не шуточное и тебѣ, само собой, его тоже надо по-своему обдумать. Ну, вотъ. Стало быть, и сообрази и взвѣсь. Деньковъ пять-шесть, а можетъ и вся недѣля пройдетъ, пока что.

Они вошли въ трактиръ и сразу окунулись въ другую жизнь.

Трактиръ, заставленный въ нѣсколько рядовъ столами, былъ полонъ народа, сидѣвшаго за чаемъ. Купцы казанскіе, пермскіе, харьковскіе и т. д., увидѣвъ знакомаго имъ Петра Ѳедоровича, нахлынули на него со всѣхъ сторонъ.

— А-а! Голубчикъ!.. Все ли въ добромъ?

— Ничего. Слава Богу.

— Супруга какъ?

— Прыгаетъ.

— Чудесно! Ну-ка поцѣлуемся. Здравствуй, здравствуй! И Григорій Петровичъ съ тобой... Здравствуй, Григорій Петровичъ! Ишь ты какой вытянулся длинный... Женить надо... Чайку вмѣстѣ? За компанію?.. Ну, какъ дѣла? Почемъ сахара нонече?.. Эй, паренекъ, услужающій! Тащи-ка попроворнѣе парочку стаканчиковъ...

Началось чаепитіе и разговоры таинственнымъ тономъ.

— Партійка, Петръ Ѳедоровичъ, есть воску бѣлаго съ Камы, — сообщалъ пріятель, прикрывъ одну сторону рта рукою,—хо-р-ро-шій воскъ, можно сказать, мраморъ и цѣна не высокая.

— Оглядѣться надо. Я только-что, какъ говорится, Господи благослови, первый день въ ярмаркѣ...

— Что поздно?..

— Да такъ... по домашности задержался...

— Воскъ, я тебѣ скажу, Петръ Ѳедоровичъ, то-есть, какъ передъ Истиннымъ, удивительный... Вотъ ужъ именно товаръ головка...

— А какъ дѣла въ вашей сторонѣ?..

— Да ничего... Торгуемъ пока... плетемся...

— Платежи какъ? Заминки нѣтъ ли у кого изъ вашихъ?..

— Пока не слышно.

Такъ съ первой же минуты при встрѣчѣ съ знакомыми Петръ Ѳедоровичъ погрузился въ дѣла ярмарки, такъ сказать, съ головой.

Григорій Петровичъ наскоро выпилъ чай и поднялся съ мѣста.

— Я пойду...—сказалъ онъ.

— Иди, Гриша, иди. Дѣйствуй тамъ.

— Женить надо,—повторилъ знакомый, когда Григорій Петровичъ ушелъ.

Петръ Ѳедоровичъ вздохнулъ.

— Надо. Конечно, надо, и невѣста есть на примѣтѣ.

— Такъ что же еще? веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Сказано: «бракъ честенъ и ложе нескверное».

— Это ты правильно. Но только, знаешь, по нонѣшному времени, братъ, дѣти того...

— Бунтуютъ! Слыхалъ, слыхалъ. Какъ же! Въ нашемъ приходѣ, охъ, и не приведи Господи, — у попа, слушай, было два сына, въ семинаріи окончили, мѣста имъ старикъ выхлопоталъ обоимъ поповскія и въ хорошихъ селахъ,—не взяли, бросили все и уѣхали въ Петербургъ, книжки, сказываютъ, печатать...

— Такъ, такъ!—утвердительно проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ,—времена! Оно, конечно, Гриша мой парень смирный, а все же иной разъ безпокоишься...

— Никто, какъ Богъ? Все въ Его святой волѣ!.. А на счетъ воску ты подумай.

— Ладно. Чтожъ, конечно, ежели цѣна подойдетъ,— можно.

— То-то. Ежели пожелаешь, отдамъ въ годовой срокъ... Да ты не пожелаешь этого, я знаю...

— Почему бы, напримѣръ? — улыбаясь, спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— А потому по самому, что капиталъ у тебя хорошій, деньги свободныя.

— Толкуй! Откуда ты можешь знать, какой у меня капиталъ. Нѣшто забылъ, что у купцовъ только смерть открываетъ животы...

XXXIV.

Въ длинныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ рядахъ, которыми застроена луговая равнина при сліяніи Волги и Оки, Дровяниковы занимали двѣ лавки, соединенныя въ одну. Лавки эти, какъ и всѣ другія ярмарочныя помѣщенія, ежегодно затопляемыя весеннимъ разливомъ рѣкъ, имѣли никогда неутрачиваемый запахъ гнили и сырости и точно намѣренно, для его поддержанія, въ нихъ не было ни печей, ни каминовъ. Нижній этажъ былъ безъ оконъ, съ широкими распашными дверями, выходившими на двѣ линіи, какъ вообще вездѣ въ торговыхъ рядахъ; верхній—съ низенькими продолговатыми окнами, раздѣленный нѣсколькими досчатыми перегородками на отдѣльныя помѣщенія.

Въ нижнемъ этажѣ, среди груды товаровъ, на ящикахъ, рогоженныхъ тюкахъ, холщевыхъ мѣшкахъ и т. п. ютились по ночамъ артельщики и рабочіе; въ верхнемъ, въ одной половинѣ помѣщались служащіе, такъ сказать, высшаго порядка, приказчики, довѣренные и т. п., въ другой—хозяева или ихъ управляющіе дѣлами. Какъ тѣ, которые обитали въ верхнемъ этажѣ, такъ равно и всѣ ютившіеся внизу на товарныхъ тюкахъ одинаково зябли ночами, укутывались, кто чѣмъ могъ, и одинаково торопились по утрамъ наивозможно поспѣшнѣе одѣться, въ особенности въ пасмурные дни.

Весь этотъ людъ въ теченіе всего августа жилъ, такъ сказать, на бивуакахъ; огонь въ лавкахъ имѣть запрещалось, кипятокъ для чаю приносился изъ трактировъ, находившихся въ значительномъ разстояніи отъ рядовъ, пища — тоже, и хотя не всѣ запращенія строго выполнялись, но и нарушенія ихъ, какъ-то: свѣча вечеромъ при плотно закрытыхъ ставняхъ оконъ, или спиртовая лампочка для подогрѣванія пищи мало улучшали жизнь въ холодной и затхлой обстановкѣ.

И всѣ другія ярмарочныя удобства, съ зеленѣющей въ канавахъ стоячей водой, съ подземными корридорами, распространявшими зловоніе и охватывавшими ярмарку ужасающимъ кольцомъ, точно сказочный змѣй,—все это придавало ярмарочной жизни значеніе какого-то опыта въ родѣ того, напримѣръ, много ли можетъ умереть народу въ такой обстановкѣ въ теченіе мѣсяца.

Все это, лѣтъ двадцать пять тому насадъ, переносилось и можетъ быть и теперь переносится ярмарочнымъ населеніемъ съ должною кротостію, какъ нѣчто неизбѣжное и не подлежащее никакимъ улучшеніямъ во вѣки вѣковъ.

Дѣловой день въ лавкахъ Дровяникова, какъ и у всѣхъ другихъ купцовъ, начинался съ разсвѣтомъ. Первыми поднимались рабочіе, спавшіе подъ навѣсомъ у дверей лавки на гругахъ тюковъ съ товарами, сложенныхъ тутъ за неимѣніемъ свободнаго помѣщенія внутри.

На этихъ рабочихъ лежала обязанность сторожить тюки, и потому спать имъ приходилось по очереди,— пока одинъ похрапывалъ, утомленный трудовымъ днемъ, другой топтался около товарныхъ грудъ, приглядываясь, не грозитъ ли откуда, справа или слѣва, опасность хозяйскому добру, и прислушивался къ ударамъ церковнаго колокола, служившаго хотя и не всегда точнымъ, но за то достаточно громкимъ «глаголомъ временъ».

Когда часы отбивали двѣнадцать или больше, смотря

потому, насколько твердъ былъ въ счетѣ церковный звонарь, бодрствовавшій караульный будилъ товарища и самъ заваливался на его мѣсто. Случалось, тутъ же въ сосѣдствѣ съ нимъ, передъ утромъ оказывался иногда кто-нибудь изъ приказчиковъ, осиленный врагомъ рода человѣческаго въ трактирѣ и возвратившійся по этому случаю къ дверямъ лавки непростительно поздно.

При начавшемся звонѣ къ ранней обѣднѣ эти рабочіе будили спавшихъ внутри лавки стукомъ въ двери, и, какъ ни былъ этотъ стукъ остороженъ и тихъ, онъ тотчасъ же поднималъ не только спавшихъ внизу, но достигалъ въ предразсвѣтной тишинѣ ночи и до чуткаго слуха самого Петра Θедоровича. Вслѣдъ за тѣмъ распашныя двери лавки растворялись, струя свѣжаго воздуха проникала въ душную атмосферу, пропитанную сыростію и вонючимъ запахомъ рогожъ; запоздавшій приказчикъ спѣшитъ незамѣтно юркнуть на свое мѣсто, и вскорѣ всѣ обитатели обоихъ этажей были уже на ногахъ, спѣшили одѣться, умыться и хотя наскоро, какъ-нибудь, а все-таки помолиться на образъ. Спустя пятнадцать, двадцать минутъ всѣ были уже при дѣлѣ,—кто шелъ за кипяткомъ въ трактиръ, кто на перекрестокъ рядомъ къ булочнику, уже явившемуся съ своимъ походнымъ ящикомъ въ ряды; кто прибиралъ соръ на полу и подметалъ его щеткой, спрыснувъ предватительно полъ водой, точно намѣренно въ такомъ обиліи, чтобы поддержать и увеличить запахъ сырости.

Въ нижнемъ этажѣ артельщики принимались ворочать тюки, съ вечера назначенные къ отправкѣ покупателямъ; нѣкоторые изъ служащихъ и въ особенности запоздавшіе своевременнымъ возвращеніемъ изъ трактира, сидѣли уже за дѣловыми бумагами, намѣренно спѣша заняться ими, чтобы Петръ Θедоровичъ, выйдя изъ своей комнаты, видѣлъ ихъ усердную службу.

Самъ Петръ Θедоровичъ тоже наскоро одѣвался,

самолично поправлялъ потухшій огонь у лампады и, положивъ потомъ предъ образомъ два три земныхъ поклона, спѣшилъ къ ранней обѣднѣ. Уходя, онъ иногда стучалъ въ перегородку, за которой спалъ Григорій Петровичъ, и смотря по расположенію духа, гнѣвно или шутливо говорилъ:

— Вставай, Григорій. Слышишь? Полно нѣжиться-то,—долго спишь,—когда богатъ будешь?..

Приказчики, заслышавъ его голосъ, переглядывались, перешептывались, обмѣниваясь впечатлѣніями на счетъ хозяйскаго расположенія духа, и усерднѣе отдавались своимъ занятіямъ. Случалось, онъ, проходя, кидалъ на нихъ гнѣвные взгляды, недовольный не столько ими, сколько, вообще, ходомъ дѣлъ, неудачи которыхъ они, такимъ образомъ, волей-неволей дожны были раздѣлять вмѣстѣ съ нимъ.

Григорій Петровичъ иногда тоже шелъ къ ранней обѣднѣ и подобно тому, какъ отецъ и многіе другіе набожные купцы, прикладывался по окончаніи службы ко всѣмъ образамъ въ иконостасѣ.

XXXV.

Посѣтители раннихъ обѣденъ ярмарочнаго храма были преимущественно купцы, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россійской имперіи «на торжищѣ», — народъ рослый, широкоплечій, бородатый, въ степенныхъ одеждахъ, чистокровные русскіе люди, по манерамъ и выраженію лицъ напоминавшіе крестьянъ, только болѣе мясистые и выхоленные сытою жизнію. Ихъ торговая сума, щедрая при удачныхъ дѣлахъ на благостыню, привлекала на ярмарку огромныя полчища черноризцевъ обоего пола, отрекшихся отъ міра и блуждающикъ по міру «послушанія ради», сборщиковъ на построеніе храмовъ, лысыхъ и сѣдовласыхъ мужиковъ, трудящихся «Для Бога», нищую братію всякаго вида и возраста, уродовъ, разслабленныхъ и т. п. Весь этотъ людъ, стекающійся на ярмарку, какъ мухи въ

меду, имѣлъ отъ нихъ лепту, а иногда и грубое слово и безцеремонные толчки у дверей ихъ лавокъ и ни мало этимъ не огорчался, и купцы съ своей стороны не придавали этому тоже никакого значенія, какъ дѣлу обычному, изо дня въ день въ ихъ средѣ повторяющемуся. Случалось, иной старикъ, собирающій на погорѣлую церковь, или бойкая на слова монахиня отвѣчали на грубый толчекъ купца съ низкимъ поклономъ:

— Спаси тебя Господи, благодѣтель,—ты меня-то наградилъ по заслугамъ, а угодничку Божію, святителю и чудотворцу ничего не далъ.

— Уходи, уходи! Вотъ народецъ, съ ними и не сообразишь!—ворчалъ купецъ.

Но случалось иногда и такъ, что мѣткое слово, во-время сказанное, хватало его за сердце, и, сознавъ свою вину, онъ не только награждалъ оскорбленнаго человѣка «отъ щедротъ своихъ», но и падалъ предъ нимъ въ ноги, прося прощенія.

— Грѣшникъ я,—стоналъ онъ,—окаянный грѣшникъ и на руку невоздерженъ,—прости Христа ради.

Раннія обѣдни въ ярмаркѣ всегда были полны молящимися, именно потому, что отъ нихъ, по словамъ купцовъ, задержки въ дѣлахъ не было.—Поздняя обѣдня для нашего брата, говорили они, дѣло совсѣмъ не подходящее, зайдешь иной разъ къ поздней, а по дѣлу, глядишь, упущеніе вышло. Святое дѣло — ранняя: отстоишь это ее до разсвѣта, все какъ слѣдуетъ, честь честью, просфирочки натощакъ вкусишь, а потомъ въ трактиръ на парочку чаю — и потомъ цѣлый день кружишь себѣ по лавкамъ, какъ грѣшная душа по мытарствамъ.

Къ храму Божію многіе изъ нихъ были ревностны, церковному благолѣпію придавали первостепенное значеніе и высшимъ выраженіемъ его считали обиліе серебряныхъ ризъ на иконахъ, серебряныя царскія двери, серебряныя лампады и престолъ. Заказывая образа для иконостаса и картины религіознаго содержанія для стѣнъ, они всего болѣе заботились о томъ,

чтобы живопись обошлась подешевле и чтобы при случаѣ «кумпола вызолотить.

Въ храмѣ стояли они благоговѣйно, крестились при молитвѣ съ чувствомъ, касаясь перстами самой вершины черепа и нажимая потомъ на плечи и животъ съ замѣтною выразительностію. Изъ храма выходили не спѣша, молились на паперти на его стѣны, и на лицахъ ихъ отражалось чувство христіанскаго смиренія и какъ бы сознанія ничтожества земной суетной жизни по сравненію съ той, о которой они только-что слышали въ священныхъ пѣснопѣніяхъ. Но не проходило и нѣсколькихъ минутъ послѣ того, какъ они покрывали свои головы фуражками и шляпами,—отъ благоговѣйнаго чувства на ихъ лицахъ и слѣдовъ не оставалось.

Иногда тутъ же, на ступеняхъ храма, они безпокойно оглядывались по сторонамъ, высматривая между выходящими нужнаго человѣка, и, идя потомъ съ нимъ по направленію къ трактиру, волновались, хмурились, оживленно размахивали руками и, такъ сказать, по горло погружались въ ту суету жизни, грѣховность которой такъ еще недавно и такъ, повидимому, ясно сознавали.

Ярмарочные трактиры ко времени окончанія ранней обѣдни уже были полны народомъ. Половые въ бѣлыхъ фартукахъ шмыгали отъ стола къ столу съ подносами, установленными чайной посудой. Въ комнатахъ было тѣсно и жарко, и слышался запахъ кухни. Говоръ купцовъ, сидѣвшихъ за столиками, сливался въ общій гулъ. Знакомыя, встрѣчаясь, молча протягивали другъ другу руки и расходились, озабоченные каждый своимъ дѣломъ. Одни были веселы и при встрѣчѣ перебрасывались короткими фразами.

— А цѣна-то вѣдь поднялась! Въ гору идетъ!

— Богъ цѣну строитъ! Богъ цѣну строитъ! — повторяли они нѣсколько разъ, самодовольно разглаживая бороды.

Другіе были грустны и, усѣвшись гдѣ-нибудь въ

дальнемъ углу комнаты, уныло обмѣнивались свѣдѣніями о цѣнахъ. Глубоко по-временамъ вздыхая и забирая бороду въ кулакъ, они хмуро поводили бровями на сосѣдніе столы и заключали невеселые разговоры мрачными предположеніями.

— Согрѣшили!.. Не по-Божьи живемъ.

Такимъ образомъ паденіе цѣнъ на товары, привезенные ими на ярмарку, оказывалось въ непосредственной связи съ ихъ образомъ жизни. Иные, поздоровавшись, заводили разговоръ о церковной службѣ.

— Хорошо отецъ Мелетій службу совершаетъ... съ чувствомъ.

— Какой Мелетій?

— Да ты нѣшто не былъ у ранней обѣдни? Мелетій изъ Макарьевскаго монастыря настоятель... Строгой жизни старецъ, подвижникъ!

— Не слыхалъ, признаться...

— То-то. Спишь долго, по этому по самому, а онъ уже здѣсь пятый день служитъ...

— Такъ, такъ. Не слыхалъ, братецъ. Некогда все. У насъ, признаться, на родинѣ заказныя обѣдни идутъ завсегда, и укуратно за годъ впередъ платимъ.

— Заказныя — само собой. А здѣсь все же какъ-ни-какъ слѣдуетъ къ храму Божію...

— Это ты правильно. Что говорить, оно великолѣпно, ежели, напримѣръ, всякое дѣло съ Божіимъ благословеніемъ; ну—не каждому дано...

— Да, это ты точно... Не всякій можетъ вмѣстить...

Разговоръ совершенно неожиданно иногда обрывался и круто принималъ другое направленіе.

— Какъ съ товарцемъ... Купилъ ли?

— Нѣтъ еще... Путаюсь все изо дня въ день.

— Гм... Гм... Вотъ оно что-о... А я думалъ, что ты покончилъ дѣла и, такъ сказать, уже на отлетѣ въ свою сторону.

— Куда-а! И конца не вижу!

— Бѣдняга!.. А чайку стаканчикъ? Выпьемъ что-

ли? За компанію? Присусѣживайся! Эй, паренёкъ! тащи-ка еще парочку чайку... Признаться сказать, я тоже имѣлъ намѣренія на счетъ, значитъ, литургіи,— не вышло! Съ вечера съ покупателемъ здѣсь же вотъ за этимъ самымъ столомъ засидѣлся и тенерифомъ маленечко того... въ излишкѣ... Человѣкъ-то больно хорошій попался, душевный, одно слово, ну, самъ знаешь, нельзя безъ этого, какъ, значитъ, дѣло сдѣлали...

— Почемъ продалъ-то?..

— Да вотъ такъ... какъ и тебѣ предлагаю... Цѣна, братецъ мой, настоящая, и товаръ, я тебѣ скажу, аховый товаръ!

При такомъ, интересномъ для обѣихъ сторонъ направленіи, разговоръ понижался до шепота. Собесѣдникъ, придвинувъ стулъ поближе къ столу, иногда прикладываетъ при этомъ къ уху ладонь ребромъ, чтобы явственнѣе слышать шепотъ товарища, и отвѣчалъ ему тоже шепотомъ; потомъ, по мѣрѣ теченія рѣчи, оба воодушевлялись и начинали говорить свободнѣе и громче. Въ чайникѣ вода убывала, слышался стукъ чайной ложечки о стаканъ, у стола появлялась фигура половаго съ вопросомъ, застывшимъ на лицѣ.

— Кипяточку, братецъ, да попроворнѣе...

— Слушаю-съ...

— И лимончику захвати свѣженькаго парочку кусочковъ, которые чтобы потолще..,

И случалось нерѣдко, что спокойный и ровный разговоръ оканчивался тѣмъ, что одинъ изъ собесѣдниковъ быстро поднимался со стула и отодвигалъ его рѣзкимъ движеніемъ въ сторону.

— Не хочешь, — какъ хочешь, — заключалъ онъ раздражительнымъ тономъ,—подчивать велѣно, неволить грѣхъ... Одной копѣйки больше не уступлю!..

XXXVI.

Петръ Ѳедоровичъ съ сыномъ тоже шли изъ церкви въ трактиръ въ сопровожденіи «нужнаго человѣка»,

а иногда и двухъ-трехъ и тоже погружались съ головой въ суету торговыхъ дѣлъ. По возвращеніи изъ трактира въ лавкѣ ихъ ожидали тоже дѣловые люди, съ которыми то отцу, то сыну приходилось вести продолжительные разговоры о цѣнахъ, о качествахъ товаровъ, показывать или осматривать доставленные ихъ образцы, уговариваться о срокахъ платежей и т. п.; по окончаніи дѣловыхъ разговоровъ опять отправляться въ трактиръ, опять пить чай и, возвратившись въ лавку, снова погружаться въ суету ярмарочной жизни.

Дѣла ихъ въ ярмаркѣ, по словамъ Петра Ѳедоровича, шли «не ходко», по двумъ-тремъ болѣе или менѣе крупнымъ долговымъ полученіямъ оказалась «заминка», и пришлось сдѣлать отсрочку платежей. Симбирскій татаринъ, приславшій вмѣсто себя въ ярмарку косоглазаго и рябаго брата, былъ долженъ торговому дому тоже порядочную сумму. Съ уполномоченнымъ его Петръ Ѳедоровичъ имѣлъ уже нѣсколько разъ крупный разговоръ и безцеремонно называлъ его при этомъ мошенникомъ и брата его тоже.

Татаринъ велъ себя чрезвычайно сдержанно, въ отвѣтъ на брань отвѣчалъ унылымъ молчаніемъ, вздыхалъ и возводилъ время отъ времени свой единственный глазъ на потолокъ лавки, произнося при этомъ имя своего пророка, точно тамъ за потолкомъ находилось его священное жилище. Петръ Ѳедоровичъ, утомясь гнѣвнымъ разговоромъ и пригрозивъ татарину судомъ, прогонялъ его съ своихъ глазъ: татаринъ съ смиреннымъ видомъ удалялся, а потомъ, дня два спустя, снова приходилъ, прося о мировой сдѣлкѣ и предлагая вмѣсто двадцати пяти копѣекъ тридцать.

Въ теченіе ярмарки онъ упорно и терпѣливо переносилъ брань, упреки, угрозы, и присматриваясь косымъ глазомъ къ гнѣвнымъ лицамъ кредиторовъ брата, догадывался, что они все-таки склонны покончить дѣло миромъ — и прибавлялъ время отъ времени къ предлагаемой суммѣ сдѣлки по пятачку. На сорока

пяти копѣйкахъ, наконецъ, остановился и, подобно упорной лошади не подавался болѣе ни взадъ, ни впередъ.

— Полтину даешь? Тебя, чортова голова, спрашиваю, — даешь полтину? — грозно кричалъ Петръ Ѳедоровичъ—и слышалъ въ отвѣтъ одни только вздохи косаго дипломата.

Такъ на сорока пяти копѣйкахъ дѣло и было покончено.

И до такой степени лицо этого хитраго повѣреннаго имѣло непріятное отталкивающее выраженіе, что даже Григорій Петровичъ, проходя однажды мимо него, стоявшаго въ унылой позѣ въ нижнемъ этажѣ лавки, окинулъ его задумчивымъ взглядомъ и сказалъ, придавъ, по обыкновенію, словамъ своимъ скрытый смыслъ:

— Какія бываютъ иногда лица... выразательныя!..

Другіе татары, съ Камы и съ Бѣлой, тоже не оправдали кредита, но сумма ихъ долга, въ общей сложности всѣхъ четырехъ бритыхъ головъ, была незначительна. Съ ними Петръ Ѳедоровичъ не церемонился и тѣмъ изъ нихъ, которые просили новаго кредита, безъ уплаты прежняго, надавалъ шлепковъ по бритымъ головамъ. Татары морщились, прикрываясь длинными рукавами своихъ мѣховыхъ бекешъ и, учащенно кланяясь, просили прощенія.

— Помогай мало-мало, Петръ Ѳедоровичъ, ты для насъ все ровна—отецъ!

— Убирайтесь вонъ, безтолковые! Старыхъ векселей не оправдали, а новаго кредита просите! Гдѣ это видано!..

— Тащимъ, Петръ Ѳедоровичъ, яй Богъ, тащимъ и старій деньга тащимъ, и новый тащимъ, — товаръ даешь такъ. Пожалуста помогай!.. Мы порука даемъ: Ахметъ-Аитовъ будетъ порука, Сулейманъ-Абдулъ-хахиль-оглу будетъ. Онъ на векселъ тамга свой поставитъ. Ахметъ хорошъ человѣкъ, Абдулъ-халиль да хорошъ. Честный человѣкъ!..

Петръ Өедоровичъ не призналъ указанныхъ поручителей надежными и назвалъ другое лицо, за поручительствомъ котораго готовъ былъ переписать векселя татаръ и дать имъ вновь товару въ кредитъ; но татары при этомъ имени сначала заговорили между собою по-татарски и гнѣвно стали размахивать руками, потомъ всѣ вдругъ замолчали и сняли съ головъ остроконечныя мѣховыя шапки. Одинъ изъ нихъ, очевидно, какъ выразитель общаго всѣхъ мнѣнія, сказалъ:

— Субака онъ, Петръ Өедоровичъ! Онъ, Петръ Өедоровичъ, порука не даетъ... золотой тюбетейка щеголять стала онъ, законъ не держитъ,—бѣдный человѣкъ помогать не хочетъ... О-о!.. Ты, Петръ Өедоровичъ, помогай. Ты, Петръ Өедоровичъ, все ровна—Богъ!

Нѣкоторымъ изъ такихъ неисправныхъ должниковъ Петръ Өедоровичъ далъ новый кредитъ, принимая въ уваженіе причины ихъ долговой неисправности; другихъ же выпроводилъ изъ лавки съ угрозами и долго потомъ не могъ успокоиться, уединившись въ своей комнатѣ.

Причины его встревоженнаго душевнаго состоянія были не въ этомъ, такъ какъ съ подобными покупателями торговый домъ имѣлъ, можно сказать, копѣечные счеты, и въ общемъ итогѣ долговъ за проданные товары въ кредитъ заранѣе отчислялась по книгамъ конторы извѣстная на ихъ пропажу сумма. Не въ духѣ былъ онъ потому именно, что отношенія его къ сыну съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись. При открытіи кредита татарамъ между нимъ и сыномъ произошелъ нѣкоторый разговоръ, весьма, положимъ, сдержанный и короткій, но не лишенный выразительности. Сынъ при разговорѣ объ этомъ сказалъ, по обыкновенію, тихимъ и нѣсколько какъ бы грустнымъ тономъ:

— Да, да... Небольшая сумма, но все-таки... не надежные плательщики...

Петръ Өедоровичъ гнѣвно покосился на него.

— Много ты понимаешь.

Сынъ, конечно, промолчалъ. Смолкъ и отецъ, но не на долго.

— Ты думаешь,—заговорилъ онъ, очевидно не имѣя силы владѣть собой,—ты думаешь, что если тебѣ дано участіе въ дѣлахъ торговаго дома на правахъ равнаго члена, такъ ты можешь учить отца, —ошибаешься и довольно, напримѣръ, грубо. Осади назадъ. Я—распорядитель.

Григорій Петровичъ вопросительно взглянулъ на него, замѣтилъ, какимъ гнѣвомъ сверкнули его глаза, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ, а только кашлянулъ, прикрывъ ротъ рукой.

Онъ, конечно, зналъ, гдѣ и въ чемъ таится причина гнѣвнаго расположенія духа отца, становившагося съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе придирчивымъ къ нему и раздражительнымъ; зналъ и то, чѣмъ можетъ этому помочь, но не помогалъ и не хотѣлъ и не имѣлъ притомъ рѣшимости откровенно высказаться и положить конецъ неопредѣленнымъ отношеніямъ. Поставь онъ вопросъ прямо, заяви отцу твердо, что сдѣланный имъ выборъ невѣсты ему не по душѣ, что есть у него на примѣтѣ другая и именно вотъ такая-то, по общественному положенію совершенно ему соотвѣтствующая, тогда Петръ Ѳедоровичъ сразу понялъ бы, что въ этомъ дѣлѣ излишни всякія выжиданія, подходы, увѣщанія и т. п. Но на такой рѣшительный шагъ Григорій Петровичъ былъ не способенъ, хотя и сознавалъ, что рано или поздно нужно его сдѣлать.

Такъ шли дни, и прошло ихъ со времени пріѣзда въ ярмарку уже около десятка. Петръ Ѳедоровичъ, сгоряча потребовавшій отъ сына въ первый день пріѣзда рѣшительнаго согласія на сватовство дочери Суконникова, дней пять-шесть потомъ молчалъ, ожидая его отвѣта, потомъ сталъ посматривать на него временами исподлобья, но отъ разговора о невѣстѣ

удерживался и все еще ждалъ, что сынъ, наконецъ, надумается и заявитъ о своемъ согласіи. Сынъ, однако, медлилъ, точно намѣренно испытывая терпѣніе отца. Въ другое время и при другой обстановкѣ онъ, можетъ быть, и заговорилъ бы первый и именно для того, чтобы прекратить взаимныя недоразумѣнія, несомнѣнно тяготившія ихъ обоихъ, но, въ ярмаркѣ, въ ежедневной суетѣ съ покупателями и продавцами и при множествѣ различныхъ торговыхъ распоряженій и наблюденій,—почти не представлялось для этого удобнаго времени.

XXXVII.

Однажды, отправясь на Сибирскую пристань для осмотра производившейся тамъ въ это время пріемки купленной партіи чая, Григорій Петровичъ встрѣтился съ отцомъ. Петръ Ѳедоровичъ покосился на него и холодно спросилъ:

— Откуда?

— Тутъ по близости былъ...

Сдѣлавъ ему два-три вопроса о томъ, у кого былъ, произвелъ ли разсчетъ за проданный и сданный уже товаръ, и выслушавъ отвѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ нахмурился, видимо недовольный чѣмъ-то, можетъ быть, результатами разсчета. Однако скоро овладѣлъ собой и заговорилъ болѣе мягкимъ тономъ.

— Хорошо, что ты завернулъ сюда. Понюхай-ка... Эй ты, татарча,—крикнулъ онъ,—давай!..

Слова были обращены къ татарину, перекатывавшему съ товарищами чайные цыбики съ берега подъ навѣсъ крытаго рогожами временнаго склада, у дверей котораго приказчикъ Дровяниковыхъ вынималъ изъ каждаго цыбика чай желѣзнымъ остроконечнымъ совкомъ и нюхалъ. Татаринъ, сдвинувъ съ бритой головы войлочную шляпу на затылокъ, побѣжалъ къ приказчику за пробами чая и полную корзину ихъ принесъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли отецъ и сынъ.

— Ну, какъ?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ, когда сынъ, взявъ въ кулакъ чай и согрѣвъ его своимъ дыханіемъ, понюхалъ,—хорошъ ли?

— Да, да...

— По-моему очень хорошъ. За эту цѣну лучше быть не можетъ...

Петръ Ѳедоровичъ зашелъ въ рогожный складъ, оглянулъ груды обшитыхъ кожей чайныхъ цыбиковъ; сынъ въ это время смотрѣлъ, какъ привѣшиваютъ ихъ на вѣсахъ, и потомъ сравнилъ записываемый пріемщикомъ вѣсъ съ тѣмъ, какой значился въ выпискахъ продавца. Выйдя изъ склада, Петръ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Вмѣстѣ поѣдемъ?

— Я—пѣшкомъ...

— Пѣшкомъ, значитъ, и я. Пойдемъ.

Григорій Петровичъ вдругъ почувствовалъ себя какъ будто прижатымъ къ стѣнѣ.

— Я хотѣлъ еще... по дорогѣ зайти по дѣлу.

— И зайдемъ. Отлично. Вмѣстѣ и зайдемъ...

Петръ Ѳедоровичъ нѣкоторое время шелъ молча, потомъ сказалъ что-то о погодѣ, въ смыслѣ, что въ такую погоду пѣшкомъ итти «въ самый разъ»,—не жарко и не холодно.

— Пыльно,—замѣтилъ сынъ.

— Есть отчасти. Пыльца есть, это вѣрно, а впрочемъ въ незначительномъ количествѣ...

— Такъ говорилъ Петръ Ѳедоровичъ и потомъ вдругъ какъ бы вскользь и намѣренно равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— Ну что, Григорій, надумался ли? Или все еще соображаешь?

Вопросъ хотя и не былъ для сына неожиданнымъ, но тѣмъ не менѣе испугалъ его. Онъ смутно сознавалъ, что вдругъ Богъ вѣсть откуда, точно крадучись, подобралась грозовая туча и вотъ-вотъ разразится надъ его головой съ трескучимъ громомъ.

— Надумался ли? Слышишь, тебя спрашиваю,— повторилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Григорій Петровичъ попробовалъ было отмолчаться, но отецъ, видимо, ухватился за удобную минуту крѣпко и повторилъ свой вопросъ настойчивымъ, почти гнѣвнымъ тономъ.

— Вотъ что, слушай, Григорій, — сказалъ онъ,— ты со мной въ молчанку не играй, этого я не люблю. Время подходитъ, и надо какъ-ни-какъ вопросъ рѣшить...

Григорій Петровичъ замедлилъ шагъ, потомъ остановился, приложилъ ладонь руки къ лѣвой сторонѣ груди и, какъ показалось отцу, будто легонько пошатнулся изъ стороны въ сторону, точно готовясь упасть.

— Что съ тобой?—спросилъ отецъ, видя, что онъ поблѣднѣлъ и потомъ покраснѣлъ.

— Голова что-то... закружилась...

Пытливый взглядъ, брошенный на него отцомъ, выражалъ и сомнѣніе, и досаду, и нѣкоторую, пожалуй, долю страха, за его здоровье, которымъ онъ никогда въ полной мѣрѣ не пользовался.

— Въ такомъ разѣ, сядемъ лучше на извозчика,— предложилъ отецъ.

И когда они проѣхали нѣкоторую часть пути, отецъ не утерпѣлъ и поставилъ снова вопросъ ребромъ. Григорій Петровичъ, уже совершенно оправившійся отъ охватившаго его волненія, набрался, наконецъ, духу и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Вы, папенька, о моей женитьбѣ не хлопочите...

— Какъ такъ?—перебилъ Петръ Ѳедоровичъ, быстро повернувшись на пролеткѣ къ нему лицомъ.

— Такъ и не хлопочите... не нужно...

— Что ты говоришь? Какъ не нужно? Подумай: этакая невѣста и—не нужно. Да ты въ умѣ ли?

— Я, папенька, въ умѣ и рѣшительно говорю вамъ, что на дочери Суконникова жениться не хочу...

— А-а!.. Такъ вотъ ты ка-а-къ! По нонѣшнему стало быть, времени ведешь себя... Противъ, напримѣръ, отца итти хочешь... Да ты, напримѣръ, сообразилъ ли, какое такое слово сказалъ? Или ты

набрался новыхъ правилъ, какъ, то есть, по нонѣшнему времени, чтобы на отца фыркать, отецъ, молъ, старъ и ничего уже не понимаетъ. Отвѣчай же Что ты молчишь? Если тебя отецъ чистосердечно спрашиваетъ, ты долженъ немедленно отвѣчать. Слышишь ты или нѣтъ... Григорій!

Григорій Петровичъ не безъ смущенія взглянулъ на него и тихо проговорилъ:

— Что же, папенька, отвѣчать? Я отвѣтилъ...

— Да развѣ я такого отвѣта отъ тебя хочу?—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ, — развѣ всѣ мои заботы о тебѣ, о благополучіи твоемъ, о положеніи, напримѣръ, промежду купечеству,—развѣ онѣ только одного этого слова заслуживаютъ,—то есть, не хочу, молъ,—и кончено. Да ты, значитъ, и соображать не умѣешь и не понимаешь, о чемъ разговоръ долженъ быть у насъ...

Петръ Ѳедоровичъ разволновался и пошелъ перебирать прошлое и свое, и сыновнее, и торговое, и семейное; говорилъ онъ и о характерѣ Ирины Игнатьевны, которой ему выпало на долю двадцать лѣтъ выправлять и не выправить, и о заботахъ своихъ о воспитаніи сына внѣ духа времени, породившаго такія разстройства въ семейной жизни всѣхъ классовъ общества, и о бабушкѣ Прасковьѣ Петровнѣ, которую, какъ святой жизни молитвенницу, онъ ставилъ въ данномъ случаѣ свидѣтельницей своихъ трудовъ и попеченій о благосостояніи семьи, благосостояніи, именно имъ добытомъ, его неустанной энергіи, честной дѣятельностью и твердой стойкостью въ дѣлахъ. Припоминалъ онъ то время, когда сынъ бѣгалъ по двору верхомъ на палочкѣ, и когда онъ, отецъ его, отъ зари до зари путался «въ городѣ», стараясь стать въ торговлѣ «на настоящую точку».

Весь этотъ разговоръ, то порывистый, страстный и гнѣвный, то тихій и грустный, переходившій по временамъ въ шопотъ и сопровождавшійся вздохами, сводился главнымъ образомъ на ту мысль, что сынъ

неблагодаренъ, черствъ, холоденъ къ отцу, не цѣнитъ его заботъ и не можетъ по ограниченности своего ума понять, что такое представляетъ собою невѣста съ милліоннымъ богатствомъ.

Во время продолжительнаго пути отъ Сибирской пристани Петръ Өедоровичъ не переставалъ говорить. Сынъ молчалъ и сидѣлъ нѣсколько сгорбившись. Время отъ времени онъ взглядывалъ на отца недоумѣвающимъ взоромъ, точно спрашивая, къ чему же тутъ разговоры о духѣ времени, о разстройствѣ семейной жизни, когда онъ въ данномъ случаѣ никакого отношенія къ духу времени не имѣетъ и живетъ лишь мыслію о томъ, чтобы жениться на любимой дѣвушкѣ, и желаетъ этого такъ же, какъ желали и будутъ желать милліоны подобныхъ ему молодыхъ людей всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

XXXVIII.

Когда они миновали ряды рогоженныхъ складовъ и поѣхали по открытому полю, Петръ Өедоровичъ уже шипѣлъ злобнымъ шепотомъ и упрекалъ сына за упорное молчаніе.

— Что же ты молчишь? Окончательно тебя спрашиваю, Григорій. Слышишь? Отвѣчай же.

— Я отвѣтилъ, папенька...

— Что ты отвѣтилъ? Развѣ такъ можно... И это послѣ всего того, что я тебѣ такъ обстоятельно, съ убѣжденіемъ объяснилъ?.. Такъ неужли ты, Григорій, въ самомъ дѣлѣ безъ понятія?.. Долженъ ты, напримѣръ, сказать, какія у тебя основанія къ тому, чтобы то есть упорствовать. Затвердилъ одно: «не нужно, да не нужно». Говори, почему не нужно, по какой, значитъ, причинѣ. Или ты... можетъ быть...

Голосъ Петра Өедоровича дрогнулъ, и пытливый взглядъ остановился на сгорбленной фигурѣ сына.

— Или ты... можетъ быть,—продолжалъ онъ,—имѣешь въ предметѣ другую невѣсту, находишь, что

отецъ настоящаго понятія не имѣетъ и не можетъ твоей судьбы какъ слѣдуетъ устроить? Такъ что ли?

— Такъ.

Слово было сказано спокойно, тихо, безъ волненія въ голосѣ, но на Петра Ѳедоровича оно произвело впечатлѣніе испуга, точно ему на голову упалъ камень, онъ даже вздрогнулъ и быстро схватилъ сына за руку.

— Какъ? Что ты сказалъ? Ты, значитъ, и впрямь думаешь, что отецъ ничего не понимаетъ?..

— Этого я не говорилъ, — отвѣтилъ сынъ и оглянулъ отца долгимъ задумчивымъ взглядомъ..

— Какъ не говорилъ? Ты сейчасъ, вотъ-вотъ сію минуту сказалъ.

— Нѣтъ, папенька...

— И ты еще смѣешь оправдываться?

— Я подтвердилъ только ваши предположенія на счетъ невѣсты...

— Такъ, стало быть, это правда? В-о-отъ что-о!.. Чу-де-е-сно! — произнесъ Потръ Ѳедоровичъ, злобно улыбаясь, — поилъ, кормилъ, заботился о тебѣ и за все за это теперь, значитъ, такая благодарность... Спасибо, сынокъ! Утѣшилъ отца, вполнѣ утѣшилъ!..

Нѣкоторое время они ѣхали молча. Миновали татарскую мечеть, гдѣ, по случаю бывшаго въ это время поста, татары собирались на богомолье въ огромныхъ массахъ и, не имѣя возможности помѣститься въ храмѣ, стояли около него на колѣняхъ, занимая значительное пространство окружающей мѣстности.

— Дураки! — проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ, недовольный не только тѣмъ, что татары исповѣдуютъ не ту вѣру, которую онъ, сколько недовольный разговоромъ съ сыномъ. Онъ вымещалъ на нихъ свой гнѣвъ, такъ сказать, мимоходомъ.

Минуту спустя, онъ пытливо смотря на Григорія Петравича, спросилъ, кто она, избранница его сердца, богата ли ея мать, и когда сынъ ему сказалъ, что богатства у нихъ, кажется, нѣтъ, онъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ проговорилъ:

— Безуміе это, больше ничего! Самое какъ есть настоящее безуміе! Ты хочешь, значитъ, предпочесть дочери Ѳаддея Егоровича безприданницу?..

— Да!

Петръ Ѳедоровичъ съ призрѣніемъ махнулъ правой рукой и круто повернулся къ нему бокомъ.

— Ну что ты, — вдругъ заворчалъ онъ на извозчика, — что ты возжи-то распустилъ! Оселъ вислоухій!.. Болванъ!

Извозчикъ лѣниво шевельнулъ возжами.

— Ты, купецъ, не ругайся,—отвѣтилъ онъ,—ты, купецъ, знаешь, такихъ правовъ нонѣ нѣтъ!..

— Вотъ, вотъ! Именно! Поговори-ка еще, я тѣ покажу права.

— Покажи, купецъ? а я посмотрю...

— И покажу!.. Очень просто! И ты вотъ тоже,— обратился онъ къ сыну,—разсуждаешь, какъ извозчикъ! Да!.. Права, молъ, нынче такія... Ха, ха! разумѣется, я виноватъ,—довѣрился твоей скромности и ввелъ тебя участникомъ въ дѣла торговаго дома. Не то бы ты заговорилъ, ежели бы этой оплошности я не сдѣлалъ. Да!.. Я бы тебя тогда вотъ какъ въ кулакъ сжалъ— и пикнуть бы ты не смѣлъ... И теперь еще, если мѣриться будемъ, посмотримъ, кто кого перетянетъ...

Онъ съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе волновался. Обычное умѣнье сдерживать себя и управлять гнѣвомъ, повидимому, совсѣмъ его оставило, глаза сверкали злобой, губы дрожали, и тонъ рѣчи былъ торопливый и запальчивый. Сынъ его такимъ гнѣвнымъ едва-ли когда и видалъ прежде. Онъ упорно молчалъ и уже не рѣшался взглянуть на него.

Они подъѣхали къ лавкѣ. Петръ Ѳедоровичъ, слѣзая съ дрожекъ, сказалъ строгимъ шепотомъ:

— Вотъ что, Григорій... Ты помни,—на вѣсахъ у Господа Бога все взвѣсится... Онъ помолчалъ и потомъ добавилъ:

— Это ты помни!..

Поднявшись во второй этажъ лавки, онъ ушелъ

въ свою комнату и плотно притворилъ за собою дверь.

Приказчики, встрѣтившіе ихъ въ нижнемъ этажѣ, были изумлены выраженіемъ лица Петра Ѳедоровича, дотого оно было необычно и указывало на его гнѣвное состояніе духа. Григорій Петровичъ тоже обратилъ на себя ихъ вниманіе, но не гнѣвнымъ выраженіемъ лица, а какою-то особенною, вовсе, повидимому, ему не свойственною твердостію шага. Поднимаясь по лѣстницѣ вслѣдъ за отцомъ, онъ смотрѣлъ значительно бодрѣе, чѣмъ тогда, когда сидѣлъ въ пролеткѣ извозчика рядомъ съ нимъ. И дѣйствительно, рѣшившись сказать отцу смѣлое слово, онъ почувствовалъ себя въ такомъ состояніи, точно свалилъ съ плечъ огромную тяжесть.

Но такой напряженный подъемъ духа, вызвавшій его на рѣшительный отвѣтъ, имѣлъ свои послѣдствія:— онъ не спалъ цѣлую ночь, мучимый думами, сомнѣніями и страхомъ за исходъ своего рѣшительнаго шага. Сердце его усиленно билось и только передъ утромъ, когда раздался звонъ къ ранней обѣднѣ, онъ задремалъ. Петръ Ѳедоровичъ, по обычаю, поднялся, при звонѣ, съ постели, накинулъ бѣличій халатъ и, умывшись, долго молился, стоя въ переднемъ углу на колѣняхъ передъ образомъ, предъ которымъ свѣтилась имъ же самимъ зажженная лампада. Повидимому, онъ не хотѣлъ въ это утро итти къ обѣднѣ и нѣкоторое время ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, въ ожиданіи, пока принесутъ изъ трактира кипятокъ; но потомъ вдругъ измѣнилъ намѣреніе и, наскоро сбросивъ халатъ, одѣлся, чтобы итти въ церковь.

Проходя мимо комнаты сына, онъ не постучалъ въ ея дверь и не сказалъ ни слова въ отвѣтъ на произнесенныя приказчиками привѣтствія съ добрымъ утромъ. Всѣ видѣли, что онъ мраченъ, и по уходѣ его тихо стали перешептываться о томъ, чѣмъ кончится вся эта такъ неожиданно, по ихъ мнѣнію, разыгравшаяся размолвка отца съ сыномъ.

Наступилъ опять ярмарочный день съ его торговыми заботами, трактирными чаепитіями, разговорами о качествахъ товаровъ, о цѣнахъ, о долговыхъ срокахъ и о грѣховной суетѣ земной жизни, о которой купцы такъ склонны разсуждать при всякомъ случаѣ и лицемѣрно, и искренно, и тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ сильнѣе суета жизни затягиваетъ ихъ въ себя.

Петръ Ѳедоровичъ, нѣсколько сторонившійся отъ сына и въ предыдущіе дни, сталъ теперь держаться отъ него въ совершенномъ отчужденіи, точно не замѣчалъ его присутствія. По утрамъ, бывало, какъ сказано выше, онъ, отправляясь къ ранней обѣднѣ, стучался въ дверь его комнаты и окрикивалъ его, шутливо или строго, напоминая о храмѣ Божіемъ; теперь онъ проходилъ мимо двери, не говоря ни слова, даже не взглянувъ на нее. Точно также и въ теченіе дня, бывало, каждый разъ, возвратясь въ лавку послѣ своихъ дѣловыхъ блужданій по ярмаркѣ, спросилъ: «А Григорій гдѣ?» Теперь такихъ вопросовъ онъ уже не дѣлалъ и не только днемъ, но даже вечеромъ, вернувшись, напримѣръ, изъ трактира послѣ поздняго ужина съ кѣмъ-нибудь изъ торговыхъ знакомыхъ. Ему какъ будто было все равно, ночуетъ ли въ лавкѣ сынъ, или закатился куда-нибудь въ отдаленный, веселый ярмарочный притонъ, чего, впрочемъ, онъ никогда за нимъ до сихъ поръ не замѣчалъ. Теперь въ возбужденномъ его воображеніи возникала по-временамъ мысль о возможности этого, но онъ настолько былъ недоволенъ сыномъ, что упорно переборолъ въ себѣ желаніе сдѣлать такой вопросъ первому встрѣтившемуся въ нижнемъ этажѣ лавки служащему, и молча поднимался по лѣстницѣ въ верхній этажъ, только дышалъ при этомъ тяжелѣе прежняго и вздыхалъ иногда глубоко и такъ громко, что служащіе, слыша его вздохи, переглядывались между собою.

Григорій Петровичъ съ своей стороны тоже, такъ сказать, отдвинулся отъ него на болѣе значительное, чѣмъ прежде, разстояніе и не обращался къ нему ни

съ какими вопросами по дѣламъ. Утромъ, встрѣтившись, онъ, по обыкновенію, говорилъ: «Доброе утро, папенька» и въ отвѣтъ на это слышалъ иногда сухое и отрывистое: «Здравствуй», а иногда и этого не слыхалъ и получалъ въ отвѣтъ на свое привѣтствіе только чуть замѣтный кивокъ головы, случалось даже и того меньше,—одинъ лишь вопросительный взглядъ, по-временамъ явно гнѣвный и мрачный. При возникновеніи по торговымъ дѣламъ такихъ вопросовъ, которые могли быть разрѣшены только властію самого Петра Ѳедоровича, какъ главнаго распорядителя, Григорій Петровичъ избралъ обходный путь и подсылалъ къ нему кого-нибудь изъ довѣренныхъ или служащихъ въ конторѣ.

— Да, да,—задумчиво говорилъ онъ,—спросите его и какъ назначитъ, такъ и сдѣлайте!..

Такъ прошелъ одинъ день, другой и цѣлая недѣля. Всѣ служащіе замѣчали, что между отцомъ и сыномъ пробѣжала, какъ говорится, черная кошка, и не безъ основаній высказывали одинъ другому опасенія насчетъ того, чѣмъ все это можетъ въ концѣ концовъ разрѣшиться.

— Упоренъ Петръ Ѳедоровичъ,—перешептывались они, — будетъ онъ гнуть на свою сторону и сломитъ сына, поставитъ на своемъ...

— Ну, едва-ли такъ, — возражали другіе, — сынъ тоже ежеватъ. Тихъ и молчаливъ онъ, это правда, но вѣдь тихія-то воды глубоки бываютъ.

XXXIX.

Однажды поздно вечеромъ, возвращаясь изъ трактира, Петръ Ѳедоровичъ встрѣтилъ Ивана Васильевича Радостина. Радостинъ былъ, говоря его словами, «въ градусѣ», но только еще «на первомъ взводѣ». Издали завидѣвъ Петра Ѳедоровича, медленно шагавшаго «по главной линіи», утрамбованной толченымъ кирпичемъ, онъ широко взмахнулъ руками и громко возгласилъ:

— Пріятелю! Сто лѣтъ со днемъ не видались! Ну, какъ здоровьемъ-то?

— Э! Что здоровье!—съ пренебреженіемъ отвѣтилъ Петръ Өедоровичъ,—не стоитъ о немъ и говорить!

— Какъ такъ? Помилуй! Умные люди говорятъ, что первое дѣло—деньги, второе—здоровье. Деньги у тебя есть, стало быть, только и заботъ, что о здоровьѣ.

— Эхъ, Ваня, полно... Не мели вздору... Скажи-ка лучше мнѣ, какъ твои дѣла.

— Мои дѣла, дружище,—уксусъ!

— Что такое, какъ?

— Да такъ, кислыя дѣла.—Вчера сорвалась бо-о-льшая партія бухарскаго хлопка. Изъ пустяковъ разошлись. Ужъ я, братецъ мой, урезонивалъ то покупателя, то продавца, два дня возился съ ними,—не вышло ничего! А перепало бы при удачѣ тысячи пожалуй двѣ съ хорошенькимъ хвостикомъ. Сорвалось, дружище, а теперь въ остаткѣ только одна меланхолія.

— Зайдемъ ко мнѣ, или повернемъ обратно?—спросилъ Петръ Өедоровичъ.

— Нѣтъ ужъ въ трактиръ не того... Къ тебѣ пожалуй, на полчасика... Да ты, я смотрю, тоже что-то въ печальныхъ чувствахъ. Можетъ, не время...

— Пойдемъ! Какъ—не время... Съ тобой, по крайности, по душѣ поговорить можно.

— А бутылочка красненькаго найдется?

— Ну—конечно.

Пришли они, уединились въ комнатѣ Петра Өедоровича и стали разговаривать вполголоса.

Нужно замѣтить, что въ ярмарочныхъ помѣщеніяхъ, при тонкихъ перегородкахъ, отдѣляющихъ комнаты одну отъ другой, всякое болѣе или менѣе громко сказанное слово можно было слышать изъ сосѣдней комнаты. Поэтому торговые разговоры велись въ нихъ все чаще таинственнымъ шепотомъ. Явственная рѣчь, а тѣмъ болѣе громкая раздавалась рѣдко и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда покупатель или продавецъ оказывалъ необыкновенное упорство въ отстаиваніи сво-

ихъ цѣнъ, и въ такихъ случаяхъ слышался не полный разговоръ, а только отдѣльныя слова изъ него, напримѣръ, такія: «Какъ передъ истиннымъ—себѣ дороже». Или:—«Мѣдной полушки не уступлю». Или такія, напримѣръ, восклицанія:—«Этакое ты слово сморозилъ! Уходи! Уходи!» «—Дай помолиться-то—вотъ чудакъ горячій» и т. д.

Въ разговорѣ Петра Ѳедоровича съ Радостинымъ тоже прорывались по временамъ громкія слова, но совершенно другаго значенія.

— Не волнуйся!..

— Гм... Не волнуйся. Ты подумай, я—кто?

— Къ чему объ этомъ?

— А онъ—кто?

— Все же, дружище, того... нельзя круто гнуть... поблагороднѣе слѣдуетъ...

Разговаривали они долго. Радостинъ осушилъ бутылочку до дна, перешелъ, по его словамъ, на второй взводъ и сталъ уже вставлять въ разговоръ стихи.

— Дружище! — съ чувствомъ прошепталъ онъ, — «что—жизнь? тѣнь мимолетная! фигляръ, неистово шумящій на помостѣ и черезъ часъ забытый!» Есть еще бутылочка?

— Нѣту, братъ, послѣдняя...

— Жаль!.. А впрочемъ это лучше.

Съ церковной колокольни раздался звонъ рѣдкій и продолжительный, глухо разносившійся въ сыромъ воздухѣ ненастной августовской ночи. Радостинъ сталъ считать и, когда звонъ, наконецъ, прекратился, сказалъ:

— Однако, пора.

— Посиди еще... съ получасика. Да! Такъ вотъ они какія времена! Чувствуешь?—проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ со вздохомъ.

— Времена, дружище, все тѣ же, и люди, помоему, тѣ-же. Всегда это было и всегда будетъ, во вѣки, значитъ, вѣковъ. Подростаютъ люди, становятся на свои ноги и хотятъ по-своему жить... Глупо это

иной разъ выходитъ и съ печальными даже послѣдствіями, — а ничего не подѣлаешь. И вездѣ это на одинъ манеръ, во-всѣхъ, то есть, классахъ, у однихъ—меньше, у другихъ—больше. Молодо—зелено. Потомъ и они въ свое время, когда, значитъ, посѣдѣютъ, это же самое испытаютъ...

— Нѣтъ, ты неосновательно говоришь и не о томъ...

— Погоди, дай докончить,—возразилъ Радостинъ,—это самое броженіе, которое теперь замѣчается, можно сказать, вездѣ,—все это тоже по молодости и по глупости — и все перемелется... Не только, значитъ, въ семьяхъ, а даже и вообще, въ общественной хотя бы жизни, протестъ этотъ самый, какъ его теперь называютъ, ничего не составляетъ такого, чтобы, то есть, волноваться. Отъ молодости и это,—ростъ, такъ сказать, общественный—не больше, острый его періодъ...

— Эхъ, Ваня!—уныло замѣтилъ Петръ Өедоровичъ, не люблю я, когда ты разводишь такую, можно сказать, канитель...

— Погоди, не возражай! Ты дослушай.

Радостинъ захватилъ обѣими руками стулъ съ боковъ сидѣнья и поспѣшно придвинулся съ нимъ ближе къ Петру Өедоровичу. Онъ хотѣлъ развить свою мысль о томъ, съ какого, по его мнѣнію, времени начался въ общественной жизни «острый періодъ», но Петръ Өедоровичъ опять возразилъ:

— Удивляюсь, какая у тебя страсть городить всегда что-нибудь этакое, запутанное. Ничего даже понять невозможно. Острый періодъ! Какой такой періодъ? Вздоръ все это. По-моему просто надо говорить,—страху Божьяго нѣтъ,—вотъ и все. Родителей не почитаютъ, старшимъ грубятъ, отъ этого отъ самаго и пошло все. Строгость нужна... И теперь хотя бы вотъ въ моемъ дѣлѣ.

Онъ оглянулся на двери и замолчалъ, заслышавъ чьи-то шаги.

Чрезъ нѣсколько времени разговоръ опять перешелъ на семейныя дѣла.

— Вотъ хотя бы, напримѣръ, это самое упорство Григорья,—заговорилъ Петръ Ѳедоровичъ,—отъ слабости отъ моей, разумѣется. Далъ волю, принялъ въ торговый домъ, вотъ онъ и зафыркалъ... Ахъ-ахъ!.. Глупо это было съ моей стороны, поблажка напрасная. Теперь вотъ расхлебывай. Такъ, значитъ, и во всѣхъ дѣлахъ,—строгость нужна. Припомни-ка, развѣ прежде, при нашихъ старикахъ, что-нибудь такое подобное бывало, то есть, чтобы дѣти противъ отца. Пикнуть мы не смѣли, а не то чтобы свои разныя эти нынѣшнія претензіи. Порядокъ былъ — вотъ что. Помнишь, чай, какъ, напримѣръ, въ домѣ родительскомъ все въ строгости шло, — за столъ обѣдать сядемъ, — тишина такая, муха пролетитъ,—слышно; не смѣли, бывало, никогда сами начинать разговоръ съ родителемъ. Мой-то батюшка, покойникъ, былъ еще не въ примѣръ мягче другихъ, а я въ его присутствіи, можно сказать, трепеталъ; бывало, онъ говоритъ, совѣты и наставленія, напримѣръ, даетъ, полчаса, часъ иной разъ толкуетъ, а я сѣсть не смѣю, у дверной притолки стою, слушаю. Не съумѣлъ я Григорья поставить на такую точку.

— И хорошо сдѣлалъ.

Петръ Ѳедоровичъ вдругъ весь встрепенулъ и окинулъ собесѣдника быстрымъ взглядомъ.

— Ты чего это? Въ умѣ ли?

— Въ умѣ, другъ, въ полномъ сознаніи,—въ этомъ будь безъ сомнѣнія... Н-да-съ!.. Повторяю тебѣ, что хорошо ты сдѣлалъ... И никогда этого не нужно, чтобы все ломить подъ свою хозяйскую пяту. Это выходитъ по-азіатски, а надо, какъ въ Европѣ, у образованныхъ народовъ.

— Это ты все по книжкамъ, Иванъ! Отъ того у тебя и капиталу настоящаго никогда не было, что въ книжку любишь смотрѣть... Книжка, братъ, того... ума не прибавитъ, если его нѣтъ.

— О-го! Ты уже грубить начинаешь! Въ такомъ разѣ я лучше уйду!

— Ну-ну Полно!.. Я сгоряча... Самъ видишь— разстроенъ... Извини, Ваня.

— То-то!

Прошла минута молчанія.

— Ахъ, тяжело, тяжело!—со вздохомъ прошепталъ Петръ Θедоровичъ. Онъ сидѣлъ, уныло поникнувъ головой, и смотрѣлъ въ полъ, не говоря ни слова, только вздыхалъ по временамъ, глубокими и продолжительными вздохами, точно тащилъ въ гору тяжелый возъ груза. Правая рука его лежала на столѣ, сжатая въ кулакъ. Радостинъ во время продолжительнаго разговора успѣлъ отрезвѣть. Онъ уже не вставлялъ въ свою рѣчь стиховъ и говорилъ задушевнымъ шепотомъ о необходимости найти Петру Θедоровичу выходъ изъ затруднительнаго положенія, отчасти и даже въ значительной степени имъ самимъ созданнаго.

— Да для кого я хлопоталъ, обдумывалъ, устраивалъ,—гнѣвно возразилъ Петръ Θедоровичъ,—для себя что ли,—подумай! Вѣдь для него все—и теперь вдругъ за это благодарность какая!..

— Ну и что же! Не удалось — не надо. Подумай хорошенько, стоитъ ли себя разстраивать и тѣмъ больше въ такомъ темномъ дѣлѣ...

— Какъ въ темномъ?—порывисто спросилъ Петръ Θедоровичъ.

— Конечно, въ темномъ. Все закрыто, такъ сказать, таинственной завѣсой будущаго. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ Григорій Петровичъ былъ бы несчастливъ въ такой женитьбѣ...

Петръ Θедоровичъ покачалъ головой и, какъ бы говоря самъ съ собою, прошепталъ:

— Такой капиталъ! Такой огромнѣйшій капиталъ!..

Сердитый шопотъ и прорывавшіяся громкія по временамъ восклицанія доносились чрезъ тонкія перегородки въ сосѣднія помѣщенія. Приказчики давно уже догадывались, о комъ идетъ рѣчь, и пытливо погля-

дывали на ту перегородку, за которой скрывался Григорій Петровичъ, оказывавшійся въ данномъ случаѣ не только великимъ молчальникомъ, но даже и затворникомъ.

XL.

Тяжелое душевное состояніе, начавшее томить Петра Ѳедоровича со дня его послѣдняго рѣшительнаго разговора съ сыномъ, усилилось потомъ и отъ того еще, что исходъ нѣкоторыхъ торговыхъ дѣлъ опредѣлился въ половинѣ ярмарки въ неблагопріятномъ направленіи. Такъ, одинъ изъ сибирскихъ купцовъ, хотя и оправдалъ всѣ срочные платежи, но, закупивъ вновь товаровъ въ кредитъ на значительно большую, чѣмъ прежде, сумму, проболтался за обѣдомъ въ трактирѣ, что въ Ирбитскую не пріѣдетъ, а пришлетъ вмѣсто себя «парня, — ломать рубль». Петръ Ѳедоровичъ и раньше еще слышалъ, что дѣла у него «шатаются», но, успокоенный произведенною имъ своевременно уплатою прежняго долга, рискнулъ вновь его кредитовать — и теперь въ глубинѣ души терзался раскаяніемъ и опасеніемъ за возможность пропажи долга.

Досада и раскаяніе усиливались при мысли о томъ, что Григорій Петровичъ предупреждалъ его на счетъ этого покупателя, именно со стороны его неблагонадежности. Онъ сознавалъ, что не придалъ значенія словамъ сына именно потому, что сердился на него, и отпустилъ въ долгъ товаръ этому купцу тоже до нѣкоторой степени подъ вліяніемъ гнѣва, подъ вліяніемъ злораднаго чувства и желанія выказать сыну свое пренебреженіе и сдѣлать именно не такъ, какъ онъ предлагаетъ.

Промолчи сынъ, —и онъ навѣрное съ осторожностію отнесся бы къ кредитоспособности сомнительнаго покупателя, провѣрилъ бы и можетъ быть даже не одинъ разъ тѣ слухи, о которыхъ ему сообщилъ сынъ. Достовѣрность ихъ потомъ подтвердилась и какъ на-

рочно вскорѣ послѣ тѣхъ дней, когда этотъ сибирскій купецъ уже получилъ отъ торговаго дома Дровяниковыхъ товары и, отправивъ ихъ въ Сибирь, загулялъ въ сосѣднемъ съ ярмаркою селѣ, Кунавинѣ, гдѣ помѣщались неблагопристойные дома, и безобразничалъ тамъ нѣсколько дней сряду.

Услышавъ объ этомъ, Петръ Ѳедоровичъ заметался по комнатѣ, какъ раненый звѣрь, схватывался нѣсколько разъ за голову, охая и вздыхая, но не потому, что сумма долга за товары, проданные сомнительному покупателю, была болѣе или менѣе велика и могла до нѣкоторой степени отразиться на положеніи его торговыхъ дѣлъ,—ни чуть не бывало. Сумма была сравнительно небольшая, и не это его волновало, а именно сознаніе, что торговая оплошность вызвана его тяжелыми отношеніями къ сыну, постоянно его раздражающими и сбивающими съ толку на каждомъ, можно сказать, шагу—и обвинялъ во всемъ этомъ сына.

— Гдѣ не нужно, ты суешься съ своимъ разговоромъ, — упрекалъ онъ Григорья Петровича, а гдѣ нужно — нѣтъ тебя. Ну что ты мнѣ не сказалъ на счетъ сомнительности этого покупателя?

— Я?—изумленно спросилъ сынъ.

— Конечно, ты. Если бы ты сказалъ, развѣ я не обратилъ бы вниманія на это, не постарался бы провѣрить слухи. Разумѣется, я разузналъ бы все досконально, прежде чѣмъ его, разбойника, кредитовать вновь.

— Я говорилъ.

— Не правда! Ты не говорилъ!—гнѣвно прервалъ отецъ.

Григорій Петровичъ глубоко вздохнулъ и на всѣ дальнѣйшіе его упреки не возразилъ болѣе ни слова.

Петръ Ѳедоровичъ противорѣчилъ самому себѣ. Онъ помнилъ, что разговоръ дѣйствительно былъ, но не хотѣлъ въ этомъ сознаться и настаивалъ на своемъ.

Такъ со времени происшедшей между ними размолвки все стало складываться въ дѣлахъ торговаго

дома иначе, чѣмъ прежде, точно кто-то намѣренно вмѣшивался въ нихъ, ставилъ на каждомъ шагу преграды и затрудненія и вызывалъ путаницу, досаду и гнѣвъ. Въ сущности, конечно, никто посторонній не вмѣшивался въ отношеніе отца къ сыну или сына къ отцу, а сами они очутились въ такомъ странномъ другъ къ другу положеніи, изъ котораго дѣйствительно не было прямаго выхода: куда ни повернись—со всѣхъ сторонъ торчали рогатины.

Сынъ, конечно, не могъ не замѣчать, что отецъ дѣлаетъ промахи, какъ будто намѣренно для того, чтобы досадить ему, поступить вопреки его желанію—и сталъ съ своей стороны тоже волноваться. Онъ хотя и не высказывалъ своего волненія ничѣмъ кромѣ обычной своей задумчивости и молчаливости, но по тѣмъ ошибкамъ въ распоряженіяхъ, которыя непосредственно зависѣли отъ него, видно было, что онъ теряется и не знаетъ, что предпринять, чтобы избѣжать отцовскаго гнѣва.

Въ дождливые дни показалась въ крышѣ рогоженнаго амбара на Сибирской пристани течь, и дождь сталъ проникать внутрь амбара. Въ другое время, т. е. при другихъ, спокойныхъ и ровныхъ отношеніяхъ хозяевъ между собою и приказчиковъ къ нимъ, вопросъ объ устраненіи этой течи покончился бы въ пять минутъ волею одного изъ приказчиковъ: распорядился бы онъ немедленно купить рогожъ, сдѣлать новую ихъ настилку на крышу сверхъ прежней—и вопросъ считался бы поконченнымъ. Теперь изъ этого возникъ разговоръ, приказчикъ обратился въ отдѣленіе ярмарочной конторы, въ конторѣ стали перешептываться, обратились потомъ къ Григорью Петровичу, а Григорій Петровичъ, сознавая съ своей стороны, что никакое его распоряженіе не обойдется безъ того, чтобы отецъ не сдѣлалъ за него выговора,—задумчиво покачалъ головой и предложилъ обратиться за открытіемъ кредита по конторѣ на покупку рогожъ къ са-

мому Петру Өедоровичу. Петръ Өедоровичъ вспылилъ, заворчалъ и, узнавъ, что течь продолжается уже второй день сдѣлалъ выговоръ и приказчику, и отдѣленію конторы, и сыну.

— Да что вы,—упрекалъ онъ,—безъ головъ что-ли стали? Охъ, Господи! Изъ такихъ пустяковъ поднимаете вопросы! И ты, Григорій, тоже хорошъ! А еще туда же, своимъ умомъ хочешь жить. Глупый, упрямый человѣкъ, а туда же все по-своему пононѣшнему!..

Григорій Петровичъ терпѣлъ и отмалчивался, но и онъ, оставаясь наединѣ самъ съ собою, тоже не разъ схватывался обѣими руками за голову и не зналъ, куда бы ему убѣжать отъ самого себя.

XLI.

Съ Өаддеемъ Егоровичемъ Суконниковымъ Петръ Өедоровичъ намѣренно избѣгалъ свиданія и во все время ярмарки ни разу не посѣтилъ того трактира, въ которомъ Суконниковъ, по обыкновенію, пилъ чай съ своими покупателями. Однажды онъ столкнулся съ нимъ, можно сказать, грудь съ грудью на плашкоутномъ мосту, перекинутомъ чрезъ р. Оку и соединяющимъ ярмарку съ городомъ.

На этомъ мосту во время ярмарки съ утра до вечера бываетъ такое движеніе пѣшеходовъ, что знакомые могутъ легко разойтись въ двухъ шагахъ, не замѣтивъ одинъ другого. И русскіе, широкоплечіе, бородатые купцы, и персіяне въ барашковыхъ остроконечныхъ шапкахъ, темнолицые, медлительные въ своихъ движеніяхъ, и суетливые татары изъ Казани, изъ Симбирска, изъ Уфы и т. д., и бѣдно одѣтые рабочіе, и франтовые иностранцы,—все это идетъ скоро, видимо куда-то спѣшитъ, не обращая вниманія ни на что окружающее. Съ обѣихъ сторонъ моста, и на рѣкѣ, и на песчаныхъ ея отмеляхъ, тоже кипитъ суетливая торговая жизнь, — тысячи судовъ запрудили рѣку, и

мачты ихъ какъ лѣсъ пестрятъ въ воздухѣ и безконечно длинной и широкой полосой виднѣются вдали, на отмеляхъ рѣки, подобно муравьямъ, тоже вездѣ копошится народъ, видны временные трактиры, склады желѣзныхъ товаровъ, амбары, харчевни и т. п.

Петръ Ѳедоровичъ шелъ въ городъ, на такъ называемый Нижній Базаръ, на свиданіе къ заболѣвшему купцу, переѣхавшему изъ сырого ярмарочнаго помѣщенія въ городъ, въ гостиничный номеръ. Ѳаддей Егоровичъ, какъ сказано, почти столкнулся съ нимъ друдь съ трудью и даже охватилъ его при этомъ обѣими руками.

— А-га! Голова садовая, вотъ ты гдѣ разгуливаешь!—весело сказалъ Суконниковъ, куда направился, а? Дай отвѣтъ!

Петръ Ѳедоровичъ до того смутился, что забылъ его имя и отчество, и, чтобы скрыть свое смущеніе, намѣренно закашлялъ. Ѳаддей Егоровичъ озабоченно освѣдомился о причинѣ его кашля, обругалъ ярмарочныя помѣщенія и посовѣтовалъ выпить на ночь рѣдечнаго соку.

— Святое дѣло, братецъ мой; другого лучшаго лѣкарства на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ,—честное слово! Ну, какъ дѣлишки? — спросилъ онъ, сторонясь отъ толпы къ периламъ моста.

— Да ничего... кх... кх... ровненько.

— Сынокъ какъ? Здравствуетъ ли?

— Слава Богу. Спасибо... кх... кх... робатаетъ, помогаетъ...

— Хорошій паренекъ! И говорить нечего, паренекъ хорошій! Будетъ изъ него прокъ. Вѣрно. Прокъ будетъ.

Низкорослый, узкоплечій и сгорбившійся Ѳаддей Егоровичъ, несмотря на свои сѣдины, держался еще будро; во взглядѣ его глубоко впалыхъ сѣрыхъ глазъ много еще было силы, сметки и бойкости. Пытливо оглянувъ разъ-другой Петра Ѳедоровича, онъ понялъ, что кромѣ кашля его озабочиваетъ еще что-то другое,

но разспрашивать не сталъ, зная по своимъ дѣламъ, что безъ этого не прожить торговому человѣку, да и всякому другому, какого бы онъ чина званія ни былъ.

— Чтой-то мы съ тобой, Петръ Ѳедоровичъ, до сей поры ни разу нигдѣ въ ярмаркѣ не встрѣтились?

— Да я и самъ тоже удивляюсь...

— Оно, конечно, съ дѣлами...

— Пора такая... кх... кх... суетливая.

Въ это время раздался рѣзкій пароходный свистокъ и дрожащій понесся надъ рѣкой, заглушая шумъ и стукъ экипажей и возовъ на мосту, говоръ и крики на судахъ и на песчаныхъ отмеляхъ, сливавшіеся въ общій гулъ. Пароходъ свистѣлъ у самаго моста и такъ рѣзко, что Ѳаддей Егоровичъ зажалъ уши и сморщился, какъ старый грибъ.

— Ахъ, чтобъ его!..

Онъ о чемъ-то еще хотѣлъ поговорить съ Петромъ Ѳедоровичемъ, пользуясь тѣмъ, что свистокъ замолчалъ, но не успѣлъ сказать двухъ словъ, какъ опять онъ раздался, на этотъ разъ хотя и не такъ рѣзко и уже съ другого парохода, стоявшаго въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моста.

— Эхъ!—махнулъ онъ рукой,—стало быть, братецъ мой, здѣсь намъ не мѣсто... Ну, значитъ, до Москвы, завтра, видишь ли, мнѣ требуется ѣхать.

— Такъ, такъ... что жъ,—въ Москвѣ, Богъ дастъ, увидимся...

— Заходи, слышь!..

Онъ протянулъ руку и сильно, совсѣмъ не по-стариковски пожалъ и даже тряхнулъ руку Петра Ѳедоровича.

— Безпремѣнно заходи! — громко крикнулъ онъ, уже шагая въ противоположную отъ него сторону.

Разставшись съ нимъ, Петръ Ѳедоровичъ впалъ въ гнетущее состояніе духа и сталъ роптать на сына, обвиняя и его, и себя, и свою несчастную будто бы судьбу, поставившую вдругъ, къ величайшему его

огорченію, преграду между нимъ и богатствомъ Суконникова.

Погода во вторую половину августа стояла сырая и холодная, и на душѣ Петра Ѳедоровича съ каждымъ днемъ становилась холоднѣе. Не дождавшись окончательнаго заключенія ярмарочныхъ дѣлъ и чувствуя повременамъ недомоганье, по-временамъ головную боль и раздражаясь изъ-за такихъ пустяковъ, на которые въ другое время и вниманія бы не обратилъ, онъ собрался ѣхать въ Москву.

Въ день отъѣзда ему опять не понравилось какое-то распоряженіе сына, и онъ такъ разгнѣвался, что швырнулъ съ письменнаго стола на полъ всѣ лежащія на немъ книги, бумаги и пачки съ пробами и образцами товаровъ.

— Глупо! Безобразно глупо!.. Господи!.. — жаловался онъ, потрясая обѣими руками,—где у человѣка умъ, сообразительность!..

Не зная! къ чему бы еще придраться, и вспомнивъ о недавней течи въ амбарѣ на Сибирской пристани, онъ схватился за этотъ случай и сильнѣе прежняго продолжалъ:

— Рогожъ, простыхъ рогожъ не могъ во-время купить!.. Гдѣ у тебя голова, что въ ней такое?..

Спускаясь по лѣстницѣ въ нижній этажъ лавки и держась рукой за перила по причинѣ ея крутизны, онъ продолжалъ свои распеканья. Григорій Петровичъ хотѣлъ было, во избѣжаніе ихъ, остаться въ верхнемъ этажѣ лавки, но онъ громко крикнулъ, смотря снизу лѣстницы вверхъ:

— Григорій, пойди сюда.

Григорій Петровичъ, блѣдный и встревоженный, спустился въ первый этажъ лавки.

— Что ты прячешься? Отецъ уѣзжаетъ, а ты и проводить до экипажа не хочешь?

Сынъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Что жъ провожать... лишній грѣхъ—только...

— Ка-а-къ? Что ты сказалъ? Отца провожать не стоитъ?..

— Я не это сказалъ... Я говорю только, что чѣмъ больше у васъ на глазахъ, тѣмъ вы больше сердитесь и безъ всякой причины...

— Ты—болванъ!—возразилъ Петръ Өедорнвичъ, видимо не имѣя силы управлять своимъ гнѣвомъ, — ты лѣзешь съ разговорами, когда тебя не спрашиваютъ, ты о самостоятельности своей воображаешь, а самъ безъ отцовской помощи шагу шагнуть не умѣешь...

Губы его тряслись, глаза сверкали такой ненавистью, точно передъ нимъ стоялъ не сынъ его, родной, единственный и когда-то безпредѣльно любимый, а злѣйшій врагъ, котораго онъ, казалось, былъ готовъ схватить за горло.

Выдернувъ изъ рукъ артельщика саквояжъ, который тотъ держалъ, готовясь положить его въ ноги стоявшаго уже у дверей лавки экипажа, Петръ Өедоровичъ рѣзко спросилъ:

— А подушка? Гдѣ подушка?

— Вотъ здѣсь, на извозчикѣ. Пожалуйте, — поспѣшно отвѣтилъ артельщикъ.

— Безмозглый ты человѣкъ! — громко и гнѣвно еще разъ бросилъ Петръ Өедоровичъ въ лицо сына брань и, даже не кивнувъ ему головой, уѣхалъ.

Приказчики и рабочіе не могли не слышать гнѣвныхъ его словъ и стояли въ дверяхъ лавки, не зная, куда отъ смущенія дѣвать глаза. Григорій Петровичъ, услышавъ отцовскую брань, вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ, схватился правой рукой за грудь и такъ простоялъ нѣсколько времени около дверей, оперпись плечомъ о ихъ косякъ. Ему казалось, что земля подъ его ногами колеблется, и длинные ряды ярмарочныхъ лавокъ качаются изъ стороны въ сторону.

Купцы, сосѣди по лавкамъ, слышавшіе гнѣвный говоръ Петра Өедоровича, перешептывались потомъ между собой о причинахъ его гнѣва.

— Убытки, сказываютъ, большіе потерпѣлъ по

торговлѣ, съ воскомъ, будто бы, неудачную операцію имѣлъ, по этому, по самому и не въ духахъ...

XLII.

Сидя въ вагонѣ, Петръ Ѳедоровичъ долго не могъ успокоиться отъ волненія, вызваннаго взрывомъ гнѣва при отъѣздѣ изъ ярмарки. Онъ тревожно ворочался на диванѣ, вздыхалъ, снималъ съ головы фуражку и снова надвигалъ ее на самые брови.

Въ вагонѣ было мало пассажировъ и, пользуясь этимъ, онъ уже два раза перемѣнилъ мѣсто сидѣнья, точно надѣясь въ этой перемѣнѣ избавиться отъ тревожнаго душевнаго состоянія. Потомъ, по мѣрѣ продолженія пути, убаюкиваемый однообразнымъ стукомъ колесъ, онъ сталъ мало-по-малу освобождаться отъ раздражавшихъ его думъ и отвлекаться отъ нихъ въ сторону. Припоминались одно за другимъ ярмарочныя дѣла, выгодныя покупки и продажи, удачныя полученія по такимъ обязательствамъ, которыя предполагалось считать погибшими, и неожидаемыя потери отъ такихъ, которыя считались совершенно вѣрными. Ходъ дѣлъ окончившейся ярмарки наводилъ на сравненія съ дѣлами ярмарки прошлаго года и вызывалъ въ памяти итоги торговыхъ оборотовъ той и другой. Эти итоги вызывали за собой другіе по другимъ, московскимъ уже дѣламъ, и отдавшись обаятельному ихъ вліянію, онъ началъ мысленно подсчитывать суммы своихъ торговыхъ оборотовъ за весь годъ, т. е. отъ ярмарки прошлаго года до ярмарки настоящаго.

Онъ владѣлъ огромной памятью и мысленно подсчиталъ въ приблизительно круглыхъ цифрахъ, сколько у него капиталу въ долгахъ за покупателями, сколько въ товарахъ вновь купленныхъ, сколько въ прежнихъ, хранящихся въ московскихъ амбарахъ и сколько въ процентныхъ бумагахъ и на текущихъ счетахъ въ банкахъ.

Чтобы удостовѣриться въ справедливости своихъ

выводовъ, онъ вынулъ изъ бокового кармана дорожнаго пальто записную книжку и, вооружившись очками, сталъ ее перелистывать, просматривая какія-то въ ней записки съ цифрами. Откинувъ затѣмъ предположенную сумму на пропажу долговъ, онъ вздохнулъ продолжительнымъ, но не глубокимъ и тяжелымъ, а медленнымъ и легкимъ вздохомъ человѣка, почувствовавшаго облегченіе отъ свалившейся съ его плечъ тяжести.

— Ничего еще, слава Богу, торговать можно!— рѣшилъ онъ.

Ко времени прихода поѣзда во Владиміръ онъ настолько успокоился, что вышелъ къ буфету тѣмъ обычнымъ, ровнымъ, нѣсколько даже медлительнымъ шагомъ, какимъ ходилъ прежде когда-то, именно въ дни полнаго душевнаго мира, въ тѣ дни, когда о богатствѣ Суконникова у него еще и помышленій не было. Въ буфетѣ онъ съѣлъ что-то, выпилъ чаю и, возвратясь въ вагонъ, сталъ уже позѣвывать, готовясь заснуть.

Въ глубинѣ души, гдѣ-то далеко, въ сокровенныхъ ея тайникахъ, стало шевелиться нѣчто похожее на упреки самому себѣ за несправедливый гнѣвъ на сына, за непозволительную раздражительность и придирки къ нему; стала обрисовываться въ его воображеніи тщедушная фигура Григорія Петровича съ грустнымъ и тревожнымъ выраженіемъ лица, съ рукою, приложенною къ лѣвой сторонѣ груди, какимъ онъ видѣлъ его въ минуту отъѣзда изъ ярмарочной лавки—и червь раскаянія началъ свою работу.

Совѣсть, этотъ, какъ говоритъ скупой рыцарь, Пушкина, «незванный гость, докучный собесѣдникъ, эта вѣдьма, отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы смущаются и мертвыхъ высылаютъ»—совѣсть уже стала заявлять о себѣ, и, казалось, Петръ Θедоровичъ вотъ-вотъ сознаетъ свои вины передъ сыномъ, пойметъ всю тяжесть, скорбей и обидъ, такъ грубо брошенныхъ ему въ лицо при отъѣздѣ изъ ярмарки.

Но онъ не созналъ.

— Глупый человѣкъ! Счастія всего не понимаетъ,— злобно подумалъ онъ и опять тревожно заворочался на своемъ сидѣньѣ, то снимая фуражку, то надвигая ее низко на лобъ.

— За что! Господи помилуй! За что такая, напримѣръ, обида и отъ кого,—отъ сына роднаго!..

Такъ думалъ онъ и не могъ въ то же время отбиться отъ впечатлѣнія, воскресавшаго въ его воспоминаніи при мысли о сынѣ, когда-то беззавѣтно любимомъ, о здоровьѣ котораго недавно еще онъ такъ безпокойно заботился, и который теперь стоялъ предъ его душевнымъ взоромъ блѣдный, съ испуганнымъ взглядомъ, съ безмолвнымъ упрекомъ въ лицѣ и вызывалъ въ немъ... ненависть.

Ненависть эта еще болѣе усилилась, когда вспомнился ему костлявый, сгорбившійся отъ лѣтъ и торговыхъ заботъ купецъ Суконниковъ. При мысли о немъ, онъ не только снялъ фуражку, но прямо-таки сдернулъ ее съ головы и смялъ въ загорѣлыхъ, жилистыхъ рукахъ.

— Болванъ!.. Неотесанный обломъ!

Брань относилась, конечно, къ сыну. Мысли о богатствѣ Суконникова, о возможномъ и, увы, неожиданно ускользающемъ случаѣ породниться съ нимъ, бурной волной нахлынули на него, быстро слѣдуя одна за другой и быстро возрождая воспоминаніе о разговорахъ съ нимъ, предположенія, надежды и думы о его богатствѣ. Онѣ бились въ его душѣ и боролись съ другаго рода мыслями, возникавшими въ противорѣчіе имъ. Такъ волны во время бури, поднимаясь надъ бездной моря, грозно высятся, бѣгутъ, сверкая своими пѣнистыми гребнями, и разбиваются съ шумомъ и брызгами о борта борющейся съ ними ладьи.

Во время пути до Москвы онъ-то засыпалъ, успокоенный благопріятными выводами о ходѣ своихъ торговыхъ дѣлъ, то просыпался и тревожно ворочался на диванѣ, обуреваемый думами о милліонномъ богатствѣ Ѳаддея Егоровича, съ которымъ ему такъ жадно хотѣлось породниться.

Мысли бились, противорѣча одна другой, вспоминались разговоры съ сыномъ, его молчаливость, его кроткій и болѣзненный взглядъ, и опять совѣсть, «докучный собесѣдникъ, когтистый звѣрь, скребущій сердце человѣка», тревожно поднималась изъ сокровенныхъ тайниковъ его души и назойливо заявляла о себѣ. Онъ отбивался отъ нея, оправдывалъ себя, старался придать кроткому взгляду сына злобное выраженіе и обвинить его.

— Ежели бы дочка Ѳаддея Егоровича была уродъ или карла, напримѣръ, какая-нибудь горбатая или что-нибудь этакое несообразное,—мысленно ворчалъ онъ,—ну тогда, конечно, не ловко, даже можно сказать и грѣшно было бы принуждать... Да вѣдь ничего подобнаго нѣтъ,—дѣвица въ самомъ настоящемъ видѣ и не только, напримѣръ, не уродъ, а даже совсѣмъ напротивъ... И съ чего, съ чего вдругъ этакое упорство?.. По неволѣ разсердишься... терпѣнія никакого не хватитъ!.. Ну, однако, посмотримъ... Старуха-то, какъ говорится, еще на-двое сказала, кто кого пересилитъ. Не уступлю!—рѣшительно говорилъ онъ самъ себѣ, и жилистая рука его сжималась при этомъ въ кулакъ,—ни въ какомъ разѣ этого быть не можетъ!

Сцена послѣдняго свиданія съ Ѳаддеемъ Егоровичемъ на плашкоутномъ мосту въ ярмаркѣ припомнилась ему во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Его снисходительная улыбка, радушное пожатіе руки и пытливый взглядъ, которымъ онъ, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самыя сокровенныя тайны его сердца,—все это и утѣшало, и раздражало, наводило на сомнѣнія и возбуждало новыя надежды.

— Капиталъ хорошій, и говорить нечего!—думалъ онъ,—Господь наградилъ его въ изобиліи. Ежели теперича даже на самый скромный манеръ подсчитать, то одна, напримѣръ, только фабрика его въ десять, въ двадцать разъ дороже стоитъ, чѣмъ все наше состояніе...

— Мальчишка несмышленый!—мысленно порицалъ

онъ сына,—нѣтъ у него разумѣнія, чтобы понять, какая линія ему, глупому, открывалась. Вотъ и вразумляй, бросай слова на вѣтеръ, именно какъ къ стѣнѣ горохъ. Одно только огорченіе!

Такъ прошла вся ночь.

Выйдя изъ вагона, онъ сѣлъ на перваго подвернувшагося подъ руку извозчика и поѣхалъ домой. Почти на половинѣ уже пути догналъ его экипажъ, высланный навстрѣчу изъ дому. Трофимъ, поровнявшись съ дрожками извозчика, громко сказалъ:

— Петръ Ѳедоровичъ!.. Петръ Ѳедоровичъ, потрудитесь остоновиться... Я за вами-съ...

— А... а!..

Петръ Ѳедоровичъ расплатился съ извозчикомъ и сѣлъ въ свой экипажъ.

— Прозѣвалъ!—мрачно замѣтилъ онъ.

— Виноватъ. Оно точно что не доглядѣлъ. Признаться, я зорко слѣдилъ,—заговорилъ Трофимъ,—ну, не заприметилъ, какъ это вы прошли. Глазъ не сводилъ, вотъ сейчасъ умереть... Тѣснота ужъ очень значительная экипажей... Точно что — проворонилъ. Это дѣйствительно.

— Глупъ, отъ того и вышло такъ,—мрачно замѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ.

Трофимъ повелъ плечами внизъ и вверхъ, точно чувствуя холодъ, и замолчалъ, замѣтивъ, что Петръ Ѳедоровичъ не въ духѣ.

Нѣсколько времени они ѣхали молча.

— Здоровы ли у насъ всѣ?

— Слава Богу-съ... всѣ здоровы, и все благополучно.

— Тебя кто послалъ?

Ирина Игнатьевна изволили распорядиться. Еще съ вечера отдали приказъ, чтобы, значитъ, безпримѣнно къ поѣзду...

— Какъ она могла догадаться, что я ѣду?

— Объ этомъ не могу доложить. Должно, изъ

ярмарки телеграммъ пришелъ отъ Григорья Петровича. Такъ надо думать.

— Туда же! Зря только деньги швыряетъ!..

Онъ мысленно ругнулъ сына, но однако вслухъ ни слова не сказалъ въ порицаніе его распоряженія.

— Ну, во дворѣ что? Фундаментъ заложили?

— Заложили, Петръ Ѳедоровичъ, и какъ это отъ васъ, значитъ, приказъ пришелъ остановить работу, такъ, значитъ, и остановили. Фундаментъ этотъ докончили, залили известью и — шабашъ. Кирпичъ весь накрыли, къ примѣру, досками покато, то есть съ наклономъ, чтобы отъ дожжа не мокъ. Дожжы здѣсь очень, Петръ Ѳедоровичъ, частые, такъ надо сказать, почти что каждый день.

— Ну, ладно. Не больно много разговаривай!

Петръ Ѳедоровичъ спросилъ потомъ о коровникѣ, отдѣлали ли тамъ настилку и такъ ли именно, какъ онъ при отъѣздѣ приказывалъ конторщику, спросилъ о лошадяхъ, когда перековывали, водили ли ихъ, по его указанію, купать, провѣтривалъ ли Трофимъ своевременно конюшню, и, получивъ на все утвердительные отвѣты, онъ опять почему-то тяжело вздохнулъ и замолчалъ. Проѣзжая мимо церквей, онъ, по обыкновенію, снималъ фуражку, набожно крестился и вслухъ произносилъ:

— О! Господи, батюшка!

Мысль, что постройка флигеля пріостановлена сгоряча, подъ вліяніемъ гнѣва на сына, начала его безпокоить и вызывать на соображеніе о томъ, что не только возможно, но даже необходимо вновь начать ее и довести къ осени подъ крышу, чтобы съ будущей весны, возможно даже раньше, съ марта, напримѣръ, начать внутреннюю отдѣлку.

— Ежели хозяйственно смотрѣть на дѣло, такъ надо поступить,—думалъ онъ,—а рабочіе теперь не дороги, потому самая свалка работъ, горячее ихъ время уже оканчивается, теперь, пожалуй, процентовъ на пятнадцать можно выгнать дешевле.

Такъ думалъ онъ и самъ уже себя потомъ, не болѣе какъ чрезъ полминуты времени, упрекнулъ за это.

— Раздумываю о чемъ,—удивительно. Къ чему теперь постройка? Для кого? О-охъ, Боже мой! Для монахинь и для странниковъ помѣщеніе выстроено—и довольно. Не для кого больше хлопотать. Да, вотъ такъ-то живешь, заботишься, устраиваешь, какъ бы для сына получше, а за все это въ благодарность одни огорченія!

Трофимъ соскучился ѣхать молча.

— Теперича-а, Петръ Ѳедоровичъ, — пѣвуче заговорилъ онъ,—эта самая кузница-а, въ которой по вашему, значитъ, приказанію, мы завсегда подковываемъ лошадей, она, эта самая кузница, неисправная...

— Ну, ну, довольно. Послѣ объ этомъ. Ты говори только тогда, когда тебя, напримѣръ, спрашиваютъ...

Трофимъ покосился на хозяина сбоку насколько могъ, потомъ передернулъ возжами и замолчалъ.

— Гнѣвенъ что-то, — подумалъ онъ, — должно ярмарка не задалась...

XLIII.

Ѳома, дежурившій у воротъ въ ожиданіи пріѣзда Петра Ѳедоровича, и старикъ-конторщикъ, вышедшій съ другими служащими во дворъ встрѣтить хозяина, всѣ замѣтили, что онъ не веселъ. Хотя на поклоны ихъ онъ отвѣтилъ тоже поклономъ и спокойно, даже съ улыбкой сказалъ конторщику: «вотъ, слава Богу— и дома!», но всѣ видѣли, что въ выраженіи лица его, въ глазахъ, въ походкѣ есть что-то не прежнее, другое что-то, какъ бы давящее и угнетающее его.

— Ну, какъ у васъ здѣсь? Все по-хорошему? — спросилъ онъ, идя къ крыльцу.

— Все, слава Богу!..

Ирина Игнатьевна, встрѣтившись съ нимъ на крыльцѣ, даже испугалась, взглянувъ на него, — такъ необычно было выраженіе его лица и нестолько гнѣвно,

сколько грустно и даже какъ бы болѣзненно утомленное.

Онъ молча поцѣловался съ ней, молча прошелъ въ переднюю, гдѣ горничная дѣвушка низко, по-деревенски, поклонилась ему и помогла снять верхнее платье.

— Здравствуй, здравствуй! — отвѣтилъ онъ однотонно какъ-то и безъ улыбки,—на-ка вотъ держи, неси туда ко мнѣ, понимаешь?..

Онъ передалъ ей съ рукъ на руки небольшой саквояжъ, который она отнесла въ кабинетъ, давно уже зная по бывшимъ примѣрамъ, что его нужно непремѣнно туда нести и непремѣнно поставить на письменный столъ, какъ вещь высокаго значенія.

Только-что Петръ Ѳедоровичъ успѣлъ помолиться въ залѣ на образа съ поклономъ до земли, какъ уже предсталъ предъ его очами сѣдой конторщикъ, наскоро понюхавшій табаку въ передней, прежде чѣмъ войти въ залъ. Онъ явился безъ зова, твердо помня свои служебныя обязанности и зная, что Петръ Ѳедоровичъ не сядетъ за чайный столъ, пока не передастъ въ контору срочныхъ бумагъ и не переложитъ изъ саквояжа всѣ цѣнности въ несгораемый шкафъ.

Помолясь Богу въ залѣ, Петръ Ѳедоровичъ прошелъ въ гостиную и въ спальную и тамъ тоже помолился, положивъ предъ образами земные поклоны, и задумчиво, какъ бы что-то соображая, пошелъ по коррдору къ дверямъ кабинета. Конторщикъ ждалъ его, пройдя изъ зала тоже въ корридоръ. Идя потомъ за нимъ въ кабинетъ, онъ еще разъ убѣдился, что «хозяинъ не хорошъ».

Помолясь на образа въ кабинетѣ, Петръ Ѳедоровичъ тотчасъ же взялся за стоявшій на письменномъ столѣ саквояжъ.

— Вотъ это, — заговорилъ онъ, вынимая изъ него бумаги,—это разсчетныя по новымъ покупкамъ; а это вотъ фактуры на чаи. Приняли вы ихъ съ желѣзной дороги?

— Да, третьяго дня...

— Вся партія получена?

— Вся. Въ два дня покончили пріемку, перевѣшивали какъ слѣдуетъ до послѣдняго ящика и все вѣрно, согласно съ фактурнымъ вѣсомъ...

— Такъ и должно быть. Разумѣется, безъ повѣрки нельзя, и завсегда это требуется, потому, какъ говоритъ пословица, на грѣхъ мастера нѣтъ. Я писалъ, чтобы въ новый амбаръ сложить, который на Солянкѣ...

— Тамъ и сложили, согласно, само-собой, приказу...

— Каковъ амбаръ? Въ прошлый разъ я смотрѣлъ, кажись, ладный... Нѣтъ ли гдѣ сырости?

— Амбаръ настоящій. Помилуйте, сухой амбаръ...

— То-то. Ну, ладно. А вотъ это, получай,—вѣдомости по ярмарочнымъ продажамъ,—это вотъ по покупкамъ. Сводки еще не сдѣлано ни тѣмъ, ни другимъ. Покупокъ, конечно, больше не будетъ: Григорій не смѣетъ, да и гдѣ ему, дураку, не его ума это дѣло... Продажи, можетъ, еще будутъ кой-какія, такъ, надо быть, самыя пустяшныя.

Петръ Ѳедоровичъ говорилъ однотоннымъ и вялымъ голосомъ и ни разу при этомъ не взглянулъ на старика, точно сердился на него за что-то.

Принявъ бумаги, старикъ однакоже не спѣшилъ уйти, а стоялъ около письменнаго стола, въ ожиданіи, не сдѣлаетъ ли Петръ Ѳедоровичъ какихъ-нибудь вопросовъ, хотя бы относительно прерванной по его распоряженію постройки флигеля или о ходѣ торговыхъ дѣлъ въ Москвѣ, о цѣнахъ, напримѣръ, на какіе-нибудь товары, но Петръ Ѳедоровичъ молчалъ. Выкладывая изъ саквояжа пачки денегъ въ несгораемый шкафъ, онъ только вздохнулъ раза-два глубоко и громко, точно чувствуя усталость отъ долгаго и непосильнаго труда.

— Такъ, такъ!—проговорилъ онъ тихо, очевидно въ отвѣтъ на свои думы и потомъ, взглянувъ на кон-

торщика изумленнымъ, какъ бы вопросительнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Вотъ, значитъ, и все пока...

Этими словами онъ какъ-бы хотѣлъ сказать, что не имѣетъ больше никакихъ къ нему вопросовъ и предоставляетъ итти къ исполненію другихъ лежащихъ на немъ обязанностей. Конторщикъ такъ и понялъ его слова, но однако не ушелъ, а, переступивъ съ ноги на ногу, сказалъ:

— Приходили изъ конторы Мерзлоухова...

— Ну?

— На счетъ воску. Говорятъ, что... желательно получить въ возможно скорѣйшемъ времени...

— Загорѣлось!. Гм... гм... Подождутъ, не суть важное дѣло. Продалъ я имъ, дѣйствительно, со сдачей въ Москвѣ и напрасно: надо бы тамъ же на ярмаркѣ и сдать... Вообще,—поторопился... Не безъ барыша, положимъ, а все же лучше бы попридержаться... Такъ ужъ все что-то...

Петръ Ѳедоровичъ неожиданно остановился почти на полусловѣ, задумавшись о чемъ-то, повидимому, не имѣвшемъ никакого отношенія къ купленному въ ярмаркѣ и уже проданному воску, потомъ взмахнулъ волосами, какъ бы стараясь пріободриться и сбросить съ себя какую-то тяжесть.

— Ну, ладно... Все это—послѣ...

Старикъ понялъ, что больше никакихъ разговоровъ не будетъ, и, молча поклонившись, ушелъ.

Онъ съ своей стороны тоже впалъ въ мрачное состояніе духа и, перебирая потомъ за своимъ письменнымъ столомъ полученныя отъ хозяина бумаги, уныло покачивалъ головой, думая совсѣмъ не о нихъ.

— Не сердится ли на меня за что? — мысленно спрашивалъ онъ самъ себя и самъ же себѣ отвѣтилъ потомъ, что сердиться на него хозяину не за что, такъ какъ всѣ дѣла, въ вѣдѣніи его находящіяся, ведутся имъ въ порядкѣ.

— А за другое ни за что я не отвѣтственъ! — твердо рѣшилъ онъ и энергически придвинулъ стулъ поближе къ столу, намѣреваясь заняться дѣлами, какъ говорится, въ плотную.

Кто-то изъ молодыхъ служащихъ подошелъ къ его столу и шепотомъ спросилъ:

— Что это хозяинъ какой?

— А какой?—пытливо на него взглянувъ, спросилъ старикъ.

— Хмурый. Такимъ я, признаться, его никогда не видывалъ.

— Молодъ еще, потому и не видывалъ. Поживешь подольше на бѣломъ свѣтѣ, всего насмотришься!

Старикъ помолчалъ, задумчиво раскрылъ табакерку и, держа между двумя пальцами щепотку, таинственнымъ шепотомъ проговорилъ:

— Что-то томитъ его. Такъ надо думать, на счетъ воску жалѣетъ: дешево продалъ, поторопился, а теперь цѣна въ гору пошла. Жаденъ онъ и даже въ значительной степени... Впрочемъ, кто его знаетъ, можетъ, какое-нибудь другое дѣло затормозилось—и мучитъ. Мало ли у него дѣлъ, день деньской по городу кружитъ, въ двадцати мѣстахъ перебываетъ, удивляться надо, какъ не устанетъ. Разъ, помню, былъ съ нимъ случай, давно ужъ, пожалуй, лѣтъ пятнадцать назадъ, — задумалъ онъ землю арендовать у одного монастыря, торговые ряды построить: мѣсто бойкое и барыши можно было цапнуть хорошіе, но не удалось, — перехватили другіе. Какъ онъ тогда метался, не приведи Богъ, и рветъ, и мечетъ, и на стѣну лѣзетъ. Я тогда вотъ такъ же, какъ сегодня, къ нему съ бумагами пришелъ, смотрю: косится, звѣрь-звѣремъ, и не успѣлъ я еще двухъ словъ сказать,—налетѣлъ на меня съ кулаками и закричалъ: «уходи, уходи — за шибу!» Теперь, конечно, смирнѣе сталъ,—умаяли сивку крутыя горки, а все же еще иной разъ нѣтъ-нѣтъ и собьется съ ноги.

Молодой служащій подошелъ поближе къ столу и спросилъ:

— Съ Григорьемъ Петровичемъ, можетъ, не поладилъ?

— Все бываетъ!..

— Артельщикъ, помните, изъ ярмарки пріѣзжалъ, говорилъ, что серчаетъ... изъ-за разговора будто-бы насчетъ женитьбы...

Старикъ, продолжая держать между пальцевъ щепотку табаку, пытливо посмотрѣлъ на молодого служащаго и укоризненно покачалъ головой.

— Много твой артельщикъ знаетъ...

— Слышалъ, говоритъ...

— Возможно, конечно, и это. На бѣломъ свѣтѣ всякое бываетъ...

Старикъ скоро и громко понюхалъ, махнулъ потомъ цвѣтнымъ фуляромъ около носа и, снова придвинувъ кресло поближе къ столу, сказалъ:

— Не наше дѣло!

XLIV.

Въ столовой Ирина Игнатьевна уже сидѣла за самоваромъ и ждала прихода Петра Ѳедоровича. Когда онъ вошелъ, она, всегда, бывало, смѣлая и не кстати настойчивая, теперь вдругъ какъ-то оробѣла и смутилась.

— Что это ты какъ... долго?

Петръ Ѳедоровичъ взглянулъ на нее исподлобья, порывисто и можно сказать даже гнѣвно придвинулъ стулъ къ столу и сѣлъ, не сказавъ на ея вопросъ ни слова.

— Ты, Петръ Ѳедоровичъ... здоровъ ли?—спросила она, но какъ-то не твердо и робко.

Скромный тонъ ея видимо смягчилъ до нѣкоторой степени его тревожное настроеніе.

— И самъ я хорошенько не знаю,—отвѣтилъ онъ, взявшись обѣими руками за голову,—не то не выспался, не то простылъ... Не ладно что-то.

— Баню, стало быть, велѣть истопить.

— Это—само собой...

— А потомъ малины на ночь...

— И это тоже... Ну-ка, наливай.

Иринѣ Игнатьевнѣ хотѣлось говорить совсѣмъ о другомъ, а именно о сватовствѣ, разстроилось ли оно по настоянію сына или только отложено на нѣкоторое время, или къ несчастію состоялось уже окончательно; хотѣлось узнать о сынѣ, о его здоровьѣ, образѣ мыслей, но она не рѣшилась на эти вопросы. Судя по мрачному душевному настроенію мужа, она до нѣкоторой степени догадывалась, что задуманное имъ сватовство едва-ли состоялось, и про себя уже рѣшила, что оно либо отложено, либо совсѣмъ разстроилось.

Она взглядывала по-временамъ на строго задумчивое лицо Петра Ѳедоровича, пытаясь по его выраженію провѣрить справедливость своихъ догадокъ, и молчала, ожидая, когда онъ самъ заговоритъ о сынѣ.

— А гдѣ бабушка?—спросилъ онъ.

— У обѣдни.

— Да, да. Разумѣется, гдѣ ей больше быть...

— Сегодня заупокойная и панихида наша...

— Да. Четвергъ...

— Я хотѣла тоже, но тебя ждала...

Онъ кашлянулъ, придвинулъ къ себѣ стаканъ и, задумчиво помѣшавъ въ немъ ложечкой, спросилъ:

— Какъ ея здоровье?

— Ничего. Двигается пока. Плохо видитъ...

— Гм... гм... Года не маленькіе... Намъ до нихъ не сподобиться... О Господи, батюшки!.. Налей-ка еще. Зябнется что-то.

Ирина Игнатьевна озабоченно посмотрѣла на него.

— Лицо у тебя, Петръ Ѳедоровичъ, я смотрю такое, какъ будто ты... усталъ.

— Ахъ,—произнесъ онъ недовольнымъ тономъ,— устанешь съ этими народами. Вотъ ужъ именно правду пословица говоритъ: его крестить хотятъ, а онъ барахтается, изъ воды вонъ лѣзетъ.

Ирина Игнатьевна ждала, что онъ заговоритъ, наконецъ о сынѣ, но не дождалась. Петръ Өедоровичъ налилъ на блюдце чай и сталъ молча пить.

— Ты это на счетъ кого?..—спросила она.

— Извѣстно, на счетъ кого. О Григорьѣ рѣчь, о твоемъ любимчикѣ...

— Что же онъ?

— Дуракъ онъ!—рѣзко отвѣтилъ Петръ Өедоровичъ.

Изъ этого отвѣта Ирина Игнатьевна еще болѣе убѣдилась, что сватовство не состоялось, и вздохнула свободнѣе. Петръ Өедоровичъ молча придвинулъ къ ней стаканъ, молча взялъ его, налитый вновь чаемъ, и сталъ пить, хмуро косясь по сторонамъ.

— За что ты его ругаешь?

— За что нужно, за то и ругаю...

— Упросилъ онъ, стало быть, тебя.

— Эхъ!..

Петръ Өедоровичъ сильно отмахнулся рукой. Но Ирина Игнатьевна уже почувствовала почву подъ ногами и изъ выжидательнаго положенія перешла въ наступленіе.

— Ты что же это отмалчиваешься, точно воды въ ротъ набралъ? Нѣшто это порядокъ. Говори толкомъ, что такое у васъ тамъ произошло, не состоялось, стало быть, дѣло? Петръ Өедоровичъ, слышишь, тебя, чай, спрашиваю.

Онъ поморщился и не столько гнѣвно, сколько болѣзненно.

— Перестань, Ирина...

— Это еще что такое? Отчего перестань?

— Видишь, чай, сама, человѣкъ нездоровъ, а тревожишь, съ глупостями пристаешь...

— Кто кого тревожитъ? Царица Небесная! Я его тревожу. О сынѣ, о родномъ спрашиваю, и это онъ называетъ глупостями. Чуть не цѣлый мѣсяцъ изо дня въ день томлюсь думами, какъ онъ тамъ, бѣдненькій— и на-поди, отвѣта мнѣ нѣтъ... Перестань! Легко это сказать.

— Замолчи, Ирина, довольно...

— Чего мнѣ молчать. Не о пустякахъ какихъ спрашиваю... Видно по всему, что ты на него разсердился... Еще бы! знаю я тебя: чуть что не по-твоему, — на стѣну готовъ лѣзть... Отчего ты одинъ пріѣхалъ? а?

Петръ Ѳедоровичъ молча допилъ чай, отдвинулъ отъ себя рѣзкимъ движеніемъ стаканъ и ушелъ въ кабинетъ.

Подойдя къ окну, онъ сталъ смотрѣть въ садъ, уже получившій разноцвѣтную осеннюю окраску. Блуждая задумчивымъ взоромъ по его обнажающимся вѣтвямъ, онъ не видѣлъ ни увядающей зелени, ни дорожекъ, усыпанныхъ упавшими листьями, ни фигурныхъ оконъ маленькой церкви, которая, при утратѣ деревьями зеленыхъ одеждъ, точно вдругъ придвинулась ближе къ дому.

Мысли Петра Ѳедоровича были далеко отъ сада и церкви, далеко отъ Москвы, — именно тамъ, на ярмаркѣ, гдѣ находилась его лавка, у дверей которой онъ вчера разстался съ сыномъ, и такъ необычайно. Непріятныя воспоминанія о послѣднемъ взрывѣ гнѣва, съ которымъ онъ выѣхалъ изъ ярмарки, гнѣва, уже давно не проявлявшагося въ немъ въ такой рѣзкой формѣ, тревожили его. Фигура сына съ безмолвнымъ выраженіемъ упрека на блѣдномъ лицѣ ярко обрисовалась въ его представленіи и вызывала болѣзненное ощущеніе раскаянія и чувство жалости.

— Оно точно что... не ладно, — мрачно думалъ онъ, — а главная причина — при постороннихъ. Разумѣется, за это меня похвалить нельзя... А если взять, напримѣръ, во вниманіе, изъ-за чего это все произошло, такъ кого тогда винить? Изъ-за него же, глупаго, непокорнаго сына, вся эта, значитъ, тревога.

Ходъ мысли его мало-по-малу принялъ другое направленіе. Вспомнился Ѳаддей Егоровичъ Суконниковъ, встрѣча съ нимъ на мосту, короткій, но не лишенный значенія разговоръ, и опять поднялись въ душѣ не-

давнія надежды на возможность породниться съ нимъ,— и чувство жалости къ сыну, и болѣзненное сознаніе своей несправедливости въ оскорбленіи его — все это смѣнилось новымъ взрывомъ досады и гнѣва. Онъ порывисто отвернулся отъ окна и пошелъ по направленію къ дивану, придерживаясь на пути за спинку креселъ. Онъ чувствовалъ, что силы ему измѣняютъ, что ноги дрожатъ и голова кружится, но такому болѣзненному своему состоянію онъ придавалъ меньше значенія, чѣмъ этой досадѣ и горькому чувству, которое вызывали въ немъ думы о неудавшихся надеждахъ на родство съ Суконниковымъ.

— Непокорность, вотъ причина, — думалъ онъ о сынѣ,—хочетъ все по-своему, а настоящаго ума нѣтъ, глупость одна. Однако еще не все потеряно.—Отчего я въ самомъ дѣлѣ такъ малодушно смотрю на это? Нѣшто я не отецъ и нѣшто сынъ можетъ такъ супротивничать. Шалишь, малый, осади назадъ... Я тебя еще скручу, и мы помѣряемся, кто, напримѣръ, кого одолѣетъ... Охъ!..

Болѣзненный вздохъ вырвался изъ его груди, когда онъ, подойдя къ дивану, прилегъ на него.

Ирина Игнатьевна въ это время хозяйничала въ столовой, гнѣвно и торопливо перемывая чайную посуду и ворча про себя.

— Задумалъ что, Господи помилуй... Нѣтъ, извини, теперь эту моду оставили, теперь покорно просятъ, чтобы по-благородному... Дѣвушка! Эй, гдѣ ты тамъ.. Что это, Царица Небесная! не дозовешься васъ!.. На вотъ, уставляй посуду въ шкафъ и унеси потомъ самоваръ... Да... Теперь ужъ извини, сдѣлай милость,— продолжала она ворчать себѣ подъ носъ,—теперь по нынѣшнему времени что отецъ, что сынъ — оба на одной линіи, теперь уже права у всѣхъ настоящія. Что ты, дурища глупая?—возвысила она голосъ, недовольная медлительностію горничной дѣвушки,—воро-

чаешься точно сонная. Довольно! пусти, — я уставлю сама. Тащи самоваръ! Экая деревенская колода!..

Минуту спустя она прошла въ кабинетъ и увидѣла Петра Ѳедоровича лежащимъ на диванѣ, прикрывшись пальто, очевидно принесеннымъ имъ самимъ изъ передней. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; замѣтивъ это, она сократила шаги и хотѣла осторожно выйти назадъ, но онъ открылъ глаза и тревожно спросилъ:

— Кто тутъ?

— Это я, Петръ Ѳедоровичъ, — робко отвѣтила она,—что это ты прикрылся, нѣшто зябнешь?..

— Да, того что-то... Вели-ка здѣсь печь затопить...

XLV.

Нѣсколько дней спустя возвратился съ ярмарки сынъ. Ирина Игнатьевна встрѣтила его на крыльцѣ, обняла, троекратно поцѣловала и, взявъ за руку, хотѣла итти вмѣстѣ съ нимъ въ верхнія комнаты дома; но къ удивленію ея онъ остановился на нижней площадкѣ крыльца и, осторожно освободивъ свою руку изъ ея руки, тихо проговорилъ:

— Позвольте, маменька... Я хочу къ себѣ въ комнату.

— Такъ ты, гляди, попроворнѣе. Отецъ-то нездоровъ и не выходитъ. Онъ ждетъ и два раза уже посылалъ сегодня въ контору узнать, не пріѣхалъ ли. Слышишь?..

Сынъ вмѣсто отвѣта только головой кивнулъ и не сказалъ ни слова. Мать поняла это въ томъ смыслѣ, что онъ сейчасъ же придетъ въ верхній этажъ и первымъ дѣломъ, какъ быть слѣдуетъ, отправится къ отцу въ кабинетъ.

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ, Ирина Игнатьевна уже положила сахаръ въ стаканъ, предназначенный для сына, готовясь сейчасъ же, какъ только онъ выйдетъ изъ кабинета отца, налить ему чаю. Но прошло пять минутъ, прошло и десять, а Григорій

Петровичъ все еще не приходилъ къ отцу. Она безпокойно оставила свое мѣсто около самовара и стала ходить по комнатѣ, поглядывая то на стѣнные часы, мѣрно постукивавшіе, то на окно, выходившее во дворъ, изъ котораго, однакоже, не было видно даже крыши крыльца, ведущаго въ контору и въ комнату сына.

— Что это онъ такъ долго?—Слышь ты, дѣвушка, позвала она, выглянувъ изъ столовой въ сосѣднюю комнату,—пойди-ка поскорѣе къ Григорію Петровичу, скажи, чтобы шелъ сюда..

Минуту спустя дѣвушка возвратилась и, остановясь въ дверяхъ столовой, шепотомъ сказала:

— Они тамъ чай пьютъ...

Ирину Игнатьевну точно кто кипяткомъ облилъ, она мгновенно измѣнилась въ лицѣ, вспыхнула до ушей, быстро подошла къ горничной и такъ близко, что почти коснулась своимъ пылающимъ лицомъ ея лица, и тревожнымъ шепотомъ спросила:

— Какъ, тамъ?.. Чай пьетъ одинъ тамъ... у себя?.. Что ты говоришь?—Не можетъ этого быть!

— Вотъ сейчасъ умереть, сударыня...

— Господи!..

Ирина Игнатьевна сразу поняла то, что смутно предчувствовало ея сердце. И выраженіе лица сына въ ту минуту, когда она съ нимъ цѣловалась, и его безмолвный кивокъ головой въ отвѣтъ на приглашеніе итти въ комнаты верхняго этажа,—все теперь стало ясно и понятно. Не теряя напрасно времени, она пошла въ комнату сына и увидѣла, что онъ дѣйствительно одинъ сидитъ около самовара, поданнаго ему конторскимъ мальчикомъ, и пьетъ изъ блюдца чай.

— Гриша!—прошептала она,—плотно притворивъ за собой дверь,—что это такое? Нѣшто такъ можно? а къ отцу-то когда же?..

— Я къ отцу, маменька, не пойду!

— Какъ? Что ты? Вѣдь онъ дожидается.

Григорій Петровичъ въ отвѣтъ на это только пожалъ плечами.

— Гриша! Голубчикъ!.. Да ты скажи пожалуйста, что такое тамъ въ ярмаркѣ между вами произошло? Поссорились вы что-ли? Да нѣшто можно сыну съ отцомъ ссориться?.. Настаивай на своемъ, не соглашайся жениться по его выбору, а все же веди себя какъ слѣдуетъ, почтительно... Гриша!.. Что же ты не отвѣчаешь? Или и со мной такъ же хочешь на вражду пойти, какъ съ отцомъ?

— Ни съ кѣмъ я, маменька, на вражду не иду и не хочу этого, и вовсе даже это не въ моемъ характерѣ...

— Такъ отчего же къ отцу не хочешь итти? Говорю тебѣ, онъ нездоровъ...

— Я тоже нездоровъ.

— Ты сообрази, вѣдь онъ ждетъ... Онъ теперь, я думаю, мечется тамъ у себя въ кабинетѣ, какъ въ клѣткѣ тигра какая... Господи! Что же я ему должна сказать?..

Григорій Петровичъ былъ мраченъ и, хотя не такъ грозно хмурился, какъ отецъ, но за то молчаніемъ своимъ превосходилъ его въ неизмѣримой степени.

Ирина Игнатьевна испробовала всѣ пути къ тому, чтобы добиться отъ него отвѣта, что именно такъ возстановило его противъ отца и отца противъ него, сватовство ли не удавшееся, или денежные разсчеты, или другое что-нибудь было этому причиной, но на всѣ ея вопросы она слышала отъ него только одинъ отвѣтъ:

— Вы, маменька, не безпокойтесь.

— Да что ты, Гришенька, затвердилъ одно слово,— плачевно шептала она,—какъ же мнѣ не безпокоиться Господи! Слыханное ли дѣло, — сынъ съ отцомъ видѣться не хотятъ. Отецъ молчитъ, на всѣхъ исподлобья косится, готовъ со злости косяки грысть у дверей; ты тоже волкомъ смотришь... Какая же это жизнь, не жизнь это, а мука мученическая!..

Петръ Өедоровичъ хотя и полѣчился жаркой баней и малину горячую пилъ, но однакоже чувствовалъ себя по-прежнему нездоровымъ. Держался онъ на ногахъ, но замѣтно было по всѣмъ его движеніямъ, что онъ только перемогается и хочетъ самъ себя обмануть. Сидя въ развалку на диванѣ, онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что все-таки «не валяется въ кровати», и надѣялся, что авось Богъ дастъ «выправится». Замѣтно было, что къ его физическому недомоганью примѣшался другой недугъ или, точнѣе говоря, недомоганье его было вызвано именно этимъ другимъ недугомъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ натянутыми отношеніями къ сыну. Очнувшись отъ тяжелой дремоты, удерживавшей его въ полулежачемъ положеніи на диванѣ, онъ не безъ усилія поднимался на ноги, подходилъ къ окну, придерживаясь на пути за спинки креселъ, и смотрѣлъ въ садъ, слѣдя за тѣмъ, какъ опадаютъ его пожелтѣвшіе листья, какъ вѣтеръ качаетъ обнаженныя вершины деревьевъ, — и думалъ о своихъ неудачахъ и огорченіяхъ.

Когда пріѣхалъ изъ ярмарки сынъ и, противъ обыкновенія, не явился къ нему на поклонъ, онъ вскипѣлъ гнѣвомъ и хотѣлъ немедленно пойти въ нижній этажъ, въ комнату сына, чтобы распечь его за непочтительность, но—голова закружилась, ноги задрожали, и онъ безпомощно опустился на первое подвернувшееся подъ руку кресло.

Ирина Игнатьевна, встрѣвоженная его гнѣвомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ упадкомъ силъ, испуганно спросила:

— Что съ тобой? Что это какъ ты вдругъ поблѣднѣлъ? Не позвать ли, Петръ Өедоровичъ, лѣкаря?

— Вотъ еще!.. Выдумала!.. Чего они, эти лѣкаря, знаютъ. Даромъ деньги берутъ—больше ничего. Ослабѣлъ я, стало быть, отъ простуды и—пройдетъ само собой.

— Можетъ, чайку горяченькаго дать?..

— Пожалуй, стаканчикъ принеси...

И кога Ирина Игнатьевна вышла изъ кабинета, чтобы распорядиться на счетъ чаю, во взглядѣ его сверкнуло злобное выраженіе, руки сжались въ кулаки, и онъ дѣйствительно напомнилъ собою ту «лютую тигру», съ которой сравнила его Ирина Игнатьевна въ разговорѣ съ сыномъ.

— Нѣ-ѣ-тъ!.. Погоди! Я тебя еще скручу!..— мысленно грозилъ онъ непокорному сыну,—дровъ изъ тебя наколю и лучины нащиплю!..

Недавнее прошлое, свиданіе съ Ѳаддеемъ Егоровичемъ на мосту, разговоръ съ сыномъ, его тихіе, сдержанные отвѣты и молчаливые взгляды, — все это вдругъ нахлынуло бурной волной, и весь ходъ мыслей принялъ такое направленіе, что онъ, сынъ его, безсердечный и упорный въ своихъ нелѣпыхъ заблужденіяхъ, онъ одинъ во всемъ виноватъ и онъ же еще осмѣливается капризничать, оказывать ему, отцу, такое оскорбительное неуваженіе.

— А-а! Если такъ, — заворчалъ онъ, оправившись отъ головокруженія, — если онъ осмѣлился на такія грубости, я ему покажу себя!..

— Да что показывать-то? Опомнись:—уговаривала Ирина Игнатьевна, ставя предъ нимъ чай, — самъ на ногахъ едва держишься. Что это такое, Петръ Ѳедоровичъ, съ тобой случилось, никогда я тебя такимъ злющимъ не видывала.

— Не видывала, такъ вотъ теперь посмотри, полюбуйся! Я этого ему не прощу ни во-вѣки-вѣковъ...

Петръ Ѳедоровичъ безпокойно метался по дивану, то сваливаясь на его сидѣнье, то вновь садясь и сжимая кулаки. Осушивъ принесенный стаканъ въ два-три глотка, онъ попросилъ еще чаю и опять сталъ пить и не изъ блюдечка, какъ обыкновенно пилъ, а прямо изъ стакана и скоро, со странною какою-то торопливостію, точно хотѣлъ залить чаемъ гнѣвъ, все болѣе и болѣе овладѣвавшій имъ.

— Принеси еще стаканъ.

— Да что такъ носить, стынетъ вѣдь чай отъ этого.

Лучше въ такомъ разѣ самоваръ сюда въ кабинетъ подать...

— Хорошо. Давай сюда самоваръ!.. Нѣ-ѣ-тъ!— продолжалъ онъ, вспоминая опять о сынѣ,—нѣтъ, не онъ меня видѣть не хочетъ, а я его къ себѣ не допущаю. Да! Помоги только Господи какъ-нибудь до зимы дотянуть, я торговый домъ къ новому году расторгну, я выдѣлю его грошовую часть, пусть переколачивается съ ней съ хлѣба на квасъ... Да-а!.. Пусть-ка поживетъ своимъ умомъ, а я посмотрю... Такъ вотъ онъ каковъ оказался молчальникъ, богомольный мальчикъ! Значитъ, и онъ нахватался этого нонѣшняго духу, чтобы, напримѣръ, старшихъ не почитать... Хорошо! Мы подождемъ — и увидимъ!.. А не увидимъ, такъ услышимъ!..

— Да не грози ты, Петръ Ѳедоровичъ, такъ страшно. Господи!.. Нѣшто онъ тебѣ не сынъ, развѣ такъ можно...

Ирина Игнатьевна плакала, не зная, въ которую сторону броситься, чтобы найти средство для возстановленія въ семьѣ нарушеннаго спокойствія.

XLVI.

Она съ перваго дня, можно даже сказать, съ первой же минуты по возвращеніи сына изъ ярмарки, заметалась по дому въ совершенномъ недоумѣніи. Ничего такого прежде она не только не видывала, но даже и не слыхивала, чтобы сынъ могъ такъ твердо и рѣшительно отстраниться отъ отца и притомъ упорно отмалчиваться на всѣ вопросы.

— Не безпокойтесь...

— Гришенька! Да что же это за отвѣтъ!..

Она уговаривала его пойти къ отцу и извиниться, попросить прощенія, но въ чемъ именно долженъ былъ онъ извиняться, объ этомъ ей не было ничего извѣстно. Изъ разспросовъ приказчиковъ, бывшихъ на ярмаркѣ, она тоже узнала немного и именно столько сколько знали и они.

— Петръ Ѳедоровичъ,—таинственно передалъ ей одинъ изъ нихъ,—во всю вторую половину ярмарки были сердиты и въ день отъѣзда очень обругали Григорья Петровича, такъ что по ихъ отъѣздѣ Григорій Петровичъ долго лежали въ постели и даже за докторомъ посылали, потому какъ дыханіе у нихъ пришло, значитъ, въ затрудненіе. Потомъ они поправились, и все опять пошло своимъ порядкомъ, докторъ, стало быть, потрафилъ и попалъ въ самую центру...

Заботилась Ирина Игнатьевна и на счетъ болѣзненнаго состоянія сына, зная, что онъ съ дѣтства «здоровьемъ жидокъ», но въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ стояли его отношенія къ отцу, возстановить которыя ей никакъ не удавалось. Петръ Ѳедоровичъ при первыхъ же ея словахъ объ этомъ начиналъ волноваться и кричалъ:

— Нѣтъ! Я ему покажу себя!

Сынъ съ своей стороны тоже волновался, но посвоему: онъ пряталъ свои чувства на самое, такъ сказать, дно сердца и тихо, не выказывая ни тѣни раздражительности, произносилъ свое обычное:—Не безпокойтесь!..

Онъ, по заведенному порядку, продолжалъ заниматься дѣлами, отдавалъ распоряженія, посылалъ конторщика или кого-либо изъ довѣренныхъ къ отцу по такимъ вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ безъ его согласія не находилъ удобнымъ, и уѣзжалъ потомъ «въ городъ». Возвратившись, онъ снова уединялся у себя въ комнатѣ, не обращая вниманія на просьбы матери и на ея указаніе на то, что отецъ все прихварываетъ.

Несмотря на упорную молчаливость сына, Ирина Игнатьевна добилась, наконецъ, отъ него опредѣленнаго отвѣта: онъ соглашался итти къ отцу и примириться съ нимъ, если только отецъ согласится благословить его на бракъ съ избранной имъ дѣвушкой.

— А если онъ не благословитъ, Гришенька, тогда что?

— Да, да...—задумчиво отвѣчалъ сынъ.

— Что такое, «да»? Вѣдь это ничего не объясняетъ... Григорій Петровичъ молчалъ и смотрѣлъ въ полъ.

— И Боже сохрани... умретъ отецъ... Такъ неужели, Гришенька, ты рѣшишься, можно сказать, чрезъ его трупъ перешагнуть и... все-таки на своемъ поставить...

— Зачѣмъ вы такъ поворачиваете вопросъ? Папенька еще, слава Богу живъ...

— Да вѣдь онъ боленъ? Слышь, тебѣ говорю, боленъ, лица на немъ нѣтъ, да къ тому же и лѣкаря звать не хочетъ...

Ирина Игнатьевна уже знала, гдѣ сынъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, знала, что онъ пользуется расположеніемъ ея матери, догадывающейся о его намѣреніяхъ, знала также и о томъ, что хотя по возвращеніи изъ ярмарки онъ еще не былъ у нихъ, но уже писалъ молодой дѣвушкѣ и получилъ отъ нея отвѣтъ.

Когда она передала Петру Өедоровичу, чего желаетъ сынъ, онъ задумчиво посмотрѣлъ на нее и холодно спросилъ:

— Сосваталъ онъ?

— Нѣтъ еще... Она, слышь, очень ему нравится...

— Богатая?..

— Гм... не знаю... Съ достаткомъ, кажись...

Не успѣла Ирина Игнатьевна высказать того, чья она дочь, какими дѣлами занимался ея покойный отецъ,—Петръ Өедоровичъ уже замахалъ обѣими руками надъ своей пылавшей жаромъ головой, точно отгоняя отъ себя рой пчелъ, и гнѣвно возразилъ:

— Не бывать этому! Никогда этого быть не можетъ. Не дамъ ему благословенія! Пусть онъ, чтобъ его... грѣхъ только зла желать... Не соглашусь я! Ни въ какомъ разѣ не соглашусь...

— Тише пожалуйста! Зачѣмъ такъ кричишь?—заволновалась и Ирина Игнатьевна,—что это, батюшки мои! Мать, Пресвятая Владычица!.. На самомъ лица нѣтъ, подъ глазами пятна пошли, чуть на ногахъ дер-

жится, а грозитъ... Не боюсь я тебя, вотъ даже ни чуточки не боюсь, грѣховодникъ этакой!

Онъ сверкнулъ на нее гнѣвнымъ взглядомъ и настолько овладѣлъ собой, что вмѣсто грознаго возраженія въ отвѣтъ на ея смѣлыя рѣчи только рукой махнулъ. Она, разволновавшись, стала высказывать ему упреки за его тяжелый и самовластный характеръ, отъ котораго, будто бы, ни ей, ни сыну житья нѣтъ. Онъ молчалъ, угрюмо смотря на свои сморщившіяся и пожелтѣвшія руки; лицо, казалось, застыло на одномъ выраженіи холоднаго презрѣнія. Ирина Игнатьевна, болѣе и болѣе входя въ свою обычную роль, начала уже довольно выразительно высказывать то, что, по ея словамъ, у ней «накипѣло на сердцѣ», но, замѣтивъ, какъ болѣзненно склонился Петръ Ѳедоровичъ головой къ спинкѣ дивана и закрылъ глаза, она сразу оборвала рѣзкій тонъ рѣчи и поспѣшно подошла къ нему.

— Что съ тобой! Тебѣ опять нехорошо, надо быть?— озабоченно спросила она.

— Да-а. .—слабо проговорилъ онъ.

— Хочешь понюхать спирту? Или, можетъ, лучше уксусу на полотенце налить и къ головѣ приложить? а?

— Уйди пожалуйста... Мнѣ больше ничего не нужно, только уйди...

— Голубчикъ мой, Петръ Ѳедоровичъ,—заговорила она упавшимъ голосомъ,—извини меня, прости Христа ради, я дѣйствительно... того... не кстати разволновалась...

— О-охъ! —тяжело простоналъ онъ и болѣзненно склонился головой на передиванный столъ.

Григорій Петровичъ, оставаясь наединѣ съ самимъ собой, мотался по комнатѣ изъ угла въ уголъ далеко за полночь, вздыхалъ, томился, перечитывалъ письма очаровавшей его дѣвушки и не зналъ, гдѣ, какъ и въ чемъ искать выхода изъ того безотраднаго мучитель-

наго состоянія, въ которомъ онъ такъ вдругъ и совершенно противъ воли оказался.

— Зачѣмъ судьба натолкнула меня на эту встрѣчу?— печально думалъ онъ,—зачѣмъ я тогда, увидѣвъ ее, пошелъ слѣдомъ за ней разузнавать адресъ?.. Боже мой! Боже мой! Удержись я тогда, уйди въ противуположную сторону—и все бы, можетъ быть, тѣмъ и кончилось, и теперь не было бы этихъ ужасныхъ, не разрѣшимыхъ затрудненій. Что это за таинственная сила повлекла меня за ней, неудержимо и, можно сказать, наперекоръ сознанію? Помню, какъ сейчасъ, я боролся съ самимъ собой, упрекалъ себя, соображалъ о томъ, на сколько это даже предосудительно и всетаки дѣлалъ не то, что говорилъ разсудокъ. Что это, наконецъ, за чувство такое, любовь, которымъ я такъ томлюсь, котораго никакъ перебороть не могу, страдаю, не имѣя покоя, можно сказать, ни днемъ, ни ночью?..

Освободясь отъ дѣлъ, навалившихся на него огромною тяжестію по причинѣ болѣзни отца, онъ только позднимъ вечеромъ, физически истомленный, наконецъ, уединялся въ своей комнатѣ, но вмѣсто того, чтобы отдохнуть, успокоиться, забыться сномъ, — томился сердечными чувствами. Томленія его доходили до того, что онъ, измученный ими, становился предъ образомъ на колѣни и плакалъ, и молился, стукалъ лбомъ о холодный полъ комнаты, силясь удержаться отъ одолѣвавшихъ его рыданій.

— Господи! — взывалъ онъ, — сними съ меня эту скорбь, избавь отъ томительнаго чувства, отъ котораго я ни днемъ, ни ночью не нахожу покоя... Я не прошу о счастіи, я молю только объ этомъ!

Такъ шепталъ онъ, прижимая руки къ груди и смотря заплаканными глазами на спокойный и безстрастный ликъ образа, озареннаго свѣтомъ лампады. Онъ не замѣчалъ въ своей тоскѣ, что Тотъ, предъ святымъ ликомъ Котораго онъ такъ скорбно стоналъ, говорилъ его душѣ:

— Терпи!—Жизнь—страданіе. Всѣ ея пути полны имъ и чрезъ нихъ—познаніе истины.

XLVII.

Ирина Игнатьевна обратилась за помощью къ отцу Максиму. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ посѣтить Петра Ѳедоровича, она сама побывала у него и со слезами на глазахъ разсказала, какая пропасть вдругъ залегла между отцомъ и сыномъ.

— Батюшка! Что мнѣ дѣлать, научите,—чуть не воя, просила Ирина Игнатьевна,—Ольга Максимовна, вы бы, голубушка, пришли:—Петръ Ѳедоровичъ такъ васъ уважаетъ...

Ольга Максимовна плечами пожала и вопросительно взглянула на отца.

— Нѣтъ... чтожъ... Позвольте ужъ предварительно я побесѣдую съ вашимъ супругомъ. Гдѣ ужъ тутъ Оленькѣ вмѣшиваться—ея ли это дѣло!..

Но и отецъ Максимъ, несмотря на то, что всегда пользовался расположеніемъ Петра Ѳедоровича, былъ встрѣченъ имъ холодно. Петръ Ѳедоровичъ, какъ будто, догадывался о цѣли его прихода и недовѣрчиво покосился на него, въ то время, когда онъ, войдя въ комнату, сталъ молиться на образъ.

— Миръ дому сему и живущимъ въ немъ,—проговорилъ отецъ Максимъ и, обращаясь къ нему, добавилъ,—съ благополучнымъ возвращеніемъ, Петръ Ѳедоровичъ, каково съѣздили?

— Покорнѣйше благодарю... Ничего, слава Богу!

— Что это, я слышалъ, прихварываете?

— Нѣтъ ничего... такъ немножко... ослабѣлъ.

— Утомились, вѣроятно, отъ ярмарочной суеты.

— Да, пожалуй что...

Петръ Ѳедоровичъ глубоко вздохнулъ.

— Можетъ быть и простыли какъ-нибудь на вѣтру?

— Есть, кажется, немного и это.

— Въ такомъ случаѣ—въ баню и наивозможно пожарчѣе.

— Былъ. Чувствую, какъ будто, полегче тепер . Ничего, Богъ дастъ, поправлюсь... Вы какъ поживаете? Здоровьемъ каковы?

— Здоровье мое, благодареніе Создателю, сносно, да вотъ одна у меня есть маленькая неудача...

— Что такое?

Петръ Ѳедоровичъ опять недовѣрчиво покосился на него.

— Неудача, знаете, такая, что и помочь не знаю чѣмъ,—улыбаясь, продолжалъ отецъ Максимъ,—старость не приходитъ.

Добродушный тенъ отца Максима смягчилъ его мрачное настроеніе и вызвалъ улыбку на хмуромъ лицѣ.

Ирина Игнатьевна намѣренно не показывалась въ комнату мужа, предоставляя отцу Максиму вести съ нимъ разговоръ, какъ ему вздумается. Мало-по-малу они разговорились. Петръ Ѳедоровичъ не вытерпѣлъ, открылся ему въ своихъ чувствахъ и сталъ жаловаться на сына. Отецъ Максимъ молча слушалъ его, давая ему высказаться, и, когда онъ, наконецъ, замолчалъ и, глубоко вздохнувъ, откинулся на спинку дивана,—онъ заговорилъ:

— Грустно и тягостно это. Соглашаюсь и сердечно сочувствую. Истинно такъ, Петръ Ѳедоровичъ, скорбное ваше положеніе.

— Такъ скорбно, такъ скорбно, что и словъ нѣтъ выразить...

Петръ Ѳедоровичъ закрылъ глаза и задышалъ тяжело и учащенно, точно послѣ труднаго подъема въ гору.

Вздохнулъ и отецъ Максимъ. Взглянувъ на огонекъ лампады, мелькавшій чуть замѣтнымъ краснымъ пятнышкомъ въ переднемъ углу передъ образомъ, онъ заговорилъ о томъ, что все на этомъ свѣтѣ преходяще, все временно и неустойчиво, что вѣчна только одна

истина, а истина — въ любви, въ прощеніи обидъ, въ искреннемъ стремленіи всякой христіанской души къ миру всего міра и къ пріуготовленію себя къ тому бытію, гдѣ новое небо и новая земля.

— Да, все это такъ, — возразилъ Петръ Ѳедоровичъ,—правильно: и живемъ не по-Божьи, въ грѣхахъ, какъ въ тенетахъ. Это точно что... Но вѣдь надо же, напримѣръ, ежели такъ, то есть по-житейски говорить, надо же разобраться,—правъ я или нѣтъ, худа я ему желалъ али добра. Виноватъ я только въ одномъ, въ томъ, напримѣръ, что далъ маху въ уставѣ торговаго дома: надо было наивозможно больше его въ правахъ ограничить. Тогда бы онъ запѣлъ иначе, совсѣмъ бы на другой гласъ затянулъ: «Господи воззвахъ». Тогда бы я его вотъ какъ скрутилъ!

Петръ Ѳедоровичъ съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе раздражался и хмурилъ брови, враждебно косясь на стѣны комнаты.

— Но позвольте, Петръ Ѳедоровичъ, — возразилъ отецъ Максимъ, — чуточку вниманія окажите, самую малую часть вниманія...

— Ахъ!—отвѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ и, энергически взмахнувъ рукой, опять склонился головой къ спинкѣ дивана,—и закрылъ глаза, точно хотѣлъ этимъ сказать, говори, молъ, что хочешь, — мнѣ все равно теперь.

— Да, конечно-о... вообще благоприличнѣе было бы не говорить мнѣ о себѣ и о своихъ семейныхъ дѣлахъ... Но ужъ извините, въ настоящемъ случаѣ не могу умолчать.

— Отецъ Максимъ вздохнулъ, опять взглянулъ на лампадный огонекъ, точно колеблясь, говорить ли, или воздержаться,—и заговорилъ.

— Укажу вамъ, достопочтенный Петръ Ѳедоровичъ, на мою семью. Оленька, сами знаете, овдовѣла преждевременно. Что скрывать, тяжело мнѣ было принять, такъ сказать, на свои рамена ея семью, желалъ, безмѣрно горячо желалъ выдать ее замужъ... Но, сами

знаете,—не захотѣла! Что же я долженъ былъ предпринять? Употребить настойчивость, принудить, посягнуть на ея волю, требовать, чтобы она исторгнула изъ сердца то, что въ немъ жило священною памятью?.. Ахъ, нѣтъ, я не могъ допустить такого жестокаго насилія... И кто знаетъ неисповѣдимыя судьбы Божіи? Могу думать, что, облегчая себѣ житейское горе, такъ сказать, съ матеріальной стороны, не предуготовилъ ли бы я себѣ другаго горя, безмѣрно тягчайшаго — упреки дочери въ случаѣ неудачнаго брака, упреки собственной совѣсти... Теперь же, благодареніе Создателю, ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Она — при мнѣ, любящая и любимая и достойно чтущая мои о ней и ея птенцахъ попеченія. И дѣтки ея теперь, по милости Божіей, пристраиваются: дѣвочки уже приняты въ пріютъ на полное иждивеніе, а мальчику предстоитъ то же и въ непродолжительномъ времени въ семинаріи. Ужели я могу не сознавать, что во всемъ этомъ мнѣ ниспослана помощь свыше?..

Во все время, пока отецъ Максимъ говорилъ, Петръ Ѳедоровичъ мотался головой по подушкѣ дивана и морщился. Слова отца Максима точно жгли его.

— Ахъ, отецъ Максимъ! Все вы это неправильно говорите, — заговорилъ, наконецъ, онъ, видимо потерявъ терпѣніе слушать его,—не о томъ вы говорите. Совсѣмъ это ваше, напримѣръ, положеніе и наше, значитъ, торговое,—огромнѣйшая разница.

— Можетъ быть, можетъ быть...

— Главная причина—гордость его. Это самое фырканье, заносчивость, — терпѣть этого не могу и не дозволю!.. Никогда я этого и никому не дозволю, а тѣмъ паче сыну. Я его выростилъ, воспиталъ, къ дѣлу поставилъ и теперь за это въ благодарность—носъ задирать... Нѣ-ѣ-тъ! Шалишь!.. Дай только Господи до новаго года дотянуть,—я ему покажу себя.

Петръ Ѳедоровичъ разволновался и громко говорилъ, пока не закашлялся. Отецъ Максимъ не возражалъ и сидѣлъ, понуривъ голову.

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ, уловивъ удобную минуту,—гнѣвъ гнѣвомъ не уничтожается...

— Какой гнѣвъ? чей?—поспѣшно перебилъ Петръ Ѳедоровичъ, — мой? Такъ нѣшто я не имѣю права на сына, напримѣръ, сердиться, не долженъ ему внушать настоящія понятія, направлять его пути? Такъ что ли, по-вашему? Стало быть, нужно предоставить ему полную свободу итти куда хочетъ, и ежели даже онъ въ болото головой полѣзетъ—не удерживать. Нѣтъ, отецъ Максимъ, извините меня, это не основательно.

Отецъ Максимъ хотѣлъ что-то возразить, какъ Петръ Ѳедоровичъ прервалъ его на первомъ же словѣ.

— Не говорите. Покорнѣйше васъ прошу, не говорите. Вамъ невозможно, напримѣръ, понять нашихъ, т. е. коммерческихъ обстоятельствъ. И ни къ чему весь этотъ разговоръ. Слава Богу, я самъ не маленькій и знаю, что дѣлаю...

— Конечно, конечно...

— Да! И по этому случаю всепокорнѣйше прошу извинить меня...

Онъ сердито отдвинулъ отъ себя въ сторону стаканъ съ какимъ-то питьемъ, стоявшимъ предъ нимъ на столѣ, и замолчамъ.

Отецъ Максимъ поднялся съ кресла и старчески нетвердыми шагами прошелся по комнатѣ, легонько покачивая при этомъ головой, видимо въ укоризну себѣ за неумѣнье вести разговоръ съ Петромъ Ѳедоровичемъ.

Петръ Ѳедоровичъ почти догадывался, что онъ пришелъ къ нему не спроста и не по одному только своему желанію.

— Григорій подослалъ, навѣрное онъ, а то и мать. Отъ нея станется,—думалъ онъ и исподлобья косился на старческую сгорбленную фигуру отца Максима, подозрѣвая его въ сочувствіи къ сыну.

— Э, ге! — проговорилъ чрезъ нѣсколько времени отецъ Максимъ, взглянувъ на часы, пора, кажись, и ко дворамъ.

— Что спѣшите?—сухо спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Да что и сидѣть-то съ вами,—улыбаясь отвѣтилъ отецъ Максимъ,—расположеніе духа у васъ тревожное и до нѣкоторой степени, даже... хе... хе... гнѣвнаго характера. Какая въ этомъ пріятность. Вотъ если бы мы могли сразиться...

— Что такое! Мнѣ, признаться, не вдомекъ.

— Въ шашечки бы поиграть,—ну, тогда ваше душевное смятеніе само собою улеглось бы, и разговоръ могъ бы принять болѣе благожелательное направленіе... Но, на сколько могу догадываться, вы не расположены теперь къ этому.

— Извините, отецъ Максимъ, что-то не того... и не манитъ.

— Такъ, такъ. Конечно... Понимаю. Ну что же, не бѣда, можемъ въ другое время, и наше отъ насъ не уйдетъ... Теперь, слѣдовательно, отложимъ попеченіе...

Отецъ Максимъ, по обычаю, помолился на образъ и сталъ прощаться. Гнѣвное настроеніе Петра Ѳедоровича нѣсколько поулеглось, и, прощаясь, онъ сказалъ:

— Вы меня того... извините. Разстроенъ и я раздражаюсь... Знаю самъ, не хорошо это... Прошу прощенія...

— Ничего, ничего. Помоги вамъ Господи утѣшиться и успоиться...

— Эхъ! Какое ужъ спокойствіе...

Ирина Игнатьевна во все время ихъ разговора прислушивалась у дверей, но понять ничего не могла, слышала только отдѣльныя слова и лишь тѣ, которыя были произнесены Петромъ Ѳедоровичемъ громко. Слабый голосъ отца Максима совсѣмъ не достигалъ ея слуха. Пріотворить хотя-бы едва-едва дверь она не рѣшалась, боясь подозрительности мужа и тѣхъ по-

слѣдствій, какія могли произойти отъ этого. Когда отецъ Максимъ вышелъ изъ кабинета, она встрѣтила его въ концѣ корридора, умѣвъ во-время отойти отъ дверей, и, идя потомъ съ нимъ по направленію къ передней, шепотомъ разспрашивала о результатахъ его свиданія съ Петромъ Ѳедоровичемъ.

— Утѣшительнаго пока немного,—отвѣтилъ онъ.

— Но что же, что же именно онъ сказалъ?

— Гм... гм... затрудняюсь отвѣтить съ должною ясностію. Очень онъ взволнованъ. Предполагаю, что и болѣзнь его собственно не простудная, а отъ чрезвычайнаго смятенія чувствъ. Представьте, слова не дозволяетъ сказать. Я даже замѣтилъ, что у него отъ волненія нѣкоторое какъ бы дрожаніе членовъ...

— Это, отецъ Максимъ, отъ слабости. Не ѣстъ почти ничего, только чаемъ отдувается.

— Да, возможно, что и отъ слабости, — при маломъ питаніи весьма возможно. Надлежало бы вамъ внушить ему объ этомъ...

— Внушить!—грустнымъ тономъ повторила Ирина Игнатьевна,—сами, батюшка, видите, на сколько онъ послушливъ... ахъ, ахъ!.. Вотъ какая на насъ напасть обрушилась, не ждали, не гадали... Посовѣтуйте, что дѣлать, гдѣ, отъ кого искать помощи?

— Отъ Господа, Ирина Игнатьевна, токмо отъ Господа... Смириться надо. Я такъ предполагаю, что Григорью Петровичу надлежало бы выказать сыновнюю почтительность...

— Петръ Ѳедоровичъ принимать его не хочетъ, грозитъ, что на глаза не пуститъ.

— Пусть угрожаетъ, а онъ все-таки долженъ къ нему итти. Сказано: «толцыте и отверзется». Я такъ предполагаю, что инаго выхода для Григорья Петровича нѣтъ. Внушите ему это.

— Говорила я... Господи! Сколько разъ говорила,— не слушается. Стоитъ на одномъ, что избралъ себѣ по серду подругу жизни и никакой другой не желаетъ.

— Позвольте, позвольте,—возразилъ отецъ Максимъ,

положивъ руку на плечо Ирины Игнатьевны,—вы настаивайте только на томъ, чтобы онъ высказалъ предъ родителемъ почтительность,—только. Пусть онъ пребываетъ въ своихъ чувствахъ къ избранной особѣ, и нѣтъ ему надобности заводить объ этомъ съ родителемъ разговоръ. Необходимо собственно одно — припасть къ стопамъ родителя и настойчиво, неотступно молить о прекращеніи враждебныхъ отношеній. Главное это. Повѣрьте, при изъявленіи почтительности совершенно иное направленіе приметъ весь ходъ дѣла и постепенно все само собою уладится...

— Не идетъ Гриша. Сколько я плакала, молила...

Отецъ Максимъ задумчиво понурилъ голову, видимо пріискивая выхода изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ оказалась семья Дровяниковыхъ.

Они стояли въ концѣ корридора при выходѣ въ переднюю. Свѣтъ стѣнной лампы тусклой полосой тянулся по корридору, переходя въ глубинѣ его въ полумракъ. Кругомъ царила тишина, ничѣмъ не нарушаемая, казалось, нигдѣ во всемъ домѣ не было ни одной живой души. Вдали корридора неожиданно что-то заскрипѣло,—дверь ли тамъ пріотворилъ кто или послышались чьи-то шаги,—Ирина Игнатьевна этого не поняла. Она только быстро оглянулась, пытливо всматриваясь въ темную даль корридора, и, поспѣшно взявъ отца Максима за рукавъ рясы, отвела его въ глубь передней.

— Что это?—озабоченно спросилъ отецъ Максимъ,—не самъ ли Петръ Ѳедоровичъ идетъ?

— Нѣтъ, что-то другое... Онъ не выходитъ... прислуга, надо быть, пришла...

— Такъ, такъ... однако—пора и домой. «Довлѣетъ дневи злоба его»... Повремените, Ирина Игнатьевна, малость, потерпите. Возбуждены, изволите видѣть, оба—и родитель и сынокъ. Время, скажу вамъ, великій врачеватель всяческихъ недуговъ и въ особенности душевныхъ. Время покажетъ, что нужно будетъ предпринять.

XLVIII.

Дни проходили за днями, один другого мрачнѣе и тяжелѣе. Сентябрь стоялъ холодный и дождливый, небо съ утра до вечера было покрыто темными клочьями облаковъ, то расползавшихся по сѣрому его фону, то собиравшихся въ грозныя тучи и изливавшихся на городъ дождемъ при шумномъ завываніи вѣтра. Въ садикѣ, примыкавшемъ къ дому, не было уже и признака зелени. Оголенныя вѣтви деревьевъ качались изъ стороны въ сторону, колеблемыя вѣтромъ, и наводили на Петра Ѳедоровича тоску. Въ послѣдніе дни, при усилившемся ненастьѣ, онъ сталъ чаще приваливаться на диванъ и чувствовалъ, что здоровье его не только не возстановляется, но, напротивъ, дѣлается съ каждымъ днемъ слабѣе. Прислушиваясь къ шуму и вою вѣтра въ дымовой трубѣ комнаты, онъ томился своими думами, искалъ выхода изъ тяжелаго положенія и не находилъ.

Если бы слабость его силъ не на столько была велика, то онъ навѣрно не усидѣлъ бы въ комнатѣ и давно бы уже спустился въ нижній этажъ дома въ контору, давно бы встрѣтился съ сыномъ, разбранилъ бы его, можетъ, еще сильнѣе, чѣмъ при отъѣздѣ изъ ярмарки, и оборвалъ бы натянутыя отношенія. Что бы изъ этого вышло—лучше или хуже—онъ не зналъ и не хотѣлъ даже думать объ этомъ, хотѣлъ только одного, чтобы такъ или иначе выйти изъ тяжелаго душевнаго состоянія, и выхода не находилъ.

— Непочтительный!.. Неблагодарный!.. — ворчалъ онъ, гдѣвно косясь на стѣны.

Несмотря на то, что Ирина Игнатьевна, входя въ кабинетъ, дверь отворяла не спѣша и съ необыкновенною осторожностью, онъ, все-таки, вздрагивалъ при каждомъ ея входѣ и порывисто спрашивалъ:

— Кто тамъ?

— Это я... голубчикъ...

— Что ты какъ... неосторожно.

— Извини... Я стараюсь, чтобъ какъ можно не обезпокоить...

Онъ хмурился, взглядывалъ на нее исподлобья и ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, но что именно,—Ирина Игнатьевна—не понимала, хотя догадывалась, что ворчанье имѣетъ несомненную связь съ его натянутыми отношеніями къ сыну.

Оставаясь все время въ кабинетѣ, онъ, какъ сказано выше, часто приваливался на диванъ. Смоченное уксусомъ полотенце, приложенное къ головѣ, составляло чуть ли не единственное средство, которымъ, по его мнѣнію, можно и должно было пользоваться въ его болѣзни. Въ тѣ дни, когда головная боль и жаръ уменьшались и общее состояніе здоровья становилось нѣсколько живѣе, онъ тотчасъ же пріободрялся, оставлялъ диванъ и требовалъ къ себѣ довѣренныхъ, конторщика, артельщиковъ, то въ отдѣльности каждаго, то одновременно двухъ-трехъ и разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ.

— Ну, что тамъ у васъ... какъ?..

— Все слава Богу...

— Слава Богу!—уныло повторялъ онъ,—путаетесь, я думаю, въ дѣлахъ, какъ слѣпые...

— Никакъ нѣтъ, Петръ Өедоровичъ, Григорій Петровичъ очень, можно сказать, стараются.

— Ха, ха! Григорій Петровичъ! Что онъ понимаетъ!

Довѣренные и въ особенности старикъ-конторщикъ, ближе другихъ стоявшій къ Петру Өедоровичу, старались выставлять дѣятельность Григорія Петровича въ наивозможно лучшемъ видѣ, надѣясь такими отзывами смирить разгневанное сердце родителя, но отзывы ихъ еще болѣе разстраивали и раздражали его.

— Что вы мнѣ зубы-то заговариваете,—волновался онъ,—не знаю я что ли самъ, какая голова у Григорья. Вишь, какіе хвалители объявились... Гм... гм... Безтолковые вы, и вмѣстѣ всѣ, и порознь каждый, и Григорій вашъ такой же,—грошъ цѣна всѣмъ. Зачѣмъ

опять кредитовали этого... какъ онъ? Ну, того... который на Малой Дмитровкѣ бакалейнымъ товаромъ торгуетъ?..

— Перцова?

— Да, Перцова. Зачѣмъ опять ему отпустили чаю въ долгъ? Сколько разъ я говорилъ, что надо его поберегаться и сокращать ему кредитъ. Неужели вы не знаете, что онъ третій годъ вертится на отсточкахъ да займахъ?..

— Старый долгъ онъ оправдалъ своевременно, и Григорій Петровичъ нашли, что можно отпустить еще.

— Что вы затвердили, какъ попугаи, одно и то же слово: Григорій Петровичъ! О чемъ ни спросишь, только и слышишь: Григорій Петровичъ. Не Григорій Петровичъ здѣсь хозяинъ. Я—глава всему, и что приказываю, то должно быть исполняемо безпрекословно... Впередъ помните, чтобы кредита никому безъ моего разрѣшенія ни-ни!

— Помилуйте! Неужели мы не понимаемъ... Наконецъ того и сами Григорій Петровичъ строго на строго наказываютъ, чтобы, то есть, чуть ежели какое сомнѣніе, сейчасъ чтобы доложить вамъ...

— Опять Григорій Петровичъ... Терпѣнья не хватаетъ разговаривать въ вами!.. Ну, а это вотъ какъ? Это,- напримѣръ, что такое?

За однимъ вопросомъ выступалъ на очередь другой, за одной выпиской изъ торговыхъ книгъ требовалась другая, довѣренные сновали по корридору изъ кабинета Петра Ѳедоровича въ контору и обратно, перешептывались, встрѣчаясь на пути, пожимали плечами, и, докладывая въ конторѣ Григорью Петровичу о вопросахъ и упрекахъ Петра Ѳедоровича, глядѣли на него тоскливо, томясь думами о томъ, когда же, наконецъ, возстановятся въ домѣ мирныя отношенія.

Григорій Петровичъ изображалъ собою обычную, свойственную ему съ юношескихъ лѣтъ статую спокойствія и на всѣ доклады довѣренныхъ и конторщика

отвѣчалъ одинаково тихимъ, повидимому, какъ будто даже безстрастнымъ тономъ.

— Вымѣточку Петръ Ѳедоровичъ требуютъ изъ вѣдомости за первую половину сентября, о долгахъ по продажѣ сибирякамъ,—докладывалъ ему конторщикъ.

— Чтожъ... составьте...

— Вѣдомость у васъ, въ кабинетѣ, Григорій Петровичъ.

— Чтожъ... возьмите...

Такъ шли дни.

XLIX.

Петръ Ѳедоровичъ послѣ каждаго разговора съ служащими чувствовалъ себя хуже, опять сваливался на диванъ и стоналъ. Ирина Игнатьевна уговаривала его уклониться на нѣкоторое время отъ всякихъ сношеній съ конторой и не тревожить себя разспросами о дѣлахъ.

— Подумай, Христа ради, самъ нездоровъ, а во всякую малость суешься, сердишься...

— Ничего ты, Ирина, не понимаешь! Не о малости у меня разговоры. Большія тысячи трещатъ отъ этихъ глупыхъ распоряженій Григорья...

— Вотъ тебѣ-на! Съ какой это поры глупыми сдѣлались его распоряженія? Побойся Бога! Не ты ли самъ всегда хвалилъ Гришеньку, можно сказать, даже восхищался, какой онъ въ торговлѣ смѣтливый.

— Молчи, Ирина.

— Съ чего я буду молчать, Господи, помилуй!.. Я по правдѣ говорю, по истинной...

— Ничего ты не понимаешь и говоришь зря...

— Хорошо, хорошо. Ты много понимаешь...

Замѣчая, что онъ начинаетъ волноваться и бросать на все окружающее сердитые взгляды, Ирина Игнатьевна подавляла закипавшее въ ея сердцѣ гнѣвное чувство и старалась удержаться отъ возраженій.

— Можетъ, чайку стаканчикъ принести? — озабоченно спрашивала она

— Не хочу ничего... Уйди только, не серди...

— Уйду, уйду... Успокойся!

Возвратясь въ свою комнату, она взмахивала обѣими руками, потрясая ими въ воздухѣ, подобно трагической актрисѣ, и шептала, разговаривая съ окружающими ее стѣнами.

— Докуда же это будетъ продолжаться! Царица Небесная!.. Самъ себя изводитъ и мнѣ ни день, ни ночь покою нѣтъ, и Гриша ходитъ, точно тѣнь какая! Вотъ наказаніе! Ахъ! ахъ! ахъ!..

Петръ Ѳедоровичъ, оставшись одинъ, тяжело отпыхивался, точно послѣ крутаго подъема въ гору, и впадалъ въ мрачное душевное настроеніе, сердился на все и на всѣхъ, на жену, на сына, на служащихъ, на вѣтеръ, завывавшій въ печной трубѣ, и на самого себя. Въ глубинѣ души онъ, конечно, не могъ не сознавать, что то положеніе, въ которомъ онъ оказался,— положеніе тяжкое, и что необходимо найти изъ него тотъ или другой выходъ, но гдѣ и въ чемъ его искать и какъ возстановить нарушенный въ немъ самомъ и въ жизни всего его дома обычный порядокъ, — объ этомъ онъ не думалъ и не хотѣлъ думать.

Когда въ воспаленномъ его воображеніи возставало прошлое, и образъ сына обрисовывался въ немъ, сына тихаго, молчаливаго, удостоившагося, по его же родительскому когда-то отзыву, лестнаго сравненія съ овцою и выказавшаго теперь нежданно-негаданно предосудительную твердость духа,—когда возникалъ этотъ образъ, жилистыя руки его сжимались въ кулаки.

— Такъ вотъ ты каковъ, оборотень! Волкъ, стало быть, въ овечьей шкурѣ, и теперь, значитъ, въ лѣсъ глядишь... Ладно!.. Поглядывай!.. Удастся ли только то, что ты задумалъ,—мысленно ворчалъ онъ,—ты осмѣливаешься такъ относиться къ отцу съ задиромъ, напримѣръ, и съ нынѣшнею этою гордостію, чтобы, то есть, итти супротивъ; — поглядимъ, удастся ли... Не позволю этого. Умирать буду, не позволю, не потерплю, и благословенія родительскаго ты отъ меня

не дождешься. Да!.. Сказано: почитай старшихъ — и шабашъ. Въ этомъ весь законъ и всѣ пророки, потому, ежели старшихъ не почитать, тогда, значитъ, конецъ міру, пиши-пропало!.. Мало-ли что отецъ Максимъ говоритъ, пожалуй развѣсь уши-то, слушай, что проку-то отъ этого. Отецъ Максимъ въ нашихъ дѣлахъ не судья, онъ въ комерціи ничего не понимаетъ, и, стало быть, всѣ разсужденія его неосновательныя. Разговариватъ онъ мастеръ, это точно, гладко все выходитъ, а если разобрать, то есть, напримѣръ, практически,—ничего путнаго изъ его разговора не выйдетъ. Такъ, поученіе одно. Поучать-то и я съумѣю, если потребуется. Нѣтъ, не убѣдительно говоритъ онъ. Того, напримѣръ не сообразилъ, какая разница въ его, значитъ, семейномъ положеніи и въ моемъ. Дочка его, Ольга Максимовна,— золотая женщина, и по безпримѣрной кротости и почтительности ея къ родителю, она дорогого стоитъ, а мой болванъ развѣ таковъ? Быкъ упорный! Уставился лбомъ въ стѣну, выпучилъ глаза—и ни взадъ, ни впередъ. О, Господи! Я ли его не любилъ, я ли не лелѣялъ. Я поставилъ его на равную ногу съ собой въ дѣлахъ, далъ, напримѣръ, права въ торговомъ домѣ, и за все это теперь чѣмъ онъ мнѣ платитъ. Охъ!.. Взялъ бы вотъ, кажется, свалилъ его на полъ и безъ всякаго, то есть, снисхожденія растопталъ бы ногами...

Печать унынія лежала, можно сказать, на всемъ домѣ. Въ конторѣ служащіе перешептывались въ углахъ, высказывая одинъ другому предположенія самаго безотраднаго характера: развалится, молъ, торговый домъ пополамъ, старикъ сгоритъ отъ гнѣва и сойдетъ въ могилу, не примирившись съ сыномъ, сынъ будетъ потомъ томиться раскаяніемъ и пожалуй тоже ускоритъ конецъ своей жизни, тѣмъ болѣе, что и здоровье у него слабое, а матери, разумѣется, отъ всего этого никакой пріятности впереди ждать нечего...

Въ такихъ мрачныхъ краскахъ представлялось имъ будущее.

Когда Петръ Ѳедоровичъ въ дни облегченія отъ болѣзни посылалъ въ контору горничную, чтобы позвала «кого-нибудь» — между служащими возникали споры и пререканія.

— Идите вы, — предлагалъ старшій довѣренный старику-конторщику,—я вчера былъ.

— Покорно благодарю,—отвѣчалъ конторщикъ,— я тоже вчера былъ. Григорьевъ! — обращался онъ къ своему помощнику,—ступайте вы.

— Господи, помилуй! — отвѣчалъ Григорьевъ, — всего часъ тому назадъ я выслушивалъ его выговоры и упреки... Какъ угодно, я не пойду...

Старикъ-конторщикъ, болѣе другихъ умудренный жизнію, шелъ къ хозяину и потомъ, возвратясь, обиженный его укоризнами, ничѣмъ не заслуженными, вымещалъ свой гнѣвъ на сослуживцахъ.

— Что это въ самомъ дѣлѣ такое?—волновался онъ, съ нервною торопливостію набивая носъ табакомъ,— на жертву я что-ли обреченъ, вчера на меня два раза нападалъ, сегодня два раза... Не хочу я этого пере носить. И ужъ извините, братцы,—обращался онъ къ сослуживцамъ,—это не по-товарищески: я, чай, здѣсь всѣхъ старше и имѣю право на нѣкоторыя преимущества...

— Позвольте-съ... И мы не молодые служащіе. Слава Богу, тоже и за нами есть права...

— Эво! За вами права!

Слово-за-словомъ споръ разростался. Въ отвѣтъ на одно грубое замѣчаніе являлось другое, болѣе грубое и рѣзкое, и между товарищами возникали непріязненныя отношенія.

Въ комнатахъ, гдѣ хозяйничала Ирина Игнатьевна, было тоже не спокойно: она сердилась на женскую прислугу, безпричинно придиралась къ всякимъ мелочамъ именно для того только, чтобы сорвать на комъ-нибудь гнѣвъ, вызванный въ ней разговоромъ съ мужемъ; обиженная прислуга, уткнувшись гдѣ-нибудь въ темномъ углу, проливала слезы и въ свою очередь

вымещала потомъ обиду на другихъ, вступая въ ссоры съ кухаркой и прачкой и т. д.

Даже Ѳома, ревностный исполнитель лежавшихъ на немъ обязанностей, перебранивался съ кучеромъ Трофимомъ и обвинялъ его въ лѣности и праздномъ по цѣлымъ днямъ лежаніи на палатяхъ кухни, а Трофимъ съ своей стороны нападалъ на него и обвинялъ, уже совершенно несправедливо, тоже въ лѣности, пользуясь тѣмъ, что хозяева, и старый, и молодой, отъ конюшни отступились и на дворѣ никогда не показываются.

Ѳома потерялъ, наконецъ, терпѣніе, и имѣя такую голову, въ которой разсудокъ «въ умаленіи», хватилъ Трофима по головѣ лопатой, да такъ ловко, что лопата переломилась на-двое. Трофимъ только крякнулъ и повалился на землю, оглушенный ударомъ, сдѣланнымъ, къ счастію, не ребромъ лопаты.

— Ишь ты... сломалась!—задумчиво проговорилъ Ѳома.

Трофимъ, оглушенный ударомъ, долго не могъ придти въ себя.

— Вставай!..—заворчалъ Ѳома,—тебѣ говорю. Обломъ!..

— Охъ!..—послышался, наконецъ, голосъ Трофима.

— Нечего охать. Знаю я довольно хорошо, что притворяешься...

Онъ толкнулъ его ногой. Трофимъ открылъ глаза, хотѣлъ было подняться, но опять повалился на землю.

— Ишь ты... разнѣжился! Меня, братъ, не проведешь, я очень довольно хорошо все понимаю, и за лопату ты мнѣ отвѣтишь.

Кухарка, замѣтившая изъ окна, что во дворѣ творится что-то необычное, вышла на крыльцо и тревожно спросила:

— Что это такое? Ѳома, слышь!

— Ну?

— Что случилось?.. Отчего Трофимъ лежитъ на землѣ?..

— А я почемъ знаю. Нѣшто я ему родня. Спрашивай сама!..

Кухарка поспѣшно подошла къ кучеру, растегнула ему воротъ рубашки, сбѣгала потомъ на кухню за водой и стала брызгать на него изо рта. Трофимъ, наконецъ, оправился и, поднявшись на ноги, побрелъ въ свой уголъ, понявъ, хотя нѣсколько и поздновато, что въ обращеніи съ Ѳомой нужно держать себя осторожно.

Когда о ссорѣ, происшедшей между ними, проникли свѣдѣнія въ комнату Ирины Игнатьевны, она замахала обѣими руками и испуганно зашептала:

— Молчите! Молчите!—Услышитъ, Боже сохрани, Петръ Ѳедоровичъ,—пуще разсердится. Гришенька!—просила она потомъ сына, уединившись съ нимъ въ отдаленномъ углу дома—поприглядѣлъ бы ты за служащими,—что это за безпорядки такіе начались.

— Ахъ, маменька!.. Мнѣ, ей Богу, все такъ опротивѣло, что хоть изъ дому бѣжать...

— Да куда ты побѣжишь... Господи... что же это такое! Когда этому конецъ...

Духъ раздора, проникнувъ въ домъ Дровяниковыхъ, какъ тать ночной, все болѣе и болѣе опутывалъ своими сѣтями его обитателей и предвкушалъ въ недалекомъ будущемъ еще болѣе обильную для себя жатву.

L.

Миръ и тишина не нарушались только въ жизни бабушки, до которой до сихъ поръ не доходили слухи о раздорѣ Петра Ѳедоровича съ сыномъ. Марьюшки, ея проводницы въ церковь, уже не было въ живыхъ, а другая, замѣнившая ее, проводница была тихая и робкая женщина, тоже, подобно бабушкѣ, чуждавшаяся окружающей ее жизни. Но наконецъ и до бабушки дошли слухи о домашнихъ раздорахъ. Ирина Игнатьевна обратилась къ ней за помощью въ своихъ скорбяхъ.

Старушка долго не могла понять, о чемъ она ее проситъ, и твердила свое:

— Охъ, добрая, не хорошо, не ладно это... Жить надо въ мирѣ и не только съ мужемъ, — со всѣми людьми. Надо быть терпѣливымъ во всемъ, не воздавать никому зломъ за зло, но всегда искать добра, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ...

Бабушка говорила обычнымъ грустнымъ тономъ. Плохо слыша и почти уже лишенная зрѣнія, она по примѣрамъ прежнихъ лѣтъ заключила, что Ирина Игнатьевна жалуется на свои размолвки съ мужемъ; но когда поняла, наконецъ, что дѣло касается Григорья Петровича, тревожно спросила:

— Да какъ же это, добрая: видно, я плохо слышу... Господи, помилуй!.. Гришенька, говоришь, въ печали?.. охъ, что же это? И невдомекъ мнѣ... Вчера вѣдь онъ приходилъ ко мнѣ. Правда, правда—такой грустный и тоскливо таково сказалъ, что скучаетъ, только о ссорѣ съ отцомъ ни слова не было. Чѣмъ же это онъ прогнѣвилъ родителей?..

Ирина Игнатьевна объяснила, наконецъ, ей, съ чего именно началась между отцомъ и сыномъ размолвка, и старушка еще болѣе заохала.

— Да что же это, да какъ же это? Угодники Божіи, Святители Христовы!—заволновалась она,—ужъ если въ домѣ миру нѣтъ,—послѣднее это дѣло! Господи, спаси!

Ирина Игнатьевна стала звать ее къ Петру Ѳедоровичу. Бабушка смутилась, загоревала о томъ, что она грѣшница, и помощи отъ нея ждать нечего.

— Охъ, добрая, куда мнѣ... какъ можно! ничего вѣдь я не понимаю... помолюсь я, да поплачу, — чего больше отъ меня ждать...

— Поплачьте у него, бабушка, можетъ, сердце его размягчится...

— Да что же это онъ... Господи, помилуй!.. Неужто такъ разгнѣвался, что и не прощаетъ...

— Видѣть его не хочетъ, на глаза къ себѣ не допущаетъ...

— Царица Небесная!.. Да что же я-то, грѣшница, могу?..

Однако пошла вслѣдъ за Ириной Игнатьевной.

Петръ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ это время на диванѣ въ бѣличьемъ халатѣ и въ валенкахъ и перебиралъ какія-то бумаги. На кругломъ столѣ предъ нимъ лежали счеты и груды кредитныхъ билетовъ, частію разбросанныхъ по столу, частію сложенныхъ въ пачки, уставленныя рядами. Услышавъ, что кто-то взялся за ручку кабинетной двери, онъ поспѣшно сдвинулъ всѣ деньги въ одну кучу, прикрылъ ихъ сверху счетами и бумагами и громко сказалъ:

— Кто тамъ? Нельзя, нельзя!

Но дверь уже отворилась, и бабушка, которую Ирина Игнатьевна поставила у дверей впереди себя, вошла въ комнату. По первому ея движенію при окрикѣ Петра Ѳедоровича видно было, что она смутилась и хотѣла отступить назадъ, но Петръ Ѳедоровичъ, увидѣвъ ее, поспѣшно добавилъ:

— А, это ты, бабушка... Милости прошу, милости прошу...

— Охъ, добрый, плохо вижу... гдѣ сѣсть-то мнѣ? Иринушка, проведи, добрая... Охъ, Господи батюшка.

Бабушка сѣла, перекрестилась, ощупала обѣими руками кресло, точно желая убѣдиться, то ли мѣсто она заняла, которое слѣдуетъ, и опять перекрестилась.

— Что скажешь, родная?—спросилъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Да вотъ зашла... къ тебѣ, добрый... Слышу что-то не ладно будто...

— Ничего, ничего... Я поправляюсь. Правда, что все пока еще недомогается, а все же... мнѣ легче...

— Дай, Господи!.. Только я вѣдь, добрый, не о томъ... Я вѣдь пришла милости просить... охъ, ужъ не осуди... грѣшница я.

— Что такое, бабушка, о чемъ просишь?

— Да вотъ за Гришеньку... Слышно, что онъ не въ милости у тебя...

Петръ Өедоровичъ гнѣвно взглянулъ на Ирину Игнатьевну, упрекая ее взглядомъ за то, что она сказала бабушкѣ о ссорѣ его съ сыномъ, но Ирина Игнатьевна тотчасъ же отвѣтила на его безмолвный упрекъ объясненіемъ:

— Не я, Петръ Өедоровичъ, говорила, не я... Гришенька самъ къ бабушкѣ приходилъ...

— Охъ, слышно, слышно, добрый, не ладно что-то у васъ, — продолжала бабушка, — прости ты меня, не осуждать я пришла... Упаси, Господи, отъ этого. Только не ладно. Въ мирѣ надо жить, въ согласіи, надо прощать, быть терпѣливымъ, безропотно сносить обиды, оскорбленія всякія, надо ежечасно помнить страданія Господа, допустившаго себя распять на крестѣ...

Бабушка говорила обычнымъ тихимъ и грустнымъ тономъ, смотря тусклыми глазами въ полъ и перебирая въ морщинистыхъ и нѣсколько дрожащихъ рукахъ четки.

— По-Божьи надо, по-Божьи...

— Такъ, такъ, родная. Это ты правильно. Но вѣдь съ ними, напримѣръ, съ нынѣшними народами, не сообразишь. Не слушаются, все норовятъ по-своему...

— Не знаю я, добрый, этого... не знаю. Объ одномъ только прошу, — живите въ мирѣ. Безъ мира нѣтъ ни добра, ни правды, — грѣхъ одинъ... И Гришеньку-то мнѣ жалко, тоскливо за него...

Голосъ ея оборвался, и старческія дрожащія руки потянулись къ глазамъ, — она заплакала. Ирина Игнатьевна тоже схватилась за платокъ. Петръ Өедоровичъ хмуро повелъ глазами на ихъ обѣихъ и еще разъ сдвинулъ деньги подъ бумаги, изъ-за которыхъ выглядывали края ихъ пачекъ. Лицо его вдругъ потемнѣло, правая рука, положенная на столъ, сжалась въ кулакъ, и брови мрачно надвинулись на глаза.

— Не тревожься, бабушка, — все, Богъ дастъ, устроится, — глухо проговорилъ онъ, — какъ ни какъ, а безъ строгости нельзя. Теперича, разсуди сама, —

я хлопочу, я устраиваю, можно сказать, ни день, ни ночь покоя не имѣю, невѣсту ему раздобылъ съ огромнѣйшимъ капиталомъ, и что жъ бы ты думала,—онъ носъ воротитъ!.. Да вѣдь, Боже мой! Нельзя же такъ!.. Меньше его я понимаю что-ли! Неужели мнѣ по его дудкѣ плясать?

— Не знаю, добрый, ничего не знаю... Только примирись, прости его...

— Легко сказать, бабушка! какъ примиришься, какъ простить, ежели онъ такой упрямый. Подумай, родная, вспомни, я ли для него не хлопоталъ, я ли не любилъ!.. Да другой отецъ на моемъ мѣстѣ что бы съ нимъ сдѣлалъ въ такомъ разѣ... Свѣту бы онъ не взвидѣлъ...

— Прости, добрый... Твой-то выборъ, стало быть, не судьба. Божье дѣло, Божье дѣло!.. Не понять намъ, грѣшнымъ... Не неволь, добрый...

Голосъ бабушки вдругъ оборвался. Она опустилась съ кресла на полъ и припала головой къ ногамъ Петра Ѳедоровича. Петръ Ѳедоровичъ вздрогнулъ, поспѣшно приподнялъ ее, посадилъ въ кресло и самъ упалъ предъ ней на колѣна.

— Меня прости, бабушка!..—сквозь слезы проговорилъ онъ, — прости, родная! Печальница ты наша, богомольница! Велико твое смиреніе, и нѣтъ ему мѣры.

LI.

Послѣ ухода бабушки Петръ Ѳедоровичъ долго сидѣлъ около стола, заваленнаго деньгами, и не только не раскладывалъ ихъ по пачкамъ и не пересчитывалъ, а даже и не смотрѣлъ на нихъ. Онъ вздыхалъ повременамъ глубоко и, схватываясь обѣими руками за виски, подолгу оставался въ такомъ положеніи. Потомъ, точно додумавшись, наконецъ, что главная причина его страданій и скорбей, такъ сказать, самый корень ея заключается именно въ деньгахъ,—съ пренебреженіемъ оглянулъ ихъ пачки, лежавшія предъ нимъ на

столѣ, скомкалъ ихъ въ одну кучу и, наскоро завернувъ въ фуляровый платокъ, швырнулъ въ желѣзный сундукъ, стоявшій около дивана у стѣны.

— Все тлѣнъ... прахъ... все останется,—думалъ онъ,—а смиреніе бабушки, ея кротость и любовь христіанская, — это вѣчное. Одно только это и важно и указуетъ пути къ небесной жизни. Окромя этого все остальное суета пустая, гроша не стоющая!

Звучно щелкнувъ замкомъ запираемаго сундука и взглянувъ въ передній уголъ на освѣщенный лампадою образъ, вблизи котораго какъ бы подъ его защитою хранились деньги, Петръ Өедоровичъ опустился на диванъ и отдался своимъ мрачнымъ думамъ. По-временамъ онъ взглядывалъ на образъ и отиралъ кулакомъ глаза, а потомъ, спустя нѣсколько минутъ, опять хмурился и крѣпко сжималъ кулаки. Въ душѣ его боролись противуположныя чувства, то онъ злился на сына, обвиняя его въ неблагодарности, то бранилъ себя самого за то, что не во-время и неумѣло далъ сыну права по торговому дому, то снова отдавался думамъ о бабушкѣ.

— Мнѣ-то, внуку, котораго она могла бы и имѣетъ даже полное право заставить оказывать себѣ надлежащее почтеніе, — мнѣ она въ ноги... Господи!.. Да вѣдь это что же такое, напримѣръ... Вѣдь это... это... самый страшнѣйшій упрекъ мнѣ, гордости моей...

Дверь тихонько пріотворилась, и робкая фигура Ирины Игнатьевны выдвинулась изъ полутьмы корридора. Онъ, только-что за минуту предъ тѣмъ умилявшійся смиреніемъ бабушки, вдругъ гнѣвно нахмурился.

— Ты зачѣмъ?

— Ахъ, Петръ Өедоровичъ, грустно — зашептала Ирина Игнатьевна,—докуда же такъ будетъ...

— Уходи! Уходи!—сердито прервалъ онъ, порывисто запахивая свой халатъ.

— Тяжело вѣдь, голубчикъ... Подумай... Вѣдь и тебѣ... я вѣдь вижу, и тебѣ тяжело... Примирился бы...

Онъ громко стукнулъ кулакомъ по столу.

— Я что ли къ нему пойду?

— Вели его къ себѣ позвать... Потребуй, чтобы безпремѣнно явился...

— Зачѣмъ? чтобы мнѣ себя разстраивать, упорствомъ его любоваться? Не желаю я этого...

Ирина Игнатьевна попробовала было еще сказать что-то, но онъ замахалъ въ воздухѣ обѣими руками и громче прежняго крикнулъ:

— Тебѣ я говорю, или, напримѣръ, что столбу какому каменному!

Сынъ въ это время томился тяжкими думами въ своемъ уединеніи.

По возвращеніи изъ ярмарки онъ не былъ въ Столешниковомъ переулкѣ ни разу. Тяжелое душевное состояніе, которое ему пришлось переживать въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, и обострившіяся въ послѣдніе дни отношенія къ отцу удерживали его отъ личнаго объясненія съ очаровавшей его дѣвушкой. Но онъ, какъ сказано выше, зналъ о ея расположеніи къ нему и имѣлъ отъ нея уже два письма въ отвѣтъ на свои. По свойственной ему скрытности онъ и въ нихъ упорно отмалчивался на счетъ отношеній къ отцу. «Я-бы, — писалъ онъ, — немедленно явился къ вамъ, прилетѣлъ бы, можно сказать, во мгновеніе ока, чтобы лично засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе и выразить сердечныя чувства, но обстоятельства моей жизни сложились пока такъ, что ни въ какомъ разѣ невозможно отлучиться изъ дому. Однако все это не надолго, и скоро все должно принять совершенно другой оборотъ. Какъ передъ Истиннымъ говорю, вотъ хоть сейчасъ, значитъ, кончину принять, считаю себя, вѣрьте чести, самымъ что ни на есть счастливѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ, съ той, напримѣръ, самой минуты, какъ вы удостоили меня радостнымъ отвѣтомъ».

Уже не первый вечеръ онъ находясь подъ давле-

ніемъ мрачныхъ думъ, искалъ выхода изъ своего тяжелаго положенія. Мысли, одна другую перебивающія, противуположныя одна другой, волновали его, томили, обезсиливали физически и духовно.

— Что мнѣ церемониться, — думалъ онъ, — время теперь, слава Богу, такое, что всякій человѣкъ свои права начинаетъ понимать въ томъ, значитъ, современномъ смыслѣ, что безъ правъ никакъ невозможно. Чтожъ такое, что онъ отецъ и глава всему, это еще не очень важное обстоятельство. Ежели ты, такъ сказать, родитель, то по-родительски и дѣйствуй, будь, то есть, съ правильными чувствами, а не то, чтобы ломить и гнуть все по-своему... Родитель!.. Гм... гм... Нынче какъ послушаешь, объ этомъ обстоятельствѣ, то есть, значитъ, на счетъ родительской власти, начинаютъ разговаривать даже очень свободно:..

При такомъ направленіи мысли, ему казалось, что онъ «безпремѣнно» выстоитъ на своемъ, разорветъ даже, «если на то пошло», всѣ отношенія съ отцомъ и получитъ «на законномъ основаніи» ту часть изъ торговаго дома, какая ему принадлежитъ и «завсегда должна принадлежать», какъ равноправному съ отцомъ члену.

Но проходило нѣсколько времени—и ходъ мыслей принималъ другое направленіе. Вспоминалась бабушка, ея незлобивость, ея безпримѣрная кротость, смиреніе, ея всегдашнія слова о томъ, что «все временно, все какъ вѣтеръ разнесется», ея напоминанія о Христѣ, принявшемъ страдальческую кончину за грѣхи міра...

LII.

Онъ сидѣлъ у стола, облокотившись на него и склонивъ на ладони рукъ голову. Былъ поздній часъ вечера, изъ конторы давно разошлись всѣ служащіе, и артельщикъ загасилъ уже въ передней лампу и завалился спать. Въ комнатѣ Григорья Петровича было такъ тихо, что каждый вздохъ его, каждый шелестъ

бумагъ, которыя онъ по временамъ перебиралъ, открывъ ящикъ стола, слышались въ дальнемъ углу комнаты и обращали на себя вниманіе стараго кота, лежавшаго на полу около печки. Въ окно свѣтила луна, и свѣтъ ея яркой полосой лежалъ на коврѣ, отражая на немъ тѣнь оконной рамы. На письменномъ столѣ нѣсколько минутъ назадъ горѣли двѣ свѣчи, но одна уже догорѣла до конца, вспыхнула потомъ огнемъ бумажка и стала тухнуть, распространяя въ комнатѣ запахъ гари. Ничего этого Григорій Петровичъ не замѣчалъ, погруженный въ свои думы.

Вдругъ онъ заслышалъ издали чьи-то шаги, поспѣшно задвинулъ ящикъ и приподнялся отъ письменнаго стола. Шаги приближались. Чрезъ нѣсколько времени дверь его комнаты тихонько пріотворилась,—вошла Ирина Игнатьевна. При видѣ ея онъ, казалось, сгорбился и ростомъ сталъ меньше, по лицу скользнула тѣнь недовольства, но онъ ни однимъ словомъ его не выразилъ и молча сѣлъ на прежнее мѣсто, глубоко вздохнувъ.

— Гриша!.. Гришенька!.. Что же дальше-то будетъ, — печально и чуть слышно проговорила она,— нельзя вѣдь такъ жить... сердце изныло, изболѣло... не глядѣла бы ни на что...Гриша, что же ты молчишь?

— Ахъ, маменька!.. Къ чему вы меня объ этомъ спрашиваете?.. Сами же знаете, что говорите мнѣ нечего. Я сказалъ разъ—и довольно, и буду держаться на своемъ.

— Да вѣдь тебѣ не перебороть отца...

— Гм... гм... Какъ знать?..

— Ужъ если онъ бабушки не послушалъ,—ни кого, значитъ, не послушаетъ... Упоренъ онъ, Гриша, самъ видишь... Не сломить его...

Григорій Петровичъ сидѣлъ, понуривъ голову, и молчалъ. Ирина Игнатьевна побыла еще нѣсколько времени въ его комнатѣ и поплакала, склонившись головой къ его плечу. Уходя, она остановилась въ дверяхъ и сквозь слезы сказала:

— Богъ съ тобой, Гриша!..

Онъ порывисто поднялся съ мѣста, хотѣлъ что-то сказать, но удержался и долго потомъ грустнымъ сосредоточеннымъ взглядомъ смотрѣлъ на дверь, за которою скрылась унылая фигура матери. Мысль о томъ, что путь къ женитьбѣ на любимой дѣвушкѣ можетъ въ самомъ дѣлѣ лечь чрезъ трупъ отца — пугала его. Въ воображеніи снова рисовался кроткій образъ бабушки, и вспоминались ея слова: «Перво-на-перво надо заботиться о томъ, чтобы миръ былъ въ домѣ. Живите, добрые, въ мирѣ».

Лунный свѣтъ перешелъ уже съ ковра на диванъ и потянулся потомъ вверхъ по стѣнѣ. Онъ стоялъ посреди комнаты, смотря въ полъ, томимый своими думами.

Чрезъ нѣсколько времени, видимо прійдя къ какому-то опредѣленному рѣшенію, онъ снова сѣлъ къ столу, выдвинулъ изъ него ящикъ и выложилъ на столъ нѣсколько листковъ цвѣтной почтовой бумаги, исписанной мелкимъ женскимъ почеркомъ. Это были письма изъ Столешникова переулка. Онъ зналъ ихъ почти наизусть, но, несмотря на это, перечитывалъ вновь Богъ знаетъ въ который разъ.

Онъ бережно свернулъ ихъ, написалъ потомъ нѣсколько строкъ на чистомъ листѣ бумаги и положилъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ общій конвертъ, запечаталъ фигурной топазовой печатью, купленной въ Екатеринбургѣ проѣздомъ изъ Ирбитской ярмарки, и написалъ адресъ. Что онъ предполагалъ сдѣлать съ этимъ конвертомъ — повидимому, и самъ не зналъ, и долго держалъ его въ рукахъ, смотря на написанныя на немъ строки. Взглянувъ потомъ на часы и убѣдясь, что посылать пакетъ въ такое позднее время невозможно, онъ положилъ его въ письменный столъ и заперъ на ключъ, потомъ помолился на образъ и, видимо рѣшась на что-то окончательное, вышелъ изъ комнаты.

На лѣстницѣ, соединявшей нижній этажъ дома съ

верхнимъ, чуть брезжился сквозь узенькое оконце надъ входной дверью свѣтъ лунной ночи. Идя почти ощупью, онъ прошелъ чрезъ переднюю и корридоръ по направленію къ кабинету отца. Въ корридорѣ было темно, только въ глубинѣ его у дверей, ведущихъ въ залъ, едва былъ замѣтенъ на полу слабый отблескъ свѣта отъ лампадъ, горѣвшихъ въ залѣ предъ образами. Часы въ столовой пробили двѣнадцать,—часъ, въ который въ домѣ жизнь совершенно замирала. Кругомъ царила ненарушимая тишина, только и слышно было, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, равномѣрно двигаясь, отбиваетъ ударъ за ударомъ.

Григорій Петровичъ, войдя въ залъ, взглянулъ въ передній уголъ и немедленно отступилъ назадъ въ корридоръ. Предъ образами стояла на колѣняхъ бабушка и молилась. Онъ не хотѣлъ быть ею замѣченнымъ и долго стоялъ въ темнотѣ корридора, ожидая, пока она уйдетъ изъ зала. Въ тишинѣ, царившей кругомъ, были слышны ея вздохи и молитвенный шопотъ.

Черезъ нѣсколько времени она медленно поднялась на ноги, перекрестилась еще три раза, смотря на образа, и потомъ поплелась, едва передвигая ноги, по направленію къ своей комнатѣ.

Онъ, войдя въ залъ, по ея уходѣ, тоже посмотрѣлъ на образа и, перекрестившись, глубоко вздохнулъ.

Идя тихими нерѣшительными шагами къ кабинету отца, въ которомъ онъ въ послѣднее время уединился не столько по причинѣ болѣзни, сколько вслѣдствіе домашнихъ непріятностей, несомнѣнно усиливавшихъ ее,—Григорій Петровичъ остановился у дверей, отеръ глаза отъ слезъ и тронулъ дверную ручку. Дверь оказалась незапертой. Чувствуя замираніе сердца и видимо колеблясь въ своемъ рѣшеніи, онъ несмѣло пріотворилъ дверь.

LIII.

Петръ Өедоровичъ вздрогнулъ и тревожно спросилъ:

— Кто тамъ?

На вопросъ его Григорій Петровичъ, робко остановившись у двери, проговорилъ:

— Это я, папенька, позвольте обезпокоить...

Петръ Өедоровичъ, лежавшій на диванѣ въ халатѣ съ закинутыми за голову руками, приподнялся и, хмурясь, спросилъ:

— Что тебѣ?..

Григорій Петровичъ нѣсколько времени не могъ проговорить слова и, стоя по срединѣ колнаты, смотрѣлъ въ полъ.

— Что тебѣ нужно?—повторилъ отецъ.

— Простите...

— То есть въ какомъ смыслѣ?..

— Простите во всемъ... Считаю себя виноватымъ... дѣлайте со мною, что хотите...

— То есть, значитъ, соглашаешься исполнить мою волю? Да?..

— Соглашаюсь... какъ мнѣ это ни тяжко,—соглашаюсь...

Петръ Өедоровичъ помолчалъ нѣкоторое время, покосился на сына, какъ бы не довѣряя искренности его словъ.

— Зачѣмъ же ты это... такъ?..

Григорій Петровичъ молчалъ.

— Зачѣмъ же ты ломался, напримѣръ, столько времени?

— Простите.

— Зачѣмъ отца такъ... разстроилъ. Ты вѣдь меня до болѣзни довелъ, сна я, напримѣръ, лишился чрезъ это самое твое упорство... Слабость теперича и въ ногахъ, и во всемъ тѣлѣ... А отчего все, ежели спросить? Оттого, что заповѣди забываемъ, не по заповѣдямъ живемъ. Сказано, чти отца, а замѣсто того—упорство!..

— Будетъ онъ меня теперь пилить до утра,— угрюмо подумалъ сынъ.

— Ты долженъ, — продолжалъ отецъ, — завсегда быть въ смиреніи...

— Простите...

— То-то! Давно бы такъ... съ покорностію...

— Я изъявляю... покорность...

— А все-таки ты того... стало быть... гм... гм...— продолжалъ Петръ Ѳедоровичъ,—начавъ вдругъ почему-то запинаться на каждомъ словѣ, — стало быть, ты, значитъ, противъ сердечнаго влеченія... переламываешь, напримѣръ, себя... на жертву отдаешь? сво. чувства къ той... которую, то есть... полюбилъ.

Въ полусвѣтѣ комнаты выраженія лица Петра Ѳедоровича не было ясно видно, но въ тонѣ его голоса сынъ уловилъ что-то новое, чего никогда до сихъ поръ не замѣчалъ, — и тревожно насторожилъ слухъ. Но Петръ Ѳедоровичъ пересталъ дѣлать вопросы и о чемъ-то задумался:

— Охъ, охъ!.. Господи, помилуй! — чуть слышно произнесъ онъ и, медленно поднявшись съ дивана, прошелся по комнатѣ, едва передвигая ноги.

Въ его душѣ промелькнулъ цѣлый рядъ воспоминаній, плановъ, надеждъ и заботъ о томъ, чтобы устроить судьбу сына по-своему. Мысли сталкивались, перебивая и оспаривая одна другую. Вспомнилась фабрика Суконникова, его преклонныя лѣта и единственная дочь, наслѣдница милліоннаго богатства, вспомнилась и бабушка, Парасковья Петровна, ея безпримѣрное смиреніе, праведный образъ жизни и ея всегдашнія рѣчи о томъ, что «все преходяще», что «гости мы на землѣ и на краткое время».

Григорій Петровичъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и упорно смотрѣлъ въ полъ.

— Да, да, все суета, прахъ!—проговорилъ Петръ Ѳедоровичъ вслухъ.

Въ тонѣ этихъ словъ Григорій Петровичъ опять уловилъ что-то новое, повѣявшее чѣмъ-то облегчающимъ душевныя муки, какимъ-то призракомъ надежды, хотя и смутнымъ, почти неуловимымъ. Такъ иногда сквозь темныя тучи прорвется слабый лучъ свѣта, скользнетъ свѣтлымъ пятномъ по закутанной сѣрымъ туманомъ долинѣ и исчезнетъ.

— Матерь Божія! — мысленно воззвалъ Григорій Петровичъ, — подкрѣпи меня: изнемогаю!..

Отецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ окну, запахнулъ раскрывшійся халатъ и какъ-то странно повелъ плечами, точно чувствуя дрожь во всемъ тѣлѣ, потомъ остановился, покачалъ головою и исподлобья посмотрѣлъ на сына. Видимо, онъ переживалъ въ душѣ тяжелую борьбу и, наконецъ, пережилъ, рѣшась на что-то окончательное. Онъ вздохнулъ глубокимъ, глубокимъ вздохомъ, точно сбрасывая съ себя какую-то тяжесть, и подошелъ къ сыну.

— Нѣтъ, Григорій, нѣтъ! — сказалъ онъ, — едва владѣя своимъ волненіемъ, не такъ ты говоришь, не то. Я хочу сдѣлать по-твоему, тебя уважить... Да!.. Заблуждался я... Молитвенница наша, бабушка, образумила меня... Не хочу я теперича больше въ твою судьбу вмѣшиваться и женись, значитъ, на той, которая тебѣ по сердцу!...

Они обнялись. По лицу обоихъ текли слезы.

LIV.

Дней пять-шесть спустя отъ болѣзни Петра Ѳедоровича и слѣдовъ не осталось, а вмѣстѣ съ нею исчезла и его раздражительность.

Въ домѣ все встрепенулось и пріободрилось, послышались оживленныя рѣчи, веселыя улыбки и смѣхъ. Точно вдругъ послѣ хмурой ненастной погоды выглянуло солнце и залило яркими лучами охолодѣвшую землю. Въ конторѣ служащіе уже не вздыхали, мрачно косясь другъ на друга, и не отговаривались подъ разными предлогами отъ необходимости итти на зовъ хозяина въ его кабинетъ, напротивъ, одинъ передъ другимъ спѣшили туда, желая наивозможно скорѣе угодить хозяину, смѣнившему гнѣвъ на милость.

Въ первые же дни послѣ его примиренія съ сыномъ Ирина Игнатьевна познакомилась съ нѣвѣстой Григорія Петровича и съ ея Матерью, и, возвратясь отъ нихъ

съ восторгомъ разсказала Петру Өедоровичу свои впечатлѣнія.

— Чудесныя онѣ, Петръ Өедоровичъ, — хвалила она,—невѣста такая привѣтливая, и мать у ней женщина славная, искренняя; такъ съ перваго слова онѣ мнѣ обѣ пришлись по душѣ, точно я съ ними вѣкъ знакома...

Петръ Өедоровичъ покашливалъ, покачивалъ головой и на восторги жены отвѣчалъ коротко и холодно:

— Ну, ладно ужъ. — Чего тамъ еще разговаривать... Дѣло рѣшенное...

— Ты, однако, съѣзди самъ-то...

— Учить, стало быть, меня хочешь? Зачѣмъ мнѣ безо время ѣхать. Будетъ рожь—будетъ и мѣра...

— Какъ безо время? Теперь же надо, безпремѣнно надо!

— А ты молчи больше.

Однако, какъ только онъ оправился отъ болѣзни, поѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Столешниковъ переулокъ и возвратился оттуда веселый: и ему тоже выборъ сына понравился.

— Да, она того... дѣйствительно...—отвѣчалъ онъ на разспросы жены,—дѣвица основательная!.. Не богатая, положимъ. Ну, что дѣлать. Такъ, стало быть, Богу угодно...

Чрезъ недѣлю послѣ поѣздки Петра Өедоровича въ Столешниковъ переулокъ вопросъ о женитьбѣ Григорія Петровича на избранной имъ подругѣ жизни былъ закрѣпленъ обрученіемъ. Обрядъ обрученія совершилъ отецъ Максимъ въ домѣ Петра Өедоровича. Мать невѣсты пробовала было настаивать на томъ, чтобы обрученіе совершить въ ея квартирѣ, но Петръ Өедоровичъ настоялъ на своемъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на нездоровье.

— Ужъ сдѣлайте мнѣ такое божеское одолженіе уважьте, —просилъ онъ, —потому я теперича того.. послѣ, напримѣръ, болѣзни... И родныхъ у меня, хотя

признаться сказать, и немного, а все же есть кое-кто. Сами же изволите говорить, что вы здѣсь въ Москвѣ все равно какъ бы на чужой сторонѣ...

На обрученіе были приглашены родные: какія-то старушки въ темныхъ шерстяныхъ платьяхъ и шаляхъ, два-три купца въ длиннополыхъ кафтанахъ, краснолицые и широкоплечіе, усердно прикладывавшіеся къ графину съ очищенной и съ большою ревностію слѣдившіе потомъ затѣмъ, чтобы выпить «съ обча» и наивозможно почаще. Отъ хереса они отказывались, о тенерифѣ и лисабонскомъ отзывались съ пренебреженіемъ, предпочитая имъ очищенную водку и болѣе «строгіе», по ихъ словамъ, напитки, какъ напримѣръ ромъ «тройной, жестокій», той знаменитой марки, которую «рѣдко кто выдерживаетъ». Чокаясь рюмками и призывая къ участію въ своихъ подвигахъ другихъ гостей и хозяина съ женихомъ, они громко смѣялись, порицая тенерифы и хереса, и выпивъ, не закусывали, а только покрякивали, отирая влажные рты загорѣлыми, грубыми руками. Старушки, смотря на нихъ, переглядывались и перешептывались, высказывая опасенія за благополучный исходъ празднества въ томъ именно смыслѣ, что «строгіе» напитки не замедлятъ обнаружить свои свойства. Однако все шло благополучно.

Отецъ Максимъ послѣ обряда обрученія хотѣлъ было подняться съ кресла, на которомъ сидѣлъ около стола съ закусками и бутылками, но, услышавъ отъ Петра Ѳедоровича о предполагаемомъ днѣ свадьбы, снова откинулся на спинку кресла, сложилъ на животѣ руки и съ снисходительной улыбкой отвѣтилъ:

— Черезъ недѣлю невозможно. Сами знаете, надо же оглашеніе.

— Оглашеніе? А-а!.. Вотъ оно что. Этого я, признаться, не сообразилъ. Стало быть, отецъ Максимъ, чрезъ двѣ недѣли?

— Гм... Чрезъ двѣ, говорите? — задумчиво переспросилъ отецъ Максимъ,—но позвольте освѣдомиться,

по какой собственно причинѣ такъ поспѣшаете: мясоѣда впереди еще довольно много.

— А къ чему и тянуть?

— Да, конечно... Я, признаться, противъ этого ничего не имѣю. Чрезъ двѣ — можно. Надлежало бы три, то есть, чтобы троекратное въ воскресные дни сдѣлать оглашеніе, но возможно и въ двѣ. Конечно, у исповѣди и святого причастія обрученные въ свое время были? Григорій-то Петровичъ, знаю, что былъ, ибо я его духовный отецъ, предполагаю, что и невѣста была...

— О, да, да!—утвердительно отвѣчалъ Петръ Ѳеодоровичъ,—вчера еще объ этомъ разговоръ былъ.

— Такъ, такъ... И съ супругою, и съ мамашею невѣсты, само собою, этотъ вопросъ уже выяснили.

— Говорено, батюшка,—отвѣтилъ Петръ Ѳеодоровичъ, т. е., значитъ, на счетъ ихъ разныхъ тамъ женскихъ сборовъ,—говорено. Оно, разумѣется, если имъ дать волю,—пожалуй со сборами этими до заговѣнья протянутъ, а то и дольше. Народъ они, сами знаете, какой. Несообразный народъ.

— Хе, хе. Бываетъ, бываетъ...

— У меня, знаете, того... разговоръ коротокъ: сказано и стало быть—исполняй.

— Да, да... Что же... Конечно, вы—глава.

LV.

Отецъ Максимъ поднялся съ кресла, собираясь уходить.

— А хересу рюмочку?—предложилъ Петръ Ѳеодоровичъ.

— Нѣтъ уже увольте. Выпито въ изобиліи.

— Посошокъ на дорожку.

— Охъ ужъ эти посошки. Лукавые они и поддержка отъ нихъ весьма сомнительна, даже, можно сказать, совсѣмъ напротивъ... Хе... хе... Ну, будьте здоровы!..

Одинъ изъ широкоплечихъ гостей, купецъ, лицо котораго болѣе чѣмъ у другихъ раскраснѣлось отъ частаго сношенія со «строгими» напитками, громко сказалъ, широко разводя руками и замѣтно заплетаясь языкомъ:

— Надо, Петръ Ѳедоровичъ... слышь.. чтобы всѣмъ соборомъ... и чтобы чокнуться...

— Само собой!.. Пожалуйте всѣ...

— И чтобы старушки Божьи... для оживленія разговора...

— Привлечемъ и старушекъ... Наливай всѣмъ... Анна Марковна... Марья Семеновна!.. Пожалуйте! Приближайтесь къ столику-то.

Старушки закачали головами.

— Охъ, ужъ не невольте...

— А я выпью,—возвысила голосъ одна изъ нихъ, малорослая и тощая,—и даже съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. Выпила я, грѣшница, и еще могу... безо всякой хитрости.

— Вотъ и чудесно!

— И пѣсню запою.

— Вотъ! Вотъ! Это даже безподобно хорошо! Обязательно надо пѣсню,—подхватили купцы.

Отецъ Максимъ улыбался.

— Чтожъ...—замѣтилъ онъ,—обстоятельства въ достаточной степени благопріятствуютъ и соотвѣтствуютъ характеру празднества.

— Пѣніе, пожалуй, и излишне,—возразилъ Петръ Ѳедоровичъ,—и въ особенности въ такихъ лѣтахъ...

— Что ты мои лѣта считаешь! Ты считай свои. Тебѣ, по смиренству твоему, пѣніе не идетъ, а мнѣ можно...

— И вамъ излишне...

— Какъ излишне?—заволновалась старушка,—въ умѣ ли ты? Подумай, за что же у меня хмѣль даромъ пропадетъ?..

— Правильно, правильно!—одобряли купцы.

Однако расходившаяся старушка не запѣла, удер-

жанная отъ этого другими старушками, начавшими тормошить ее за шаль и что-то нашептывать, показывая глазами на отца Максима.

— Мнѣ желательно,—продолжалъ одинъ изъ раскраснѣвшихся купцовъ, обращаясь къ священнику,— очень у меня большое, напримѣръ, рвеніе къ тому, чтобы съ вами, то есть, чокнуться. Покорнѣйше... извините... Я, такъ сказать, отъ избытка чувствъ.

— Спасибо. Что жъ... съ удовольствіемъ...

— — Потому... какъ, вы, напримѣръ, пастырь и притомъ... высокой жизни...

— Полноте... не конфузьте... Хе... хе...

Отецъ Максимъ допилъ рюмку, поставилъ ее на столъ и сталъ молиться на образа, потомъ взялъ Петра Ѳедоровича за руку обѣими руками, желтыми и морщинистыми, и, потрясая ее, сказалъ:

— За симъ прощайте... Покорнѣйше благодарю...

Простясь съ хозяевами и гостями, онъ мелкими, старческими шагами пошелъ въ переднюю. Петръ Ѳедоровичъ, провожая его, хотѣлъ помочь ему надѣть верхнюю рясу, но онъ, несмотря на свою старость, ловко увернулся отъ его помощи и, быстро надѣвъ рясу въ рукава, сказалъ:

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь. Счастливо оставаться!

По уходѣ отца Максима раскраснѣвшіеся собраты Петра Ѳедоровича стали держаться замѣтно свободнѣе, провозглашали тосты за обрученныхъ, вваливались гурьбой въ гостиную, гдѣ чинно сидѣли вокругъ стола, заставленнаго тарелками со сластями и орѣхами, ихъ жены въ обществѣ невѣсты, ея матери и Ирины Игнатьевны съ Григорьемъ Петровичемъ. Не въ мѣр раскраснѣвшіеся мужья, покачиваясь и заплетая язы комъ, поздравляли обрученныхъ, заявляли желаніе вы пить съ ними «съ обча» и не только въ данное врем но и впослѣдствіи, на тѣхъ «рукобитьяхъ», когда он будутъ выдавать замужъ своихъ дочерей или женит

сыновей. Женихъ и невѣста сконфуженно отмалчивались, Петръ Ѳедоровичъ улыбался, стараясь скрывать свою усталость и желаніе наивозможно скорѣе проводить гостей и прилечь отдохнуть. Онъ, подобно старушкамъ-гостьямъ и женамъ не въ мѣру расходившихся собратовъ, тоже побаивался, чтобы «строгіе» напитки не оказали въ концѣ концовъ зловреднаго на на нихъ дѣйствія. Но все кончилось благополучно.

Въ передней, когда гости уже собрались уходить, малорослая, тощая старушка, изъявлявшая желаніе спѣть пѣсню, «чтобы не пропалъ даромъ хмѣль», впала въ унылое настроеніе, сѣла въ передней на сундукъ, прикрытый тюменскимъ ковромъ, и стала плаксиво жаловаться на свою судьбу:

— Бѣдная я, горемычная... Ни тятеньки, ни маменьки у меня нѣтъ, сокрыла ихъ сыра земля...

— Полно! Полно! — уговаривали ее другія старушки,—собирайся, мы ужъ одѣлись...

— Охъ, родимые, на сердцѣ таково тоскливо... Еще бы хоть по рюмочкѣ сладенькаго на дорожку...

— Будетъ, голубушка... Всему мѣра!..

Одинъ изъ купцовъ, покачиваясь, всматривался сонными глазами въ уговаривавшую старушку, пробормоталъ, хотя и не безъ усилія, но все-таки еще членораздѣльными звуками!

— Это ты... резонно...

Другой, тоже въ достаточной мѣрѣ сраженный «строгими» напитками, долго всматривался въ Григорья Петровича, вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ сего хлопнулъ его по плечу и сказалъ:

— Эхъ ты, голова садовая!

— То есть, какъ это понимать?..

— А вотъ въ тѣхъ, значитъ, самыхъ смыслахъ, что жидковатъ ты больно, слабъ тѣломъ...

Григорій Петровичъ нѣсколько смутился и вопросительно взглянулъ на отца.

— Хе, хе! — подсказалъ Петръ Ѳедоровичъ, предусмотрительно становясь между сыномъ и не въ мѣру

захмѣлѣвшимъ гостемъ,—ничего, Богъ дастъ, женится и поправится...

— А ты, братецъ, ѣшь больше!—добавилъ гость и покачнулся на Петра Ѳедоровича.

LVI.

Черезъ мѣсяцъ была свадьба. Бабушка Парасковья Петровна, приглашенная занять мѣсто за свадебнымъ обѣденнымъ столомъ рядомъ съ новобрачной, смущенно отказывалась:

— Охъ, добрые, зачѣмъ мнѣ такой почетъ! Слава Богу, гостей много, найдется кого посадить...

Извините, многоуважаемая бабушка, этого ни въ какомъ разѣ невозможно допустить,—рѣшительно заявилъ Петръ Ѳедоровичъ,—такъ слѣдуетъ по положенію.

И мать новобрачной была того же мнѣнія, что почетное мѣсто непремѣнно должна занять бабушка.

— Ужъ вы, мать моя, извините,—развязно заговорила она, — съ вами, я вижу, надо поступить по-нашему, по-сибирски, вотъ такъ!

Взявъ бабушку за обѣ руки, она повела ее къ назначенному мѣсту.

— Не обезсудьте ужъ, что слѣдуетъ, то слѣдуетъ...

Бабушка смиренно подчинилась ея указанію. Сначала обѣда она чувствовала себя нѣсколько какъ бы въ неловкомъ положеніи и говорила мало, отвѣчая на вопросы новобрачной односложными словами, но потомъ оживилась и даже стала гладить ее по плечу.

— Не вижу, добрая, не вижу; вотъ только одним глазкомъ чуть-чуть примѣчаю, — улыбаясь, говорил она,—а сердцемъ-то чувствую, что ты хорошая, и п голосу слышно, что больно хорошая. Дай вамъ Бог съ Гришенькой совѣтъ, да любовь. Главное, дѣтушкі

миръ. И Господь по воскресеніи Своемъ первое слово сказалъ апостоламъ: «миръ вамъ!» Гдѣ миръ, тамъ и благодать. Такъ-то, добрая. Сказано въ писаніи: духа не угашайте, всегда ищите добра и другъ другу, и всѣмъ, всегда радуйтесь, за все Господа благодарите...

Несмотря на поучительный тонъ, слова бабушки были до того ласковы и сердечны, и ея старческое лицо было озарено такимъ яснымъ свѣтомъ душевной чистоты, что молодая, наконецъ, не выдержала—обняла ее и поцѣловала ей руку.

— Что ты, что ты, добрая,—смущенно проговорила бабушка,—нѣшто такъ можно: руки у меня старыя, костлявыя... Дай, лучше я тебѣ поцѣлую ручку...

Молодая отъ этого уклонилась и поцѣловала ее въ губы.

— Позвольте!.. Хе, хе... Это не порядокъ!—возгласилъ Иванъ Васильевичъ Радостинъ, тоже бывшій на свадебномъ обѣдѣ и уже подозрительно раскраснѣвшійся,—супротивъ этого должна быть со стороны новобрачнаго заявлена претензія. Обязательно должна! На свадебномъ пиру онъ только одинъ имѣетъ полное право на поцѣлуи новобрачной...

— Зачѣмъ же это ты, голубушка, — озабоченно прошептала бабушка,—вишь, говорятъ, нельзя...

— Это онъ такъ въ шутку,—улыбаясь, отвѣтила новобрачная.

— То-то, то-то... Не обидѣть бы кого. Спаси, Господи!..

— Всепокорнѣйше прошу Григорія Петровича,—продолжалъ Иванъ Васильевичъ,—немедленно возстановить свои права и предлагаю по этому случаю тостъ за здоровье новобрачныхъ. Ура!..

— Ура! Ура!..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Горько! — добавилъ Иванъ Васильевичъ, прихлебнувъ изъ бокала.

— Горько! Горько!—подхватили и гости.

Петръ Ѳедоровичъ и отецъ Максимъ сидѣли рядомъ

и тоже повторяли: горько! Отецъ дьяконъ хотя и участвовалъ наряду съ другими въ выпивкѣ и не безъ усердія провозглашалъ тосты, но въ разговорѣ съ отцомъ Максимомъ о достоинствахъ шампанскаго вина остался при особомъ мнѣніи.

— Извините, ваше высокопреподобіе, не одобряю я этого заграничнаго напитка,—возразилъ онъ.

— Это почему?

— Душевнаго оживленія отъ него не ощущаю даже и въ малой мѣрѣ... Я, ваше высокопреподобіе, предпочитаю напитки болѣе, такъ сказать, значительнаго содержанія...

— Отечественную, стало быть?

— Нѣтъ, зачѣмъ одну отечественную. Я не чуждаюсь и иностраннаго. Пуншъ, напримѣръ, куда благороднѣе...

— Ктожъ препятствуетъ!—замѣтилъ Петръ Ѳедоровичъ,—хозяйка, слышь, Ирина Игнатьевна, распорядись!..

Ирина Игнатьевна, счастливая счастіемъ сына, хотя и взглянула на отца дьякона съ недовольнымъ видомъ, но тотчасъ же овладѣла собой и съ улыбкой шепнула прислугѣ на счетъ пуншу.

Немало было тостовъ, немало искренняго задушевнаго веселья на этомъ свадебномъ пиру.

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ, и вмѣстѣ съ другими радовался счастію новобрачныхъ.

LVII.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и многое измѣнилось въ жизни обитателей Замоскворѣчья и въ семьѣ Дровяниковыхъ. Не слышится больше въ комнатахъ визгливый голосъ Ирины Игнатьевны, и не прогуливается въ саду Петръ Ѳедоровичъ, мурлыча себѣ подъ носъ: «ахъ ты, мо-о-лодость!..» Давно уже пропѣли отцу Максиму: «во блаженномъ успѣніи вѣчный по

кой»... и не раскрывается въ залѣ Дровяниковыхъ карточный столъ для преферанса.

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ«.

Садъ, сосѣдній съ церковью «Взысканія погибшихъ», разросся гуще прежняго, и фигурные ея кресты уже не видны болѣе изъ кабинета. Молодыя деревца вытянулись и зеленой семьей тѣснятся около старыхъ деревьевъ. Въ домѣ слышится рѣзвая бѣготня дѣтей и ихъ юные голоса...

Въ конторѣ появились новые служащіе, возмужали молодые, а нѣкоторые изъ пожилыхъ уже успѣли постарѣть.

Конторщикъ, имѣвшій слабость «къ березинскому» и побаивавшійся нюхать при молодомъ хозяинѣ, уже не сидѣлъ болѣе на своемъ обычномъ мѣстѣ за письменнымъ столомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ бумагами, а жилъ на покоѣ въ новомъ флигелѣ, построенномъ во дворѣ, и едва, передвигая отъ старости ногами, бродилъ по саду съ табакеркой въ рукахъ.

— Да, бывали времена,—вспоминалъ онъ иногда,—времена бывали... И вспомнишь, такъ даже того... жутко. Хорошъ былъ хозяинъ, царство ему небесное, ну—крутенекъ... И Григорій Петровичъ хорошъ, нечего и говорить, очень хорошъ... Меня, старика, какъ призрѣлъ!..

Давно скончалась и бабушка Парасковья Петровна, которую Петръ Өедоровичъ часто когда-то привѣтствовалъ словами старинной пѣсни о матери: «День деньской моя печальница, въ ночь ночная богомольница».

Уже и Григорій Петровичъ началъ сѣдѣть, и морщины стали обозначаться на его лицѣ, но свѣтлый образъ бабушки до сихъ поръ живетъ въ его семьѣ во всей прелести ея духовной красоты.

Живетъ этотъ образъ и во мнѣ, пишущемъ эти строки, былымъ свидѣтелѣ ея праведной жизни. Я

приближающійся тоже къ закату дней земнаго бытія, и теперь мысленно внимаю ея кроткимъ рѣчамъ, подобно тому, какъ когда-то внималъ въ дни моей юности, и припоминаю знаменательныя слова апостола, часто когда-то ею произносимыя:

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ».

АНАТОМЪ

РАЗСКАЗЪ

I.

Онъ былъ высокаго роста, бодрый и крѣпкій старикъ, повидимому, лѣтъ за пятьдесятъ, въ дѣйствительности же—далеко за шесть десятковъ. Не смотря на такую пору жизни, онъ еще не горбился, шагъ имѣлъ крупный и твердый и голову держалъ всегда нѣсколько откинувъ назадъ, что придавало ему самоувѣренный и даже надменный видъ. Самоувѣренность, можетъ быть, въ немъ и была, по крайней мѣрѣ онъ имѣлъ на нее по своимъ заслугамъ право, но о надменности и говорить нечего; услышавъ о ней, онъ могъ бы сказать: «надменность? Что такое надменность? Надо работать—вотъ надменность».

Зимою онъ ходилъ въ енотовой шубѣ, надвинувъ шапку на уши и поднявъ воротникъ,—тогда ни лица его, ни глазъ почти не было видно, только выглядывалъ изъ-подъ воротника конецъ носа, крупнаго и горбатаго, и золотые ободки очковъ, солидныхъ размѣровъ, какіе дѣлались когда-то въ доброе старое время. Лѣтомъ и вообще въ теплую погоду онъ, разумѣется, не закутывался и тогда не только его горбатый носъ, но и густые пепельнаго цвѣта бакенбарды и задумчивое, всегда на чемъ-то сосредоточенное, выраженіе лица были видимы для всѣхъ. За то самъ онъ ни лѣтомъ, ни зимой и ни въ какое другое время года, никого въ часы своихъ прогулокъ не замѣчалъ.

Впрочемъ, едва-ли можно назвать прогулками тѣ переходы, которые онъ впродолженіи нѣсколькихъ

десятилѣтій дѣлалъ ежедневно изъ квартиры до анатомическаго института и обратно Это были именно переходы отъ утренняго кофе къ мѣсту службы и отъ мѣста службы къ обѣденному столу, а отъ обѣденнаго стола опять къ мѣсту службы и обратно—къ кровати. Еслибы кто-нибудь при немъ назвалъ время, удѣляемое имъ на эти переходы, временемъ его прогулокъ, онъ то же могъ бы отвѣтить:

— «Прогулка? Что такое прогулка? Надо работать—вотъ прогулка».

Дворники, лавочники и т. п. людъ, замѣчая его на улицѣ, знали, куда онъ идетъ и когда будетъ возвращаться обратно, и могли по встрѣчамъ съ нимъ повѣрять свои часы. Они почтительно снимали передъ нимъ фуражки и послѣ того, какъ его высокая фигура скрывалась за уголъ сосѣдняго переулка, не безъ страха косили туда глаза, очевидно, побаиваясь за цѣлость собственной шкуры.

— Людей потрошитъ, перешептывались они между собой. Сказываютъ, каждый день десятка по два. Голову, ноги, нутро—все распластаетъ, останется отъ человѣка только одинъ шкилетъ...

II.

Подобно тому, какъ истинный художникъ, рисуя съ натуры молодое женское тѣло и будучи поглощенъ своей задачей, не чувствуетъ къ нему физической страсти, онъ не чувствовалъ къ трупамъ отвращенія и видѣлъ въ нихъ всегда интересный, и всегда желательный предметъ для наблюденій. Ни трупной вонью, ни ѣдкимъ запахомъ карболовой кислоты, которыми разило по корридорамъ отъ залъ анатомическаго института, вплоть до входныхъ дверей, саженъ на пятьдесятъ, онъ не тяготился, несмотря на то, что между трупами бывали такіе, которые, оставаясь по недѣлямъ на столахъ, зеленѣли и чернѣли отъ разложенія.

Имѣя возможность по своему служебному положе-

нію заниматься только одними высшими вопросами науки, онъ не прочь былъ провести цѣлый день «за черной работой» на кухнѣ, находившейся въ сосѣдствѣ съ анатомическими залами. Тамъ въ деревянныхъ чанахъ выпаривались въ теплой водѣ человѣческія головы, съ выпученными глазами, отдѣльныя части рукъ, ногъ и т. д. Не рѣдко онъ собственноручно обдиралъ съ нихъ мясо, вылущивалъ изъ головы мозги, хрящи и складывалъ потомъ обнаженныя кости въ скелетъ или распиливалъ черепа и измѣрялъ толщину ихъ стѣнокъ, представлявшихъ почему-либо особый для него интересъ. Онъ даже способенъ былъ, одѣвшись въ полную форму, со звѣздами и лентами, увлечься работой и совершенно забыть о томъ, что облачился вовсе не для того, чтобы испачкаться, а для пріема кого-нибудь изъ «высокихъ посѣтителей».

Ни утомленія отъ занятій, какъ бы они долго ни продолжались, ни жары отъ газовыхъ рожковъ, доходившей при вечернихъ занятіяхъ студентовъ до двадцати градусовъ, онъ не чувствовалъ. Чѣмъ больше столовъ въ залахъ было занято трупами, тѣмъ онъ былъ оживленнѣе и потиралъ руки, точно отъ удовольствія, что эти залы напоминаютъ мясную лавку, и только иногда, щурясь отъ свѣта, ярко разлитаго по всѣмъ столамъ, онъ, проходя по заламъ, замѣчалъ:

— Ну, температура сегодня, кажется, немножко слишкомъ...

Студенты потные и раскраснѣвшіеся отъ жары, копошились около столовъ и, облѣпивъ трупы со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи, дѣлали каждый свое: одни препарировали кисти рукъ, другіе ногъ, третьи шею, горло и т. дал. Каждый ежеминутно отрывался отъ работы, всматривался въ текстъ и рисунки лежавшей передъ нимъ книги и повѣрялъ по ней свои наблюденія. Они не обращали вниманія на то, какой ужасный видъ имѣютъ распластанные трупы, иные безрукіе, безногіе, съ раскрытою полостью груди, иные съ полуотрѣзанной головой, съ кровью, запекшейся на воло

сахъ бороды, торчащей вверхъ щеткой, и съ обнаженными внутренностями горла.

Въ другихъ залахъ первокурсники слушали объясненія прозектора и наблюдали, какъ онъ, тоже потный и красный, съ утомленнымъ взглядомъ и всклокоченными волосами, вскрывалъ трупъ. Пытливо оглядывая столы съ трупами, окруженные занимавшимися вокругъ нихъ студентами, онъ проходилъ туда, оглядывалъ работу прозектора, прислушивался къ его объясненіямъ, иногда прерывалъ ихъ и, увлекшись предметомъ, самъ начиналъ копаться во внутренностяхъ.

Въ противоположность тому, какъ, идя по улицѣ, онъ никого и ничего не замѣчалъ,—здѣсь, въ своемъ царствѣ, никакая малѣйшая подробность не оставалась имъ не замѣченной. Уходя въ свой отдѣльный кабинетъ, находившійся тутъ же вблизи залъ, онъ видѣлъ, напримѣръ, какъ служители несли по корридорамъ трупъ, положенный на холстъ и имъ прикрытый, и по положенію, по обрисовывавшимся изъ-за холста его формамъ, онъ уже опредѣлялъ—мужчина это или женщина, и какихъ приблизительно лѣтъ, помнилъ, который по числу былъ въ этотъ день принесенъ трупъ, зналъ, куда и для какой цѣли его несутъ, и не ускользало отъ его вниманія даже то состояніе, въ какомъ находились въ это время служители.

— Пьянствуютъ, думалъ онъ и хмурился, покачивая головой.

Онъ всегда былъ бодръ, всегда занятъ своимъ дѣломъ и до того горячо, какъ будто ни въ наукѣ, ни въ жизни ничего кромѣ анатоміи не существовало. О немъ было кѣмъ-то мѣтко сказано, что онъ и въ живомъ человѣкѣ видитъ только трупъ.

Мысли о томъ, дѣйствительно ли эта видимая цѣль бытія — гниль и разложеніе — есть въ то же время единственная и конечная его цѣль—такой мысли въ головѣ его мѣста не было. На вопросъ о ней онъ удивился бы и, приподнявъ очки къ верху, отвѣтилъ:— что такое? Какія цѣли? Надо возможно тщательнѣе и

возможно чаще вскрывать трупы — вотъ цѣль. О его ученыхъ трудахъ знали всѣ первокласные представители европейской науки. Это, разумѣется, возвышало его въ собственномъ о себѣ мнѣніи, но ничѣмъ не отражалось ни на его образѣ жизни, ни на отношеніяхъ къ окружающимъ.

При большомъ «запасѣ» въ мертвецкой, онъ потиралъ руки и говорилъ:

— Это хорошо.

Но когда узнавалъ, что остается немного, хмурился, качалъ головой и говорилъ:

— Это не хорошо.

— Привоза нѣтъ изъ больницъ.

— Отчего?

— Мало, слѣдовательно, умираютъ...

— А! Это не хорошо.

Были когда-то лѣтъ десять назадъ смутные толки въ обществѣ о томъ, что завелся въ больницахъ тайный торгъ трупами, отправляемыми будто-бы въ Дерптъ, гдѣ анатомическое отдѣленіе университета всегда въ нихъ нуждалось. Эти слухи такъ и остались недоказанными.

— Помилуйте, роптал онъ, — зачѣмъ такъ? Если у насъ не будетъ ихъ въ достаточномъ количествѣ — какая тогда возможна наука.

III.

Его имя: Артуръ Генриховичъ Краббе. Студенты звали его просто Артуръ, а науку, преподаваемую имъ — «артуристика». Не смотря на его простоту и доступность въ обращеніи со всѣми, студенты его побаивались и всего болѣе потому, что въ своей «артуристикѣ» онъ былъ ревниво строгъ и неумолимо настойчивъ: или учись, какъ слѣдуетъ, или убирайся къ чорту. Заниматься у него «какъ-нибудь» было нельзя. Бывали случаи, что студента онъ срѣзывалъ на экзаменѣ до десяти разъ и невозмутимо спокойно заявлялъ:

— Недовольно достаточно... Надо еще приготовиться.

— Господинъ профессоръ, я уже... припомните... Я въ десятый разъ.

— Въ десятый! А! Въ десятый... Это слава Богу. Меня Гиртль вотъ на такомъ же точно препаратѣ пятнадцать разъ прогонялъ. Вотъ какъ... Ну, а теперь, помолчавъ, добавилъ онъ, теперь бы я его, пожалуй, тоже пятнадцать разъ прогналъ... Идите... Слѣдующій!

Съ слѣдующимъ бывала иногда расправа короткая: два-три вопроса, потомъ безмолвное покачиваніе головой.

— Недостаточно.

— Помилуйте, господинъ профессоръ, я... мнѣ кажется...

— Недовольно достаточно. Приходите еще разъ. Слѣдующій!

Съ этимъ разговоръ еще короче. Послѣ перваго же вопроса онъ начинаетъ хмуриться.

— Не только недовольно достаточно, но даже совсѣмъ ни къ чорту не годится. И перепутали все... Скажу вамъ прямо, нѣтъ у васъ любви къ дѣлу и терпѣнія нѣтъ, а безъ нихъ не можетъ быть успѣха. И вы еще говорите, что желаете заниматься спеціально хирургіей... О, господинъ, господинъ!

Онъ безмолвно покачиваетъ головой и потомъ, рѣзко перемѣнивъ тонъ рѣчи, говоритъ:

— Да васъ, милостивый государь, съ такими знаніями на сто саженъ къ хирургическому подъѣзду пустить нельзя. Сдѣлайте одолженіе, послушайте меня, и оставьте анатомію въ покоѣ. Идите въ чиновники, въ адвокаты, въ ремесленники — куда угодно. Здѣсь вы напрасно теряете время и, замѣтьте, самое лучшее время жизни.

Въ его рѣчи, всегда грамматически правильной, прорывается по временамъ какое-нибудь одно слово, даже одна гласная буква, вмѣсто *ы*, напримѣръ *и*, или вмѣсто *а*—*я*, указывающая на его нерусское происхо-

жденіе. Когда онъ волнуется, такіе промахи замѣчаются чаще, Студентъ, распекаемый за неряшливое отношеніе къ занятіямъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ, кусаетъ губы и, отходя отъ стола, ворчитъ вслухъ:

— Проклятый нѣмецъ!

Ворчанье его слышатъ всѣ находящіеся въ комнатѣ студенты, многіе взглядываютъ на профессора съ безпокойной мыслію о томъ, слышалъ ли онъ сказанную грубость и какъ къ ней относится. Оказывается, онъ дѣйствительно ее слышалъ и даже смотритъ въ ту сторону, куда отошелъ грубый человѣкъ, но на лицѣ его нѣтъ и слѣда гнѣва.

— Вы, господинъ, невѣрно сказали, спокойно говоритъ онъ оскорбителю,—я вовсе не нѣмецъ, а чехъ,— и потомъ обычнымъ тономъ произноситъ:

— Слѣдующій!

И когда подходитъ къ столу студентъ, уже извѣстный ему своими способностями и любовію къ занятіямъ, мрачный взглядъ его исчезалъ, брови приподнимались выше, и на губахъ появлялась улыбка.

— А, а, герръ N...! Н-ну, что ви скажете? А, а! Да, да, именно. Такъ, такъ, произноситъ онъ повременамъ, одобряя отвѣчающаго студента. О, о! Да вы занима-ались. Я вамъ предложу еще одну мою работу, именно объ этой аномаліи... Читали уже ее и знакомы... Ну, разскажите. А, а, пріятно. Это, я вамъ доложу, чрезвычайно...

Онъ уже не сидитъ на стулѣ, а стоитъ около студента и, оживленный до увлеченія, размахиваетъ обѣими руками.

— Дѣ, да. Вотъ. Именно! И эта аномалія, продолжаетъ онъ, все ближе и ближе напирая на студента и замѣчая, что тотъ уже жмется къ стѣнѣ,— она, эта аномалія, имѣетъ ту замѣчательную особенность, что всегда сопровождается тождественной аномаліей въ другой части организма. На это вы тоже обратили вниманіе? Очень хорошо. Именно. Такъ, такъ.

Явно для всѣхъ находящихся въ комнатѣ, что онъ въ духѣ и радуется.

IV.

Жизнь онъ велъ скромную, можно сказать отшельническую, въ гости ни къ кому не ходилъ, театровъ и общественныхъ собраній не посѣщалъ и о томъ, какъ тамъ люди время проводятъ, имѣлъ весьма смутное представленіе.—«Бьютъ баклуши, чего тамъ болѣе дѣлать».

Коллеги его, не менѣе чѣмъ онъ извѣстные, но болѣе счастливые доктора медицины, имѣвшіе дѣло не съ мертвыми, а съ живыми людьми и притомъ всего чаще съ богатыми, ѣздили на свои лекціи въ колясках, на кровныхъ рысакахъ и, развалясь на мягкихъ подушкахъ, свысока оглядывали улицу направо и налѣво, вотъ, молъ, что можетъ дать человѣку съ умомъ наука. Они имѣли роскошныя квартиры, съ дорогой, бьющей на эффектъ обстановкой и грубыми лакеями, тоже кормившимися «около науки» и продававшими приходящимъ больнымъ право очереди для входа въ ихъ святилища за синенькія и зелененькія бумажки.

Ничего подобнаго онъ не желалъ. Бывало проходитъ по обыкновенію пѣшкомъ мимо клиники знаменитаго доктора-практики и, замѣтивъ щегольской экипажъ, гнѣвно хмурится.

— Это непремѣнно какой-нибудь студентишко чванится богатствомъ своихъ родителей, думаетъ онъ,— отъ такого толку ждать нечего. Ужъ навѣрно, каналья, отвратительно учится.

Тучный кучеръ пренебрежительно коситъ на него свои заплывшіе жиромъ глаза, какъ коситъ ихъ на всякаго пѣшехода. Проходя мимо, онъ не замѣчаетъ, что кучеръ уже успѣлъ потерять значительную часть важности и уже осаживаетъ своихъ рысаковъ назадъ, уступая мѣсто у подъѣзда другому не менѣе тучному кучеру, доставившему къ клиникѣ еще болѣе знаменитаго доктора, чѣмъ его хозяинъ. Онъ понятія не

имѣетъ о томъ, какія житейскія выгоды даетъ наука не только знаменитымъ докторамъ, но даже и ихъ кучерамъ. Подобно древнему мудрецу, проходившему чрезъ торжище, заваленное разнообразными товарами, онъ могъ сказать: «однако, какъ много есть на свѣтѣ вещей, которыхъ мнѣ совсѣмъ ненужно».

Самый выборъ науки, къ которой онъ былъ всей душой преданъ, указывалъ на его безкорыстіе и пренебреженіе ко всякимъ матеріальнымъ преимуществамъ. Онъ дѣло имѣлъ почти исключительно только съ мертвыми, а отъ мертвыхъ какая же кому польза. Много, много что перепадетъ иной разъ благоволеніе свыше или цѣнная вещица рублей въ пятьсотъ за труды по вскрытію и бальзамированію тѣла лица высокаго происхожденія. Даже и подобный случай былъ ему въ тягость.

— Ахъ, хмурясь и покачивая головой, вздыхалъ онъ, получивъ приглашеніе, какъ жаль! Эта процедура много времени отниметъ... Впрочемъ, можетъ-быть, окажется, что-нибудь и любопытное...

Но по тому, какъ онъ хмурилъ брови, садясь въ карету съ ливрейными лакеями, и съ какими отрывистыми вопросами обращался къ сопровождавшимъ его помощникамъ — можно было заключить, что ожиданіе «любопытнаго» въ смыслѣ какой-нибудь аномаліи въ трупѣ пересиливалось въ немъ другимъ чувствомъ, именно сознаніемъ, что онъ «выбитъ изъ колеи».

V.

Онъ жилъ на одной и той же квартирѣ болѣе тридцати лѣтъ и прожилъ бы, пожалуй, дольше, да домъ по ветхости потребовалъ капитальнаго ремонта. Когда хозяинъ дома заявилъ ему объ этомъ — онъ растерялся.

— Переѣхать? То есть какъ же это?.. Что такое? Позвольте... Плату за квартиру вы получаете аккуратно: Жильцы мы съ женой тихіе. Ни дѣтей, ни

собакъ, ни шумныхъ собраній у насъ нѣтъ. Никакихъ даже собраній... Не понимаю. А впрочемъ мнѣ и времени нѣтъ съ вами разговаривать. Амалія!

Онъ позвалъ жену, молча и сердитымъ жестомъ показалъ ей обѣими руками на хозяина дома — вотъ, молъ, разговаривай съ нимъ, какъ знаешь, и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Хозяинъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дверь, за которой онъ скрылся, и, пожавъ плечами, заговорилъ съ его женой шепотомъ.

— Я же ждалъ, пока могъ, и то вѣдь, припомните, третій уже годъ отсрочиваю, больше не могу.

— Но какъ же намъ быть, куда мы дѣнемся?

— Мало ли квартиръ. Были бы деньги.

— Ахъ, Боже мой, не въ деньгахъ дѣло. Какой ужасъ, какой ужасъ!

Амалія добродушнѣйшая старушка, ухаживавшая за своимъ Артуромъ съ любовію матери, была по этому случаю въ большомъ огорченіи, главнымъ образомъ, разумѣется, оттого, что онъ «озабоченъ». Она оберегала его отъ всякихъ житейскихъ хлопотъ по отношенію къ людямъ, къ домашнему хозяйству и простирала свои заботы о немъ до того, что устраивала для него бумажныя лодочки и коробочки съ тою цѣлью, чтобы въ то время, когда онъ принималъ ванну, онѣ плавали предъ нимъ и по возможности отвлекали его отъ сложныхъ и глубокомысленныхъ соображеній. И вдругъ теперь такое непріятное обстоятельство, нужно перемѣнять квартиру, нужно нарушать порядокъ его жизни и можетъ быть на цѣлый день. Она была средняго, почти маленькаго роста старушка, нѣсколько уже сгорбившаяся отъ лѣтъ, но еще достаточно живая и сообразительная. Большіе темные глаза, когда-то лучистые и съ задумчивымъ выраженіемъ, теперь слезившіеся и впалые, обильно окруженные морщинами, все-таки сохраняли еще слѣды прежней красоты. Въ общемъ лицо ея напоминало портреты рембрандтовскихъ старушекъ, добрыхъ и симпатичныхъ, съ тою разницею, что она была значительно

моложе и крѣпче ихъ. Этимъ объясняется, что съ такимъ «ужаснымъ» обстоятельствомъ, какъ перемѣна квартиры, она могла еще справиться. Квартиру она отыскала сама и безъ вѣдома Артура наняла ее, зная очень хорошо, что онъ при этомъ былъ совершенно лишнимъ и, пожалуй, даже помѣшалъ бы. Переселеніе на новую квартиру было сдѣлано также безъ его участія, только въ день переѣзда онъ былъ предувѣдомленъ, что вечеромъ, по окончаніи занятій въ Анатомическомъ, долженъ будетъ нѣсколько измѣнить свой путь на квартиру и, выйдя на подъѣздъ, повернуть не направо, а налѣво. Для этого на всякій случай было поручено одному изъ служащихъ въ институтѣ поприсмотрѣть за нимъ. Дѣйствительно, онъ повернулъ-было на старую квартиру, но во-время былъ направленъ на надлежащій путь и, придя на новоселье, поблагодарилъ жену за ея о немъ заботы и даже поцѣловалъ у нея руку. Благодарить было за что; но говоря уже о красотѣ и чистотѣ новой квартиры, въ ней всѣ его книги и препараты были по возможности расположены на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ помѣщались въ прежней квартирѣ.

Послѣ вечерняго чаю, какъ только онъ присѣлъ къ своему письменному столу, такъ тотчасъ же и позабылъ, что находится на новой квартирѣ: и картины (большею частью анатомическіе атласы), и портреты друзей, и разстановка мебели, и словомъ все то, что онъ привыкъ видѣть около себя, не исключая вышитаго бисеромъ башмачка для карманныхъ часовъ, висѣвшаго въ прежнемъ кабинетѣ на стѣнѣ предъ массивнымъ диваномъ краснаго дерева, обитымъ кожей,—все было здѣсь на его глазахъ. Однако жъ на другой день послѣ утренняго кофе, собравшись по обычаю въ Анатомическій, онъ будучи уже въ пальто и калошахъ, вновь вспомнилъ, что находится на новосельи и опять поцѣловалъ женѣ руку.

— О, я понимаю... Сколько заботъ, сколько хлопотъ... Очень благодарю.

— Ахъ, другъ мой... никакихъ хлопотъ.

— Но вотъ что, вдругъ нахмурясь и озабоченно оглядывая потолки, спросилъ онъ, — обратила ли ты вниманіе на то, что домъ новый и прочный?

— О, да.

— И ты надѣешься, что онъ не будетъ потомъ, какъ домъ прежней нашей квартиры...

— То есть какъ... я не понимаю.

— Гм, я говорю именно въ томъ смыслѣ, что если намъ опять придется испытать переселеніе... въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ...

— Зачѣмъ же! Эта квартира очень хороша.

— И прежняя, припомни, тоже была когда-то хороша.

Онъ точно боялся, чтобы ему не пришлось опять перемѣнять квартиру, если домъ лѣтъ черезъ тридцать обветшаетъ и потребуетъ капитальнаго ремонта. Окруженный съ утра до вечера явленіями смерти, онъ какъ-будто считалъ себя внѣ ея вліянія и не замѣчалъ, что старость уже угрюмо забирается на его плечи.

Этотъ разговоръ о квартирѣ, въ первый и послѣдній разъ имъ возбужденный, имѣлъ даже комическое окончаніе.

— Ну что дѣлать, сказалъ онъ въ заключеніе его. Во всякомъ случаѣ надо покориться обстоятельствамъ. Помнишь пословицу: «послѣ ужина на лошадкѣ не поскачешь».

— Какая это пословица, я не понимаю.

— Ахъ, Амалія, это хорошая русская пословица.

Съ тѣмъ онъ и ушелъ къ своимъ трупамъ. Оказывается, что онъ хотѣлъ сказать—суженаго конемъ не объѣдешь, но перепуталъ слова.

VI.

Зимніе вечера долги, и съ четырехъ часовъ до девяти можно вдоволь наработаться, занимаясь хотя

бы даже и такимъ интереснымъ предметомъ, каковымъ была для него анатомія. Но ему и этого было мало. Кончатъ практическія занятія студенты, уйдетъ прозекторъ и помощники его, и останутся въ корридорахъ одни только служители, а онъ все еще сидитъ въ своемъ кабинетѣ, пишетъ, читаетъ, разсматриваетъ что-то въ микроскопъ или ходитъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину и нахмуривъ брови. Служителя перешептываются между собою, заглядываютъ къ нему въ комнату въ дверную щель и видя, что онъ пересталъ ходить и снова перебираетъ на столѣ какія-то кости, вздыхаютъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, скоро ли онъ уйдетъ. Дождавшись наконецъ его ухода, они гасятъ огни и, оставивъ одинъ едва мерцающій рожокъ въ корридорѣ, спѣшатъ закончить работы этого дня и перенести изъ мертвецкой въ анатомическіе залы назначенное число труповъ. Одинъ носитъ дрова, взваливъ вязанку ихъ къ себѣ на плечи, другой таскаетъ трупы, волоча ихъ на спинѣ и устанавливая ихъ гдѣ-нибудь около стѣны зала, поближе къ печи, для того чтобы они успѣли къ утру слѣдующаго дня надлежащимъ образомъ оттаять. Какъ тотъ, такъ и другой одинаково невозмутимо апатичны въ своемъ дѣлѣ и между носкою дровъ и тасканіемъ труповъ нѣтъ для нихъ никакой разницы. Иногда дежурный служитель, не имѣющій возможности уйти въ свою конуру спать, пока не истопятся печи, дремлетъ тутъ же около оттаеваемыхъ труповъ и, посасывая «носогрѣйку», размышляетъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ, всегда связанныхъ съ мыслію о пріятномъ заведеніи «Распивочно и навыносъ».

— Да, времена нонѣ тугія стали, бормочетъ онъ самъ съ собой, не перепадаетъ что-то копѣйка. Вотъ прошлый разъ удалось — сразу рублевку получилъ, собаченку добылъ. Студентикъ-то, должно полагать, богатенькій и даже не торговался; просилъ еще раздобыться парочкой, а гдѣ ихъ взять — смышлены и они стали — не поддаются. Сетерокъ тутъ бѣгаетъ

желтенькій, бойкій такой и веселый, хвостъ мохнатый, трубой!..

Онъ задумывается о способахъ, при помощи которыхъ можно обойти довѣрчиваго сетерка и выдать его на закланіе студенту. Трупы стоятъ прислоненные къ стѣнамъ, нѣкоторые изъ нихъ съ застывшимъ взглядомъ раскрытыхъ безжизненныхъ глазъ, другіе съ полуоткрытыми глазами, точно щурятся и подмигиваютъ одинъ другому или какъ-будто хотятъ высказать дремлющему служителю упрекъ за его безсердечное и коварное намѣреніе на счетъ желтенькаго сетерка. Случается, иной трупъ, оттаявъ, сваливается на полъ и нарушаетъ своимъ паденіемъ его раздумье.

— Ну, что тамъ такое еще... ворчитъ онъ. Ишь, безпокойный какой, стоять не хочешь. Ты думаешь, ежели умеръ, такъ и конецъ. Нѣтъ, милый, погоди. Настоящая резолюція будетъ тебѣ только завтра.

VII.

Годы, однако, клали на Краббе свою печать и, какъ онъ ни старался держаться прямо, все-таки уже начали они горбить его спину. Съ каждымъ годомъ становилось замѣтнѣе, что хотя онъ бодро еще держится, но уже не тотъ, не прежній работникъ, не знавшій съ утра до вечера утомленія, и что, пожалуй, пора подумывать о кандидатѣ на его мѣсто. Тутъ же среди распластанныхъ на части труповъ, тутъ же, въ царствѣ смерти, слышались уже между его сослуживцами разговоры о томъ, кого думаетъ высшее начальство назначить на его мѣсто «по протекціи» и кто въ дѣйствительности достойный его кандидатъ. Прозекторъ считалъ достойнымъ самого себя, помощникъ его бы[...] того же мнѣнія и, главнымъ образомъ, на томъ осн[...] ваніи, что, съ назначеніемъ прозектора на мѣсто [...] старившагося Краббе, самъ мѣтилъ на мѣсто проз[...] тора. Лица, стоявшія по службѣ ниже помощника пр[...] зектора, тоже, въ свою очередь, мѣтили на повыш[...]

ніе, и не безъ пытливости заглядывали иногда въ глаза своимъ начальникамъ—скоро ли, молъ, перемѣна и неразрывно соединенная съ нею прибавка жалованья.

Въ числѣ ученыхъ, подчиненныхъ Краббе въ служебномъ порядкѣ, находился нѣкій безпокойный мужъ, перемѣнившій въ теченіи своей многотревожной жизни до десяти мѣстъ и ни одного изъ нихъ не оставившій безъ ссоръ съ сослуживцами. О его неуживчивомъ характерѣ давно уже знало и высшее начальство, такъ какъ онъ, при каждой своей ссорѣ, посылалъ въ Петербургъ заявленія и не только по почтѣ, но даже по телеграфу, такого, напримѣръ, содержанія: «Огорченъ и не могу здѣсь оставаться. Прошу дать другое назначеніе». Или: «Терпѣніе мое истощено, самолюбіе оскорблено. Господинъ N, начальникъ мой, въ общежитіи невозможный человѣкъ. Убѣдительнѣйше прошу перевода»

Зная о его скитальческой жизни и стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, Краббе пристроилъ его къ Анатомическому уже сверхштатнымъ, въ видѣ вольнонаемнаго, и именно съ тою цѣлію, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо затѣянныхъ имъ ссоръ и пререканій, имѣть возможность отдѣлаться отъ него безъ хлопотъ.

Этотъ безпокойный и въ сущности несчастный человѣкъ, не сумѣвшій при своихъ ученыхъ заслугахъ устроить свою жизнь такъ, чтобы имѣть на шестомъ десяткѣ лѣтъ обезпеченный кровъ и кусокъ хлѣба, — не разъ уже и громко, съ свойственной ему безцеремонностью, заявлялъ, что пора положить предѣлъ службѣ такого старика, уже «песокъ-де сыплется».

— Я не отрицаю, горячился онъ, — напротивъ, я вполнѣ признаю его заслуги, и даже безпристрастнѣе, чѣмъ кто-либо другой. Онъ знаменитъ, и имя его въ наукѣ не умретъ. Но это одна сторона дѣла, и не о ней рѣчь. Суть въ томъ, что онъ уже почти вдвойнѣ прослужилъ положенный закономъ срокъ, и пора ему на покой. Сказано: «всякому овощу свое время».

Одни изъ сослуживцевъ, младшіе по положенію и

скромные по нраву, въ отвѣтъ на такія его рѣчи отмалчивались; другіе покачивали головами, очень хорошо зная, что онъ не договариваетъ главнаго, а именно, что мѣсто Краббе слѣдуетъ предоставить не кому-либо другому, а ему.

Смѣлыя возраженія онъ слышалъ только отъ одного изъ молодыхъ докторовъ, не стѣсняясь выводившаго его на свѣжую воду. Этотъ докторъ, смуглый и большеглазый, съ рѣзкими угловатыми движеніями и громкой рѣчью, неожиданно появлялся иногда предъ нимъ, услышавъ изъ кухни его громкій разговоръ, и переспрашивалъ:

— Такъ вы говорите, что Краббе пора на покой?

— Да. Что жъ въ этомъ непозволительнаго? Съ чего вы такъ рѣзко ко мнѣ обращаетесь?

— Я говорю въ тонъ вамъ. Если онъ для васъ громокъ, могу спустить на цѣлую октаву. Извините великодушно... Я хотѣлъ собственно узнать, кого вы именно считаете достойнымъ занять мѣсто Краббе.

— Н-ну, не знаю. Это ужъ дѣло начальства. Кого оно поставитъ—увидимъ.

— Васъ, непремѣнно васъ! Извольте сообразить, кому же другому достойно и праведно занять его мѣсто. Васъ и министръ давно знаетъ по вашимъ столь частымъ къ нему жалобамъ.

Тонъ молодаго доктора, явно насмѣшливый, выводитъ его изъ терпѣнія.

— Вы, милостивый государь, кричитъ онъ съ пѣною у рта,—вы по сравненію со мною мальчишка и молокососъ; вы, милостивый государь, не смѣйте говорить со мною такимъ тономъ. Вы воображаете, что если вамъ удалось обратить на себя вниманіе Краббе, такъ вы уже и ученый. Нѣтъ, милый, рано, погоди. Нѣтъ, ты еще не доросъ до учености...

— Ха, ха! Уже на ты. Какъ дружески! смѣясь, замѣчаетъ докторъ.

Но онъ уже не слышитъ замѣчій и, волнуясь больше прежняго, продолжаетъ.

— Ты не въ мѣру самолюбивый и самонадѣянный молодой человѣкъ, слишкомъ много себѣ позволяешь. Это тебя Краббе, по старости испортилъ, все Herr Хрѣновъ, да Herr Хрѣновъ—будущій «учёній». Нѣтъ ты еще не доросъ до учености, ты еще только въ передней храма науки, а не въ самомъ храмѣ...

Молодой докторъ встряхивалъ густыми, какъ конская грива, волосами и хохоталъ во все горло. Одни изъ сослуживцевъ хмурились, смущаясь безцеремонно крикливымъ тономъ возникшихъ между докторами пререканій, другіе хихикали, прикрывъ рты руками; въ дверяхъ корридора показывались оживленныя физіономіи служителей, полныя любопытства и ожиданія драки (что, молъ, за шумъ, а драки нѣтъ), пока кто-нибудь изъ нихъ болѣе сообразительный, услышавъ издали знакомые шаги Краббе, не прерывалъ наконецъ ихъ спора отчаянно громкимъ шепотомъ.

— Ваше высокоблагородіе! Господинъ профессоръ вже идутъ по колидору...

Подобныя сцены, споры и пререканія велись въ этомъ царствѣ смерти съ такими же чувствами зависти, гнѣва и тщеславія, какъ и въ любомъ петербургскомъ департаментѣ. Смерть, царившая тутъ на глазахъ у каждаго и непрерывно изо дня въ день, изъ часа въ часъ, никого изъ нихъ не наводила на мысли о тлѣнности и скоротечности всего земнаго. Она была здѣсь будничнымъ обычнымъ, давно присмотрѣвшимся, явленіемъ.

VIII.

Иногда Краббе, заслышавъ громкіе и рѣзкіе разговоры своихъ подчиненныхъ, входилъ въ Анатомическій съ гнѣвнымъ выраженіемъ лица и, хмуря брови, подозрительно оглядывалъ всѣхъ, начиная съ служителей изъ «нижнихъ воинскихъ чиновъ» и кончая своими ближайше подчиненными. Но никому изъ нихъ никогда замѣчанія не дѣлалъ и, обойдя залы, уходилъ въ свой

кабинетъ. Служители, обезпокоенные его взглядами, спѣшили убраться каждый на свое мѣсто и заранѣе вытягивали руки по швамъ въ ожиданіи «головомойки». Крупный разговоръ, громко раздававшійся до того времени по всѣмъ заламъ, переходилъ на едва слышный шепотъ, и всѣ подчиненные, большіе и малые, каждый въ отдѣльности предугадывали, что, «эта штука» даромъ не пройдетъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени они по очередно одинъ за другимъ приглашались въ кабинетъ Краббе. Что онъ имъ говорилъ, о чемъ разспрашивалъ и какія дѣлалъ внушенія, — объ этомъ исторія умалчиваетъ, извѣсто только, что выходили они оттуда потные и раскраснѣвшіеся, точно изъ жарко натопленной бани. Когда наступала очередь итти туда безпокойному ученому мужу, отъ котораго, по словамъ прозектора, всегда «сыръ-боръ загорался», онъ нервно вздрагивалъ и, откинувъ голову назадъ, отправлялся туда крупными шагами, небрежно забросивъ руки за спину.—«Эти, молъ, финтифлюшки намъ ни-по-чемъ, мы видали виды и очень хорошо знаемъ цѣну господамъ Краббамъ. Однако жъ и признаніе цѣны «господамъ Краббамъ», его осанистая и независимая небрежность и вызывающій взглядъ сердитыхъ глазъ куда-то вдругъ безслѣдно исчезали и именно въ ту минуту, какъ только онъ брался за ручку двери кабинета Краббе. Чрезъ нѣсколько времени онъ вылеталъ оттуда какъ бомба, красный и взволнованный съ растрепанной прической и не зналъ, въ которую сторону ему кинуться, чтобы, какъ возможно скорѣе убѣжать отъ самого себя. То онъ метался по корридору изъ одного конца въ другой, шагая скоро и частыми на этотъ разъ уже не крупными, а мелкими шагами, то уходилъ въ анатомическую кухню и тамъ, хватая за разные, вовсе ему ненужные, предметы, мертвы руки, ноги и т. п., незная, зачѣмъ въ сущности тр вожитъ ихъ и всматривается въ ихъ обнаженные м скулы, нервы и сухожилія. Минуту спустя онъ уж снова шагалъ по корридору, заглядывая въ растворе

ныя двери залъ, гдѣ, въ ожиданіи студентовъ лежали на столахъ трупы. Попадался ли ему на глаза студетъ съ кипою растрепанныхъ книгъ подъ мышкой, спозаранку пробиравшійся въ залъ для практическихъ занятій, или встрѣчались служители, тащившіе по коридору только-что умершаго въ которой-нибудь изъ клиникъ—онъ не замѣчалъ ни этого предмета, завернутаго въ холстъ и покачивавшагося въ немъ изъ стороны въ сторону, подобно маятнику, ни служителей, тащившихъ его съ спокойствіемъ привычки, ни студента съ книгами. Онъ былъ въ это время охваченъ только одною думою, а именно—о послѣдствіяхъ его крупнаго разговора съ Краббе. Такъ проходило иногда полчаса, часъ и болѣе, т. е. вообще столько времени, сколько было нужно для того, чтобы волненіе его кончилось, и онъ могъ бы снова пройти въ кабинетъ Краббе. На этотъ разъ онъ шелъ туда, нѣсколько сгорбившись, съ грустнымъ выраженіемъ лица, обильно уже исполосованнаго морщинами, и заботливо оглядывалъ, всѣ ли пуговицы на его сюртукѣ цѣлы и застегнуты.

— Артуръ Генриховичъ, я къ вамъ, произносилъ онъ, пріотворяя дверь, и въ голосѣ его слышалась робкая дрожащая нота.

— А а! Herr Горюновъ. Что вамъ угодно?

— Да все то же. Помилуйте, невозможно же такъ... Сами посудите.

Онъ путается и робѣетъ. Краббе смотритъ на него пристальнымъ и задумчивымъ взглядомъ и спрашиваетъ:

— И еще что?

— Я говорю, что такъ нельзя... я прошу васъ наконецъ... Вы знаете, Артуръ Генриховичъ, продолжаетъ онъ, справившись съ своимъ волненіемъ, я не интересантъ и занимаюсь анатоміей именно потому, что люблю ее. Я съ дѣтства, чуть не съ десяти лѣтъ находилъ для себя удовольствіе присутствовать при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и, можно сказать, нетерпѣливо считалъ годы гимназическаго ученія, стре-

мясь всей душей къ анатоміи. Вы знаете, что, кромѣ обязательныхъ занятій здѣсь, я занимаюсь ещё со студентами на ихъ квартирахъ, каждый вечеръ и, разумѣется, безплатно.

— О, все это я знаю и очень цѣню и благодарю... Да!

— Такъ неужели же изъ-за какой-нибудь глупой размолвки я долженъ опять уйдти отъ любимаго и дорогаго для меня дѣла? Извѣстно вамъ, что я уже, такъ сказать, усталый боецъ, усмиренный житейскими невзгодами и огорченіями...

— Ну, и что же еще? безстрастно спрашиваетъ Краббе.

— А то именно, что вы должны отмѣнить ваше рѣшеніе.

— Гм-гм!

Краббе молчитъ нѣсколько времени и потомъ спрашиваетъ.

— Въ который это разъ?

— Теперь уже Горюновъ молчитъ и нервно мнетъ свои костлявыя и морщинистыя руки одну въ другой!

— Гм-гм! Счетъ, дѣйствительно, нѣсколько затруднителенъ, продолжаетъ Краббе, но Богъ съ нимъ. Къ дѣлу. Вы, слѣдовательно, желаете остаться?

— Н-да.

— Вы, слѣдовательно, просите забыть, что двадцать минутъ тому назадъ говорили другое и даже съ презрѣніемъ относились къ службѣ со мною...

— Ахъ, мало ли что въ горячности ..

— О, въ горячности, конечно... Но вы все-таки сознаетесь, что позволили себѣ много лишняго и главное тамъ въ залахъ. Ну какъ же можно. Какой примѣръ служащимъ и студентамъ.

— Студентовъ не было ни одного, поспѣшно подсказываетъ Горюновъ.

— Это счастіе.

Краббе сидитъ, задумчиво склонивъ голову къ бумагамъ, Горюновъ стоитъ около стола и ждетъ рѣшающаго слова.

— Вы сознаетесь?

— Н-да, конечно.

Краббе глубоко вздыхаетъ и потомъ, помолчавъ, говоритъ.

— Хорошо. Идите.

Горюновъ немедленно удаляется, зная по многократнымъ случаямъ, что оставаться въ его кабинетѣ безъ надобности нельзя. Чувствуя снова у себя подъ ногами почву, которая опять чуть-чуть было не выскользнула, онъ идетъ на кухню и шипитъ тамъ на молодаго Хрѣнова.

— Чортъ бы васъ побралъ! Сколько мнѣ за васъ непріятностей!

Хрѣновъ въ клеенчатомъ фартукѣ, съ засученными по локоть рукавами рубашки, стоитъ по срединѣ кухни съ мертвой головой въ рукахъ и беззвучно хохочетъ, сжавъ губы. Лицо его красно отъ напряженія, щеки надулись и глаза полны слезъ, вотъ-вотъ, сейчасъ его прорветъ: губы раскроются и по всѣмъ заламъ Анатомическаго раздастся его громкій, раскатистый хохотъ.

IX.

И сталъ наконецъ Краббе настоящимъ старикомъ, сморщился, сгорбился и головой поникъ. Онъ не только перепутывалъ значеніе словъ въ русскихъ пословицахъ, но и въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ сталъ уже впадать въ ошибки.

— Эхъ, это не такъ, не то... Это вотъ что, поправлялся онъ, смущенно путаясь въ словахъ,—и какая, подумаешь, разсѣянность! А отчего? Оттого именно, что вчера нѣсколько не доспалъ. Вотъ что значитъ сонъ! А что такое сонъ? Хе, хе... На этотъ вопросъ не только наша анатомія, мать, такъ сказать, всѣхъ медицинскихъ наукъ, но и физіологія затрудняется отвѣтить. О психологіи я уже и не говорю. Психологія? Что такое психологія, хе, хе. Наука о душѣ. Душа что такое, о! это вопросъ сложный и весьма спорный...

Онъ хотѣлъ самъ себя обмануть и дѣйствительно

обманывалъ, объясняя упадокъ своихъ силъ разными случайными явленіями, то не доспалъ, то переспалъ и т. под. Зрѣніе его точно также слабѣло, и утрату его онъ объяснялъ тоже разными посторонними обстоятельствами.

— Что это, Амалія, посмотри пожалуйста, ворчалъ онъ по вечерамъ, садясь за письменный столъ, — что это съ лампами дѣлается: прибавишь свѣту—коптятъ; убавишь—мракъ. Я уже и свѣчи зажегъ, а все темно.

— Да, что-то не такъ, уклончиво отвѣчала жена,— вѣроятно попортились; надо отдать поправить или перемѣнить...

Пришло наконецъ такое время, что онъ не только пересталъ приходить на вечернія занятія въ Анатомическій, но даже и днемъ сталъ оставаться тамъ не болѣе какъ на часъ, а то и менѣе.

— Ну сегодня я, господа, что-то утомился. Вчера, признаться, пересидѣлъ лишнее, здѣсь же, впрочемъ, въ препаровочной... Солнышко такъ пріятно свѣтитъ, я пойду погуляю.

Его стали занимать теперь такія мелочи, о которыхъ прежде онъ и помышленія не имѣлъ. Бывало, при полученіи жалованья пересчитаетъ на скоро бумажки, скомкаетъ ихъ въ кулакѣ и небрежно сунетъ въ карманъ. Теперь же казначей едва-едва отдѣлается отъ него. Деньги начнетъ пересчитывать, чуть не каждую бумажку разглядываетъ, не фальшивая ли и не двѣ ли за одну считаетъ: ошибается, молъ, казначей и надѣлаетъ себѣ убытку, а я, молъ, чужимъ промахомъ пользоваться не желаю. Казначей смотритъ на него и думаетъ:—Эхъ, какъ копается! Десять человѣкъ можно было отпустить за это время; ну, слава Богу, досчитываетъ и сейчасъ уйдетъ. Оказываетс нѣтъ: онъ пересчиталъ бумажки и спрашиваетъ:

— Вотъ что я васъ попрошу, господинъ казначей не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженіе — извините что задерживаю, но все-таки ужъ не откажите, есл есть возможность—дѣло въ томъ, видите ли, что с

крупными деньгами иногда бываетъ очень хлопотливо...
Я бы вамъ далъ красненькихъ штукъ съ пятокъ, а вы мнѣ зелененькихъ, троечекъ, то есть...

— Хорошо, извольте, извольте.

Опять начинается пересчитываніе, медленное и обстоятельное.

Казначей думаетъ:

— Ну, слава Богу, вотъ и конецъ, теперь отдѣлаюсь отъ него опять на цѣлый мѣсяцъ.

Оказывается, что это еще не конецъ.

— Вотъ еще что я хочу у васъ попросить, продолжаетъ онъ,—продлите ужъ вашу любезность, дайте и серебреца, хоть рубликовъ на пять.

Онъ пересчитываетъ серебро тоже, разумѣется, не торопясь, укладываетъ его потомъ въ сумочку и наконецъ дѣйствительно уже уходитъ.

Другіе, давно ожидающіе очереди получить деньги, перешептываются, смотря ему вслѣдъ.

— Какой однако сталъ онъ кропотливый и липкій.

— Да, былъ конь. И по здоровью, и по работѣ богатырь былъ, а теперь что—развалина...

— Скоро, говорятъ, онъ уже и на покой...

Между его сослуживцами давно уже прекратились споры о томъ, кто будетъ назначенъ на его мѣсто; фактически оно уже было занято другимъ, опредѣленнымъ пока «помощникомъ». Горюновъ, какъ того и ждать слѣдовало, сталъ роптать, что его «безсовѣстно обошли». Не имѣя терпѣнія выждать разъясненія вопроса о своемъ положеніи при будущемъ начальникѣ, онъ воспламенился, какъ порохъ, и безцеремонно налетѣлъ на старика Краббе съ упреками.

— Я служилъ, не жалѣя силъ, я приватные уроки студентамъ давалъ, я каждый вечеръ безплатно занимался съ ними по пяти часовъ—и чѣмъ же за это расплата? Я нищій, не имѣю, можно сказать, мѣста, гдѣ голову преклонить, а вы въ чинахъ и орденахъ. Гдѣ же правда? И если вы, зная мои ученые труды и заслуги,

не оцѣнили ихъ, то какой, съ позволенія сказать, дьяволъ ихъ оцѣнитъ?

И пошелъ, и пошелъ, не давая старику слова выговорить. Волнуясь и раздражаясь, онъ договорился, наконецъ, до того, что обругалъ его беззубой обезьяной.

— Но позвольте. Herr Горюновъ, прикройте свои клапаны, прервалъ наконецъ Краббе, брань уже къ дѣлу не относится, и не могу же я отвѣчать вамъ тоже бранью. Динамитомъ или нитроглицериномъ вы начинены—пока неизвѣстно; потомъ при вкрытіи, разумѣется, все узнаемъ...

— Кого будутъ ранѣе вскрывать — увидимъ. Объ этомъ еще старуха на двое сказала, поспѣшно—возразилъ Горюновъ.

— Искренній вамъ совѣтъ,—продолжалъ Краббе—идите и выпейте холодной воды, и количествомъ не стѣсняйтесь: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Хе, хе...

Возмущенный его спокойствіемъ, Горюновъ вышелъ изъ кабинета съ такою поспѣшностію, точно настеганный. Краббе посмотрѣлъ ему вслѣдъ, покачалъ головой и принялся за прежнее занятіе.

Послѣ такой грубости Горюнова можно было предположить, что онъ уже не будетъ болѣе ему покровительствовать. Оказалось—напротивъ. На другой же день утромъ онъ отправился къ высшему начальству и говорилъ о Горюновѣ слѣдующее.

— О, онъ горячій человѣкъ и работникъ тоже горячій. Онъ очень много и глупо иногда кричитъ, но работаетъ тоже очень много и очень хорошо. Глупости, по-моему, слѣдуетъ забывать, а хорошую работу забывать не слѣдуетъ.

Слова его были на столько вѣски въ глазахъ начальства, что Горюновъ продержался потомъ при его преемникѣ еще съ мѣсяцъ. Продержался бы, можетъ быть, и больше, но преемникъ не способенъ былъ забывать ради дѣла «глупости» и ставилъ ему «всякое слово въ строку».

X.

Наступилъ, наконецъ, день сорокалѣтней службы Краббе. Справили ему юбилей и уволили въ отставку.

Привыкнувъ къ ежедневнымъ занятіямъ, непрерывно продолжавшимся въ теченіе цѣлой жизни, онъ сталъ хвататься за все, что прямо или косвенно съ ними соприкасалось: ходилъ въ Анатомическій, разсматривалъ разныя стклянки и банки, съ препаратами, сохранявшимися въ спирту и что-то записывалъ.

— Есть у меня нѣкоторыя неоконченныя по этой части работы и весьма любопытныя, — объяснялъ онъ своему преемнику..

Иногда объясненія его были довольно продолжительны, и преемникъ, выслушивая ихъ, хотя и говорилъ вслухъ, что работа его вообще «очень, очень интересна», а про себя думалъ:—«Господи, какая тоска съ этимъ старикомъ».

Случалось, дней по пяти онъ не появлялся въ Анатомическомъ, и проемникъ уже начиналъ испытывать пріятное чувство освобожденія отъ его непрошенныхъ бесѣдъ. Но пріятное чувство не успѣвало еще въ достаточной степени окрѣпнуть, какъ старичекъ вновь появлялся передъ его глазами.

— Мнѣ вотъ еще что — гм, необходимо, и даже могу сказать до чрезвычайности,—заявлялъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій,—у меня, видите ли, есть тутъ гдѣ-то, именно вотъ здѣсь въ кабинетѣ, а можетъ быть впрочемъ и тамъ, на верху, гдѣ стоятъ препараты, несомнѣнно только здѣсь, въ Анатомическомъ, да, да... Есть, видите ли одна брошюра по моимъ послѣднимъ работ ь. Мнѣ нужно ее Вирхову отправить. Онъ несомнѣнно ею заинтересуется. Она здѣсь, тутъ гдѣ-нибудь... Какъ на зло я всѣ экземпляры ея раздалъ, кому слѣдуетъ, а для Вирхова-то и не оставилъ, тогда какъ ему непремѣнно и именно ему главнымъ образомъ нужно ее отправить.

Начинались поиски по ящикамъ, по полкамъ, тре-

бовались къ допросу подчиненные старшіе и младшіе, и даже служители «изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ».

— Вотъ что, другъ мой, — обращался онъ, уставивъ тусклый взглядъ на стоявшаго передъ нимъ въ вытяжку служителя,—не видалъ ли ты вотъ здѣсь въ бумагахъ...

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, не знаю,—посвѣшно отвѣчалъ служитель.

— Ахъ, Богъ мой! Отвѣчаешь, не зная, даже о чемъ тебя спрашиваютъ. Впрочемъ, ты всегда нѣсколько путаешь по твоей неизлѣчимой слабости къ Бахусу.

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Довольно, довольно... Вотъ тотъ другой можетъ быть знаетъ. Эй ты, какъ тебя, Павловъ, кажется!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, — Крашенинниковъ.

— Ну-да, ну-да. Именно Крашенинниковъ. Я такъ тебя и назвалъ. Я очень хорошо помню твою фамилію. Такъ вотъ что, милый мой, Павл..., то есть Крашенинниковъ. Да, да, именно Крашенинниковъ. Какъ же, какъ же, я отлично помню... Такъ вотъ ты, Крашенинниковъ, не видалъ ли, вотъ тутъ у меня, вотъ здѣсь на этажеркѣ лежали тедради.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Прекрасно, если слушаешь. Дѣло въ томъ, именно, что тутъ въ числѣ тетрадей была одна въ желтаго цвѣта оберткѣ. Не замѣчалъ ли ты ее и не помнишь ли, куда именно она положена?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Гм... Ну что дѣлать. Такъ, значитъ, и запишемъ. Вѣроятно я гдѣ-нибудь ее заложилъ въ своихъ бумагахъ. Попробую еще въ нихъ порыться. Во всякомъ случаѣ найти ее непремѣнно нужно. Главнымъ образомъ для Вирхова: онъ несомнѣнно ей интересуется.

Потомъ чрезъ нѣсколько времени онъ снова появлялся въ Анатомическомъ, писалъ, читалъ, работалъ, въ препаровочной и, уходя, чуть не каждый разъ заявлялъ:

— Скоро, друзья мои, скоро я васъ оставлю. Я собираюсь заграницу... Теперь только задержка за полученіемъ документовъ о выходѣ въ отставку... Да, послужилъ. И еще бы послужилъ, ибо силъ у меня еще, слава Богу, достаточно... Ну, что дѣлать, добавлялъ онъ, помолчавъ.

Это молчаніе и слѣдующій за нимъ вздохъ и наконецъ самый тонъ его рѣчи—все указывало на то, что въ глубинѣ души онъ какъ будто имѣетъ горькое чувство неудовольстія на кого-то или сожалѣнія о чемъ-то, вѣрнѣе, сожалѣнія и именно о томъ, что жизнь уходитъ.

Получивъ указъ объ отставкѣ, онъ пришелъ въ институтъ уже съ жалобой.

— Послушайте. Такъ нельзя. Вы что же это мнѣ написали, заговорилъ онъ, — вы пропустили въ моей службѣ, можно сказать, самое главное.

— Что такое?

— Да какъ же. Помилосердуйте. Да вѣдь я анатомировалъ царя и двухъ царицъ. Это вы непремѣнно мнѣ должны помѣстить въ указъ объ отставкѣ. Я поѣду заграницу и Вирхову покажу, и Гиртлю. Они этимъ несомнѣнно заинтересуются...

— Уфъ, тяжко. Нашъ старикъ наконецъ становится невыносимъ, ворчалъ его преемникъ. Скоро ли наконецъ онъ уѣдетъ?

XI.

Онъ въ самомъ дѣлѣ уѣхалъ заграницу, хватаясь за послѣднія нити своихъ житейскихъ интересовъ. Его Амалія уже ни на шагъ не разлучалась съ нимъ, зная, что онъ очень плохо видитъ (хотя самъ онъ всегда утверждалъ противное). Былъ ли онъ у Вирхова и что съ нимъ говорилъ и какъ хвалился полученными въ Россіи почестями—неизвѣстно. Но послѣ визита къ Гиртлю, котораго онъ нашелъ уже на одрѣ болѣзни совсѣмъ лишеннымъ зрѣнія, съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

— Амалія, что же это такое, жаловался онъ сквозь слезы,—Гиртль-то, а! Мой добрый Гиртль, слышала, Амалія, вѣдь онъ лишился зрѣнія и уже безъ ногъ. Такое свѣтило, и вдругъ—ничего не видитъ. О, Боже!

Послѣ свиданія съ Гиртлемъ онъ рѣзко измѣнился, чаще сталъ задумываться и до того глубоко, что иногда даже не слыхалъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Вырѣзки изъ русскихъ газетъ, въ которыхъ были напечатаны статьи о его юбилеѣ онъ уже пересталъ перечитывать, и мысль о переводѣ ихъ на нѣмецкій языкъ стала казаться ему противной.

— Для чего? Для славы? Что такое слава? Вздоръ, глупый и пустой вздоръ, заманчивый лишь для мелкихъ душонокъ. Вотъ Гиртль — всесвѣтная знаменитость, а на что ему теперь слава, когда онъ на краю могилы. И слава вздоръ, и знаніе наше—мелко и мизерно. Что толку, что я знаю до мельчайшихъ тонкостей строеніе организма, всѣ законы его жизни—дыханія, движенія, питанія и печатаю объ этомъ книги, а самъ между тѣмъ не имѣю и тѣни понятія о томъ, *откуда* приходитъ эта жизнь и *куда* уходитъ. И я, подобно Гиртлю, тоже стою на краю могилы и тоже умру. Да неужели этимъ все и кончается? Для чего жить въ такомъ случаѣ? Жить для человѣчества и трудиться для его пользы и въ тоже время не знать, для чего это человѣчество живетъ — это невыносимо. Зачѣмъ? Знаю одно, все равно, все неизбѣжно умираетъ. И всѣ міры, плавающіе въ безконечномъ пространствѣ вселенной, имѣютъ тоже свой роковой конецъ. И неужели во всей этой удивительной жизни нѣтъ ни смысла, ни цѣли? Возможно ли допустить мысль, что жизнь сама собой явилась, начало ея—рожденіе, а конецъ—смерть? Видимое начало и видимый конецъ! И только! Смерть наступаетъ отъ прекращенія жизни, а жизнь прекращается отъ наступленія смерти. Да развѣ это отвѣтъ—это безсмысленный наборъ словъ. Гдѣ же и когда могъ кто бы то ни было и что бы то ни было сдѣлать изъ ничего, и

главное безъ цѣли и смысла? Да, дѣло въ томъ, что цѣль эта скрыта очень, очень далеко и смыслъ ея недосягаемъ для насъ. Еслибъ я еще столько же лѣтъ прожилъ и еще столько же тысячъ труповъ разчленилъ — тогда бы, подобно Сократу, сказалъ бы, что знаю только то, что ничего не знаю. И Гиртль, мой добрый Гиртль, и передъ его духовными очами, какъ и предъ моими, лежатъ теперь только груды внутренностей человѣческаго тѣла, окровавленныхъ, холодныхъ, и надъ всѣмъ этимъ все тотъ же неразрѣшимый вѣчный вопросъ.

Амалія замѣчала, что онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ привычку разговаривать самъ съ собой и по цѣлымъ часамъ лежитъ на диванѣ, смотря тусклыми глазами куда-то въ неопредѣленное пространство. Привыкнувъ смолоду относиться съ уваженіемъ къ его ученой дѣятельности, она и теперь не рѣшалась безпокоить его вопросами, хотя и сама тоже сознавала, что дѣятельности этой приходитъ конецъ.

Отправляясь заграницу, они имѣли, повидимому, твердое намѣреніе не возвращаться болѣе въ Россію и устроиться гнѣ-нибудь въ тепломъ уголкѣ Европы, чтобы, насколько возможно, дольше и больше согрѣвать свои старыя кости подъ южными лучами солнца. Но прошло со времени отъѣзда изъ Россіи уже три мѣсяца, а они все еще не устроились и жили гъ гостиницѣ. Они занимали двѣ маленькія комнаты. Въ одной, служившей пріемной и кабинетомъ, помѣщался онъ, проводя большую часть времени въ лежаньи на диванѣ; въ другой — была ихъ спальня. Заглянувъ иногда съ обычной осторожностью въ его «кабинетъ» и замѣтивъ его глубокую задумчивость, она бережно пріотворяла дверь. Однажды она заглянула и удивилась, увидѣвъ на полу разбросанныя и порванныя на мелкія части вырѣзки изъ газетъ. Онъ лежалъ на диванѣ, заложивъ обѣ руки за голову.

— Артуръ, что это? спросила она.

— Что именно?

— Да какъ что, вѣдь это же ты такъ бережно хранилъ.

Она наклонилась къ полу, подняла нѣсколько газетныхъ обрывковъ и, все болѣе и болѣе изумляясь, спросила:

— Зачѣмъ такъ? Ты же ихъ приготовлялъ для нѣмецкихъ газетъ.

— Все вздоръ и глупости. Вели вымести.

Съ этого времени онъ сталъ еще задумчивѣе. Амалія все чаще и чаще слышала, какъ онъ самъ съ собою разговариваетъ.

— Артуръ! стала она, наконецъ, спрашивать,—о чемъ ты говоришь?

— Я? Ни о чемъ не говорю.

— Какъ ни о чемъ? Ты по цѣлымъ часамъ разговариваешь.

— Фу, какая ты смѣшная... Ты скучаешь, Амалія, вотъ тебѣ и кажется, Богъ знаетъ, что.

Она пожимала плечами и умолкала. Но чрезъ нѣсколько времени снова возникалъ подобный разговоръ. Однажды она спросила:

— Не скучаешь ли ты самъ, Артуръ?

— Я? не безъ удивленія спросилъ онъ и приподнялся съ дивана,—а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, Амалія, очень возможно такое предположеніе. Здѣсь дѣйствительно скучновато, поѣдемъ-ка лучше домой.

— Куда домой?

— Въ Россію. Тамъ мы такъ долго жили. Увидимъ старыхъ друзей... И Горюнова увидимъ. Онъ вѣдь хорошій, онъ грубый только, но очень много работаетъ. И Хрѣнова увидимъ. О, Хрѣновъ—это талантливый человѣкъ: онъ очень любитъ анатомію.

— Ну что ты выдумываешь? Какая теперь намъ поѣздка: ты по цѣлымъ недѣлямъ не выходишь из комнаты.

— Вотъ еще нашла отговорку. Фу, Боже мой какъ это вы, женщины, разсуждаете, — даже удивительно.

Мысль о поѣздкѣ засѣла въ его головѣ крѣпко: только и словъ было — «поѣдемъ» да «поѣдемъ».. Еслибы не зимнее время, то Амаліи, вѣроятно, не удалось бы удержать его отъ поѣздки. Онъ, видимо, обрадовался, что оказалась возможность ухватиться за новыя нити жизни, показавшіяся ему необыкновенно интересными, и ждалъ только весны, чтобы отправиться, по его словамъ, домой. Но весна съ теплымъ солнцемъ и съ шумомъ водъ, возбудивъ его угасающія силы, сама же и понизила ихъ потомъ. Онъ получилъ, между прочими вѣстями изъ Россіи, извѣстіе о смерти Горюнова, и оно окончательно свалило его съ ногъ.

— Умеръ Горюновъ... Да какъ же это? Да что же это? плаксиво спрашивалъ онъ жену. — Онъ былъ такой крѣпкій и совсѣмъ еще не старый. Ему, кажется, и шестидесяти еще не было; навѣрное, не больше пятидесяти пяти. Амалія, ты, вѣроятно, не все письмо прочитала.

— Какъ не все!

— Да какъ же. А о вскрытіи не читала.

— Какъ не читала—ты забылъ.

— Ну, ну вотъ, опять за старое... Что же показало вскрытіе?

— Какъ, слышишь, я уже говорила тебѣ, что у него ракъ желудка.

— Ахъ, да, да. Отчего бы это? Ахъ, Боже мой. Ужасная вещь — ракъ. Бѣдный Горюновъ, какъ мнѣ его жаль! тосковалъ онъ, отдаваясь по временамъ порывамъ сердца; но чрезъ нѣсколько времени анатомъ вновь просыпался въ немъ.

— Любопытно бы узнать, какой у него ракъ былъ, размышлялъ онъ, — разновидностей въ этой болѣзни много. Настоящій, *правильно* развившійся, ракъ встрѣчается не часто. У меня въ числѣ препараторовъ, подаренныхъ анатомическому институту, есть въ спирту препаратъ рака. Удивительный экземпляръ и огромныхъ размѣровъ. Смѣло могу сказать, рѣдкостный экземпляръ. Прекраснѣйшій.

XII.

Протянулъ онъ еще съ годъ, слабѣя съ каждымъ днемъ. Амалія уже рѣдко слышала его разговоры съ самимъ собой. Иногда онъ только шепталъ что-то и по временамъ хныкалъ, какъ ребенокъ.

— Артуръ, не позвать ли намъ опять доктора; спрашивала она.

— Ахъ, оставь, отвѣчалъ онъ брезгливо морщась.

— Но о чемъ же ты плачешь?

— Я? Я не плачу. Я только такъ, немного. Другъ мой, Амалія, добавлялъ онъ иногда послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія,—добрый мой другъ, что же это такое?

— Что именно? О чемъ ты спрашиваешь?

— Я? Нѣтъ, я такъ ничего...

По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ молча, закрывъ глаза и все какъ-будто дремалъ. Амалія проводила большую часть времени у изголовья его кровати съ вѣчнымъ вязаньемъ въ рукахъ и беззвучно перебирала спицами. Вспоминалась ей Россія, квартира, въ которой они прожили лѣтъ тридцать, другая квартира, переѣздъ на которую былъ такъ поспѣшенъ, потомъ вспомнились вещи, мебель, посуда...

— И какъ все дешево пришлось продать! думала она, на одномъ буфетѣ сколько потеряли, и какой хорошій былъ буфетъ. Очень, очень помѣстительный, а этажерочка краснаго дерева! какая прелестная была этажерочка съ точеными ножками—и за семь рублей пятьдесятъ копѣекъ ее отдали. Очень дешево!

— Амалія! иногда спрашивалъ онъ, смотря на нее изумленнымъ взглядомъ,—когда же мы съ тобой увидимся? И вообще—увидимся ли мы когда-нибудь?

— Къ чему такія мысли, Артуръ? Богъ дастъ, ты поправишься.

— Ты надѣешься?

Онъ слабо жалъ исхудалой рукой ея руку и опять закрывалъ глаза.

Однажды въ сумрачный и холодный вечеръ, онъ почувствовалъ себя хуже обыкновеннаго, сталъ тревожно метаться на постели, то хватался за воротъ рубашки, то клалъ руки на грудь и не зналъ, видимо, куда удобнѣе и какъ ихъ положить.

— Что съ тобой? спросила Амалія.

— Какая ужасная погода, едва слышно прошепталъ онъ.

Она близко наклонилась къ нему и повторила вопросъ.

— Что съ тобой?

— Вѣтеръ воетъ.

— Такъ что же! Здѣсь не холодно.

— Холодно.

— Я тебя прикрою еще пледомъ.

— Ахъ, не надо, не надо, тревожно отвѣтилъ онъ.

— Да что съ тобою, Артуръ, милый мой Артуръ.

Онъ замѣтилъ на ея глазахъ слезы и, видимо, старался успокоиться.

— Ничего, это ничего, Амалія. Главное — ты не бойся.

Ей было ясно, что онъ успокоиваетъ ее и хочетъ казаться бодрѣе. Пока она уходила изъ комнаты, чтобы послать за докторомъ, ему сдѣлалось еще хуже. Онъ уже лишился самообладанія, пересталъ отвѣчать на ея вопросы или отвѣчалъ некстати и разговаривалъ самъ съ собой.

— Да, да. Это конецъ.—Это несомнѣнно конецъ. Все, что имѣетъ начало, неизбѣжно имѣетъ и конецъ. Безконечно лишь одно безначальное. А что не имѣетъ начала? Міръ. Міръ всегда существовалъ и всегда будетъ существовать, разрушаясь и вновь созидаясь въ частностяхъ. Но въ чемъ же идея? Почему Соломонъ говоритъ, что день смерти лучше дня рожденія?.. Но какъ же это? Что же это? И неужели это только одно и...

Пріѣхалъ докторъ, многозначительно нахмурился, всматриваясь въ его блѣдное лицо. На лицѣ этомъ уже

лежала печать смерти. Потомъ онъ приложился головой къ его груди, опять нахмурился и, осторожно кашлянувъ раза два въ руку, отошелъ въ сторону.

Амалія не сводила съ него пытливаго взгляда и ждала, что онъ скажетъ; но онъ въ отвѣтъ на ея вопросительный взглядъ только покачалъ головой, не то въ видѣ упрека за излишнее любопытство, не то какъ будто въ видѣ указанія на безнадежное положеніе больнаго.

Больной ужъ никого не узнавалъ и, повидимому, нѣсколько даже успокоился. Но чрезъ нѣсколько времени снова сталъ метаться и разговаривать съ самимъ собой. Потомъ онъ вытянулъ обѣ руки впередъ и совсѣмъ уже другимъ тономъ, какъ-будто вдругъ чему-то удивившись, проговорилъ:

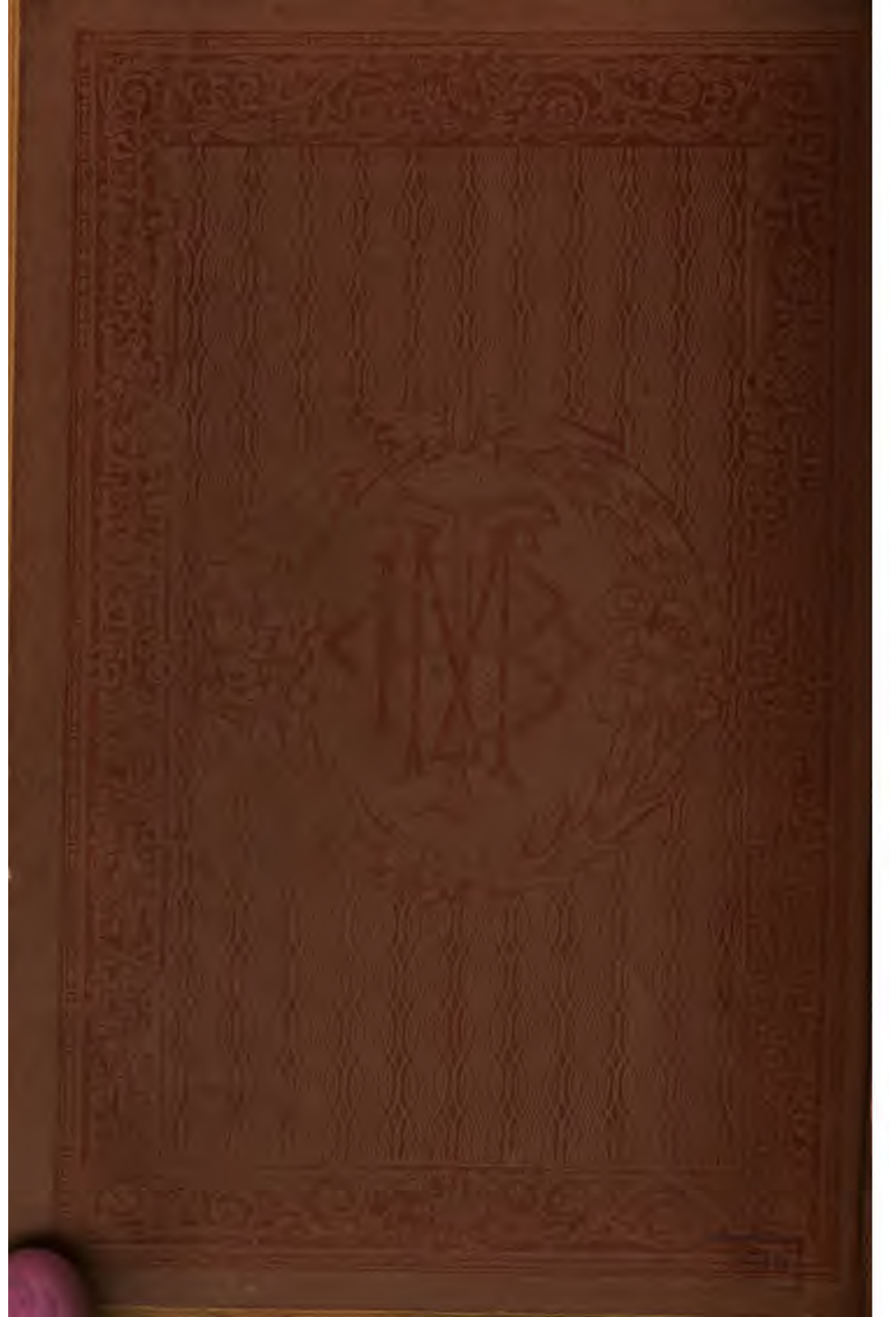
— Что это? Амалія, что это?

И замолчалъ навсегда.

Открылось ли ему въ эту таинственную минуту что-то такое, о чемъ онъ въ продолженіи своей жизни никогда даже и не думалъ, или это былъ все тотъ же неразрѣшимый вопросъ, который такъ мучилъ его въ послѣднее время—кто отвѣтитъ? «Гдѣ книжникъ, гдѣ премудръ, гдѣ совопросникъ вѣка сего?»

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА

12/30

2044 085 533 198

